

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Концепт <i>медиа</i> в дискурсивно-стилистическом аспекте	15
1.1. Концепт <i>медиа</i> в современном научном лингвистическом дискурсе.....	15
1.2. Стиль vs дискурс	20
1.3. Публицистический стиль / дискурс vs массмедийный стиль / медиадискурс: об адекватном языке описания медиа	34
1.4. От публицистичности к медийности, от идеологемы к медиаконцепту.....	42
Выводы	50
Глава 2. Медиаконцепт как лингвоментальный феномен: подходы к анализу и сущностные характеристики	53
2.1. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в современных лингвоконцептологических исследованиях.....	53
2.2. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта	66
2.3. Вербальный и культурный прототипы медиаконцепта	76
Выводы	92
Глава 3. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцептов на разных стадиях жизненного цикла	95
3.1. Медиаконцепт в стадии роста и зрелости в зеркале рефлексии медиарайтеров (на примере концепта <i>нано</i>)	95
3.2. Медиаконцепт в стадии культурной стабилизации и феномен прецедентности (на материале интернет-дискурса).....	107
3.2.1. Прецедентность в виртуальной медиасфере.....	107
3.2.2. <i>Вечность пахнет нефтью</i> как прецедентный текст современной культуры	112
3.3. Дискурсивно-стилистическая эволюция «потухшего» медиаконцепта (на примере концепта <i>гласность</i>)	140
Выводы	149
Глава 4. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта <i>нефть</i> в региональном медиадискурсе	151
4.1. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного концепта <i>нефть</i> в томской медиасфере	151
4.2. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта <i>нефть</i> в районной прессе Томской области (на материале газеты «Нарымский вестник»)	171
4.3. Аксиологический профиль концепта <i>нефть</i> в языковом сознании жителей города нефтяников (на материале лингвистических экспериментов)	189
Выводы	206
Глава 5. Концепт <i>нефть</i> в русском поэтическом дискурсе	209
5.1. К истокам «нефтяного» контекста русской поэзии	209
5.2. Бакинский текст русской литературы в фокусе концепта <i>нефть</i>	224
5.3. Концепт <i>нефть</i> в современном поэтическом тексте: подходы к исследованию.....	247
Выводы	260
Заключение	262
Литература	273
Приложение 1 Материалы к экспериментам	297
Приложение 2 Поэтические тексты	308

Введение

Антропоцентризм и когнитивно-дискурсивный парадигмальный поворот в современной лингвистике стимулируют ученых к изучению материализованных вербально когнитивных структур, активно участвующих в формировании дискурсивных практик современности в их текучести и непрерывном развитии. Думается, буквально в последнее десятилетие произошли постепенные значительные изменения в аспектации исследований двух ключевых объектов лингвистической науки нашего времени – дискурса и концепта, изменения, сходные с произошедшим во второй половине XX столетия переходом от системно-структурного рассмотрения языковых явлений к функционально-коммуникативному. Речь идет о смещении акцентов со статической модели концептологических исследований к динамической, позволяющей анализировать концепты в процессе их становления и развития в отдельных дискурсах как непосредственной среде их лингвосоциокультурной экзистенции.

Данное исследование выполнено в русле когнитивного направления коммуникативной стилистики текста, «комплексно изучающей целый текст (речевое произведение) как форму коммуникации» [Болотнова, 1998а, с. 6], отражающую «когнитивные механизмы общения на основе первичной и вторичной текстовой деятельности автора и адресата» [Болотнова, 2012, с. 183].

В многочисленных концептологических исследованиях в рамках коммуникативной стилистики художественного текста (см. их перечень в: [Болотнова, Васильева, 2009, с. 72 – 85]) концепты, вербально воплощенные в поэтических и прозаических произведениях художников слова, изначально интерпретируются, во-первых, как текстовые, т.е. детерминированные эстетической дискурсивно-стилистической природой художественного текста, а во-вторых, – как индивидуально-авторские, идиостилевые, отражающие неповторимую индивидуальность авторской версии вербальной репрезентации того или иного смысла.

Кроме того, нацеленность коммуникативной стилистики текста на изучение сопряженности коммуникативной деятельности автора и адресата, стимулирующая развитие таких коммуникативно-деятельностных в своей основе теоретических концепций, как теория текстовых ассоциаций, теория смыслового развертывания текста и теория регулятивности (см. о них: [Болотнова, 1998, 2003]), обуславливает динамическое понимание концепта как развертывающейся, развивающейся и процессуальной вербально-ментальной целостности.

Начавшееся сравнительно недавно изучение текстовой, дискурсивно-стилистической сущности концепта в его непрерывной коммуникативной динамике и вариативной изменчивости в отечественной лингвистике основывается на обширной и эвристически насыщенной научной базе.

Если проследить историю изучения концептов в русистике, можно обозначить различные актуальные проблемы представления концепта как оперативной единицы вербально-ментальной сферы человеческого сознания. Одна из таких проблем, характерная для периода 1990-х гг., была связана с поиском единых оснований, структурирующих различные концептосферы: общечеловеческую, национальную, культурную – в конечном счете, детерминирующих явленную в слове мысль о мире в целом: «главный вопрос, на который отвечали исследователи, состоял в том, что в сознании носителей языка стоит за той или иной единицей языка» [Крючкова, 2009, с. 6].

С момента кодификации в отечественном языкознании, без преувеличения, судьбоносного для него термина *картина мира*, концепт мыслится базовой единицей концептуальной картины мира, т.е. «исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека» [Постовалова, 1988, с. 21]. Как отмечает В.А. Пищальникова, «реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов, система континуальная и открытая, <...> порождающая внутри себя функциональные подсистемы концептов» [Пищальникова, 1997, с. 12]. При этом она, соглашаясь с мнением Р.И. Павилениса, считает, что «концепт включает в себя все, что индивид знает и предполагает о той или иной реалии действительности: понятие, визуальное или иное сенсорное представление, эмоцию, ассоциации разного характера и в качестве интегративного компонента – слово» [Павиленис, 1983, с. 101 – 102].

Как видим, одна из ведущих проблем, интересующих ученых, – проблема соотношения концепта и слова. В отечественной филологии она впервые обозначена в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдова-Алексеева, опубликованной в 1928 году. Автор статьи подразумевает под концептами общие понятия и видит их предназначение в «функции заместительства»: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 269]. Слово же мыслится исследователем как «составная часть художественного концепта» [Там же, с. 276]. Д.С. Лихачев в статье «Концептосфера русского языка», продолжая рассуждения С.А. Аскольдова, выражает мнение, что «концепт существует не для самого слова, а <...> для

каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [Лихачев, 1997, с. 281]. Основным итогом размышлений исследователей становится тезис о том, что «концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно, <...> именно через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке, «улавливаем» концепты» [Бабушкин, 1998, с.11].

Во второй половине 1990-х гг. в рамках интенсивно развивающихся лингвокультурологии и этнолингвистики анализ этимологии слова, истории его существования и закономерностей его функционирования в той или иной языковой культуре позволил сделать выводы о фундаментальных особенностях и различиях национальных картин мира. Так, А. Вежбицкая, считая, что значение «этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос», описывает некоторые «важные семантические характеристики, образующие смысловой универсум русского языка» на основе толкования таких понятий, как *душа*, *судьба*, *тоска*, «которые постоянно возникают в повседневной речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (как «высокая», так и народная)» [Вежбицкая, 1997, с. 33].

Ю.С. Степанов, полагает, что «существуют концепты над индивидуальными употреблениями» [Степанов, 1997б, с. 289], предметом созданного им словаря «Константы. Словарь русской культуры» становятся устойчивые понятия, или концепты, русской культуры. В предисловии к словарю автор отмечает, что количество концептов-констант русской культуры сравнительно невелико, «а между тем духовная культура состоит в значительной степени из операций с этими концептами», и что «русская культура существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, выражающих культурные концепты» [Там же].

На стыке лингвокультурологии и когнитивистики, в разработку которых значительный вклад внесли Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин, З.И. Резанова, А.П. Бабушкин, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин и мн. др., в начале 2000-х происходит мощный всплеск исследований конкретных концептов в разных лингвокультурах.

Эти исследования (прежде всего в рамках волгоградской школы (см.: [Алефиренко, 2003; Воркачев, 2004, 2007; Карасик, 2004, 2007; Красавский, 2001; Слышкин, 2000, 2004] и др.) и воронежской (см.: [Стернин, 2001, 2006, 2008; Попова, Стернин, 2007] и др.)) привели к появлению, во-первых, релевантных описаний разнообразных фрагментов национальных языковых картин мира (см., например,

продолжающееся многотомное издание под ред. В.И. Карасика и И.А. Стернина: [Антология концептов, 2005 – 2009]). Во-вторых, к созданию «более или менее согласованной методики описания лингвокультурных концептов, включающей приемы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр. В качестве источника языкового материала для исследования концептов привлекаются данные выборки практически из всех видов дискурса, паремиологии и лексикографии, опрос информантов» [Воркачев, 2011].

Как отмечает в одной из новейших работ С.Г. Воркачев, «к середине «нулевых» в её (лингвоконцептологии – О.О.) триумфальном шествии наметился определенный застой и кризисные явления: вырождение её базового термина – концептом стали называть план содержания любого вербального знака, содержащего хотя бы намек на культурную специфику, а в выборе объекта исследования лингвоконцептологи стали все чаще использовать «метод дятла» – долбления в одну точку, когда один и тот же концепт описывался по нескольку раз («судьба», «семья», «любовь», «дружба», «труд», «деньги» и пр.)». В качестве одного из выходов из обозначенного гносеологического тупика исследователь называет изучение «подвидов лингвокультурных концептов: их дискурсных (см.: [Воркачев, 2005а, 2006]) и диахронических вариантов» [Там же].

Вариативная и динамическая природа концепта неизбежно оказывается в центре исследовательского внимания при избрании функционально-коммуникативного подхода к анализу концептов. Особенно полно и многогранно представлен данный подход в монографии Н.В. Крючковой, четко артикулирующей «мысль об интегрирующей роли концепта, выступающего «скрепляющим» элементом в отношении сознания, языковой системы, культуры и обеспечивающего их выход на коммуникативно-дискурсивный уровень» [Крючкова, 2009, с. 17]. В разделе «Концепт и дискурс» автор отмечает «двунаправленный» характер их взаимоотношений, «роль дискурса как среды и основного фактора формирования концептуального содержания» и способность концептов «порождать вокуруг себя определенный дискурс», а также актуальность и перспективность «дальнейшего изучения и дискурсивной природы концепта, и концептуального наполнения дискурса» [Там же, с. 30 – 35]. Однако за исключением некоторых сравнительно немногочисленных работ, в которых изучаются базисные концепты отдельных дискурсов (политического, педагогического, спортивного и

др.) [Кабаченко, 2007; Малышева, 2011; Шейгал, 2004], дискурсивная определенность концептов, как правило, находится на периферии исследований.

Закономерно, что мощную теоретическую основу для комплексного анализа концептов в дискурсах и дискурсов сквозь призму концептов составила отечественная стилистика, в которой «традиционно изучалось и изучается реальное функционирование языковых средств разных уровней, исследуются особенности употребления языковых единиц в разных сферах общения с учетом комплекса экстралингвистических факторов» [Болотнова, 2012, с. 181] (см. работы В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожинной и ее последователей, Н.А. Купиной и ее коллег, Н.С. Болотновой и ее учеников и др.).

Динамический эволюционный подход, постулирующий взаимообусловленность концепта и дискурса, когда концепт мыслится процессуально, как порождаемый определенным дискурсом и одновременно порождающий этот дискурс, на новом витке развития отечественной функциональной и коммуникативной стилистики требует новых ответов на теоретические вопросы соотношения понятий дискурса, функционального стиля и принципов функционирования стилистической системы языка / речи. В развитии коммуникативной стилистики текста современный этап в разработке когнитивных аспектов изучения текста, в частности – вопроса о факторах и закономерностях взаимоотношений концептов и дискурсов, связан с анализом текстов различной дискурсивно-стилистической принадлежности [Там же, с. 186].

Интенсивные и глобальные трансформации, происходящие в настоящее время в массово-информационном коммуникативном пространстве, способствуют особой научной и социокультурной актуальности исследований языка и стиля массмедиа в тесной взаимосвязи со всей совокупностью экстралингвистических факторов порождения и восприятия медиатекстов. По этой причине многие исследователи стали говорить об особой области лингвистики – медиалингвистике «как новом системном подходе к изучению языка СМИ» [Добросклонская, 2008, с. 6]. Центральными понятиями стали понятия медиатекста, отличающегося семиотической осложненностью (поликодовостью, креолизованностью) и особой социальной обусловленностью, и медиадискурса (см. работы Т.Г. Добросклонской, С.И. Сметаниной, Е.Е. Анисимовой, В.Е. Чернявской, И.В. Рогозиной и др.).

В функциональной и коммуникативной стилистике продолжают поиски закономерностей, обуславливающих языково-стилистические

изменения в современных СМИ (см. труды Г.Я. Солганика, Л.Р. Дускаевой, И.П. Лысаковой, И.Т. Вепревой, М.Р. Желтухиной, Л.Г. Кайды, Н.И. Клушиной, Н.В. Муравьевой, Т.В. Чернышовой и др.). Если говорить о концептологическом анализе медиадискурса, то наблюдается большое количество описаний различных отдельных концептов в медиасфере – *власть, терроризм, президент, свобода* и т.д. [Белоусова, 2011; Егорова, Кириллова, 2010; Куданкина, 2005; Пименова, 2007; Прибылова, 2011; Михайлов, 2010; Шаова, 2004]. Однако работ, посвященных комплексному анализу дискурсивно-стилистической природы медийных концептов и их дискурсоформирующей функции в когнитивно-стилистическом аспекте, не обнаружено.

Особую роль в коммуникативно-когнитивной организации медиадискурса, репрезентирующего, а главное – детерминирующего мирознание нашей эпохи, играют вербально-ментальные феномены особого рода – медиаконцепты, являющиеся, в отличие от концептов, образованных в ходе многовековой культурно-языковой эволюции (констант культуры), результатом отраженной в текстах СМИ коллективной мировидческой рефлексии над современностью. Медиаконцепты представляют собой лингвосемантические универсалии, вошедшие в ментальный мир носителя языка с началом формирования информационного общества посредством массмедиа и ставшие способом формирования и трансформации массового сознания.

Считаем, что ключевыми характеристиками анализируемых лингвокогнитивных структур являются два взаимосвязанных параметра: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью исследования дискурсивно-стилистической эволюции формирующих и трансформирующих мирознание современной эпохи концептуальных единиц особого рода – медиаконцептов (*гламур, кризис, нано, нефть* и др.). Эти коренным образом отличающиеся от традиционных констант культуры (*дом, любовь, дорога* и др.) вербально-ментальные феномены медийной природы требуют разработки новых процедур анализа концептов в динамике их коммуникативно-дискурсивного существования. Динамический подход призван определить семантический статус и когнитивно-коммуникативные возможности концептов непосредственно в стадии их онтогенеза – оформления и обретения ими собственных ячеек в матрице культуры и общественного сознания.

Объектом исследования является динамика вербально-ментальных единиц современной коллективной лингвоконцептосферы в ее дискурсивно-стилистической объективации. Предмет исследования – дискурсивно-стилистическая эволюция вербализованных в массмедийном текстовом континууме медиаконцептов, имеющих разный жизненный цикл и миромоделирующий потенциал (*кризис, гламур, нано, гласность, нефть*).

Цель работы – исследовать дискурсивно-стилистические и экстралингвистические механизмы зарождения и функционирования медиаконцептов, имеющих разный жизненный цикл и миромоделирующий потенциал, и реконструировать связанный с ними медийный фрагмент современной русской картины мира в ее региональных и социокультурных модификациях.

Материалом исследования стали тексты СМИ разного типа: проанализировано более 100 000 разных по объему контекстов (от фрагментов до целых текстов) центральной и региональной прессы, радио, телевидения, интернет-ресурсов. При анализе миромоделирующего потенциала медиаконцептов были рассмотрены художественные и публицистические произведения отечественных авторов, а также данные лингвистических экспериментов, в том числе – нацеленных на выявление показаний языкового сознания.

Теоретическую базу работы составили исследования в области функциональной стилистики (работы В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, В.Г. Костомарова, М.Н. Кожинной, Н.А. Купиной, Г.Я. Солганика, Л.Р. Дускаевой, В.А. Салимовского и др.) и коммуникативной стилистики текста (труды Н.С. Болотновой и ее школы); в области анализа дискурса (работы Н.А. Кузьминой, М.Л. Макарова, О.С. Иссерс, А.П. Чудинова, Т.В. Шмелевой, Е.Г. Малышевой, А.А. Ворожбитовой, В.Е. Чернявской и др.), включая новейшие исследования интернет-дискурса (работы М.А. Кронгауза, Г.Ч. Гусейнова, О.В. Лутовиновой, К.А. Прасоловой и др.); достижения отечественной лингвоконцептологии (работы Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, З.И. Резановой, Н.В. Крючковой и др.); медиалингвистики и медиапедагогики (труды И.Т. Вепревой, Т.Г. Добросклонской, М.Р. Желтухиной, Л.Г. Кайды, Н.Б. Кирилловой, Н.И. Клушиной, И.П. Лысаковой, Н.В. Муравьевой, С.И. Сметаниной, А.В. Федорова и др.).

Методика исследования включает комплекс разноплановых исследовательских процедур и носит поэтапный характер.

На начальном этапе исследования дискурсивного развертывания того или иного медиаконцепта актуальны методы анализа корпусной и компьютерной лингвистики, которые обеспечивают объективную достоверность и верифицируемость результатов, позволяют изучать значительные текстовые массивы с помощью их компьютерной обработки.

В работе используются несколько исследовательских процедур информационно-технологического характера:

1) создание новых корпусов текстов, репрезентативных для данного исследования и его проблемной области (например, корпус текстов, актуализирующих концепт *гламур*, корпус региональных медиатекстов «нефтяной» тематики и т.д.), с последующей их электронной обработкой и анализом полученных данных;

2) электронная обработка уже имеющихся и доступных в сети Интернет [признанных научной общественностью] корпусов текстов, таких как Национальный корпус русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>), Компьютерный корпус газетных текстов современного русского языка конца XX-ого века (URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/corpus_descr.html), а также иных интернет-ресурсов, позволяющих получить релевантные для последующего анализа лингвистические данные (например, материалов сайтов, размещающих заголовки медийных текстов (zagolovki.ru), или сайтов массово-информационных изданий и электронных СМИ, на которых размещены архивы номеров и выпусков);

3) использование самой сети Интернет в качестве глобального текстового континуума, который посредством применения различных поисковых систем (Яндекс, Google и др.) и аналитических процедур идентифицирующего и дифференцирующего характера может быть либо трансформирован в адекватный избранной проблемной области корпус текстов (например, корпус современных интернет-текстов различных стилей и жанров со словом *гламур*), либо представлен в целом как источник лингвостатистических и собственно лингвистических данных для интерпретации (частотность слова / словосочетания в ссылочном аппарате сети, типичные коллокации, названия сайтов и др.);

4) использование программ автоматической обработки текста (в частности, программы «Контент-анализ») для получения достоверных данных о частотности лексических единиц, их типичной сочетаемости и контекстуально-тематической соотнесенности.

На следующей стадии созданный корпус текстов становится материалом для контекстологического и концептуального анализа с

целью выявления магистральных векторов ассоциативно-смыслового развертывания концепта, описания семантической матрицы концепта и процесса генерации и генерализации в ней новых смыслов, в ряде случаев – с опорой на показания языкового сознания, выявленные в ходе лингвистических экспериментов.

Всего в работе задействован анализ результатов четырех лингвистических экспериментов. Два из них имели так называемый «кабинетный» характер и были нацелены на выделение с помощью разного рода манипулятивных процедур из некоторого объемного текстового массива интересующего нас вербально-смыслового субстрата. Это пилотный интернет-эксперимент с поисковой системой Google на определение вероятного контекстуального окружения искомой коллокации и стилистический эксперимент, заключавшийся в трансформации исходного текста путем его сокращения в соответствии с установленными формальными критериями.

Два эксперимента можно называть полевыми, поскольку они проводились в г. Стрежевом Томской области на основе опроса и были направлены на выявление показаний языкового сознания жителей данного города. Процедура одного из экспериментов представляла собой реализацию методики незаконченных предложений, процедура второго основывалась на модифицированной методике семантического дифференциала Ч. Осгуда. Результаты этих экспериментов нашли отражение в 4 главе работы, однако вошли в нее далеко не полностью, поскольку оказались столь объемными и репрезентативными, что их разносторонний анализ требует отдельного исследования.

В целом описанная выше процедура динамического когнитивно-дискурсивного анализа сочетает синхронный и диахронный аспекты.

Синхронный аспект подразумевает изучение языково-речевых основ порождающего концептуальное напряжение диалогического взаимодействия автора и адресата в процессе ассоциативно-смыслового развертывания концепта в медианарративе и определение его миромоделирующего потенциала.

Диахронный аспект подразумевает изучение концепта с точки зрения его эволюции в медийной дискурсивной среде на определенной временной оси, что позволяет, во-первых, описать различные стадии онтогенеза концепта от зарождения до затухания, во-вторых, проследить информационно-интерпретационные импульсы, транслируемые современному концепту его ментальными и вербальными прототипами-предшественниками, в-третьих, уточнить и детализировать типологию медиаконцептов.

Лингвистическое моделирование – один из ведущих методов когнитивной и коммуникативной лингвистики, а также дискурс-анализа – используется в качестве результирующей методологической процедуры. Оно предполагает реконструкцию на основе обобщения данных, полученных в ходе предшествующего анализа текстов и лингвистических экспериментов, актуального фрагмента дискурсивной картины мира, сформированного конкретной медийной доминантой.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что среди уже описанных конститuentов лингвоконцептосферы (концептов, констант культуры, идеологем, лингвокультурем и др.) выделена новая единица, получившая теоретическое обоснование и описание в ряду смежных лингвоментальных феноменов. Выявлена и изучена совокупность характеристик медиаконцепта. Разработана особая процедура анализа медиаконцепта с учетом его интерактивно-динамической природы и дискурсивно-стилистической сущности.

Предложены новые решения таких дискуссионных теоретических вопросов, как соотношение понятий функционального стиля и дискурса, публицистического / массмедийного стиля и медиадискурса, стилистической и дискурсивной природы текста и текстовых концептов.

В научный оборот вводятся новые для лингвоконцептологии и дискурс-анализа понятия *дискурсивно-стилистическая эволюция, жизненный цикл, миромоделирующий потенциал, культурный и вербальный прототипы концепта*, обновляются и аспектизируются понятия *концептуальное напряжение и векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта*.

Впервые моделируется история дискурсивного бытования и семантическая структура лингвоментальных доминант современной медиасферы (*нано, гласность, нефть* и др.).

Новизна исследования связана также с применением сочетающей приемы психо- и социолингвистического подходов экспериментальной методики, нацеленной на выявление показаний массового языкового сознания, и проектированием комплексной методики анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта.

Новым в плане научного поиска является один из источников материала, а именно районные печатные СМИ нефтедобывающего региона (Томской области) и корпоративная пресса нефтяной отрасли, которые до сих пор не исследовались в когнитивно-коммуникативном аспекте.

Теоретическая значимость работы состоит во введении в научный оборот современной когнитивной и коммуникативной лингвистики новой единицы, обладающей особыми когнитивно-дискурсивными свойствами; в дальнейшей разработке эволюционно-динамического подхода к анализу семантики и прагматики текстовых концептуальных структур и конкретизации когнитивно-стилистического направления лингвоконцептологического анализа.

Результаты исследования синтезируют и обогащают достижения таких магистральных направлений современной лингвистики, как функциональная стилистика, включая коммуникативную стилистику текста, и дискурс-анализ, лингвокультурология и когнитивная лингвистика, текстоведение и медиалингвистика. Намечены перспективы решения фундаментальной задачи комплексного описания массмедийного стиля на этапе глобальных трансформаций медийной коммуникации.

Кроме того, в работе предложены ответы на «вечные» вопросы языкознания – о закономерностях, предпосылках и следствиях «встречи» слова и смысла в их реальной дискурсивно-стилистической экзистенции.

Практическая значимость работы связана с целесообразностью использования ее результатов в вузовских курсах «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка», в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, лингвоконцептологии, теории дискурса, медиалингвистике.

Предложенная в работе методика комплексного анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта может быть использована в журналистской практике, деятельности составителей рекламных и PR-текстов, социологов, политологов, имиджмейкеров.

Монография состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения. Первая и вторая главы носят, по преимуществу, теоретический характер и посвящены освещению понятийно-терминологического аппарата работы. Третья, четвертая и пятая главы – интерпретационно-исследовательские, они содержат анализ дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов, имеющих разный жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. В заключении обобщаются результаты исследования, намечаются его дальнейшие перспективы, а также излагается комплексная методика когнитивно-стилистического анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта.

Глава 1. Концепт *медиа* в дискурсивно-стилистическом аспекте

Глава посвящена уточнению и обновлению понятийно-терминологического аппарата современной функциональной стилистики, а также представлению теоретических установок, связанных с дискурсивным и медийным поворотами в ее развитии.

1.1. Концепт *медиа* в современном научном лингвистическом дискурсе

Можно с уверенностью говорить о том, что в современной лингвистике прочно укоренился и все более набирает популярность термин *медиа*. Только в 2010 – 2011 гг. в ведущих вузах страны состоялись такие международные научные конференции, как «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» (МГУ, октябрь 2010 г.), «Медиадискурс и проблемы медиаобразования» (ОмГУ, сентябрь 2010 г.), «Медиалингвистика сегодня: проблемы и перспективы» (СПбГУ, февраль 2011 г.); вышли в свет монографии «Медиадискурс XXI. Лингвофилософский аспект языка СМИ» [Анненкова, 2011], «Картины русского мира: современный медиадискурс» [2011]. Поражает разнообразие с легкостью создаваемых и воспринимаемых терминов и теорминоидов с компонентном *медиа*. Так, только в оглавлении сборника материалов конференции «Медиадискурс и проблемы медиаобразования» [2011] встречаем: *медиаобразование, медиасфера, медиаполитический дискурс, медиадискурс, медиатекст, масс-медиа, медиаобразовательная политика, медийный дискурс, медиаконцепт*.

Со сравнительно недавних пор (не более десятилетия с усилением интенсивности буквально в последние годы) компонент *медиа* стал частотным и вполне кодифицированным в научном дискурсе в целом, при этом, что вполне закономерно, по-разному интерпретирующимся в терминосистемах разных наук. Совершенно очевидно, что концепт *медиа* для специалиста в области IT-технологий и шире – представителя физико-математических и технических отраслей – обладает несколько иным смысловым наполнением, нежели для гуманитария.

Приметой нашего стремительного времени стало то, что лексикографическая практика значительно запаздывает, не успевая фиксировать быстро движущуюся реальность семантической жизни

слов, причем не только жаргонизмов, слов-«однодневок» и «эндемиков» (существующих в каком-либо одном отдельном дискурсе), но и беспрецедентно частотных, семантически и деривационно чрезвычайно активных «слов текущего момента» (термин Т.В. Шмелевой), постепенно становящихся именами научных, художественных, медийных концептов, а затем – и вероятных констант культуры.

Если мы обратимся к современным словарям, то лишь в нескольких обнаружим искомое звуко сочетание в качестве отдельно оформленного слова или форманта. Так, курируемый Институтом русского языка им. В.В. Виноградова сайт Slovari.ru на поисковый запрос *медиа* выдает такие зафиксированные в Новом словаре иностранных слов [Захаренко, Комарова, Нечаева, 2003] значения: медиа [англ. mass media средства массовой информации] – то же, что массмедиа, средства массовой информации (коммуникации) – печать, радио, телевидение, кино, аудио- и видеозаписи и др.; медиа... [англ. mass media средства массовой информации] – первая составная часть сложных слов, обозначающая: относящийся к средствам массовой информации, напр.: медиабизнес, медиакомпания, медиахолдинг, медиамагнат, медиапрограмма, медиасоюз, медиатека, медиафорум. Идентичные или близкие дефиниции приводятся в Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина [Крысин, 2008], а также в сравнительно недавно изданных толковых словарях [Ефремова, 2000; Дмитриев, 2003].

В специальных словарях, посвященных медиасфере и медиаобразованию [Романовский, 2004; Федоров, 2008], предполагающее односторонний посыл слово *информация* заменяется на подразумевающее интерактивность *коммуникацию*, а на первый план отнюдь не случайно выдвигается технический аспект понятия: медиа (media, mass media) – средства (массовой) коммуникации – технические средства создания, записи, копирования, тиражирования, хранения, распространения, восприятия информации и обмена ее между субъектом (автором медиатекста) и объектом (массовой аудиторией) [Федоров, 2008]. В данных определениях отчетливо отмечена описанная исследователями тенденция к «функциональному сближению СМК и СМИ: канал перестает выполнять только технологическую функцию, вбирая в себя также и функцию коммуникативную» [Тулупова, 2008, с. 8].

Произошедший буквально в последние годы фундаментальный сдвиг, переведший отечественную массово-информационную сферу в качественно новое – медийное – состояние, настоятельно нуждается в профессиональном и научном осмыслении, поскольку только в начале

нового тысячелетия для российских СМИ наконец стала актуальна произнесенная в начале 1960-х гг. одним из самых авторитетных авторов в области теории коммуникации М. Маклюэном знаменитая фраза – «Медиа и есть содержание» [Маклюэн, 2007]. Однако, на наш взгляд, на сегодняшний день большую, нежели собственно научные, герменевтическую силу демонстрируют обнаруженные нами образцы профессиональной метажурналистской рефлексии по данному поводу.

Так, на персональном сайте единственного в России магистра мультимедиажурналистики (диплом Bournemouth University, Великобритания) Оксаны Силантьевой Silamedia.ru размещен логически выстроенный и доказательный пост о принципиальной разнице понятий *СМИ* и *медиа* для специалиста (URL: <http://silamedia.ru/2010/08/smi-media/>). Автор, отмечая, что «в профессиональном обиходе приживается только тот термин, который имеет под собой реальную основу, воплощение в реальной жизни», констатирует: «поэтому *СМИ* нам кажется понятным и привычным (мы его употребляем долго и на обыденном уровне понимаем, что входит в это понятие), а слово *медиа* кажется нам заимствованным и порой лишенным смысла». Далее проводится вполне квалифицированный лексико-семантический анализ сравниваемых акронима и заимствования. Ввиду важности этого контекста для нашей работы позволим привести его практически полностью с небольшими купюрами:

«Средства. Массовой. Информации. Поищем синонимы к слову «средства». Словарь предложит нам «инструменты», «пути», «механизмы», «способы», «методы». Что значит «массовая»? Это больше трех? или больше 999? 27 человек – это массовая аудитория? а 327? В диалогах на тренингах и семинарах мы с журналистами приходили к соглашению, что «массовая аудитория» – это та, которую трудно посчитать определенно. Когда размыто понимание, сколько именно человек являются потребителями вашей информации. Из множества определений термина «информация» можно выделить нечто общее – это «данные» или «сведения».

Переформулируя таким образом словосочетание «средства массовой информации», мы получим: механизмы доставки сведений до неопределенного круга лиц, пути донесения данных до масс, способы информирования множества людей, инструменты передачи данных от источников к широкой аудитории. Журналист, живущий преимущественно в концепции СМИ, ответственен за передачу информации от источников к читателям.

Медиа. Теперь попробуем прочувствовать, что такое медиа. В нашей жизни встречаются слова, образованные от того же латинского

корня. Медиатор – посредник между пальцами гитариста и струнами. В результате звук становится объемнее, звонче и глубже, а подушечки пальцев музыканта остаются мягкими. Медиум – посредник между людьми и духами...

Поле, на котором работают журналисты-медиаторы – это поле общественного диалога. Медиа – это помощник, посредник в налаживании коммуникации между людьми, различными социальными и профессиональными группами. Журналист, живущий в концепции медиа, ощущает себя посредником, помогающим соединиться разным группам, заинтересованным друг в друге. Разница между СМИ и медиа – это разница между постановкой балета на сцене и хороводом, к которому может присоединиться каждый. Разница между учебным классом, где ученики смотрят друг другу в затылки, и классом, где ученики видят глаза друг друга. А, быть может, даже делают что-то вместе.

Это не значит, что нужно срочно отменить один подход и активно переходить к другому. Важно для каждой редакции осознать, в рамках какой концепции она видит свое развитие».

Для нас в приведенных рассуждениях (мы к ним еще вернемся позже, формулируя сущностные признаки медийности) крайне важна четко обозначенная автором линия постепенного развития как самой современной медиасферы, так и науки / наук о ней: от *СМИ* как средств односторонне-декларативного информирования – к *медиа* как инструменту социальных диалоговых и полилоговых интеракций.

Данная тенденция отчетливо прорисовывается в ходе сравнительного анализа терминопотребления в работах о языке СМИ последнего десятилетия. В частности, по нашим наблюдениям, значительную трансформацию претерпел научный идиодискурс (термин *идиодискурс* введен в оборот А.А. Ворожбитовой и ее учениками [Ворожбитова, 2000; Кегеян, 2009; Субботина, 2011]) авторитетного специалиста по функциональной стилистике и стилистике текста, ученицы М.Н. Кожинной, д.ф.н., профессора Л.Р. Дускаевой. В ее работах первой половины 2000-х, в том числе – в ставшей к настоящему времени если не классической, то хрестоматийной статье вышедшего в 2003 г. Стилистического энциклопедического словаря русского языка под заголовком «Языково-стилистические изменения в современных СМИ» [Дускаева, 2003], слово *медиа* еще не освоено, хотя в литературе к указанной статье оно уже фигурирует, в частности – в названии известной монографии С.И. Сметаниной «Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.)» [Сметанина, 2002]. (Здесь же есть повод отметить факт

орфографической адаптации заимствования, в большинстве композитов демонстрирующего в современном употреблении слитное со вторым компонентом написание).

В опубликованном в 2004 г. автореферате новаторского диссертационного исследования Л.Р. Дускаевой «Диалогическая природа газетных речевых жанров» [Дускаева, 2004а] наряду с рабочими терминами *журналистский дискурс, газетные тексты, публицистические тексты* и др. многократно встречается акроним *СМИ* (*теория СМИ, жанры СМИ, структура СМИ* и т.д.), но лексема *медиа* не употреблена ни разу, в то время как на 5 страницах размещенной на сайте Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (URL: <http://rus.jf.spbu.ru>) программы читаемого в 2011-2012 учебном году спецкурса профессора Л.Р. Дускаевой «Стилистика массмедиа» новая лексема насчитывает 22 употребления, а образованный от нее атрибутив *медийный* – 3.

В аннотации к программе ученый поясняет: «Спецкурс познакомит студентов с активно развивающейся научной дисциплиной – медиастилистикой, которая изучает функционирование языка в средствах массовой информации. Цель курса – дать представление о речевой системности стиля масс-медиа. Медиастилистика опирается прежде всего на методологию функциональной стилистики, позволяющей изучать “речь в единстве с другими сущностными свойствами человека – его деятельностью и сознанием”».

Думается, что исходный тезис концепции автора – тезис о принципиально диалогической природе массово-информационной речевой деятельности – закономерно стимулировал частотность в идиодискурсе ученого нового термина, импликационалу которого диалогичность, как мы показали выше, имманентно присуща.

Как видим, ряд исследователей ввиду чрезвычайной социальной и научной актуальности как самого объекта, так и аспекта его изучения склонны наделять медиастилистику статусом отдельного научного направления, а медиалингвистику – самостоятельной гуманитарной дисциплины [Добросклонская, 2005, 2008]. Однако нельзя признать, что ученые единодушны в решении данного вопроса. Так, значительный полемический заряд содержится в статье известного языковеда А.А. Кибрика под говорящим названием «Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»?» [Кибрик, 2008].

Данная работа демонстрирует настоятельную необходимость и своевременность решения таких неоднозначных и «деликатных» вопросов, как остающаяся за полями огромного количества трудов по функциональной стилистике, стилистике текста и анализу дискурса

гносеологическая дилемма *стиль vs дискурс*, а также обозначенный выше вопрос об адекватной терминосистеме лингвистического описания массмедиа. Попытаемся последовательно дать собственные ответы на данные дискуссионные вопросы.

1.2. Стиль vs дискурс

Поводом вести речь о дихотомии *стиль – дискурс* послужил следующий исходный посыл размышлений А.А. Кибрика: «Дискурсы различаются по функциональному стилю (ф-стилю)... Исследование ф-стилей особенно популярно в отечественной лингвистике, см., например, Солганик 2003». И далее: «С наибольшей вероятностью можно предположить, что дискурс СМИ может выделяться как особый ф-стиль». Как видим, ученый, с одной стороны, говорит о функциональном стиле как признаке дискурса (модель *какие-либо объекты различаются по*, подразумевает, что следом за предлогом *по* последует датив, обозначающий дифференцирующий данные объекты признак). С другой стороны, далее признак приравнивается к его носителю в конструкции с отождествляющим *как*, что свидетельствует о восприятии двух понятий как тождественных или, по крайней мере, однопорядковых. Данный логический парадокс свидетельствует об отсутствии в современной русистике четкой концепции коррелятивной соотнесенности понятий стиля и дискурса.

Попытки определить онтологический и гносеологический статус двух конкурирующих лексем начинаются с начала 1990-х гг., когда термин *дискурс* молниеносно вторгся в научный контекст, что привело к т.н. «дискурсивному повороту» [Макаров, 2003] не только в отечественной филологии, но и в гуманитарной области в целом [Кожемякин, 2008; Бусыгина, 2010].

Специалист по теории дискурса В.И. Карасик считает, что «термин «функциональный стиль» относится... к числу наименее удачных терминов в лингвистике» [Карасик, 1998], видимо, намекая на дальнейшую нецелесообразность его употребления. В то же время Е.В. Чернявская в категорической форме заявляет: «Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [Чернявская, 2011, с.

94].

В 1995 г. выходит работа Ю.С. Степанова «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности» [Степанов, 1995], в которой отчетливо звучит мысль о тесной близости двух понятий: нового заимствования и традиционного термина-синлекса: «Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка). Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой – «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. <...> в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. Англосаксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, вне традиции – как к особенностям текстов. «Дискурс» в их понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [Степанов, 1995, с. 35].

Подробное освещение известной работы «франко-швейцарского лингвиста и культуролога Патрика Серио «Анализ советского политического дискурса» («Analyse du discours politique soviétique», Paris, 1985)» [Степанов, 1995, с. 37] (труды П. Серио будут представлены на русском языке несколько позже, в частности – в сборнике статей «Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса» [1999]) приводит ученого к справедливому выводу о том, что «дискурс не может быть сведен к стилю». Здесь очень важно употребление Ю.С. Степановым предиката *не может быть сведен*, т.е. *дискурс* не сводим к *стилю*, шире или объемнее *стиля*.

Как видим, ставя актуальный вопрос о соотношении понятий *стиль* и *дискурс*, ученый делает лишь предварительные шаги к его решению. Но уже следующее утверждение: «И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка, – в настоящее время уже не является адекватным [Степанов, 1995, с. 40]» – не кажется нам правомерным, поскольку именно в лоне стилистики в отечественной науке зародился функциональный подход как таковой. В работах представителей авторитетной Пермской школы функциональной стилистики мы наблюдаем успешные образцы построения гармоничного научного диалога – диалога концепций, позиций, а также поиска объединяющего и различающего, общего и индивидуального в двух фундаментальных теориях функциональной лингвистики.

В 2003 г. выходит ставший настоящим событием для лингвистической общественности «Стилистический

энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожиной. В рецензии на данное издание С.Л. Мишланова отмечает, что вследствие представленного в литературных источниках мнения о дублетности понятия *дискурс*, присущего западно-европейской и американской лингвистике, и понятия *стиль*, разработанного отечественной функциональной стилистикой, эти понятия «практически не встречаются в рамках одного издания». Неоспоримым достоинством словаря рецензент полагает сопоставление в «специализированном (узкоспециальном) лексикографическом издании понятий *функциональный стиль*, *дискурс*, *дискурсивный анализ*» [Мишланова, 2004, с. 370].

Позже М.Н. Кожина посвящает соотношению дискурсного анализа и функциональной стилистики отдельную статью [Кожина, 2004] и целый раздел изданного в 2008 г. учебника «Стилистика русского языка» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008]. Рассмотрим ведущие положения позиции ученого (далее слова М.Н. Кожиной приводятся по: [Кожина, 2008, с. 189 – 201]).

Постулируя «связь признаков дискурса с функциональным стилем» – «термины-понятия дискурс и функциональный стиль в истории лингвистики шли, так сказать, рука об руку, и, очевидно, не случайно», – М.Н. Кожина констатирует: «Эти термины-понятия нельзя отождествлять». Размежевание понятий исследователь проводит на основе анализа путей и отправных точек развития базовых концептов французского и отечественного речеведения. Она отмечает, что понимание дискурса зарубежными коллегами (П. Серию, М. Фуко) опиралось на определение формации, было «насквозь социально-историчным»: «Как хорошо высказался немецкий лингвист У. Маас, дискурс – это выражение соответствующей языковой формации “по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике”».

В то же время «если сопоставить с этим один из основных экстралингвистических факторов функционального стиля, определяющих его, – формы общественного сознания, – то оказывается, что этот фактор более высокого уровня обобщения, чем формация (несмотря на разнородность явлений), и, кроме того (что немаловажно!), непосредственно связан с языком».

Отмеченная здесь разность исходных гносеологических базисов двух теорий позволяет выделить такую их, этих теорий, немаловажную дифференциальную черту, как различный потенциал систематизации, стратификации и классификации.

Сравним следующие высказывания.

«Опора на этот базис позволила функциональной стилистике

представить достаточно стройную систематизацию изучаемых объектов: функциональных стилей, подстилей, жанров и т.д., включая как макростилевую, так и внутрестилевую аспекты и в целом полевою структуру функционального стиля (с учетом центра, периферии и межстилевых влияний и зон)», тогда как «какая-либо общая систематизация дискурсов, дискурсивных формаций нам неизвестна, да и вряд ли она возможна».

«Выше было отмечено различие исходных, базовых факторов: с одной стороны, дискурсивные формации (на основе понятия общественных формаций и идеологии) – в теории анализа дискурса, с другой – формы общественного сознания (в функциональной стилистике). А это, в свою очередь, серьезно сказывается на внутренней и внешней систематизации (классификации, типологизации) изучаемых объектов – дискурсов и функциональных стилей, о трудностях которой применительно к анализу дискурса упоминалось выше и будет сказано далее <...> Вместе с тем в функциональной стилистике – достаточно ясный принцип деления речевого пространства».

Обобщим и разовьем важные положения, выдвинутые основателем отечественной функциональной стилистики:

- дискурс и стиль – смежные, параллельно существующие, но не тождественные, а разнородные, разнопорядковые понятия двух «близких речеведческих дисциплин»;

- дискурс в своей онтологической детерминации восходит к формации, функциональный стиль – к формам общественного сознания, вследствие чего дискурс приобретает такие качества социальной формации, как: фокусированная привязка к определенной общественной практике, прямая социальная и историческая обусловленность, «революционность», подвижность, динамичность, изменчивость, процессуальность, ситуативность, тенденция к множественной вариативности речевых манифестаций; в то время как стиль приобретает такие свойства форм общественного сознания, как: типизация неопределенного множества отдельных общественных практик в объективно ограниченное количество форм общественного сознания, косвенная социально-историческая обусловленность, «эволюционность», стабильность, тенденция к инвариантности речевых манифестаций;

- теория функциональных стилей предлагает непротиворечивую и достаточно стройную общую систематизацию своего объекта (стили, подстили), теория дискурса – множественность отдельных классификаций по различным основаниям.

Итогом глубоких лингвофилософских размышлений М.Н.

Кожиной становится безусловное признание, во-первых, теоретико-методологической близости анализа дискурса и функциональной стилистики, во-вторых, явной тенденции к их дальнейшему сближению, в-третьих, неснятой дискуссионности вопроса об их соотношении.

Необходимо отметить, что современные речеведческие исследования наглядно демонстрируют устаревание по отношению к терминам-понятиям *стиль* и *дискурс* принципа дополнительной дистрибуции (уже упоминаемой ранее невстречаемости «в рамках одного издания» [Мишланова, 2004, с. 370]) и осознание необходимости замены разделительного ИЛИ между ними соединительным И, дальнейшей невозможности оставить понятие *дискурс* во владениях дискурсного анализа, а *функциональный стиль* – функциональной стилистики. Однако до решения вопроса о том, чем по отношению друг к другу выступают данные категории – антонимами, дублетами, синонимами, гиперонимом и гипонимом, согипонимами – пока далеко.

Описываемая теоретико-методологическая лакуна до сих пор приводит к некоторой эвристической растерянности, поскольку в каждом отдельном даже сравнительно небольшом и специализированном исследовании авторы вынуждены заново описывать свое видение проблемы. Например, И.Н. Щукина в статье «Текстовые методики исследования религиозного дискурса (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла, проповедей протоиерея Димитрия Смирнова)» [Щукина, 2011] отмечает: «С одной стороны, долгое время дискурс определялся многими исследователями как «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), т.е. текст, рассматриваемый во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, сопутствующими его порождению... В этом случае дискурс соотносится со стилем как часть с целым: так, «политический дискурс» или «педагогический дискурс» функционируют в рамках официально-делового стиля (первый) (Данное утверждение весьма спорно! – О.О.) или научно-учебного подстиля (второй). С другой стороны, часть российских ученых либо не ставят перед собой задачи установить взаимоотношения этих двух понятий, либо дискурс полагают синонимом стилю».

Однако далее исследователь на основе анализа религиозной речи приходит к выводу, что «жанры различных стилей <...>, созданные истинно верующими людьми, отличаются некоторыми особенностями», а именно: отсутствием нелитературной, грубой оценочной лексики и представленностью средств гармонизации текста, наличием «высокой» лексики в большем количестве, чем в

сравниваемых жанрах, созданных атеистами». Эти весомые аргументы приводят к справедливому заключению: «Такое положение дел дает возможность предположить, что дискурс и стиль в своей взаимосвязи соотносятся по иным параметрам, даже, может быть, стоит подумать о том, что в таком случае религиозный дискурс <...> – понятие более широкое, чем функциональный стиль».

В итоге вполне очевидным следствием изучения рассмотренных выше разделенных 15-летием статей Ю.С. Степанова [Степанов, 1995] и И.Н. Щукиной [Щукина, 2011] становится положение о том, что *дискурс* и *стиль* – не одно и то же, и предположение, что *дискурс* не сводим к *стилю* и, вероятно, шире *стиля*. Отсюда вопрос: какими отношениями связаны эти категории – отношениями атрибуции, включения, пересечения, гиперо-гипонимическими? *Шире* – это значит, что дискурс состоит из стилей, или что стиль – составляющая дискурса, или что стиль – признак дискурса?

Дело в том, что такими отношениями могут быть связаны единицы одной субстанциональной природы, одного онтологического порядка, принадлежащие одной системе мер. Однако восприятие дискурса и стиля как однопорядковых категорий приводит лингвистов к очевидным логическим противоречиям даже в пределах одного исследования.

Приведем наглядный пример. Н.Л. Моргун в диссертационной работе «Научный сетевой дискурс как тип текста» [Моргун, 2002] отмечает, что «теоретическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в изучении специфики научного сетевого дискурса как одной из жанровых разновидностей научного стиля текста» [Там же, с. 5]. Иными словами, дискурс воспринимается как разновидность научного стиля (понятие жанра в целях обеспечения «чистоты эксперимента» пока опустим). Затем, выделяя категории дискурса, обозначенные как системноприобретенные, исследователь в качестве таковых определяет «такие лингвистические параметры, как <...> стилевая и жанровая принадлежность» [Там же, с. 7]. Таким образом, по мысли автора, дискурсы – это разновидности стиля / стилей и эти сущности связывают родо-видовые отношения, но одновременно стиль является отдельным лингвистическим параметром дискурса, его атрибутом, признаком, свойством.

В статье «Научные стили речи в компьютерном дискурсе» [Фролов, Моргун, 2004] тот же ученый в соавторстве с научным руководителем сначала с помощью генитивного атрибута (*стиль дискурса*) позиционируют атрибутивную корреляционную соотнесенность: «Научный стиль компьютерного дискурса – это тот

же самый функциональный стиль языка науки <...>, но обогащенный электронными средствами связи», – видимо, метонимически подразумевая под обогащением стиля электронными средствами связи обогащение его, стиля, коммуникативного инструментария и функциональных возможностей. Далее авторы выделяют «отраслевые подстили», из которых состоят «стилистические разновидности языка науки в компьютерной научной коммуникации» (т.е. «стилистические разновидности... состоят из подстилей»). Но по ходу развертывания данного тезиса подстили выступают уже как разновидности / компоненты дискурса, следовательно, на подстили членится уже дискурс: «научно-деловой подстиль компьютерного дискурса», «подстили научного компьютерного дискурса». Между *стилем* и *дискурсом*, таким образом, устанавливаются отношения если не тождества, то однопорядковости, так как они оба состоят из подстилей.

Подобную терминологическую, а следовательно, и теоретико-методологическую неразборчивость Е.В. Чернявская склонна связывать с «ложным пафосом новизны при оперировании термином *дискурс*», приводящим «часто к тому, что *дискурс* используется параллельно или вместо *функциональный стиль*». Специалист выражает «удивление по поводу безудержных неофильских оценок и настроений, объявивших дискурс и дискурсивный анализ новым исследовательским объектом. Во многом это тот случай, когда новое название стало монтироваться с уже известным содержанием, создавая для не критичного ума эффект квазиновизны» [Чернявская, 2011, с. 91].

Думается, что подобных методологических казусов можно было бы избежать, последовательно применяя в речеведческих исследованиях описанные несколькими страницами выше обозначенные М.Н. Кожинной положения о принципиальной нетождественности, разнопорядковости, разноприродности двух понятий, изначально восходящих к различным по бытийно-сущностным свойствам категориям (общественной формации и формы общественного сознания).

Значительный мировоззренческий рывок в эволюционном развитии данных идей М.Н. Кожинной делает В.Е. Чернявская в совсем недавно опубликованной работе «Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно?» [Чернявская, 2011]. Постулируя неоспоримую общность методологического принципа, «лежащего в основе функционально-стилистического и дискурсивно ориентированного подходов» – «ориентированности на взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического», В.Е. Чернявская полагает, что «категория дискурса предлагает

исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике принцип разделения коммуникативных сфер и коррелирующих с ними речевых систем».

Если «фундаментальный базис, фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого» – формы общественного сознания, то для дискурса «делимитирующий критерий иной: содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания. В таком понимании дискурсов может быть бесконечно много <...> в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в единую дискурсивную формацию. <...> Функциональные стили делят коммуникативное пространство на гораздо более крупные сегменты, коррелируют с базовыми – фундаментальными, онтологически заданными, формами познания и деятельности. Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много» [Чернявская, 2011, с. 92 – 94].

Итак, демаркационная линия между стилем и дискурсом проходит по оси членения коммуникативного пространства: дедуктивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх – во втором; в соответствии с фундаментальной онтологией языка / речи – в первом, в соответствии с вариативностью и поливалентностью эмпирического освоения языка / речи – во втором. Соглашаясь с данным выводом, мы склонны полагать его скорее глобальным следствием, нежели исходной причиной дилеммы *стиль vs дискурс*.

На наш взгляд, сущностная разность, «инаковость» стиля и дискурса определяется причинами еще более высокого уровня научной абстракции, а именно – кардинальной разницей принципа устройства систем их возникновения и функционирования.

Существует ли стилистическая система языка / речи? Безусловно, причем система эта классическая, относительно закрытая, упорядоченная, жестко структурированная на основе строгой иерархической организации.

Существует ли дискурсивная система (система дискурсов) языка / речи? Существует, но эта система принципиально иной природы – диссипативной. Эта система открытая, динамическая и диффузная, нелинейная, нестабильная, таксономически подвижная, способная к самоорганизации на основе свойств вариативности и альтернативности.

В лингвистике понятие диссипативных систем заимствовано из физики и активно развивается в рамках «синергетической парадигмы, объяснительной по своей сути и продолжающей традиции системного

изучения объекта» [Сулименко, 2009, с. 268]. Наиболее, на наш взгляд, релевантное изложение синергетического подхода в современной лингвистике наблюдаем в монографии Н.А. Кузьминой «Интертекст: тема с вариациями» [Кузьмина, 2009, с. 31 – 41]. Подчеркнем позицию исследователей, которую мы полностью разделяем: классические и диссипативные системы противопоставлены, но отнюдь не исключают друг друга, а, соединяясь в рамках единой научной концепции, многократно увеличивают ее объяснительную силу.

Разница в структурном устройстве систем служит, на наш взгляд, фундаментальной причиной таких условно оппозитивных признаков *дискурса* и *стиля*, как обозначенные выше конкретность / абстрактность, уникальность / типичность, «революционность» / «эволюционность», изменчивость / стабильность, вариативность / инвариантность и т.п. Но эти же признаки свойственны и диалектическому единству языка и речи, изучаемому в совокупности их разноаспектных характеристик и свойств.

Следовательно, полноценный современный речеведческий анализ должен гармонично объединить анализ дискурса и функционально-стилистический анализ при рассмотрении текста как общего исследовательского объекта теории стиля и теории дискурса. Любой текст может быть непротиворечиво определен в рамках обеих систем и осмыслен в единстве стилистических и дискурсивных (дискурсивно-стилистических) характеристик.

Поясним данный тезис. В качестве показательной научной аналогии приведем вполне устоявшуюся в языке науки и образования понятийно-терминологическую дихотомию *государство – страна*. Первое понятие принадлежит системе политического знания, второе – географического, поэтому между ними невозможно установить отношения части и целого, нельзя сказать, что *страна состоит из государств* или *государство из стран*. Границы и наименования стран и государств в большинстве случаев совпадают, чего нельзя сказать обо всех их характеристиках (*большое государство / большая страна*, но *равнинная страна* и *справедливое государство*). Эти понятия в различных контекстах могут выступать синонимами, могут – согипонимами, но не могут состоять в отношениях тождества, рода и вида, атрибуции, поссессивности. Одни и те же категории могут выступать единицами членения / описания как государств, так и стран (*край, город, территория*). Наиболее продуктивным методом изучения этих категорий является комплексный, междисциплинарный инструментарий обоих системных подходов: политического и географического, в том числе – в рамках оформившейся в конце XIX –

начале XX вв. отдельной научной отрасли – политической географии.

Все названные закономерности с успехом приложимы к дихотомии *дискурс – функциональный стиль*. Для нее нерелевантны отношения части и целого (нельзя сказать, что *дискурс состоит из стилей (подстилей)*, а *стиль – из дискурсов*), а также отношения тождества, атрибуции, поссессивности, рода и вида. То, что во многих случаях их границы и наименования совпадают (*научный стиль – научный дискурс*), отнюдь не означает единообразия принципов их вычленения / членения и обязательности коррелятивной соотнесенности единиц такого членения (например, научно-популярный подстиль может быть никоим образом не соотнесен с дискурсом молчания (термин Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1994])). Будучи, в зависимости от контекста, синонимами (отношения взаимозаменяемости) или согипонимами (отношения соположения и соединения), наибольшую эвристическую эффективность данные категории демонстрируют в последнем случае – в случае объединения объяснительных параметров обеих категорий при анализе единого для них объекта – текста – в рамках комплексного дискурсивно-стилистического анализа.

Теперь о подходах к дискурсивно-стилистическому анализу текста с учетом описанной выше диалектики признаков подвижности / стабильности, уникальности / типичности, вариантности / инвариантности и т.д.

Любой текст стилистически и дискурсивно маркирован, однако различен характер этих маркированностей.

Стилистическая маркированность, включаясь в строго упорядоченную классическую системность, является одновалентной. Иными словами, текст, даже при условии его пограничного межстилевого статуса, занимает единственное определенное место, одну ячейку в жестко структурированной матрице стилистической системы языка / речи. Например, опубликованный в газете текст научно-популярной направленности будет относиться к научно-популярному подстилю научного стиля, который, как известно, занимает пограничное положение между научным и публицистическим (в традиционной терминологии) стилями.

Дискурсивная маркированность, включаясь в подвижную диссипативную системность, является поливалентной. Текст в этом случае выступает представителем нелимитируемого и открытого множества дискурсов. Та же газетная статья научно-популярного содержания может относиться к научно-популярному, газетному дискурсу, дискурсу качественной прессы, идиодискурсу конкретного автора, дискурсу о здоровье или о животных, и так гипотетически до

бесконечности.

При характеристике языковой организации и когнитивно-коммуникативных свойств текста большинство выявленных признаков можно отнести и к стилистическим, и к дискурсивным. Другое дело, что какие-то стилистические признаки – типизирующие, инвариантные, стабильные – будут характеризовать текст в качестве представителя разных дискурсов, как наличие специальных терминов будет определять научно-популярный текст как представителя научно-популярного дискурса, а экспрессивные синтаксические средства – как представителя дискурса СМИ, а оба эти признака – как представителя научного медиадискурса.

Собственно дискурсивные – индивидуализирующие, варианты, подвижные – признаки далеко не всегда являются одновременно и стилистическими, например, анималистические перифразы (*царь зверей, патриарх лесов*) выступают стилистически индифферентной приметой дискурса о животных. Ср.: «Потенциально каждый языковой элемент в условиях определенного дискурса может стать носителем стилистической информации. Но не каждый языковой элемент в системе выступает одновременно и как стилевой элемент» [Гончарова, 1999, с. 151].

Что касается дискурсивно-стилистической идентификации текста, то в многочленной его атрибуции, исходя из сказанного выше, лишь один из признаков может одновременно выступать в качестве стилистического и дискурсивного, остальные же характеризуют текст в его дискурсивных ипостасях. Так, дискуссию ученых-лингвистов об акцентологической норме на интернет-портале Грамота.ру мы можем охарактеризовать как текст компьютерного научного лингвистического полемического дискурса, что отнюдь не противоречит принадлежности этого текста научному стилю. Следовательно, при несовпадении условных границ стиля и дискурса тексты одного дискурса могут принадлежать разным стилям (как тексты полемического дискурса могут реализовываться в рамках всех функциональных стилей; ср.: «Дискурсы могут образовывать своего рода горизонтальное сечение сквозь различные функциональные стили» [Чернявская, 2011, с. 94]), а тексты одного стиля представлять разные дискурсы (например, научно-популярные тексты телевизионного и газетного дискурсов).

Как уже упоминалось, диссипативность, открытость, лабильность и мобильность дискурсивной системы приводит к неограниченной множественности классификаций дискурсов. По сути, основанием для типологии дискурсов может служить и часто служит всего один доминантный интегративный признак. Часто это тема (*спортивный*

дискурс), форма речи (*устный и письменный, диалогический и монологический дискурсы*), характеристика коммуникантов (*дискурс болельщика*) или события (*праздничный дискурс*), но в роли такого признака может выступать любая, даже самая, на первый взгляд, коммуникативно не значимая характеристика (ср. название статьи «Истерический дискурс» Достоевского» [Лахманн, 2006]).

Есть признанные и часто задействованные в исследованиях классификации дискурсов, например, членение дискурсов на институциональные и персональные В.И. Карасика [Карасик, 2000] или предлагаемая А.Н. Приходько когнитивно-коммуникативная типология, основывающаяся на трех основных признаках – среда, модус и стиль общения [Приходько, 2009]. Однако по причине категорической открытости дискурсивной системы каждый волен создавать ту классификацию, выделять те типы дискурсов, которые актуальны для его аналитического нарратива, тогда как попытки создания непротиворечивой единой системоцентричной классификации дискурсов нельзя назвать успешными.

Наглядной и небанальной иллюстрацией данному положению служит интересная и наукоемкая статья И.В. Силантьева «Текст в системе дискурсных взаимодействий», в которой автор завершает собственную попытку классификации дискурсов таким пассажем: «Итак, мы выделили, с одной стороны, типы дискурсов по признаку общности его участников – интерперсональные, ситуативные, субкультурные и институциональные дискурсы, и, с другой стороны, тематические субдискурсы, которые носят структурно подчиненный характер и способны реализовываться в рамках других дискурсов. При этом следует заметить, что дискурсы духовной и художественной культуры весьма основательно разрушают только что построенную типологию своим особым статусом и особенным строем функционирования как в обществе в целом, так и в личностной сфере человека. Таким образом, первичные конститутивные признаки дискурса не находятся на одной плоскости и не носят универсального характера, и поэтому наша «кособокая» типология наверняка разочарует сторонников одномерно-симметричных и претендующих на универсальность классификаций. В порядке оправдания можно сказать только одно: по мере аналитического движения по материалу данная типология будет уточняться и совершенствоваться, с учетом того, что сам дискурс – это феномен исключительно многомерный в своем функционировании и многофакторный в своей природе» [Силантьев, 2004].

По нашему глубокому убеждению, ученый отнюдь не нуждается в оправдании, поскольку декларируемая им самим многомерность и

многофакторность феномена исключает возможность нахождения однопорядковых и универсальных таксономических оснований, вследствие чего любая единая типология дискурсов по определению обречена на «косობокость», в то время как плодотворными в плане научного поиска становятся множественные «некособокые» классификации дискурсов по различным неоднорядковым и неуниверсальным основаниям. А каждый конкретный текст, одновременно разными своими гранями обращаясь к различным дискурсивным классификациям, должен рассматриваться «в системе дискурсивных взаимодействий», т.е. в системе приложимых к нему дискурсивных типологий. (Ср. с цитатой из указанной статьи, где речь идет о материале из газеты «Комсомольская правда»: «Дискурсивный спектр рассмотренного материала простирается от дискурса исторического официоза до дискурса мелкой обывательской сенсации и дискурса нейтрального информирования, при этом наблюдаются попытки стилизации под церковно-православный дискурс» (подчеркнуто нами – О.О.) [Силантьев, 2004]).

Наиболее созвучны нашим рассуждениям появившиеся и закрепившиеся в последнее время в лингвистических штудиях [Чернявская, 2003, 2007, 2009; Иссерс, 2010] термины полидискурсивность и интердискурсивность текста, подразумевающие «взаимодействие между различными типами дискурса, т.е. интеграцию, переименование различных областей человеческого знания и практики» [Чернявская, 2003, с. 36], «взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий» [Чернявская, 2007, с. 22].

Итак, язык в самом широком лингвистическом понимании этого слова функционирует одновременно в формате двух разноустроенных систем: классической – относительно закрытой, преимущественно жестко структурированной, уровневой, иерархической – и диссипативной – принципиально открытой, нелинейной, нестабильной, диффузной. Данные системы, вернее, противоположные друг другу отношения между элементами внутри систем, взаимодействуя, по закону единства и борьбы противоположностей, обеспечивают, во-первых, относительное равновесие объекта, а во-вторых, его поступательное развитие.

Коммуникативное пространство в соответствии с классической системой представлено функциональными стилями, в соответствии с диссипативной – дискурсами. Выражаясь метафорически, стили – это атланты, которые держат постоянно меняющееся цвет и очертания небо дискурсов на руках стабильности.

Стили представляют собой языково-речевые проекции форм

общественного сознания, регламентируют правила, закономерности, категории, принципы отбора и организации языковых средств в пределах фундаментальных речевых разновидностей, определяют стержневые, инвариантные параметры текстообразования и текстовосприятия.

Дискурсы представляют собой языково-речевые проекции всего многообразия социальных практик, образуются содержательно-смысловой общностью хотя бы одного лингвистического или экстралингвистического признака текстов, определяют неограниченно широкий спектр вариантных параметров текстообразования и текстовосприятия.

Классификация функциональных стилей (при множественности существующих классификаций мы придерживаемся точки зрения М.Н. Кожиной и ее коллег [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008]) – единая по общности оснований, относительно строгая, количественно ограниченная. Количество дискурсов потенциально бесконечно, единая классификация дискурсов невозможна по причине гетерогенности таксономических оснований, существует и может возникать множество типологий дискурсов.

В ситуации, когда определенный дискурс обнаруживает тенденцию к выраженной типизации доминантных его характеристик при актуализации новой / возрождающейся формы общественного сознания, возможно оформление отдельного функционального стиля. Так, активная и небезосновательная дискуссия ведется о признании статуса стиля за религиозной речевой сферой (см.: [Крылова, 2003]). Выделен церковно-религиозный стиль как «функциональная разновидность современного русского языка» и в учебной литературе [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 412].

Однако устойчивость и стабильность стилистической системы подразумевают сопротивление инновациям, когда крупные дискурсивные формации, такие как религиозный дискурс, функционируют в форме кросс-стилевых дискурсов. Ср.: «Особенности такой речи проявляются во всех жанрах всех функциональных стилей без исключения – официально-деловом, научном, газетно-публицистическом, в разговорном языке и языке художественной литературы. Очевидно, что задача свидетельства о Боге учитывается говорящим и пишущим в любом жанре. Поэтому многие ученые утверждают, что сфера религии находится как бы над функциональными стилями» [Миронова, 2011].

Конституенты стиля и дискурса, формы их реальной речевой материализации – тексты. Объединение в анализе текста обоих подходов – стилистического и дискурсивного – наиболее продуктивно,

особенно в изучении динамического аспекта текстового существования феноменов когнитивно-коммуникативной, вербально-ментальной природы. По этой причине эволюция текстовых концептов, в частности – медиаконцептов, определяется нами как дискурсивно-стилистическая, происходящая по законам обеих детерминирующих речевую деятельность систем.

1.3. Публицистический стиль / дискурс vs массмедийный стиль / медиадискурс: об адекватном языке описания медиа

Думаем, что в изложенной в предыдущем параграфе концепции соотношения понятий стиля и дискурса мы ответили на вопрос, заключающийся в названии статьи А.А. Кибрика «Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»?» [Кибрик, 2008]. Да, оно обосновано и правомерно вследствие объективного существования конгломерации текстов, объединенных таким коммуникативным параметром, как функционирование в СМИ.

Однако, по мнению А.А. Кибрика, для доказательства научной обоснованности понятия необходимы не только позитивные утверждения-доказательства, но и негативные: «...понятие может считаться научно обоснованным, если будет показано, что все медийные дискурсы обладают некоторыми универсальными или хотя бы прототипическими свойствами, которые не характерны для других дискурсов» [Кибрик, 2008].

Далее по ходу рассуждений ученый доказывает, что таковых свойств у медийных дискурсов нет (почему один дискурс вдруг стал представлять собой множество дискурсов, в статье не объясняется). Первым аргументом служит неоднородность медийных дискурсов с точки зрения модуса («радиодискурс – устный, газетный дискурс – письменный»), а также с жанровой точки зрения («здесь используется множество жанров, и при этом они не принадлежат эксклюзивно к контексту СМИ»).

Очевидно, что форма речи (устная / письменная), которую ученый называет в данном случае модусом, вообще не является релевантным параметром для делимитации дискурсов, превалирующее большинство которых могут реализовываться в обеих материальных ипостасях. Что же касается жанров, то и этот критерий вследствие тенденции жанров к междискурсивной экспансии в принципе не подразумевает примитивной эксклюзивности, наоборот, эндемичные монодискурсивные жанры – явление весьма нерегулярное (с ходу в качестве примера «всплывают» жанры виртуального дискурса: флуд, флейм, спам; однако и эти жанры постепенно «осваиваются» в сфере

невиртуального общения).

Дальнейшие рассуждения А.А. Кибрика, постулирующего, как уже указывалось выше, изоморфизм стиля и дискурса, касаются правомерности выделения публицистического функционального стиля (ф-стиля): «...проблема в том, что наличие такого особого ф-стиля вызывает сомнение». Ученый настаивает на обязательности контрастивного характера «исследования, подтверждающего существование медийного ф-стиля», которое должно демонстрировать, «что публицистический, или медийный, ф-стиль существует, отождествим и отличим по каким-либо объективным параметрам от других ф-стилей».

Характеристики публицистического стиля, которые указывает Г.Я. Солганик (эмоциональность, оценочность и сила воздействия) [Солганик, 2003], также, по мнению А.А. Кибрика, не являются эксклюзивными его, стиля, маркерами. Ученый, анализируя в качестве примера шесть объединенных одним информационным поводом микроконтекстов из разных изданий, делает вывод о том, что «первый же произвольно взятый пример показывает, что медийный дискурс обнаруживает значительный разброс с точки зрения данных характеристик».

Действительно, стимулируемые кардинальными изменениями языка отечественных СМИ последних десятилетий размышления ученых о «размывании» публицистического стиля, на наш взгляд, имеют два отчетливых фокуса. Один из них связан с поисками обновленных конструктивных параметров, обеспечивающих дискурсивно-стилистическое единство медиасферы, другой – со сравнительно-сопоставительным описанием стилистического облика советских и постсоветских СМИ. Остановимся на первом.

По мысли М.Н. Кожиной, «на основе базовых экстралингвистических факторов формируется конструктивный принцип функционального стиля как стилеобразующий фактор, определяющий принципы отбора и сочетания языковых средств, организующий их в систему» [Кожина, 2003, с. 625]. В ставшей классической концепции В.Г. Костомарова [Костомаров, 1971] примат информационной и воздействующей функций в публицистическом произведении обуславливает его общий конструктивный принцип – принцип чередования / сочетания / соединения стандарта и экспрессии.

Однако в некоторых современных исследованиях этот принцип либо игнорируется (как в рассматриваемой выше статье А.А. Кибрика), либо отменяется. Из таких, «отменяющих», работ, наиболее, на наш взгляд, целостная и непротиворечивая концепция предложена в

монографии Н.В. Муравьевой «Язык конфликта» [Муравьева, 2002]. Считая, что «необходимо отказаться» от признания принципа сочетания стандарта и экспрессии единым конструктивным принципом текстообразования в современных массмедиа, и задаваясь вопросом, «какому стилевому принципу (или стилевым принципам?) подчиняется современная газетная речь», автор выделяет четыре стилевых принципа: *принцип ударной оценочности, принцип называния, или принцип референтности, принцип диалогичности и принцип речевой всеядности / принцип эгоцентричности.*

Мы убеждены, что и в современном своем бытовании медиатексты закономерно реализуют в собственном языково-стилистическом устройстве принцип чередования стандарта и экспрессии. Однако эта реализация, безусловно, обнаруживает ряд кардинальных отличий от описанных в 1970-х гг. В.Г. Костомаровым особенностей стилистически монолитной советской публицистики. Ввиду социально-исторически детерминированных глобальных изменений в языке СМИ «удельный вес» стандартных и экспрессивных средств в медиатекстах разного типа оказывается весьма различным. И именно с точки зрения вариативной представленности в речевой ткани средств стандарта и экспрессии можно, по нашему мнению, дифференцировать тексты, построенные по принципу ударной оценочности, по принципу референтности, по принципу диалогичности и т.д. Различные разновидности текстов по классификации Н.В. Муравьевой мы описывали на примере рекламных и газетных текстов [Орлова, 2007, 2011], доказывая, что «в текстах, построенных по принципу ударной оценочности, наблюдаются обязательные вкрапления стандартных номинативных элементов, формирующих информационный контент, а в текстах, построенных по принципу референтности, при явном преобладании средств речевого стандарта все-таки присутствуют те или иные актуализаторы экспрессивности и оценочности, «отвечающие» за создание прагматического эффекта» [Орлова, 2007, с. 324].

Данные наши наблюдения вполне согласуются с выводом А.А. Кибрика о «значительном разбросе» с точки зрения эмоциональности и оценочности различных приведенных им качестве примеров медиатекстов, но, полемизируя с исследователем, мы не считаем «значительный разброс» медиатекстов по признаку экспрессивности свидетельством отсутствия, непрявленности медийного стиля и дискурса. Выскажем предположение, что эти тексты построены по различным моделям сочетания стандарта и экспрессии, например, модели ударной оценочности, референтности и др. (список открыт и неограничен), в то время как обеспечивающий

дискурсивно-стилистическое единство текстовой медиасферы в целом принцип чередования стандарта и экспрессии, при условии вариативности его реализации, является единым конструктивным стилистическим принципом текстообразования в современных массмедиа.

Второй фокус исследований трансформаций современной медиаречи основывается на компаративном анализе стилистического облика советских и постсоветских СМИ, имеющем на выходе документально подтвержденные свидетельства по преимуществу лексических и стилистических новаций в речевой организации медиатекстов. Его рефлекс мы также можем обнаружить в ставшей для нас отправной точкой статье А.А. Кибрика: «Понятие публицистического ф-стиля появилось в советской стилистике, и в то время оно, вероятно, было оправдано. Жестко структурированное устройство советского общества вообще способствовало установлению довольно определенных границ между ф-стилями. Представляется, что многие явления, характерные для публицистики того времени (пафосность, однозначность оценок, устранение личности автора и т.д.) сейчас не слишком актуальны».

Думаем, что современное состояние научного осмысления феномена массово-информационной коммуникации свидетельствует, скорее, не об устаревании понятия публицистического стиля как такового, а о терминологических колебаниях, столь свойственных науке в период глобальных изменений качественных характеристик ее объекта.

Поскольку статус текста данного стиля в настоящий момент приобрели многие неизвестные советской публицистике текстовые разновидности: рекламные, PR-тексты, материалы таблоидной и желтой прессы, пестрящее разнообразие форм интернет-коммуникации и др. – все чаще стиль текстов СМИ именуется в литературе как массмедийный, стиль СМИ, массово-информационный и т.п.

Прилагательное *публицистический* – отсубстантивный атрибут, образованный от существительного *публицистика*, непротиворечиво определяющегося в современных словарях как «вид литературы, посвященный актуальным общественно-политическим вопросам и текущей жизни общества, а также произведения этого вида (статьи, очерки, памфлеты, фельетоны и др.)» [Музрукова, Нечаева, 2000].

Интересны замечания В.В. Виноградова, касающиеся истории слова, которое «укоренилось в русском языке в 50 – 60-х годах XIX в. Оно пущено в широкий общественный оборот революционно-демократической интеллигенцией, возглавлявшейся Добролюбовым и

Чернышевским». Виноградов подчеркивает «ироническое отношение к этому слову со стороны Тургенева и кружка либералов 40-х годов», приводя следующую цитату из «Русского вестника» 1890 г.: «Оставаться на одном поле с «их публицистикой»? – пусть обходятся своим собственным ядом» [Виноградов, 1994]. Гениальное языковое чутье филолога-энциклопедиста объясняет поистине пророческий подбор цитат, ярко подчеркивающих выдвигание в семантике слова на первый план радикального – либо протестного, обличительного (см. в предыдущей цитате – «ядовитого»), либо идеализирующего, воспевающего – пафоса. Ср. из Ап. Григорьева: «...этот чуткий публицист смело восстает на «Руку всевышнего» [псевдопатриотическая пьеса Н.В. Кукольника] во имя того же своего идеала» [Там же].

Видимо, именно присущие советской прессе «пафосность» и «однозначность оценок» [Кибрик, 2008], а также революционно-демократическая «родословная» обеспечили прилагательному *публицистический* место в номенклатуре функциональных стилей.

Наименование «по традиции», а не «по смыслу» оговаривают и авторы современного учебника по стилистике русского языка: «Выделение публицистического стиля в ряду других функциональных стилей русского языка обусловлено существованием политики как формы общественного сознания и соответствующей ей сферой деятельности и общения. Исходя из этого, логичнее было бы именовать «публицистический» стиль «политическим» или «политико-идеологическим». Однако в традиции употребления утвердился термин «публицистический», который мы и используем» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 342].

Постепенно в научной литературе начинают появляться достаточно многочисленные синонимы *публицистическому*. Г.Я. Солганик в Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка приводит в скобках через запятую четыре лексических субститута: *газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный* [Солганик, 2003, с. 312]. Очевидно, что все четыре атрибутива еще менее соответствуют сегодняшней медиареальности: печатные СМИ уступают ведущую роль СМИ электронным, а контент СМИ далеко не исчерпывается политической топикой.

В то же время явный тренд современной науки о СМИ – дифференциация традиционно мыслящихся связанными родовидовыми отношениями журналистики и публицистики, которые уже не только не отождествляются, но в некоторых случаях даже противопоставляются (см. подробный обзор подходов к исследованию

публицистики на современном этапе [Каминский, 2007]). Опираясь на работы видного специалиста по теории журналистики Е.П. Прохорова [Прохоров, 1965, 1984], исследователи [Туленков, 2004; Козлович 2010] говорят о том, что информационную журналистику, т.н. журналистику факта, нельзя считать публицистикой, призванной «оказывать постоянное, глубокое, всестороннее влияние на общественное мнение» [Прохоров, 1965, с. 12].

Вот как определяют специфику публицистики основатели сайта гражданской журналистики Birdfish: «Обращаясь к публицистике, мы совершенно свободны в выборе формы, жанра и стиля. Мы ничем не ограничены в выборе темы. Единственная очень важная особенность публицистики – прямое обращение к обществу. Публицистом движет необходимость оценить событие, вещь, явление, слово, звук и т.д. – как значимое для современников. То есть публицист не говорит: посмотрите, вот это, вот то. Он говорит, что это, по его мнению, значит» (URL: <http://birdfish.ru>). Белорусский автор А. Козлович в цикле лекций «Восход и заход публициста» декларативно заявляет: «Публицистика, не ставящая перед собой миссионерских целей, таковой не является по сути... Факты и судьбы – аргументы публициста, который через них проводит свою идею. Он – принципиальный судья действительности, ему дано право произнести приговор» [Козлович, 2010].

Следовательно, термин «публицистика» на сегодняшний день применим только к т.н. качественной аналитической журналистике, журналистике мнения, журналистике, поднимающей и обсуждающей актуальные вопросы социальной действительности. Очевидно, что огромное количество материалов СМИ, как и самих изданий, теле- и радиоканалов, интернет-площадок (от собственно информационных, новостных СМИ до многочисленных таблоидов и таблоидоподобных медиа), по определению не попадает в разряд публицистики. Далеко не случайно М.Н. Кожина замечает: «Особого рассмотрения требует вопрос о стилевом статусе желтой прессы. Бесспорно, что эта явно периферийная, точнее, пограничная область публицистики (если считать ее таковой), скорее всего, представляет собой ее суррогат или стилевой гибрид» [Кожина, Салимовский, Дускаева, 2008, с. 167].

Н.А. Кузьмина, участвуя в круглом столе «Активные процессы в речевой практике СМИ», отмечает: «Современное медиапространство дифференцируется не по качественному критерию, а по сфере интересов читателей и по той политике, которую осуществляет руководство СМИ... В современном медиапространстве, на мой взгляд, зеркально отразилась ситуация советских времен. Идеологический диктат сменился диктатом развлекательности,

который подчиняет себе даже информацию (скажем, новый феномен инфотейнмент – подача новостей в развлекательной форме)» [Медиадискурс и проблемы медиаобразования, 2011, с. 353].

Таким образом, номинация *публицистический* в современном терминопотреблении абсолютно адекватна как наименование разновидности массмедиа (ср. членение стиля массовой коммуникации на информационный и публицистический в концепции Н.И. Клушиной и Т.С. Дроняевой [Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования, 2003]) и дискурса. Причем публицистический дискурс, в нашем понимании, а также понимании целого ряда исследователей [Каминский 2007; Кожемякин, 2010; Немец, 2010], состоит в отношениях пересечения с медиадискурсом, фокусируя исключительно публицистику как «открытую авторскую речь, обращенную к читателю и до предела насыщенную социальной информацией» [Кайда, 2008, с. 58]. Данные отношения описаны в диссертационном исследовании А.И. Белоусовой: «Масс-медийный дискурс объединяет тексты только средств массовой информации, в то время как публицистический дискурс включает не только тексты СМИ, но и публичные политические выступления, деятельность партий и общественных объединений... Разновидностью публицистического дискурса выступает газетно-публицистический дискурс, который является частью и масс-медийного дискурса» [Белоусова, 2011, с. 13].

При этом необходимо признать, что наша позиция по данному вопросу весьма дискуссионна. Многие исследователи по традиции ставят знак равенства между понятиями публицистического дискурса и дискурса СМИ или не разграничивают их [Чернышова, 2003, 2005; Бриченкова, 2007]. В некоторых штудиях звучит противоположное мнение о необходимости расширительного понимания публицистического.

Например, в работе К.В. Тулуповой «Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект»: «Если под журналистикой подразумевается особый вид профессиональной деятельности лиц, связанных с получением, обработкой и передачей информации, то публицистику следует рассматривать как вид творческой деятельности, связанной с активным воздействием на аудиторию по каналам СМИ. Именно поэтому следует говорить о существовании публицистических текстов, а не журналистских... Можно сказать определенно: представление о публицистическом тексте как о тексте, отличающемся специфическими приемами реализации авторской позиции, особым слогом, развернутой аргументацией, устарело» [Тулупова, 2008, с. 11].

Однако далее автор естественным образом выходит на понятие медиатекста: «Диалог автора и аудитории с помощью публицистического текста протекает в рамках массовой коммуникации, то есть через СМИ или медиа... Для обозначения такого рода текстов используется термин «медиатекст». Определяющим признаком отнесения какого-либо текста к медиатекстам является его трансляция по каналам массовой информации с целью воздействия на массовое сознание» [Там же, с. 13]. Кроме того, активно используется также термин *медиадискурс* [Тулупова, 2007], который, по нашему мнению, более, нежели термин *публицистический*, соответствует объекту номинации.

В то же время некоторые исследователи, признавая «несовременность» «давней традиции приравнивать язык СМИ к языку публицистики, рассматривая его в качестве одного из пяти функциональных стилей», парадоксально запутывают ситуацию идеями полистилистического статуса медиатекстов: «По своему функционально-стилевому происхождению этот речевой массив чрезвычайно разнообразен» [Лисицкая, 2010, с. 33].

Итак, обобщим наши взгляды по поводу соответствующего современному состоянию медиасферы языка ее научного лингвистического описания.

1. Понятие *публицистический* по отношению к определению функционального стиля в языке описания текстов СМИ существует в настоящее время в равноправном синонимическом ряду с понятиями стиля СМИ (СМК) или медийного (массмедийного) стиля. При этом как значительно изменившийся в последнее время объект исследования массмедийный стиль (именно так его называет в новых работах В.Г. Костомаров [Костомаров, 2005]) настоятельно требует комплексного научного описания с опорой на достижения отечественной функциональной стилистики, в частности – Пермской стилистической школы.

2. В дискурсивной матрице современной коммуникации существуют и публицистический, и медиадискурс, при этом понятие *публицистический дискурс* целесообразно коррелировать с обозначением формации собственно публицистических текстов как медийной, так и немедийной / синкретичной природы (литература нонфикшн, политическая риторика и т.п.).

3. Публицистический и медийный дискурсы находятся между собой в отношениях пересечения, причем весьма значительная гипотетическая область взаимоналожения этих дискурсов может интерпретироваться в открытой системе дискурсообразования как публицистический медиадискурс (наряду с рекламным, таблоидным и

т.д. медиадискурсами).

1.4. От публицистичности к медийности, от идеологеми к медиаконцепту

Несмотря на уже описанную выше чрезвычайную популярность форманта *медиа* в лингвистическом терминотворчестве, неопределенность, «фантомность» семантики концепта является неотъемлемой чертой инициального и формирующего этапа его жизненного цикла. Однако, на наш взгляд, частотность данной номинации не объясняется исключительно модой на новейшую ксенолексику. Описанная в предыдущих разделах тенденция к постепенной трансформации терминологического аппарата обусловлена глубинными эволюционными процессами, определяющими экзистенцию современного медиатекста.

Дело в том, что выдвигаемая нами гипотеза о постепенном замещении расширительного значения дефиниции *публицистический* по отношению к стилю всех текстов СМИ другими (*медийный, массмедийный*) обосновывается целым рядом прямых и косвенных аргументов.

К косвенным, непрямым, но весьма значимым аргументам в пользу данной гипотезы мы относим наблюдаемую нами в последние годы экстенсификацию лингвостилистических исследований, в которых базовым объектом является стиль, обозначаемый авторами как публицистический (газетно-публицистический). Под экстенсификацией мы имеем в виду преобладание количественных научных результатов над качественными, детализацию на новом материале известных и давно описанных тенденций без выдвижения новых интерпретативных подходов и теоретических обобщений.

Приведем всего несколько выносимых на защиту положений из пяти кандидатских диссертаций, защищенных в 2004 – 2011 гг.

Разговорные лексические элементы в современном газетно-публицистическом стиле полифункциональны, чем и определяются закономерности их существования в современных газетных текстах. Но возрастание частотности использования грубовато-просторечных, жаргонных и даже инвективных слов размывает литературную норму, стилистически снижает и огрубляет письменную речь [Цао, 2004, с. 11].

Разговорные элементы, представленные в языке современных СМИ, многофункциональны, это – основное условие их присутствия в газетных текстах. Негативной стороной данного явления мы считаем не всегда уместное использования просторечия, жаргона и

инвективной лексики, что грозит размыванием литературной нормы, стилистическим снижением и огрублением газетной речи [Рынкович, 2010, с. 5].

Некодифицированная лексика – это 1) естественный и закономерный процесс демократизации языка газеты; 2) мощное смыслообразующее и стилеобразующее средство публицистических текстов.

Интертекстуальность, языковая игра и ирония – определяющие черты современного языка публицистики [Костикова, 2008, с. 5].

Метафора и прецедентные тексты являются наиболее типичными средствами выражения экспрессии и эмоции для современного газетного текста [Чокою, 2007, с. 5].

Наиболее активными ресурсами анализируемой газетно-публицистической речи выступают политическая метафора, прецедентные тексты, фразеологизмы, жаргонизмы, авторские неологизмы и другие лексико-фразеологические средства ограниченной сферы употребления, что обусловлено превалированием экспрессивной функции над информативной [Карицкая, 2011, с. 7].

Как видим, диссертанты на основе лингвостилистического анализа языковой ткани текстов различных СМИ (молодежной прессы, общественно-политических изданий, региональных газет и др.) приходят к единообразным выводам в русле общеизвестных, описанных в справочной и учебной литературе языковостилистических изменений в современных СМИ [Дускаева, 2003; Лазуткина, 2008 и др.].

Стремлением видеть в защищающихся работах по-настоящему новые интерпретации, аспекты, подходы, проблемы, актуальные для современного, медийного, состояния СМИ, обусловлены замечания официального оппонента, профессора М.В. Горбаневского, к одной из цитируемых выше диссертаций [Рынкович, 2010]. В целом одобрив рецензируемое исследование по теме «Трансформация языка молодежной прессы в эпоху общественных реформ», отметив его несомненную актуальность, теоретическую и практическую значимость, оппонент подчеркивает, что в работе «достаточно новым для отечественной науки является и комплексный анализ разговорных элементов в текстах современной молодежной прессы, хотя это поле отнюдь не является «непаханным» [Горбаневский, 2011, с. 139]. Далее видный отечественный филолог говорит о, с его точки зрения, «более опасной», нежели «разговорность», проблеме языка современных СМИ, а именно – проблеме «нового новояза»: «Разве этот феномен не мог стать объектом пристального внимания автора диссертации? Не просто мог, но и должен был, как мне думается, ибо особенно опасен

новый новояз именно для российской молодежи, которая и прямо, и косвенно этой опаснейшей бациллой заражается именно через СМИ». Опасность нового новояза, воссоздающего тоталитарные клише советских СМИ, по мнению М.В. Горбаневского, в его доминантной интенции «вытолкнуть слушателя прочь из области критического мышления» [Там же, с. 143 –144].

В полемическом пафосе профессора Горбаневского явно видна его позиция по отношению к наблюдающейся в большинстве работ по языку современных СМИ набившей оскомину сопоставительной модели *раньше (советская печать) – теперь (постсоветские СМИ)*, реализующейся лишь по формальному примитивному критерию соответствия / несоответствия литературной норме и фактору проникновения в медиадискурс прецедентного и игрового начал.

Уже более 20 лет, за которые вследствие интенсификации, глобализации, информатизации, модернизации, инноватизации произошли колоссальные изменения в самой коммуникативной структуре массмедиа, по идее, обесмысливающие формальные сопоставления с советским периодом, зреет необходимость изучения новых сущностных координат обновленной медийной сферы в русле иного сопоставительного инструментария – когнитивно-дискурсивного и когнитивно-стилистического. И если в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к анализу медиакommunikации имеются достаточно многочисленные и разносторонние наработки (см.: [Купина, 1995; Вепрева, 2005; Лысакова, 2005; Чернышова, 2005; Чудинов, Будаев, 2006; Желтухина, 2007; Гусякова, 2008; Шаповалова 2008; Колтышева, 2009; Мелехова, 2010 и др.]), то об обобщении разрозненных наблюдений над стилем массмедиа как глобальной языково-речевой конгломерацией современной коммуникации речь идет в единичных работах.

О выдвигаемой Н.В. Муравьевой [Муравьева, 2002] концепции отмены костомаровского принципа чередования стандарта и экспрессии и замены его четырьмя другими мы уже говорили выше, как о и нашем несогласии с данной позицией. В 2005 г. В.Г. Костомаров выпускает книгу «Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики», в которой выдвигает революционную теорию стиля и стилистической системы как динамической эволюционирующей реальности. М.Н. Кожина называет эту работу «одним из новейших исследований по стилистике динамического аспекта языка, пафос которого – в стремлении не замыкаться в жесткие рамки и изучать «живую жизнь» стилистики текста» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 168].

В.Г. Костомаров предлагает новое понимание фундаментальных

вопросов стилистики, органичное состояние языка начала XXI в. как интенсивно развивающегося когнитивно-коммуникативного феномена, который уже невозможно описывать в статическом номенклатурно-каталогизаторском ракурсе.

Стержнем новой теории В.Г. Костомарова является «продуктивная концепция о конструктивно-стилевых векторах (КСВ)» [Там же]. Под КСВ автор понимает «отвлеченные стилевые установки, задающие не определенные наборы средств выражения и приемы их конструирования, но специфичные направления их выбора из общего источника, становящегося на глазах все более однородным в функциональном плане», стилевые установки, переводящие «данную внеязыковую действительность в языковую» [Костомаров, 2005, с. 62] (см. различные интерпретации теории КСВ в работах: [Никитин, 2004; Проничева, 2006; Сидорова, 2007; Ускова, 2008; Лисицкая, 2010]).

Обосновываемый ученым векторный подход к описанию языково-речевых сущностей, предполагающий не жесткую регламентацию и инвентаризацию, а выявление наиболее вероятных стилевых презумпций текстообразования, берущих начало во внеязыковой действительности, фокусируется в мысли о том, что «континуум стилевых явлений может исчисляться именно векторными полями – разными связями внеязыковой и языковой действительности; даже сама стилистика текстов может изображаться как многомерное векторное пространство, совокупность всех векторных полей» [Костомаров, 2005, с. 67].

Исследователь выделяет три КСВ: книжный (специализированный и неспециализированный), разговорный и массмедийный, отмечая при этом, что тексты массмедиа «парадоксально и прочно объединяют стилевые царства разговорности и книжности, образуя особое промежуточное междуцарствие» [Там же, с. 183]. Эта мысль приводит автора к важной для нас гипотезе: «Принципиально измененное **массмедийностью** (выделено нами – О.О.) соотношение устной и письменной форм реализации текстов сделало массовую коммуникацию плавильным котлом нового сплава книжности и разговорности... Отсюда один шаг до признания наряду с книжной и разговорной третьей разновидности языка – массмедийной» [Там же, с. 216 – 217].

Солидаризируясь с мыслью о том, что, вероятно, в настоящий момент на водоразделе книжности и разговорности формируется третья глобальная разновидность языка, мы полагаем, что языково-речевая эволюция стиля массмедиа детерминирована его доминантным КСВ – вектором медийности. Вектор медийности, в результате глобальных информационно-коммуникативных сдвигов

сменивший доминировавший ранее, в том числе – в советский период, вектор публицистичности, значительно трансформировал когнитивно-коммуникативную и собственно лингвистическую установки текстообразования в медиасфере, модифицировав публицистический стиль в стиль массмедиа за счет количественного и качественного изменения контента и аксиологии СМИ, информации и воздействия в текстах СМИ, стандарта и экспрессии в языке СМИ.

В результате публицистика как таковая стала одной из разновидностей стиля медиа, значимой и актуальной, но далеко не единственной. Именно поэтому несколько односторонней представляется позиция Н.И. Клушиной, отстаивающей изоляционистскую точку зрения об особом идеологическом видении как российским историческим сознанием, так и российской наукой публицистики, которая «в российском обществе имеет особое значение, <...> в отличие от устоявшихся западных моделей социума, при которых журналистика поддерживает статус-кво» [Клушина, 2008, с. 37]. Соглашаясь с тезисом автора об исключении «развлекательных материалов, не имеющих характера общественной значимости, из корпуса публицистических текстов», мы не разделяем пафос несогласия с «мнением некоторых отечественных лингвистов, идущих в русле западных концепций о том, что публицистика – это часть массовой культуры» [Там же, с. 39].

Каково типичное понимание публицистичности в отечественной гуманитарной науке, к которому апеллирует Н.И. Клушина? Это качество как имманентно присущее русской литературе отмечали многие исследователи. О.Е. Ельникова в работе «Публицистичность литературы Киевской Руси» относит к ключевым признакам публицистичности «актуализацию проблем, стоящих перед страной, опору на факты, наличие авторской точки зрения, ориентацию на аудиторию, воздействие на аудиторию», гражданский пафос, зиждущиеся на единой идеологической платформе: «Книжники Киевской Руси <...> стремились вызвать чувства «религиозного патриотизма», стремления к единению государства, осуждение княжеских распрей, т.е. стремились к тому, что спустя века стало называться формированием общественного мнения» [Ельникова, 2009, с. 8]. Эти же свойства обнаруживаются и в публицистике В. Распутина конца 1950-х – начала 1960-х гг.: «способ восприятия мира и формирования его картины определяют свойства «коллективистического» мышления (догматизм, авторитарность, символизм, спекулятивная ориентация, дидактизм, этический иерархизм)» [Каминский, 2006, с. 4]. «В публицистике периода «оттепели» была показана консолидация нравственных сил общества

при помощи идей, категорий и принципов экзистенциализма, переосмысленных советскими журналистами в позитивном ключе... этической концепции оптимистического мировоззрения» [Марушак, 2009, с. 8]. Кроме того, «подавляющее большинство теоретических концепций основывается на закреплении за публицистикой особого предмета изображения. Им признается общественная и политическая жизнь» [Каминский, 2007, с. 98].

Дело в том, что сложившееся в отечественной научной традиции закрепление за публицистичностью ограниченной тематической области при доминировании единой, трактуемой как истина в последней инстанции, идеологической позиции, приводит к тому, что публицистика как таковая мыслится лишь в категориальном поле тоталитарного или моноидеологического дискурсов.

Три типа журналистских дискурсов выделяет в работе «Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности» Н.И. Клушина – «полиидеологический, моноидеологический и тоталитарный, где два последних различаются тем, что моноидеологический допускает существование другого мнения». Исследователь полагает, что постперестроечный дискурс вследствие «победы и утверждения новой (рыночной, капиталистической и т.п.) идеологии» – «по сути своей моноидеологический». Агональность признается доминирующей чертой полиидеологического дискурса, к коим отнесен перестроечный дискурс.

Автор полагает, что «революционная борьба идей, отрицание прежних идеологических устоев, аксиологических ценностей и вековых культурных концептов (что мы наблюдали в перестроечном дискурсе) имеет не только очистительную, но и разрушительную силу. Затянувшаяся агональность расшатывает общество и не позволяет ему развиваться» [Клушина, 2010, с. 6].

Но в таком случае наиболее социально приемлемым типом журналистского дискурса нужно считать только моноидеологический! Однако это никак не соответствует современному состоянию медиасферы, принципиально настроенной на отражение полифонизма мировосприятий, плюрализм идеологических императивов, вариативность интерпретаций, толерантность рецепции. Невозможно закрепить за рекламным дискурсом прерогативу изображения «богатства, сытости, эгоцентризма, идеологии потребления», в то время как «публицистический дискурс, а отличие от рекламного, дает и другие, прямо противоположные приметы нового строя России. Это нищие, обездоленные, бомжи, безработные» [Клушина, 2008, с. 91]. По отношению как к философии консьюмеризма, так и к проблеме

экономической маргинальности современная публицистика далеко не однозначна в подходах и оценках (см., например: [Долгин, 2006, 2010]).

Таким образом, объективно исторически сложившееся в отечественной гуманитарной традиции одностороннее понимание публицистического приводит к постепенному уходу традиции использования его как родового по отношению к стилю и дискурсу всех массмедиа. И если для советских СМИ определяющим КСВ, что закономерно, был вектор публицистический (именно в традиционном понимании данного термина), то в СМИ конца XX – XXI вв. «внеязыковой доминантой», обуславливающей «языковую логику их конструирования» [Костомаров, 2005, с. 65], становится медийность как «способ конституирования социального и индивидуального тела в условиях понимания и признания другого» [Савчук, 2008, с. 39], т.е. в условиях принципиальной полиидеологичности.

К сожалению, в современной русистике практически не наблюдается работ, посвященных медийности, когнитивно-коммуникативной и дискурсивно-стилистической природе этого феномена. В то же время сложились центры изучения медиа в рамках культурологии, философии, социологии, политологии и педагогики, выдвинувшие на первый план такие термины, как медиакультура, медиафилософия и медиаобразование.

Думается, что наметить некоторые подходы к лингвистическому пониманию медиа и медийности можно с опорой на труды представителей «комплексной гуманитарной науки – медиалогии» [Кириллова, 2011] (см. работы И.В. Рогозиной [2003], А.В. Федорова [2004, 2005, 2007], Н.Б. Кирилловой [2005, 2011], В.В. Савчука [2008], В.П. Коломиец [2010], И.В. Чельшевой [2010, 2011], А.М. Кузьмина [2011] и др.). Отдельно необходимо отметить целый ряд исследований, в том числе – филологических, посвященных мировидческому и структурному изоморфизму медийности и постмодернизма как ведущего социально-философского тренда современности [Сметанина, 2002; Кириллова, 2005; Бешукова, 2008].

Какие изменения произошли в стилевых установках текстопорождения в медиасфере со сменой КСВ публицистичности на КСВ медийности? Не претендуя на полноту и глубину сопоставительного анализа, обозначим предварительные его контуры в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики КСВ публицистичности и КСВ медийности

КСВ публицистичности	КСВ медийности
Тематическое единство, сфокусированность на сфере актуальных общественно-политических проблем.	Значительное расширение тематического спектра за счет контента «не первой и не всеобщей социальной и политической актуальности» (издания субкультур, желтая пресса, деловые СМИ и т.д.).
Одновалентность, инвариантность и открытая экспликация социальной оценки.	Аксиологическая поливалентность, вариативность эксплицитно-имплицитных оценочных модусов.
Монологичность и внешняя* диалогичность.	Внешняя и внутренняя* диалогичность, полилогичность, полифонизм.
Моноидеологичность.	Полиидеологичность. Агональность.
Отрицание или допущение другого мнения.	Понимание и признание другого мнения, толерантность.
Открытая авторская позиция.	Вариативность авторского присутствия от декларативности до анонимности.
Положительная эвиденциальность – ответственность говорящего за достоверность сообщаемой информации.	Вариативная эвиденциальность вплоть до отрицательной, разная степень уверенности говорящего в достоверности его мысли о действительности.
Относительно равномерное чередование стандарта и экспрессии в текстах.	Вариативность реализации принципа чередования стандарта и экспрессии, различный темпоритм чередования.
Реализм как мировоззренческая доминанта.	Постмодернизм как мировоззренческая доминанта.
Ключевые концепты – идеологемы.	Когнитивные дискурсивно-стилистические доминанты – медиаконцепты.

*О внутренней и внешней диалогичности см. работы Л.Р. Дускаевой [Дускаева, 2004а, 2004б].

Отдельного комментария в связи с непосредственным объектом нашего исследования требует последняя позиция таблицы, в которой обозначены лингвокогнитивные феномены, присущие медиакommunikации, построенной в соответствии с разными КСВ.

Первый из них – идеологема – хорошо описан в лингвистической литературе [Купина, 1995; Гусейнов, 2004; Чудинов, 2007; Клушина, 2008; Малышева, 2009; Нахимова, 2011]. Имея истоком работы М.М. Бахтина (см.: [Малышева, 2009]), термин *идеологема* связывается прежде всего с тоталитарным языком советского периода в его вербально-ментальной объективации. По словам Н.А. Купиной, «идеологема – это мировоззренческая установка (предписание),

облеченная в языковую форму» [Купина, 1995, с. 43]. Однако мы согласны с теми авторами, которые доказывают, что атмосфера свободы и плюрализма отнюдь не отменяет действие старых идеологем и даже формирование новых [Кузьмина, 2007; Чудинов, 2007].

Дело в том, что идеологема, столь органичная традиционной публицистике, призвана «обслуживать» общественно-политическую сферу, вследствие чего в ее семантике обязательно присутствует идеологический компонент [Клушина, 2008, с. 94]. Наиболее приемлемым нам представляется следующее определение Е.Г. Малышевой: «идеологема – это особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого... актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева, 2009, с. 35].

Жесткая привязка к политико-идеологической сфере, к широкой, но все-таки ограниченной тематической палитре, миссия «задавать **определенный** (выделено нами – О.О.) идеологический модус любому публицистическому тексту» [Клушина, 2008, с. 93] приводят к тому, что даже «идеологема со смешанным идеологическим модусом» [Малышева, 2009, с. 37] демонстрируют, скорее, не спектр разнообразных оценок, а максимум – дихотомическую полярность. Так, А.П. Чудинов выделяет два вида идеологем. К первому относятся слова (словосочетания), смысл которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов», ко второму – те, которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов» [Чудинов, 2007, с. 92 – 93].

Совершенно иные признаки демонстрируют сформированные медийным конструктивно-стилевым вектором концептуальные доминанты медиадискурса информационного общества XXI в. – медиаконцепты.

Выводы

Введение в научный оборот термина *дискурсивно-стилистическая эволюция концепта* обязывает нас к определению собственной позиции по отношению к одной из дискуссионных проблем функциональной лингвистики – проблеме соотношения и дифференциации понятий *функциональный стиль* и *дискурс*. Изучив большой корпус работ наших предшественников и учителей, мы

пришли к выводу, что один из возможных путей решения данной проблемы находится на пересечении традиционной и новаторской теорий современной стилистики и лингвистической семантики, а именно – функциональной стилистики, представленной, в частности, трудами Пермской и Томской стилистических школ, и лингвосинергетики с ее адаптацией концепции диссипативных систем к феномену языка / речи.

Полагая *функциональный стиль* и *дискурс* явлениями разнопорядковыми, мы постулируем их сущностную обусловленность различными системами манифестации языка / речи. Функциональный стиль детерминирован законами классической системы / системности языка / речи, дискурс – закономерностями диссипативной системы языка / речи.

Функциональные стили в соответствии с определяющими их экстралингвистическими факторами регламентируют общие регулярные и типизированные правила отбора и организации языковых единиц в речевых произведениях и принципы их стилистического устройства. Вследствие этого классификация функциональных стилей обнаруживает единство своих оснований, имеет довольно устойчивую структуру и относительно закрытый характер.

Дискурсы объединяют речевые произведения на основе любых и разнообразных лингвистических и, преимущественно, экстралингвистических факторов. Вследствие этого единая упорядоченная классификация дискурсов вряд ли возможна, однако существует неограниченное множество дискурсивных таксономий, отталкивающихся от различных параметров и оснований.

Текст как универсальная форма коммуникации обладает и стилистической, и дискурсивной маркированностью. Однако в ряду текстовых дистрибуций (например, *научный полемический диалог*) лишь одна выполняет функцию и стилистической, и дискурсивной, остальные – дискурсивные. Наиболее эффективным в комплексном филологическом анализе текста и репрезентированных в нем ментальных конструкторов нам представляется исследование его стилистических и дискурсивных характеристик в рамках единого дискурсивно-стилистического подхода.

Исходя из данной концепции, можно говорить о стиле текстов СМИ, который в отечественной традиции принято называть публицистическим, и множестве дискурсов, объединяющих медиатексты по самым различным основаниям. По отношению к стилю текстов СМИ в настоящее время наряду с определением *публицистический* полноправно употребляются иные атрибуты –

медийный, массмедийный и др. По нашему мнению, это обусловлено сменой конструктивно-стилевого вектора данного стиля с публицистического на медийный, предполагающий принципиальную диалогичность и полилогичность, расширение тематического и оценочного спектра, поливариативность реализации принципа чередования и экспрессии и развитие медиаконцептов как ключевых когнитивных доминант медиасферы.

В настоящее время мы наблюдаем, как зародившийся в начале 2000-х гг. в массово-информационных дискурсивных практиках концепт *медиа* за десятилетие претерпевает интенсивную дискурсивно-стилистическую эволюцию, перейдя из стадии зарождения в стадию развития и роста, а также мигрируя в иные дискурсивные среды, преимущественно – в научную, профессиональную и педагогическую. Это дает все основания говорить о сильном миромоделирующем потенциале данного концепта, прогнозировать его достаточно долгий жизненный цикл и укоренение в современной культуре в качестве одной из ее ментальных констант.

О сущностных спецификациях медиаконцептов, их типологии и подходах к анализу речь пойдет во второй главе работы.

Глава 2. Медиаконцепт как лингвоментальный феномен: подходы к анализу и сущностные характеристики

В главе обобщаются основные презумпции современного лингвоконцептологического анализа, описываются сущностные характеристики медиаконцептов в ряду смежных лингвоментальных феноменов, выделяются интрадискурсивные и экстрадискурсивные факторы дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов, включая прототипический, вырабатываются подходы к классификации медиаконцептов.

2.1. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в современных лингвоконцептологических исследованиях

Термины *концепт* и *дискурс* во многом определяют терминологический облик современной лингвистики. Возрастающая популярность термина *концепт* обусловлена отнюдь не научной модой, а стремлением ученых найти адекватную форму для упаковки нового, ставшего крайне актуальным на новом витке развития науки понятия. Вследствие выдвигания концепта в качестве центральной единицы изучения некоторые исследователи стали говорить о становлении отдельной отрасли лингвистики – лингвоконцептологии, методологические основы которой подробно описаны С.Г. Воркачевым, считающим, что «лингвокультурная концептология выделилась из лингвокультурологии» [Воркачев, 2005б, с. 76].

На наш взгляд, лингвоконцептология пока не представляет единого раздела лингвистического знания. Это совокупность выполненных в русле различных направлений современной лингвистики (когнитивистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, психоллингвистики, психопэтики, коммуникативной стилистики и т.д.) исследований, берущих в качестве объекта изучения определенный концепт или группу концептов: «концептологический подход направлен на обобщение достижений культурологии, лингвистики, страноведения, когнитологии, этнологии и ряда других дисциплин, а также на систематизацию терминов и категорий, которыми эти дисциплины оперируют» [Слышкин, 2000, с. 10].

В монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина концепт признается центральной единицей когнитивной лингвистики в целом, а одной из главных целей лингвокогнитивного анализа считается «моделирование содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы)» [Попова, Стернин,

2006, с. 9]. В этой же работе вычленены основные направления в отечественной когнитивной лингвистике [Там же, с. 12], среди них авторы называют *культурологическое* – исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук; *лингвокультурологическое* – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры; *логическое* – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы; *семантико-когнитивное* – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере и др. Показательно, что исследователями (З.Д. Поповой и И.А. Стерниным) упоминается, но не развивается точка зрения Е.С. Кубряковой о плодотворности когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых фактов, согласно которой когнитивно-дискурсивный подход наделяется статусом парадигмы, имеющей весомую научную значимость [Кубрякова, 2004, с. 14].

Какой же смысл вкладывает Е.С. Кубрякова в определение *коммуникативно-дискурсивный*, намеренно возвращаясь к его трактовке в разных своих работах, представленных, например, в монографии «Язык и знание»?

Отталкиваясь от тезиса о доминировании в настоящее время двух парадигм – когнитивной и коммуникативной, ученый считает закономерным и результативным их «своеобразный синтез для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистики» [Там же, с. 36 – 37]. Видимо, этот синтез и выражает анализируемое терминологическое определение, ведь в известной работе «Части речи с когнитивной точки зрения» части речи предлагается называть когнитивно-дискурсивными категориями. Второй компонент сложного прилагательного «когнитивно-дискурсивный» указывает на «созданность подобных структур для их дальнейшего участия в актах коммуникации» [Там же, с.37].

Однако, утверждая, что «слово живет в актах общения, процессах коммуникации, в дискурсе» и «изучать слово вне процессов коммуникации бесплодно», Е.С. Кубрякова, по сути, говорит об изучении языковых реалий не в конкретных свершенных, воплощенных формах коммуникации (текстах), а в их функциональной потенциальной предназначенности, в их динамической сущности – «для чего они предназначены в речи» [Там же, с. 216]. Такой подход закономерно приводит к отождествлению дискурсивного и синтаксического, к рассмотрению частей речи в

качестве «участников формирования структуры “топик – коммент”» [Там же, с. 229].

Описанный ракурс исследований дискурса «вообще» – абстрактной модели речемыслительной деятельности и проекций ее результата – вне конкретных дискурсивных типов и разновидностей, плодотворен, на наш взгляд, именно для изучения концептов высокой степени обобщенности и абстрактности, концептов, отражающих изоморфизм «знаний о мире» и «знаний о языке» в сознании, таких как части речи, языковые категории (например, аспектуальности) (см.: [Белошапкина, 2008]), модели словообразования (см.: [Позднякова, 1999]).

В то же время, по выражению Е.С. Кубряковой, «дискурс – это особая форма использования языка» [Кубрякова, 2004, с. 526], и здесь в определении *особая* уже звучит необходимость обособления различных типов дискурса и дискурсивной деятельности, носящей отчетливо выраженный специализированный, социально обусловленный характер и не могущей быть описанной «вне указания на среду ее проявления – бытовую, научную, профессиональную» [Там же], вне реального времени ее протекания (исторического фактора) и социальных ее детерминант.

Таким образом, в работах классика отечественной когнитивной лингвистики представлены два понимания и самого терминопонятия *дискурс*, и, как следствие, два отчетливо вычлняющихся в работах лингвистов подхода к когнитивно-дискурсивному описанию языково-речевых сущностей.

Первый из них (собственно когнитивно-дискурсивный) апеллирует к интерпретации дискурса как некоей абстракции вне его конкретных реализаций (конкретные реализации служат здесь, скорее, материалом построения обобщенных моделей употребления языка), второй же (когнитивно-стилистический) – к определенным специфическим разновидностям дискурсивных практик в совокупности их конституирующих особенностей и стилистической приуроченности, включая ее экстралингвистические (тематические, ситуативные и др.) проявления.

В рамках первого подхода плодотворен анализ абстрактно-логических концептов, детерминированных общими закономерностями сознания и мышления. В рамках второго – анализ культурных концептов, имеющих социальную природу и обнаруживающих свои спецификации в определенных типах дискурсивных практик, а следовательно, в определенных типах текстов.

В свете сказанного выше сопоставим разные варианты реализации когнитивно-дискурсивного подхода в двух докторских диссертациях, названия которых начинаются с атрибута «когнитивно-дискурсивное». Это работы Т.В. Белошапковой «Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке» [Белошапкова, 2008] и С.В. Ракитиной «Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста» [Ракитина, 2007].

В первой из рассматриваемых работ «термин “дискурсивный” употребляется в значении “функциональный”» [Белошапкова, 2008, с. 8], описываются закономерности организации и функционирования категории аспектуальности, которая представляет собой набор девяти концептов-примитивов, передающихся в языке тремя типами фреймов, самым продуктивным из которых является поверхностный синтаксический фрейм. Далее специально оговаривается, что среди вариантов пониманий дискурса избираются именно те, в которых «такой параметр, как социальная активность человека, не является существенным» [Там же, с. 10]. Рассматривая концептуальную, фреймовую и прототипическую семантику в качестве трех проявлений концепта как родового понятия (здесь, видимо, термином *родовое понятие* означает именно те феномены, которые Е.С. Кубрякова называет «концептами самого высокого уровня»), исследователь останавливается на фреймовой семантике. Действительно, понятие фрейма позволяет осмыслить речевую деятельность в русле теории стереотипных ситуаций и пропозиционализации как процесса вербализации мысли, а результатом избранного подхода становится выявление идеализированных когнитивных моделей как способа ментального представления мира с помощью структур категории аспектуальности. Таким образом, нами рассмотрен пример исследования, в котором в рамках «внесоциального», абстрактного понимания дискурса плодотворно анализируются абстрактно-логические концепты, структурирующие определенную грамматическую категорию.

В диссертации С.В. Ракитиной мы, напротив, наблюдаем исследование конкретной дискурсивной разновидности – рассмотрение «проблем онтологии научного текста: дискурсивного пространства и когнитивных условий его формирования» [Ракитина, 2007, с. 3]. С.В. Ракитина так же, как автор ранее анализируемой работы, наиболее перспективным для изучения своего объекта считает «предложенный Е.С. Кубряковой когнитивно-дискурсивный подход, ориентированный на постижение речемыслительных особенностей научной деятельности и идей прагматически ориентированной

дискурсивной лингвистики» в целях «познания взаимосвязей языковых и внеязыковых факторов создания и понимания научного текста» [Там же, с. 4 – 5]. Именно такой ракурс позволяет определить основную единицу анализа (коммуникативно-когнитивный блок) и выявить как общие закономерности когнитивно-коммуникативной организации научного текста, в частности, по оси адресант – адресат, так и идиостилевые приемы вербализации когнитивно-дискурсивной деятельности автора-ученого (В.И. Вернадского), например, лексико-синтаксические повторы, вопросительные высказывания и др.

Концепт в этой работе закономерно получает дискурсивную, текстовую определенность – речь идет именно о научном концепте, который выступает «ядром научного дискурса», а его смыслообразующий потенциал «обеспечивается его особой структурой», включающей «специальный слой, содержащий признаки научного (аргументированного и достоверного) видения мира тем или иным научным сообществом, научным направлением» [Ракитина, 2007, с. 12]. Кроме того, концепт мыслится как текстовый: за рождение и вербализацию нового знания «отвечает» концепт-стимул (возбудитель), а «концепт текста рассматривается как «глубинный смысл» познаваемого ученым объекта, свернутая смысловая структура» [Там же, с. 26 – 27].

Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемое когнитивно-дискурсивное исследование научного текста, оперирующее понятиями конкретной разновидности дискурса и выходящее на постижение специфики идиостиля определенного ученого, созвучно тому направлению когнитивных исследований текста, которое Н.С. Болотнова назвала когнитивно-стилистическим и которому свойственно «внимание к отдельным концептам и формам их репрезентации в текстах разных стилей» [Болотнова, 2004а, с. 15].

При этом когнитивно-стилистическое изучение текстовых концептов значительно отличается от представленного в многочисленных работах по преимуществу лингвокультурологической (см. работы В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина) или семантико-когнитивной (см. работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина) направленности, где «речь идет о концепте на уровне узуса, имеющем внетекстовый характер, концепте-инварианте» [Болотнова, 2004а, с. 13].

Обобщающая опыт большого количества исследований методика анализа концепта-инварианта, представленная в исследовании З.Д. Поповой и И.А. Стернина, обозначает текст лишь в качестве одного из средств, «овнешняющих языковое сознание», наряду с «отдельными словами, свободными словосочетаниями,

фразеологизмами, структурными синтаксическими схемами, паремиями и ассоциативными полями» [Попова, Стернин, 2006, с. 140], а в составленный данными учеными список источников, из которых «концепты формируются в сознании человека» [Там же, с. 86], текст не включен вообще. В ряду таких источников, так или иначе подразумевающих текстовую деятельность, называется языковое общение (ср.: «концепт может быть сообщен, разъяснен, предложен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения...» [Там же]).

Однако именно текст как форма коммуникации и семиотически материализованный продукт речемыслительной деятельности, а не только языковое сознание, является естественной средой рождения и обитания концепта в его вербальной объективности и социально-исторической реальности, текст в коммуникативно-дискурсивном понимании как «событие жизни текста» (М.М. Бахтин), организующее диалог между автором и адресатом и формирующее как индивидуальное, так и общественное сознание. В тексте концепт получает семантическую и коммуникативную определенность.

Приведенный выше обзор приводит нас к следующему выводу: несмотря на то, что в последнее время концептология – совокупность исследований концептов в рамках различных направлениях лингвистической мысли – бурно и плодотворно развивается, остается много вопросов, касающихся определения (1) имманентной сущности (природы) концептов, (2) их типологии и (3) методологии их анализа.

На наш взгляд, можно выделить как минимум три значительно отличающихся друг от друга ветви лингвоконцептологии, по-разному отвечающих на все три поставленных выше вопроса. Данные разновидности лингвоконцептологического анализа, условно названные нами собственно когнитивно-дискурсивным, лингвокультурологическим и когнитивно-стилистическим, так или иначе связаны с признанным в настоящее время приоритетным когнитивно-дискурсивным подходом к изучению языково-речевых сущностей.

Когнитивно-дискурсивный подход в равной мере свойствен когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, наделяющих концепт статусом одного из ключевых понятий. При этом, по крайней мере в том, что касается концептуального анализа, между этими отраслями современной лингвистики нет, да и не может быть четкой демаркационной линии. Отличия же фокусируются в основном в области методологических нюансов. Лингвокогнитивистика, как правило, изучает языковые, зачастую – грамматические, универсалии в пределах одного или нескольких языков, т.е. «концепты самого

высокого уровня – самые обобщенные и абстрактные», которые «обычно выражаются в языках мира в грамматике и с помощью грамматических категорий» [Кубрякова, 2004, с. 313]. Лингвокультурология же сосредоточена на компаративном описании этнокультурных / субкультурных уникалий и уникальных спецификаций общекультурных универсалий.

Особенно четко непротиворечивое единство когнитивистики и лингвокультурологии обозначено в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина, где концепт признается центральной единицей когнитивной лингвистики в целом, а одной из главных целей лингвокогнитивного анализа считается моделирование содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы) [Попова, Стернин, 2007]. Как видим, ученые видят такую траекторию движения: от когнитивного анализа концепта (моделирования его содержания и структуры) к лингвокультурологическому его описанию (как единицы национальной концептосферы).

Вследствие этого дифференциация разных версий лингвоконцептологического анализа обусловлена не столько спецификой разных областей современной лингвистики (когнитивистики, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики и др.), сколько веерообразной вариативностью реализаций в солидном корпусе лингвоконцептологических исследований когнитивно-дискурсивного подхода, возводимого Е.С. Кубряковой в ранг парадигмы.

Какова же причина появления наблюдаемой в современной лингвистике отнюдь не хаотической разноголосицы, а именно вполне упорядоченной системы различающихся как сущностными, так и процедурными параметрами вариантов концептуального анализа? На наш взгляд, причина эта совершенно объективна и лежит в сфере естественно сложившихся к настоящему моменту пониманий дискурса, пониманий, число которых настолько велико, насколько велико количество научных концепций, оперирующих анализируемым термином (ср.: «Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык» [Карасик, 2004, с. 227]).

Отвлеченно-абстрактное понимание дискурса сложилось в школе когнитивной лингвистики, возглавляемой Е.С. Кубряковой. Присущая данному пониманию интерпретация дискурса как абстрактной модели речемыслительной деятельности и проекций ее результата вне конкретных дискурсивных типов и разновидностей,

плодотворна, на наш взгляд, именно для изучения концептов высокой степени обобщенности и абстрактности.

Конкретизация пониманий дискурса, актуальных для лингвоконцептологии, происходит по оси *язык – речь* (как процесс речевой деятельности и ее результат) – *текст*. Глубокий и весьма полный обзор в разной мере текстоориентированных трактовок дискурса представлен в книге В.И. Карасика [Карасик, 2004, с. 226 – 240].

Коммуникативно-функциональное рассмотрение дискурса как использования языка в социальном и культурно-ситуативном контексте органично присуще анализу концептов-культурных доминант, или т.н. констант культуры (термин Ю.С. Степанова), в работах лингвокультурологической (см. труды В.И. Карасика, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина) или семантико-когнитивной (см. труды З.Д. Поповой и И.А. Стернина) направленности.

При интерпретации культурных концептов как «многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных *в той или иной языковой форме*» (курсив наш – О.О.) [Там же, с. 117], текст как единица культуры, причем преимущественно этнокультуры, и продукт языкового существования (термин Б.М. Гаспарова) определенного социума, становится лишь одним из средств репрезентации концепта. Кроме того, в лингвокультурологических исследованиях «концепт – всегда объект сопоставительного анализа, подразумевающего сравнение: внутриязыковое, когда сопоставляются облик и функционирование концепта в различных «областях бытования» – дискурсах (научном, политическом, религиозном, поэтическом и пр.) и сферах сознания; межъязыковое, когда сопоставляются концепты различных языков» [Воркачев, 2003, с. 8]. Следовательно, по сути, здесь (повторим важную для нас мысль ученого) «речь идет о концепте на уровне узуса, имеющем внетекстовый характер, концепте-инварианте» [Болотнова, 2004а, с. 13].

Что, по нашему мнению, имеется в виду под понятиями «внетекстовый характер» и «концепт-инвариант» в приведенной цитате из статьи Н.С. Болотновой «Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста», если исходить из пресуппозиции, что инвариант – всегда результат обобщения интегративных признаков вариантов при отсечении дифференциальных?

Концепт-инвариант – это модель определенной значимой для конкретной лингвокультуры, ряда лингвокультур или культуры человечества в целом смысловой доминанты, построенная на основе

анализа как языковых (словарные дефиниции, фразеологизмы, типичные коллокации и т.д.), так и речевых ее эманаций. Причем при моделировании концепта-инварианта речевые произведения анализируются в целях «вывести» концепт за рамки конкретных репрезентирующих его текстов на уровень узуса за счет обнаружения общих для всех текстовых вариантов реализации концепта смысловых признаков, тем самым придав ему (концепту) «внетекстовый характер» (ср.: «Любой концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке» [Маслова, 2008, с. 111]).

Показательно, что в методике установления смыслового объема концепта, представленной в книге В.А. Масловой [Там же, с. 118], рекомендуется «привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, научные, философские, публицистические, пословицы, поговорки и т.д.». Описанная процедура предполагает реконструкцию смыслового объема концепта на основе анализа максимально возможного количества материализующих концепт контекстов при абстрагировании от их стилистической приуроченности, включая ее экстралингвистические (тематические, ситуативные) проявления. И это закономерно, поскольку стилистические характеристики текста обуславливают именно дифференциальные признаки концепта, признаки, учет которых автоматически переводит исследование концепта-инварианта, концепта в «снятом виде», в исследование концепта-варианта, т.е. текстового концепта.

Безусловно, при присутствии когнитивно-стилистическому анализу концептов социально ориентированном и коммуникативном понимании дискурса как «текста, погруженного в жизнь» (Н.Д. Арутюнова) в выборе оснований для типологий дискурсов именно *стилистическая сущность текста* – продукта дискурсивной деятельности человека – должна играть главную роль. Логически оправданным является выделение таких стилистически приуроченных (соотносящихся со стилями, подстилями и иными типологическими разновидностями современной дискурсивно-стилистической системы) типов дискурса, как научный, художественный, деловой, разговорный, медиадискурс и т.д.

Что касается изучения концептов в их конкретном когнитивно-стилистическом воплощении в текстах разных стилей, то в данном случае необходимо говорить в первую очередь о дискурсивно-стилистически маркированных концептах, «получивших прописку» либо обнаруживающих яркую специфику в определенном стилистически отмеченном типе дискурса: о научных концептах – в научном дискурсе, о художественных – в дискурсе художественной

литературы, о медиаконцептах – в медиадискурсе и т.д. (ср.: «Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском» [Маслова, 2008, с. 112]).

Ярко демонстрируют различие лингвокультурологических и когнитивно-стилистических исследований свойственные им методологические установки по поводу имени концепта. В рамках лингвокультурологического подхода даже различные лексико-семантические варианты полисемантов рассматриваются как номинации единого концепта культуры, имеющего «прямую языковую проекцию» [Карасик, 2004, с. 124]. Так, В.И. Карасик отмечает, что «концепт «звезда» в языке обозначает светящуюся неподвижную точку на ночном небосводе, по ассоциации – фигуру с исходящими от нее лучами, как правило, остроконечную, далее по ассоциации – яркую личность, яркое явление. Научное понятие «звезда» резко отличается от бытового или наивно-языкового...» [Там же]. Как видим, по мысли лингвокультурологов, все значения слова (в том числе и представленное в энциклопедическом определении), как и весь репертуар его потенциальных реализаций, фокусируют смысловое единство концепта, а «словарная дефиниция считается “ядром концепта”» [Маслова, 2008, с. 118], его актуализацией, хотя и «всегда частичной... по отношению к смысловому потенциалу» [Карасик, 2004, с. 124].

При когнитивно-стилистическом подходе единство концепта, основанное на инвентаризации его словарных значений, весьма условно. Тексты определенных дискурсивно-стилистических разновидностей порождают, материализуют и транслируют разные концепты или типы концептов, даже если имена этих концептов – одна лексема или один ее лексико-семантический вариант. Исследователь, исходящий из признания объяснительной силы дискурсивно-стилистической природы концепта, увидит в приведенном выше описании концепта *звезда* по крайней мере три присущих современному употреблению концепта: наивно-бытовой (его актуализирует прямое значение слова в бытовой сфере общения), научный (его актуализирует значение термина) и медиаконцепт (его актуализирует то переносное значение, которое регулярно эксплицируется в медиасфере, ср. *фабрика звезд*). При этом даже моносемант в разных дискурсивно-стилистических сферах ввиду кардинальной разности семантики и прагматики контентов, стимулируемых данным моносемантом, может маркировать разные концепты (например, концепт *нефть* как научный и медиаконцепт; концепт *преступление* как художественный и юрисконцепт).

Какие типы концептов целесообразно и органично описывать в рамках лингвокультурологического и когнитивно-стилистического анализа?

Безусловно, обе разновидности имеют в качестве объекта достаточно объемный корпус культурных концептов, представленный, например, в известном словаре констант русской культуры Ю.С. Степанова. Считая константы концептами, «которые устойчивы и постоянны» [Степанов, 1997а, с. 7], один из основоположников культурной концептологии на основе анализа разнообразных фактов этимологии, истории и нарративной жизни слова реконструирует различные слои концепта, которые являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, моделирует концепт. При этом модель константы культуры мыслится как сложившееся в концептосфере носителя языка в результате длительной культурно-языковой эволюции «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой» [Маслова, 2008, с. 110]. В определенном смысле мы имеем здесь констатирующее описание, описание того, что уже свершилось, сложилось, утвердилось как некая обобщенная лингвокультурная целостность.

Когнитивно-стилистический анализ культурных концептов как текстовых концептов ставит целью обнаружение и описание их спецификаций в определенных типах дискурсивных практик, а следовательно, в определенных типах текстов. Текст же интерпретируется как коммуникативно-динамическое речевое произведение, организующее диалог между автором и адресатом и в процессе этого диалога формирующее как индивидуальное, так и общественное сознание. Поэтому при таком подходе правомернее говорить не о сложившейся модели концепта – обязательном и относительно устойчивом фрагменте национальной картины мира, а о миромоделирующем потенциале текстового концепта – его возможности формировать тот или иной фрагмент модели мира как отдельного читателя, так и коллективного.

Миромоделирующий потенциал концепта и его функционирование во многом детерминированы стилистическими особенностями того текстового континуума, в котором он «обитает». Например, фактор художественно-образной конкретизации (М.Н. Кожина) и эстетического приращения смыслов (Б.А. Ларин), доминирование эстетической функции в художественной сфере коммуникации определяют специфику художественных концептов, которые являются на сегодняшний день наиболее изученными и по количеству, и по степени разработанности методик их анализа. Как «единица поэтической картины мира автора, имеющая эстетическую

сущность и образные средства выражения, обусловленные авторским замыслом» [Болотнова, 2005а, с. 347], художественный концепт, даже будучи константой культуры, всегда получает в неповторимом поэтическом мире автора уникальное воплощение, служащее обогащению картины мира читателя и концептосферы культуры в целом. Например, концепт *язык*, являющийся, по выражению Н.Д. Арутюновой, «центральной для лингвистики, но периферийным для обыденного сознания» [Арутюнова, 2000, с. 11] (в данной цитате обращает на себя внимание явное различие научного и обыденного, узуального концепта), в лирике И. Бродского становится доминантным, формирующим такое сущностное свойство концептуальной картины мира автора, как «лингвоцентризм» (см.: [Орлова, 2002]).

Активно и плодотворно изучаются художественные концепты в коммуникативной стилистике текста, в работах представителей этой школы сложилась определенная типология художественных концептов. Среди художественных концептов в рамках дихотомии коллективная / индивидуальная концептосфера условно выделяются узуальные (типовые) и индивидуально-авторские концепты (например, концепт *несказанное слово* в лирике З. Гиппиус (см.: [Яцуга, 2004]).

Анализ смыслового развертывания концептов в тексте, а также лексической и концептуальной структуры текста позволяет выявлять по эстетической роли в системе текста концепты-локативы и идейно значимые, ключевые концепты, по структуре – отдельные художественные концепты, концептуальные пары, концептуальные структуры и гиперконцепты как обобщение всей концептуальной структуры текста [Болотнова, 2005а, с. 349].

Актуализация социокультурной роли массмедиа и кардинальные преобразования в структуре современного информационно-коммуникативного потока в целом обусловили всплеск интереса к отражению концептов в СМИ. Можно отметить, например, особую активность в изучении медийной репрезентации лингвострановедческих концептов (см.: [Куданкина, 2005; Пименова, 2007]).

Особую роль в коммуникативно-когнитивной организации дискурса СМИ, репрезентирующего, а главное, детерминирующего общественное сознание, играют вербально-ментальные феномены особого рода – медиаконцепты (например, *нефть*, *нано*, *гламур* и др.). Эти концепты, в отличие, например, от художественных, будучи обусловлены объективными социальными, экономическими, политическими реалиями, порождены и максимально актуализированы именно массмедийным информационным процессом.

Подведем итоги. Кроме культурных концептов (констант культуры) заслуживают отдельного внимания вербально-ментальные феномены, имеющие стабильную и прочную привязку к конкретной дискурсивно-стилистической разновидности. Уровень их дискурсивно-стилистической маркированности столь высок, что совокупность репрезентирующих их текстов той или иной стилистической принадлежности становится необходимой и единственно возможной органичной средой их «воконцептовления»: рождения, бытования, функционирования, ассоциативно-смыслового развертывания. Так, средой рождения и обитания, «воконцептовления» медиаконцептов является именно массмедийный дискурс.

Под «воконцептовлением» мы понимаем приобретение определенным вербализованным понятием статуса концепта за счет усложнения его смысловой организации (появления новых слоев смысла), увеличения семантического и коннотативного объема.

Главными инструментами когнитивно-стилистического анализа являются разработанные в коммуникативной стилистике текста понятия ассоциативно-смыслового поля и векторов ассоциативно-смыслового развертывания концепта (см.: [Болотнова, 2000, 2008; Орлова, 2002, 2004]). Ассоциативно-смысловое поле концепта – это совокупность его вербальных репрезентаций и лексем, находящихся с ними в радиусе ассоциативного взаимодействия. Векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта – это ключевые направления ассоциирования, стимулируемые текстовыми структурами, репрезентирующими концепт, и формирующие «несущие оси» его миромоделирующего потенциала.

Обобщим описанные выше основные параметры трех выделенных направлений лингвоконцептологического анализа в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Направления лингвоконцептологического анализа

Направление анализа	Единицы анализа	Формы репрезентации и концептов	Процедура анализа	Результат анализа
Собственно когнитивно-дискурсивный	Концепты высокого уровня абстракции, абстрактно-логические концепты	Языковые универсалии, структуры и категории	Моделирование когнитивной структуры концепта в одном или нескольких языках	Описание когнитивной модели концепта в языке как системе, представленно

	(части речи, деривационные модели и др.)			й в человеческом сознании
Лингвокультурологический	Культурные концепты, константы культуры (<i>время, пространство, человек</i> и др.)	Все языковые и текстовые экспликации концепта	Моделирование смыслового объема концепта	Описание фрагмента национальной концептосферы
Когнитивно-стилистический	Текстовые дискурсивно-стилистически маркированные концепты (<i>гламур, нефть</i> как медиаконцепты, <i>преступление, наказание</i> как юрисконцепты и др.)	Репрезентации концепта в текстах определенной дискурсивно-стилистической природы	Моделирование ассоциативно-смыслового развертывания концепта в тексте или дискурсе	Описание миромоделирующего потенциала концепта с учетом его дискурсивно-стилистической приуроченности

Необходимо отметить несомненную актуальность и перспективность находящегося в стадии становления когнитивно-стилистического направления анализа концептов, особенно дискурсивно-стилистически маркированных концептов, обладающих по сравнению с концептами культуры как семантической, так и функциональной спецификой, требующей изучения и описания. О специфике медиаконцептов речь пойдет в следующем параграфе работы.

2.2. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта

Несмотря на признание в современной лингвоконцептологии главенствующей «роли дискурса как среды и основного фактора формирования концептуального содержания», а «становления дискурса и формирования принадлежащих ему концептов как взаимосвязанных процессов» [Крючкова, 2009, с. 32 – 33], до сих пор из дискурсивно маркированных концептов значительное целостное теоретическое осмысление получили лишь художественные

(подробный обзор теоретических подходов к изучению художественных концептов см. в [Болотнова, 2005б]).

Кроме того, культурные концепты (по Ю.С. Степанову – константы культуры) в лингвокультурологии и когнитивистике рассматриваются по преимуществу в системно-структурном, статическом аспекте, когда концепт моделируется как некий инвариант – результат обобщения интегративных «наддискурсивных» признаков концепта, а его дискурсивно отмеченные варианты рассматриваются как «специфические дополнительные признаки» [Лингвокультурный концепт, 2007, с. 7]. Иными словами, концепт трактуется как некий обобщенный конструкт коллективного языкового сознания, способный к дискурсивному варьированию, при котором варианты актуализируют вторичные по отношению к интегральным дифференциальные признаки концепта.

Однако, помимо констант культуры, сложившихся в полидискурсивной среде в результате длительной культурной эволюции и эксплицированных не только в текстах разных стилей и жанров, но и в языке в виде паремий, устойчивых коллокаций, выделяются семантические универсалии, приобретающие статус концепта только в определенном дискурсе.

Медиаконцепты рассматриваются нами как лингвосемантические феномены особого рода, отличающиеся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедшие в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставшие средством формирования и трансформации массового сознания. При этом мы подчеркиваем облигаторность динамического подхода к их анализу.

Данный ракурс лингвоконцептологического анализа предполагает изучение концептов в динамике их коммуникативно-дискурсивного существования. В соответствии с этим концепт рассматривается, во-первых, в аспекте эволюции средств его вербальной объективации и семантического наполнения в медийной дискурсивно-стилистической среде на определенной временной оси, во-вторых, в аспекте дискурсивно обусловленных детерминаций его способности быть медиатором социально значимых смыслов, ценностей, установок.

Базовыми характеристиками, позволяющими провести валидную процедуру анализа медиаконцепта, являются его **жизненный цикл** и **миромоделирующий потенциал**. Под *жизненным циклом медиаконцепта* понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования. *Миромоделирующий потенциал медиаконцепта* определяется нами как способность в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в массмедийном

текстовом континууме выполнять лингвоментально-креативные и трансформативные функции, формируя постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума.

Необходимо отметить, что процесс дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта в целом обусловлен динамикой **концептуального напряжения**, стимулируемого экспликаторами концепта, прежде всего – его именем, в процессе ассоциативно-смыслового развертывания медиатекстов.

Понятие *концептуального напряжения*, освещая проблему языковой рефлексии в постсоветскую эпоху, подробно описывает И.Т. Вепрева. Она справедливо считает сам факт наличия в тексте рефлексивов (вербальных маркеров метаязыковой рефлексии автора) сигналом концептуального напряжения, обусловленного необходимостью «особой языковой бдительности говорящего, его осознаваемой селекции». По мысли исследователя, «очаги речевого напряжения» в дискурсивном пространстве и в речемыслительной деятельности возникают на уровне «превербального этапа формирования речевого высказывания» тогда, когда пишущий, вводя в текст, к примеру, агноним или окказионализм, осознанно отступает от нормы и вынужден во избежание коммуникативного сбоя комментировать это отступление [Вепрева, 2005, с. 102 – 104].

Мы же считаем, что метаязыковая рефлексия – лишь один из важных признаков роста концептуального напряжения, всегда сопровождающего рождение и бытование медиаконцепта. Сама принципиально интерактивная природа медийной коммуникации стимулирует рассматривать концептуальное напряжение с позиций не только первичной коммуникативной деятельности, но и вторичной, поскольку новая информация, заложенная в текст посредством использования той или иной языковой аномалии, должна быть адекватно понята читателем, совершающим в процессе ее декодирования повышенные когнитивные усилия. Языковая рефлексия в данном случае выступает одним из способов установления гармоничного диалога с адресатом, вынужденным интерпретировать нестандартный смысл сообщения.

Процесс генерации и генерализации новых смыслов, сопровождающих имя концепта и его другие репрезентанты в медиатекстах, требует и от автора, и от адресата коммуникативного и когнитивного напряжения. В проекции на смысловую структуру создаваемого и воспринимаемого текста оно фокусируется в свойстве **концептуального напряжения**, понимаемого нами как повышение информативно-смысловой и прагматической нагруженности

организованного определенным медиаконцептом контекста (от минимального контекста высказывания или абзаца до максимального контекста ассоциативно-смыслового развертывания концепта в медиадискурсе в целом).

Попытаемся описать механизм роста концептуального напряжения. На стадии зарождения медиаконцепта, «воконцептовления» того или иного вербализованного в текстах СМИ понятия, обретения им статуса концепта происходит усложнение его смысловой организации и увеличение семантического объема. Например, понятия *нефть*, *нано*, *гламур* в их вербальной объективации стали концептами вследствие увеличения и усложнения их смысловой структуры за счет появления в ней особого слоя социально отмеченных медийных смыслов. Причем этот слой по причине многократной намеренной и осознанной его актуализации в текстовом массмедийном континууме, повинувшись механизму, изоморфному описанному И.А. Стерниным семному варьированию, становится ядерным, а объем этого слоя может разрастись настолько, что первоначальный понятийный слой может быть практически вытеснен.

Подобные семантические трансформации, произошедшие с заимствованиями *демократия*, *фашизм*, *патриотизм*, *менеджер* в языке современных отечественных СМИ, рассматривает Б.Ю. Ушаков, утверждая, что данные понятия расширили семантику «в сторону символа» и стали гиперонимами вследствие «разрушения денотативных отношений между словом и его референтом», а их «современный расширенный импликационал не соответствует экспликационалу» [Ушаков, 2009, с. 94 – 97].

Закономерно, что такие происходящие в дискурсивном медиапространстве семантические эволюционные сдвиги отчетливо осознаются медиарайтерами: *В языках романо-германской группы слово «гламур» более-менее безобидное. Нет в нем той невероятной глубины смыслов, которая теперь свойственна этому слову в русском языке. За последние годы этот термин стремительно эволюционировал, приобретая все новые и новые значения (Большой город, 2006, 1 дек.); Что уж говорить о нефти, «заголовочнее» которой немного слов в современном лексиконе. Совершенно гуманитарные люди почему-то знают, сколько стоит баррель нефти, и волнуются по этому поводу. А спроси их: что такое «баррель»? В дословном переводе – «бочка». А какая – какая разница: главное, что в выпусках новостей без этой бочки не обходятся (по секрету, баррель – 159 литров) (Российская газета, 2008, 22 февр.); Гламур и глянец – вещи неразделимые? Это понятия очень близкие. Глянец – glossy –*

это то, что блестит, сверкает, сияет. А гламур – glamour... – никто толком не знает, что это такое (Независимая газета, 2007, 12 июля).

Как видим, языковая рефлексия пишущих отчетливо и выпукло демонстрирует осознание носителями языка не только значительного усложнения смысловой структуры актуальных медийных концептов, но и их эволюционный дрейф к референциальной диффузности, размытости и неопределенности, знаменующий тенденцию к «фантомизации» их семантики.

О фантомности как имманентной характеристике концепта говорит в финале статьи «Концепт как «зонтиковый термин»» С.Г. Воркачев: «Очевидно, можно утверждать, что «(лингво/культурный) концепт» представляет собой в достаточной мере «фантомное» ментальное образование как в силу своей эвристичности – он принадлежит к инструментарию научного исследования, – так и в силу того, что он является своего рода «ментальным артефактом» – рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той же «духовной реальности» [Воркачев, 2003, с. 12].

Заметим, что исследователь имеет здесь в виду искусственно сконструированную учеными наддискурсивную статическую модель лингвокультурного концепта, концепта-инварианта. Мы же, рассматривая в динамическом аспекте дикурсивно-стилистическую эволюцию концепта, приписываем свойство фантомности находящемуся в процессе постоянного смыслового видоизменения содержанию текстового концепта в совокупности его вариативных текстовых модификаций.

Необходимо отметить, что *фантомность* как лингвистическая категория и терминоид часто фигурирует в современных трудах по лексической семантике, посвященных специфике семантических трансформаций при употреблении в реальной речевой практике определенных разрядов лексики. Так, М.Э. Рут размышляет о фантомности имен собственных, которые носитель языка склонен наделять фантомными денотатами – апелляциями к культурно значимым тезкам-прообразами (например, Богородице или Просто Марии как прообразами реальной современницы, носящей это имя) – и фантомными коннотатами, «определяющими деление имен на «высокие» и «низкие»» [Рут, 2001, с. 64].

Предметом исследования Е.И. Гусевой стали семантические трансформации, происходящие со специальной терминологией в процессе вхождения ее в общее употребление. Ставя вопрос о «реальности или фантомности» семантики термина за пределами его ограниченной сферы употребления и утверждая, что «слово, как бы ни

парадоксально выглядело или звучало это утверждение, перестает быть термином, когда оно перестает употребляться как термин» [Гусева, 2008, с. 16], автор в качестве одного из примеров для анализа избирает имя актуального в конце 1990-х гг. медиаконцепта *дефолт*. Исследователь отмечает: «Когда слово *дефолт* узнали «все», перестал действовать такой показатель, как ограниченность области употребления слова профессиональной сферой. И в этом смысле не важно, насколько глубоко эти «все», как и каждый в отдельности, понимают терминологическое значение этого слова... Возможные варианты ответа на вопрос «Что такое дефолт?» – «Термин, относящийся к области экономики». «Что-то, имеющее отношение к деньгам». «То, что было в 1998 году»» [Там же, с. 15 – 16].

В приведенной цитате для нас важна фиксация факта семантической перестройки содержательного наполнения слова, его «отрыва от денотата» (термин Н.Д. Арутюновой) в момент перехода из одной дискурсивной среды (научной) в другую – медийную, а впоследствии – в повседневно-бытовую. Очевидно, что в настоящее время большинство лексем ограниченного употребления проникает через посредство СМИ в узус (в терминологии автора цитаты – в общий язык). Причем в этот момент не происходит смены предмета номинации, вернее, знание об исконном предмете номинации просто остается за пределами актуальной зоны сознания коммуникантов и часто редуцируется до смутного информационного рефлекса, служащего, тем не менее, необходимым импульсом для наполнения семантической матрицы слова новыми медийными смыслами.

Следовательно, в данной экстремальной коммуникативной ситуации автор и, соответственно, адресат медийного сообщения вынуждены прибегать к многократно усиливающим концептуальное напряжение контекста когнитивным процедурам аппроксимации и интерполяции – находить и выводить приблизительное значение новой величины по известным и близким значениям. В качестве таких известных и близких семантических величин, как правило, выступают устойчивые ассоциаты, структурирующие векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта.

Под **вектором ассоциативно-смыслового развертывания** мы подразумеваем определенное направление смысловой динамики концепта, характеризующееся единством стимулируемых медиарайтерами ассоциативных корреляций и аксиологических установок. Предполагаемое развертывание концепта не только в плоскости текста, но и по «стреле времени» (термин Н.А. Кузьминой), а также в различных пространственных координатах (столицы, регионы и т.д.) отличает векторы ассоциативно-смыслового

развертывания концепта от направлений ассоциирования, под которыми в коммуникативной стилистике текста принято понимать «совокупность текстовых ассоциатов, отражающих какую-либо одну сторону (грань) концепта» [Болотнов, 2007, с. 86].

В качестве примера магистрального вектора ассоциативно-смыслового развертывания медиаконцепта *нефть* приведем вектор нефтяной аддикции, породивший метафорический штамп *нефтяная игла*. См. заголовки материалов СМИ: *Эта коварная нефтяная игла*; *Соскок с нефтяной иглы*; *Нефтяная игла вредит России*; *Нефтяная игла станет длиннее*; *Укол нефтяной иглы* и др.

В русле данного направления интерпретации за счет многократной контекстной актуализации формируется устойчивая ассоциативная соотнесенность *нефть* – *зависимость*, а также сопутствующая ей пейоративная тональность социальной оценки.

Семантический и аксиологический антипод вектору аддикции – вектор идеализации, варьирующий от метафорики материнского первоначала, истока жизни (ср.: *Нефть – матушка*; *Нефтяные родники экономики*) до трансцендентального символа тотальной онтологической детерминанты всего сущего (ср.: *Нефть – это наше все*; к слову, данный лозунг фигурирует не только в качестве заголовка ряда медийных материалов, но и в качестве рекламного слогана расположенного в центре Новосибирска модного ночного клуба под названием «Нефть», см. рис. 1).

Рис. 1. Наружная реклама ночного клуба «Нефть» (г. Новосибирск)

Как правило, на стадии эволюционной зрелости концепт демонстрирует уже сложившуюся семантическую структуру в виде условного «генеалогического древа», несущие ветви которого представляют собой ключевые векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта разной аксиологической валентности.

Закон дискурсивно-стилистической эволюции концепта (доказательству регулярной действенности данного закона в той или иной степени посвящены последующие главы работы) мы можем сформулировать следующим образом. Чем больше концепт способен сформировать магистральных интерпретационных векторов, аккумулирующих вокруг себя зоны пикового концептуального напряжения, чем выше градус и чем разнообразнее спектр эмоционально-оценочных коннотаций, катализирующих аксиологическую конфликтность внутри интерпретационного поля концепта, тем более жизнеспособен концепт, тем длиннее его жизненный цикл, тем выше его миромоделирующий потенциал.

Наряду с этим, немаловажной обуславливающей миромоделирующие возможности концепта в медиасфере эволюционной характеристикой является способность концепта приобретать этнические и региональные спецификации. Подобные локально маркированные варианты развития значительно обогащают содержание концепта в плане новых «сюжетных линий» и в плане социоаксиологических интенций. Например, нетривиальную семантическую сопряженность нефти и высокой моды находим в прессе нефтедобывающего Азербайджана: *Особо была отмечена коллекция от кутюр Фахрии Халафовой «Богиня нефти», Азербайджан* (Жизнь национальностей, 2000, 23 июн.). Примером социоаксиологических интенций в корпоративной нефтяной прессе являются сверхпозитивные заголовки материалов одного из номеров газеты «Пермская нефть» (2010, 19 янв.): «Адреса милосердия», «Черное золото Прикамья», «Новый научный центр», «Общее дело», «Сильные духом».

Однако постепенно, по причине частотности воспроизведения, многократной актуализации ранее новых или же обновленных, а теперь привычных и узнаваемых ассоциативных связей, в интерпретационном поле концепта происходит сначала стабилизация зон концептуального напряжения, а затем, если этому сопутствует такой экстрадискурсивный фактор, как социальная деактуализация, — спад концептуального напряжения и постепенное «затухание» концепта. Действительно, обычно «естественной смерти» концепта предшествует нивелирование его социальной значимости,

деактуализация понятия в исторической реальности и общественном сознании.

Кроме того, «затуханию» концепта может способствовать факт своеобразной «вербальной конкуренции», когда на одно понятие претендуют две номинации. Так, концепт *гласность*, постепенно редуцировавшись до узкого и однозначного в современном словоупотреблении обозначения компонента политики перестройки, проводимой М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х, проиграл в конкурентной борьбе такой лингвокультурной универсалии, как *свобода слова*.

В соответствии с тенденцией к устранению смысловой дублетности языковое сознание современников воспринимает данные две номинации как синонимы и оставляет статус социально значимого концепта за интернационализмом. Ср. высказывание В. Познера о состоянии дел в современной журналистике: *И гласность вроде бы есть, и свобода слова* (Новая газета, 2010, 10 март.). По-видимому, это связано с факторами глобализации и социолингвистической престижности заимствований (причем не только слов как таковых, но и понятий!) по сравнению с русскими синонимами. Ср. с определением в «Политическом словаре» на Интернет-портале «Мир словарей» (URL: <http://mirslovari.com>): *Гласность – российское выражение и истолкование свободы слова*.

В отличие от «затухающих» концептов, определенные медийные доминанты характеризуются длительным жизненным циклом и высоким миромоделирующим потенциалом. Они обнаруживают иной сценарий развития, предполагающий обретение ими «культурной стабильности» посредством закрепления либо в семиосфере СМИ и массовой культуре, либо даже в семиосфере высокой культуры.

Результатом дискурсивно-стилистической эволюции таких концептов – ключевых смыслообразов, фокусирующих и определяющих наиболее значимые социокультурные тенденции развития общественного сознания эпохи, – становится их переход из статуса медиаконцепта в статус концепта культуры.

Ярким признаком «культурной стабилизации» концепта является появление в его интерпретационном поле тех или иных материализованных вербально версий философской и эстетической рефлексии современников. В этом случае вербально-ментальная целостность медиаконцепта выступает в роли базисного прототипа, лежащего в основе формирующейся лингвокультурной универсалии.

Формально данный процесс характеризуется расширением дискурсивных «сфер влияния» концепта. Как правило, стартовыми позициями немедийной реализации концепта становятся произведения

массовой культуры, научно-популярная беллетристика и эссеистика. Последняя, будучи, по сути, элитарной разновидностью аналитической журналистики, воплощает мировидческие интенции авторов-интеллектуалов и способствует насыщению концепта философскими социокультурными смыслами.

Так, феномен *гламура* осмысляется в статьях таких известных литераторов, как Т. Толстая (эссе 1998 г. носит название «Я планов наших люблю гламурье» (URL: http://scripts.online.ru/misc/news/98/09/10_229.htm)) и Н. Иванова (статья «Сюжет упрощения» опубликована в журнале «Знамя», 2007, № 6), оценивающих *гламур* как фактор духовной деградации общества. Неоднозначной и отчасти роковой роли *нефти* в жизни человека и человечества посвящены изданные в 2009–2010 гг. книги А. Остальского «Нефть: сокровище и чудовище», Н. Старикова «Шерше ля нефть» и др.

Социальная значимость, а также семантическая объемность и полифоничность медиаконцепта, как правило, стимулируют его экспансию в сферу массовой и элитарной культуры, где концепт приобретает уже эстетическую интерпретацию. В 2008 г. на экраны выходит фильм одного из выдающихся отечественных режиссеров А. Кончаловского «Глянец», в котором *гламур* рассматривается как глобальный символ современной постмодернистской реальности в контексте культурного кода «самого массового из искусств».

Авторы словаря «Базовые понятия массовой литературы» отмечают: «Ярким явлением современного масскульта стало формирование специфического «гламурного жанра»... «Гламурный» дискурс проявляется и в заглавиях книг («Гламурная невинность» А. Даниловой, «Гламурные подонки» Д. Полесского, «Дети гламура» Н. Кочелавевой, «Кастинг в гламурную жизнь» А. Лариной), и в псевдонимах (Женя Гламурная – автор романов «ШИКанутые девочки» и «Тертый шоколад»), и в литературных сериях («Глянец. Серия гламурных романов» издательства «Эксмо»; «Гламур» издательства «Азбука-классика и др.») [Черняк В.Д., Черняк М.А., 2009, с. 34].

Наибольшую вероятность закрепления концепта в культуре предсказывает появление его эстетических модификаций в творчестве мастеров слова. В культовом романе В. Пелевина «Empire V» гламур становится «одним из главных идеологических посылов» [Там же]. Образ нефти ярко и многопланово предстает в отечественной поэзии (см. последний параграф работы) и даже стимулирует появление культурных прецедентных текстов (см. параграф 2.3).

В итоге медиаконцепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, трансформируясь в концепты иного ранга – культурные, включая художественные – в результате миграции в немедийные дискурсивные среды приобретают способность продуцировать новые векторы ассоциативно-смыслового развертывания, а также новые возможности наращивать концептуальное напряжение организованных ими контекстов.

Таким образом, жизненный цикл и миромоделирующий потенциал являются двумя тесно взаимосвязанными детерминантами процесса дикурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта как динамической вербально-смысловой целостности. В свою очередь, длительность жизненного цикла и мощность миромоделирующего потенциала концепта обусловлена комбинаторным взаимодействием ряда интрадискурсивных и экстрадискурсивных факторов. К первым относится сила концептуального напряжения, количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания, способность миграции в немедийные дискурсивные сферы, ко вторым – существующие в объективной исторической реальности политические, экономические, социокультурные обстоятельства.

Законом дикурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта служит закон семантико-аксиологического маятника: чем шире его амплитуда, чем разнообразнее траектория его семантических приращений и мощнее конфликтное взаимодействие его полюсов, тем длиннее жизненный цикл и сильнее миромоделирующий потенциал концепта.

2.3. Вербальный и культурный прототипы медиаконцепта

Как мы уже отмечали выше, одной из базовых характеристик, позволяющих провести валидную процедуру анализа медиаконцепта, является его *жизненный цикл*. Напомним, что под *жизненным циклом медиаконцепта* понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования, либо – в случае приобретения концептом стабильных культурно значимых субстанциональных смыслов и оценочных характеристик – к закреплению в коллективной концептосфере в качестве константы культуры.

Объективными критериями социолингвистической ситуации, благоприятной для появления того или иного медиаконцепта, являются определенные предпосылки как собственно дискурсивного, так и экстрадискурсивного характера. Одним из важных дискурсивных

факторов концептообразования становится фактор «прототипический».

Очевидно, что медиаконцепты – значимые для общественного сознания определенной эпохи смысловые доминанты – не образуются на «пустом месте». Язык и культура как две фундаментальные детерминанты индивидуальной и коллективной ментальности определяют наличие пресуппозиционных матриц – прототипов, обеспечивающих относительно безболезненное вхождение медиаконцептов в когнитивно-дискурсивное пространство современника.

Во-первых, это *вербальный прототип* – слово, бытовавшее до его медийной актуализации в иных дискурсах или даже в публицистическом, но в качественно ином (если не в плане референции, то в плане коннотации) значении (например, в научном дискурсе – как *нано* и *нефть*, или политико-экономическом – как *кризис*). Зачастую медийному выдвигению подвергается рядовая узальная номинация, принадлежащая нейтральному межстилевому лексическому фонду. Например, И.Т. Вепрева так описывает процесс семантической деривации в массмедиа 1990-х гг. лексемы *семья*: «политическая жизнь России сформировала еще один новый лексико-семантический вариант данной лексемы», которая стала обозначать «окружение экс-президента России Б. Ельцина, который приблизил к руководству страны небольшой круг людей, связанных близкими семейными и дружескими связями» [Вепрева, 2005, с. 238–239].

Во-вторых, это *культурный прототип* – некий культурный обобщенный смысл, воплощающийся в разных вербальных обликах в соответствии с требованиями времени и исторической ситуации, претерпевающий в процессе каждой «реинкарнации» определенные семантические и аксиологические трансформации.

Волнообразный и избирательный характер самого феномена культурной памяти особо подчеркивал Ю.М. Лотман в известной статье «Память в культурологическом освещении»: «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но меняется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым» [Лотман, 1992, с. 201].

По нашим наблюдениям, с точки зрения своеобразия культурных прототипов выделяются по крайней мере две разновидности медиаконцептов.

Медиаконцепты со стабильным культурным прототипом воплощают прочно укорененные в массовом сознании универсальные смыслы, обеспечивающие основы социальной жизнедеятельности. Таких медиаконцептов относительно мало вследствие их достаточно консервативной природы: смене их актуальной номинации должны предшествовать кардинальные социально-исторические предпосылки, да и сама эта смена происходит недискретно, без значительного временного перерыва.

Из наглядных примеров приведем *золото* как культурный прототип медиаконцепта *нефть*, локализирующий семантику сырьевого источника экономического процветания. Если говорить о функционировании концепта *золото* в русской и мировой культуре, то можно констатировать его крайне высокую культурно-семантическую наполненность, восходящую к фольклору и эпосу многих этносов, в том числе – европейских. Так, один из параграфов диссертации В.И. Чететки «Концепт *человек* в мифопоэтической картине мира: На материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний» назван «Золото как символ власти и могущества в героическом эпосе древних германцев» [Чететка, 2005]. Автор работы доказывает, что золото являлось одной из базовых детерминант мифопоэтической картины мира, отраженной в текстах героических песен и сказаний древних германцев.

При всей амбивалетности этого имеющего огромное количество этноспецифических и идиостилевых модификаций смыслообраза золото во все времена выступало главным атрибутом богатства, расцениваемого как в языческом, так и в современном социуме весьма неоднозначно. Тем не менее, красной нитью через эпохи и культуры проходит «отношение к золоту как символу жизненной энергии, удачи и славы» [Новичкова, 1996, с. 127], а мотив сакрализации, связанный изначально с культом солнца, оставляет все отрицательные характеристики желтого металла в нижнем, земном мире, в то время как «горный мир подлинно золотой, священный и ясный» [Там же, с. 152].

Интересно, что тема добычи золота как полезного ископаемого, по-видимому, не была актуальна для глобальной мифологии, онтологии и феноменологии золота, в отличие от мотива кладоискательства, запечатленного как в фольклоре, так и в авторской литературе. Ср.: «Сказки о кладах – особый жанр сказки, распространенный по всему миру... неоднократно обрабатывались писателями нового времени – например, О. Сомовым и Н. Гоголем» [Сказочная энциклопедия, 2005, с. 464]. Медийная же актуализация данного концепта, что закономерно, связана как раз с периодами т.н.

«золотой лихорадки», когда золотодобыча возводилась в ранг национальной идеи, если не мании.

Так, особое значение имел анализируемый культурный символ в истории журналистики и литературы США, что позволяет говорить не только о яркой этнической маркированности, но и о своеобразной «суверенности» американского варианта данной общечеловеческой универсалии. Дело в том, что вызванная связанными с феноменом золотой лихорадки объективными социально-историческими преобразованиями в американском обществе интенсивная медийная актуализация смыслообраза при беспрецедентной социальной значимости золота как ключевого экономического и политического фактора в истории США XIX в. обусловила высокую скорость дискурсивной эволюции концепта. В течение всего одного-двух десятилетий этот медиаконцепт реализовал все стадии жизненного цикла – от массмедийного зарождения в бурно развивающейся американской печати до прочного закрепления в культуре в качестве необходимого компонента национального мифа об «американской мечте»: представлении о том, что всякий человек упорным трудом способен достичь жизненного успеха.

Синкретизм журналистики и литературы, особые публицистичность и документализм, свойственные американской прозе в целом, оказали заметное влияние на историю дискурсивного бытования концепта *золото* (ср.: «Многие писатели пришли в американскую литературу из журналистики... Во многом это наложило отпечаток на всю литературу США, национальными особенностями которой становятся подчеркнутый интерес к факту, к документу и к соединению документального и художественного» [Супоницкая, 2004, с. 3 – 4]).

Так, картина золотой лихорадки воплощена в рассказах и очерках М. Твена, публиковавшихся в газетах и позже объединенных автором в сборник «Налегке» [Груздева, 2006]. Видимо, в это же время, когда в массовом сознании бытует множество популярных «историй успеха» калифорнийских золотодобытчиков, которые «самостоятельно строят свою судьбу в поисках счастья и удачи» [Там же, с. 309], и происходит стабилизация и инкультурация ассоциативной «впаянности» мотива золота в идеологическую структуру мифа об «американской мечте» – «одной из главнейших составляющих менталитета, культуры, истории, социальной и политической жизни США, мифа, который глубоко укоренился в массовом сознании, предопределил восприятие мира американцами» [Коновалова, 2009, с. 3].

Постепенно данная ассоциативно-смысловая корреляция приобрела характер этнокультурного стереотипа, до сих пор

тиражируемого мировыми СМИ, в том числе и отечественными, например, при описании Калифорнии – т.н. Золотого штата, концентрированного хронотопа «американской мечты». Сравним тексты: 1) *Когда в 1848 году в этом американском штате обнаружили золото, сюда в поисках счастья приехали около 300 тысяч людей, превратив Калифорнию в воплощение «американской мечты»* (Российский бизнес, 2008, 20 мая. URL: <http://www.rb.ru/topstory/society/2008/05/20/103942.html>); 2) *Но есть другие факторы, которые определяют Калифорнию как золотой стандарт пресловутой «американской мечты»: там обитают звезды Голливуда и прочие богатые и знаменитые; там тихоокеанские пляжи с серфингом, катерами и яхтами, загорелыми стройными девушками и атлетическими юношами; там бассейны под пальмами, уютные городки в испанском стиле, обалденные дороги и чудесный климат – летом не жарко, зимой не холодно; там спокойно, комфортно и интересно жить; там самая передовая мода и самые передовые технологии. Туда всегда стремились люди со всех концов Америки и всей Земли* (Русские новости, 2009, 22 окт. URL: <http://russianews.ru/second/28109>).

Как видим, общекультурная, берущая начало в мифологии и фольклоре семантика прототипа послужила стартовой площадкой для появления и развития сначала собственно медийного и национально специфичного, а затем – значительно расширившего дискурсивную и географическую «территорию влияния» концепта. На новом витке развития в массовой культуре золото как добываемое упорным трудом полезное ископаемое, в прямом смысле – непосредственный источник успеха, богатства, власти, славы и могущества, метафоризируясь, становится символом исполнения «американской мечты» – достижения *золотого стандарта* жизни, жизни как в *Золотом штате*. Однако медийное насыщение современного фрейма *золотой жизни* далеко от мифопоэтических представлений о золоте как «трансформации солнечного света» и «атрибуте-посреднике между людьми и священным миром» [Новичкова, 1996, с. 140].

В постиндустриальном обществе жить по *золотому стандарту* – это жить как *звезды Голливуда и прочие богатые и знаменитые*. Изменились и атрибуты *золотого* образа жизни, ярче всего представленные в обильно вплетаемых в медиатексты «модных прилагательных» (термин М.А. Кронгауза), аккумулирующих семантику моды, престижа, социального успеха (см. примеры из приведенного выше контекста: *загорелые, стройные, атлетические, уютные, обалденные, чудесный, комфортно, самая передовая* и др.).

Однако и идеал «американской мечты», и золото как некий ее материальный эквивалент постепенно «обрастают» смыслами разочарования и скептических сомнений отнюдь не только в американском, но и в мировом дискурсе осмысления и оценки, по словам Дж. Сороса, «самой мощной державы на Земле, той, которая определяет пути мирового развития» [Сорос, 2003]. Так, диссертационное исследование О. Кортеса, заметившего: «The California gold rush is the purest expression of the American Dream / Калифорнийская золотая лихорадка – самое чистое выражение американской мечты в истории», посвящено латиноамериканскому варианту преломления темы разочарования в американской мечте [Cortes, 2008].

В современном русском коллективном сознании фетишизация Америки сродни фетишизации золота, фанатичному поклонению золотому идолу: «Для носителей русского языка *Америка*, несомненно, концепт, ибо это не столько название страны (кстати, ни одна из стран не называется так) и тем более не столько название одного из континентов (какового названия ведь тоже нет), а в первую голову «культурно-ментально-языковое» образование, символизирующее процветание, империю зла, богатство, передовые технологии, врага номер один, предел мечтаний русского обывателя, самую справедливую страну мира и т.д. и т.п. А Финляндия? Это название прекрасной северной страны, нашего соседа. И только» [Грузберг, 2002].

В русскоязычной прессе самый частотный эпитет, сопровождающий идиому «американская мечта», в том числе в контексте золотой символики, прилагательное *пресловутый* – архаический церковнославянизм, который, кардинально поменяв эмоциональное содержание, по мнению В.В. Виноградова, «возродился в публицистическом языке второй половины XIX в.» и до сих пор несет яркую ироническую, презрительную окраску и «резко отрицательный, уничижительный оттенок “приобретший отрицательную или сомнительную известность, славу, вызвавший шумные, но скандальные толки”» [Виноградов, 1994]: золотой стандарт пресловутой «американской мечты» (Русские новости, 2009, 22 окт. URL: <http://russianews.ru/second/28109>); Не режут кур, которые несут золотые яйца в корзины. На этом и основана пресловутая американская мечта (Радио Азаттык, 2010, 22 апр. URL: http://rus.azattyq.org/content/nursultan_nazarbaev_anniversary/2021042.html).

Таким образом, интенсивно развивающийся в американской и в мировой фикшн и нонфикшн литературе вариант интерпретации

культурной универсалии породил стереотип, служащий, по причине его участия в глобальных процессах национальной самоидентификации, одним из мощных двигателей массово-информационной активности. Кроме того, анализ семантической эволюции концепта *золото* позволяет говорить об особой роли «экономических» медиаконцептов, в частности – «сырьевых», в формировании идеологической структуры национальной или региональной идентичности и построении национальной либо региональной идеи.

Отдельное исследование можно посвятить вопросу о том, не служил ли образ *угля*, в настоящее время являющийся локально маркированным медиаконцептом в угледобывающих регионах, например в Кузбассе, идеологическим символом экономической стабильности для советского человека первых пятилеток и непосредственным историческим предшественником современной неомифологии нефти.

Так, филолог М. Эпштейн, описывая архетипические свето- и богоборческие предтечи советской идеологии, называет тему *угля* в советской литературе мессианской [Эпштейн, 2006]. Действительно, как *золото* стало эталоном и мерилем национального мифа об американской мечте, так и *уголь* становится ключевой идеологемой советской эпохи, вернее, семантическим импульсом для структурирования новых идеологических мифов с органично присущей им, описанной Н.А. Купиной в монографии «Тоталитарный язык», траекторией развития от «редуцирования, вытеснения, трансформации константных семантических составляющих идеологии на уровне концепта» и «создания искусственных идеологем» [Купина, 1995, с. 15] до семантической диверсификации этих же идеологем в массовой речевой практике и словесном творчестве.

Видимо, возведение *угля* в статус материального мерила социального блага определялось не только его возросшей вследствие индустриализации экономической значимостью, но и большей, по сравнению с *золотом*, объективной количественной размерностью. Кроме того, добыча *угля*, в отличие от *золотодобычи*, ассоциирующейся более с удачливостью старателя, нежели с его трудолюбием, стала напрямую связываться с интенсивностью и главное – неисчерпаемостью человеческих усилий в период т.н. «стахановского» движения, названного по имени его зачинателя, добывшего за смену 102 тонн *угля* при норме 7 тонн. Добыча *угля* в советское время максимально героизируется, а шахтер становится «самой архетипической, наиболее прославленной из фигур советского рабочего пантеона» [Эпштейн, 2006].

Как известно, своеобразная смысловая кристаллизация идеологемы совершается при ее включении в прецедентные тексты, прежде всего лозунгового характера. Так, смысл максимальной интенсивности в структуре идеологемы *угля* достигает пиковой активности при его вхождении в структуру использующегося до сих пор в качестве иронической присказки лозунга *Даешь стране угля* (используется в неофициальном дружеском общении при шуточно-иронической интерпретации чьих-либо действий, количественно и качественно не соответствующих усредненной норме). Идиоматически сопрягаясь с революционным императивом *даешь*, по наблюдениям А.М. Селищева, выражающим не только «настойчивое желание, но и результат в достижении: “хорошо”» [Селищев, 1991, с. 93] (о семантике этого «громового, набатного лозунга» (В. Маяковский) см. также [Попова, 2001]), образ угля предстает в данном прецедентном высказывании синонимом неограниченных возможностей человека в строительстве социалистического общества, а также синонимом патриотизма. Связь личных усилий (императив употребляется в единственном числе), а следовательно, и личной судьбы, с судьбой страны осуществляется через мифологизацию и фетишизацию субстанции угля, поскольку уголь лежит в основе благополучия и процветания Родины.

Однако фальшивость, наигранность, гиперболизированность, а также семантический примитивизм идеологического лозунга в условиях советской языковой диглоссии (см. о ней: [Ворожбитова, 2000]) практически сразу при его появлении стимулируют профанизацию, игровое снижение и семантическую диверсификацию в разговорном варианте «Даешь стране угля, мелкого, но много». Здесь для нас важна игра с аккумулялирующим семантику интенсивности количественным признаком: снижение лозунгового пафоса происходит за счет выдвижения смысла *мелкий*, т.е. некачественный, плохой, на фоне смысла *много*, что за счет противительного *но* порождает смеховой оксюморонный эффект: *много, но плохого*. Как отмечает Н.А. Купина, «двусмысленность особенно ярко выступает на фоне официального лозунга, ставшего идеологическим предписанием, неким руководящим символом, жизненным ориентиром для советского народа» [Купина, 1995, с. 104]. В данном случае с позиций народной экономической и бытовой этики обыгрываются смыслы присущей советской идеологии и способу хозяйствования бестолковости, порожденной неуклонным следованием безапелляционным предписаниям.

Этический запрет на серьезное, в прямом смысле, использование анализируемого лозунга-слогана в поэтических контекстах,

воспевающих труд шахтеров, остро ощущался как известными авторами: *И шуточку «Даешь стране угля!» / Мы чувствуем на собственных ладонях* (В. Высоцкий, «Черное золото»), так и анонимными: *Из множества профессий есть одна, / Что Родине богатство добывает, / И лозунг, мол, «Даешь стране угля!» / Здесь каждый без сарказма принимает* (Поздравление к Дню шахтера. URL: <http://www.srozhdeniem.ru/prazdniki/shahter.php>).

Необходимы специальные модальные дескрипторы и дискурсивные маркеры (*шуточку, мол, без сарказма*), чтобы вернуть пафосной фразе первоначальный высокий смысл и обратить исполненную сарказма шуточку в идиому, отражающую реальное положение дел.

Так происходит поступательно-возвратное движение семантики концепта, включенного в структуру идеологического мифа, будь то миф об американской мечте или миф о стахановском движении. Институциональное официальное идеологически выверенное высокое значение сначала подвергается в коллективном языковом сознании диверсификации в форме профанизации и гротескового снижения, а затем требует для своего включения в тексты некомического, серьезного характера особых модальных маркеров эвиденциальности как показателей «эпистемического ручательства» [Шестухина, 2008, с. 184] за достоверность сказанного. Причем в последнем из приведенных контекстов ярко демонстрируется осознание автором нравственного императива невозможности прямого использования напыщенного и неискреннего советизма: ксенопоказатель *мол* ярко эксплицирует демонстративное отстранение субъекта речи от чуждого ему официального дискурса, в котором лозунг употребляется «без сарказма», в то время как только помещенная в контекст реального шахтерского труда избитая фальшивая фраза обретает несаркастический первоначальный смысл.

Следующей за профанизацией и осмеянием ступенью диверсификации идеологического мифа становится, как правило, порождаемая властью объективных социально-исторических обстоятельств, диктующих значимость и незыблемость фактора экономико-сырьевой зависимости, демонизация объекта этой зависимости. Так, публицист Дмитрий Данилов в очерке «Угольная депрессия» рисует inferнальную картину одного из кузбасских городов: *Это Сибирь, Кузбасс, Кемеровская область. Угледобывающий регион... Смысл существования города Прокопьевска практически полностью заключается в угле. В городе много угольных шахт. Шахты выглядят страшно. Все шахтные строения – черные, рядом с наклонными галереями, по которым транспортируется уголь, – кучи угля, по ним ползает грязно-желтый*

бульдозер, пытаюсь придать кучам требуемую форму. Вокруг шахты – уже не кучи, а огромные горы угля, присыпанные снегом (Русская жизнь, 2008, 15 февр.). С помощью парцелляции, глагольных форм т.н. настоящего репортажа, однозначных оценок (*страшно*), цветописи (*черные, грязно-желтый*), градации и гиперболизации (*кучи, огромные горы*) журналист рисует отталкивающий образ угля как мрачной потусторонней субстанции, всецело определяющей и ландшафт, и жизнедеятельность города.

Таким образом, медиаконцепты со стабильным культурным прототипом, в том числе экономико-сырьевые, обнаруживают тенденцию к включенности в структуру ключевых национальных идеологических мифов – неомифологем, детерминирующих общественное сознание на определенном этапе развития того или иного социума. Неомифологемы, в свою очередь, черпают интерпретационный ресурс, во-первых, в «вечных», архетипических мифологических и фольклорных сюжетах, а во-вторых, в герменевтической традиции толкования этих сюжетов в неоднозначных и амбивалентных границах воспевания-осмеяния, возвышения-низвержения, идеализации-профанизации.

В целом медиаконцепты со стабильным культурным прототипом имеют постоянную ассоциативно-семантическую «подпитку» от вербально эксплицируемых в медийном дискурсе своих предшественников, вследствие чего демонстрируют зачастую более сложную семантико-аксиологическую структуру.

Медиаконцепты с «плавающим» культурным прототипом. Они актуализируют смыслы, которые становятся востребованными *на определенном этапе* развития общественной жизни и социальной коммуникации. Данным смыслам присуща, по словам Ю.М. Лотмана, смена периодов «сбрасывания с корабля современности» и «возведения на пьедестал» [Лотман, 1992, с. 201].

Предпосылки медийной актуализации могут быть экономико-политического характера. Например, таковыми являются предпосылки актуализации медиаконцепта *кризис*, транслирующего общий смысл экономической нестабильности, упадка. В послереволюционное и послевоенное время ему предшествовали концепт *разруха*, а в конце 1990-х гг. – *дефолт*.

Необходимо отметить фантомность (неопределенность, агнонимичность, неконкретность) и относительную скудость субстанциональной семантики, а также аксиологическую примитивность как современного концепта, так и его предшественников.

Что касается общественно-политической ипостаси слова *разруха*, горячо одобренного при его появлении в печати В.И. Лениным за «выразительность, ясность и точность» [Чуковский, 1962], то наиболее ярко смысловая опустошенность и вводящая в заблуждение неконкретность этого газетного советизма обыгрывается в прецедентном булгаковском контексте: *Это мираж, дым, фикция... Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе и не существует. Что вы подразумеваете под этим словом?* («Собачье сердце»).

Недоумение рядового жителя провинции по поводу размытости и опустошенности понятия *кризис* ярко проявлено в обращенном губернатору высказывании томички пенсионного возраста: *Я всегда запасуюсь. Мешками закупаю муку, сахар. Но некоторые пока и не поняли: какой такой кризис и что во время него едят. Какой может быть кризис? В чем он: что газеты пишут и по телевизору показывают?* (Вести-Сибирь, 2008, 25 дек.). В данном контексте отчетливо отражена медийная природа внедряемого в массовое сознание понятия (*что газеты пишут и по телевизору показывают*) и освоение, т.н. «приватизация», обыденным сознанием непонятной для него фантомной номинации. Поскольку трудные времена экономического неблагополучия всегда сопровождаются либо голодом, либо дефицитом, народная мудрость соотносит наступивший кризис с фреймом еды. Телезрительница мастерски обыгрывает общеупотребительную ироническую присказку *что такое X и с чем его едят*, используемую как преамбулу к последующему доступному объяснению какого-либо малоизвестного и сложного явления (ср. заголовки Интернет-материалов: *Семантическое ядро и с чем его едят; Что такое это и с чем его едят*). С изрядной долей самоиронии она одновременно указывает на чуждость обычному человеку, коим считает и себя (*но некоторые пока и не поняли*), активно пропагандируемого СМИ понятия, на чрезмерность и неоправданность его возведения в ранг эпохально значимых (*Какой может быть кризис?*), и посредством демегафоризации сводит непонятное, размытое и недоступное значение термина-фантома к конкретной, всеобщей, повседневно-бытовой теме хлеба насущного (*что во время него едят*). При этом дается универсальный народный рецепт борьбы с кризисом: *Я всегда запасуюсь. Мешками закупаю муку, сахар.*

Как показывают исследования, не было полноценно освоено коллективной языковой личностью и понятие *дефолт*. По данным проведенного в 2001 г. Фондом «Общественное мнение» социологического опроса с целью выяснить, как ставшее с 1998 г.

расхожим, широко употребляемым политиками, экономистами, журналистами слово *дефолт* «внедряется в сознание рядовых граждан», объяснить значение этого термина взялись лишь 26 % опрошенных, адекватно раскрыли значение понятия лишь 7 %. Многие респонденты дали общий ответ, просто отметив, что при дефолте «страдает экономика», происходит «экономическая блокада», «крышка, безысходность», «крайняя точка», «когда все летит в тартарары» (URL: http://bd.fom.ru/report/cat/eco_cri/of010206).

Как ключевое слово текущего момента рассматривает лексему *кризис* Т.В. Шмелева. Отмечая ее многократно активизировавшиеся метафорические, грамматические и деривационные возможности, а также высокую текстогенность, исследователь, тем не менее, не выявляет в анализируемом функционально-семантическом поле «катастрофических метафор *пропасть, бездна, тупик*, что было характерно для времени самых первых наших кризисов» (видимо, здесь Т.В. Шмелева имеет в виду именно дефолт) при наличии множества «текстов современной смеховой культуры – шуток, анекдотов, приколов, как теперь обозначается эта неопределенная форма смехового поведения» [Шмелева, 2009, с. 65 – 67].

Интересно отметить усиление травестийно-иронической тональности интерпретационного контента на диахронической оси при стабильности отрицательного модуса оценки всех трех медийных вербальных операторов, часто в современной прессе выступающих в роли синонимов: *Что делать в кризис, чтобы не пережить личный дефолт... Кризис, как и разруха, – в головах* (Личный капитал, 2008, нояб. URL: http://www.lkapital.ru/articles_review_1_84.htm). Это обусловлено, на наш взгляд, не только особой значимостью в современной постмодернистской культуре смехового начала и интонации намеренной несерьезности, но и разным положением на шкале этической ценности и словарной освоенности немедийных, узуально закрепленных, основных лексико-семантических вариантов вербальных прототипов концептов.

Так, отглагольное существительное *разруха*, сохранившее прозрачность внутренней формы и ассоциативную сопряженность со словообразовательной моделью (существительные женского рода с разговорно-просторечным суффиксом негативно-пренебрежительной оценки типа *голодуха, показуха*), в узуальном значении, в частности, как в составе приведенного выше прецедентного высказывания о *разрухе в головах*, до сих пор семантически насыщено, экспрессивно и с трудом поддается иронической диверсификации. Закономерно стабильны в плане функционально-стилистической окраски и экономические термины *дефолт* и *кризис*.

Все это свидетельствует о сравнительно коротком жизненном цикле и относительно слабом миромоделирующем потенциале событийно приуроченных медиаконцептов, всецело детерминированных ходом тех или иных конкретных исторических событий. Недаром номинации таких концептов имеют свойство закрепляться в языке в виде названий эпох и периодов в сочетании с темпоральными операторами *время, период, эпоха, годы + дефолта, разрухи, кризиса, оттепели, перестройки, гласности* и т.д.

Иной сценарий семантической эволюции наблюдается в случае, когда стимулом для «воконцептовления» лингвоментального факта служит возникновение социального запроса на медийную интенсификацию того или иного информационно-идеологического тренда в массовом сознании. Так, в разные периоды развития общества по различным идеологическим причинам спорадически актуализируется тренд социальной престижности образа жизни, организованного в соответствии с требованиями моды, когда явленная во внешних атрибутах человеческой жизнедеятельности мода становится сверхважным социокультурным кодом, ценностным ориентиром, регулятором таких магистральных социформирующих процессов, как социальная идентификация, стратификация и иерархизация. Здесь мы имеем в виду таких ярких предшественников крайне актуального сегодня медиаконцепта *гламур*, как *щеголи* в русском обществе второй половины XVIII – начала XIX вв. и *стиляги* в период оттепели.

В доказательство тезиса о перманентно возрождающихся в разных лексических обликах определенных смыслообразах массовой культуры приведем две цитаты. Одна из них принадлежит автору диссертации «Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра второй половины XVIII – начала XIX вв.» К.С. Мирутенко, вторая – выдающемуся современному актеру О. Янковскому, вспоминая своему юность: *Щеголь – фигура публичная, в своем стремлении поразить, эпатировать публику он тщательно заботится о своем внешнем виде, поэтому чрезмерное внимание к наряду и прическе становится одной из наиболее значимых примет... Безупречное следование моде, соблюдение «правил игры», театрализация жизни щеголя заставляют его часами просиживать за туалетным столиком, дабы добиться безукоризненного результата [Мирутенко, 2007, с.16]; Это был вовремя пойманный сигнал, что где-то есть другая жизнь, что существуют иные люди, которые отличались и поведением, и одеждой... Покупались какие-то невероятные ботинки, делались*

какие-то несусветные прически и коки, ушивались брюки, разыскивались всякие дикие пиджаки [Янковский, 2009].

В целом в процессе своей историко-культурной эволюции анализируемый смыслообраз претерпел интерпретационный сдвиг в сторону абстрагирования и, следовательно, расширения «семантических полномочий»: от номинации человека по атрибутивному признаку принадлежности его к определенному сообществу *щеголей* или *стиляг* – к абстрактной номинации – *гламур*. Более того, концепт *гламур* в современной культуре обретает более вариативное звучание, нежели его предшественники в культуре прошлых веков.

Образы щеголя и щеголихи, по словам Е.Э. Биржаковой, являются «одними из самых стойких и наиболее ярко и резко очерченных» в «галерее отрицательных персонажей» русской комедии XVIII в. [Биржакова, 1981, с. 96]. Будучи популярнейшим объектом сатиры для представителей просветительской критики в сатирических журналах (достаточно вспомнить «Опыт словаря щегольского наречия» Н.И. Новикова), щегольство и щегольское наречие получили столь нелестную оценку в русской литературной традиции, что Ю.М. Лотман посвящает отдельный сюжет «Сотворения Карамзина» [Лотман, 1987] оправданию щегольского поведения основателя русского сентиментализма. И если в советском литературоведении «обилие материалов о щеголях, щеголихах» объясняется сугубо «стремлением показать губительные последствия социального паразитизма» [Макогоненко, Серман, 1941 – 1956, с. 123 – 151], то объемное видение Ю.М. Лотмана определяет «маску щеголя» как «знак некоторого социокультурного определения» и «часть более общей культурной позиции» Карамзина в век, когда «печатное слово воспринималось как некая санкционированная истина», бросающего вызов «педантизму», «угрюмости», назидательности, «скучным жанрам». Один из выдающихся мыслителей XX века видит в «намеренном эпатаже» Карамзина, «демонстративном и опасном, некий принцип жизненного и социального поведения», «воспитания собственной личности, сотворения себя» [Вацуро, 1989, с. 37].

Своеобразной формой социального, языкового, культурного сопротивления идеологическим догмам советского строя являлась контркультура *стиляг*, оцениваемая официальной печатью крайне отрицательно. Как отмечает Н.А. Купина, «разговорное слово *стиляга* является советизмом: оно обозначало молодого человека, отличавшегося не соответствующей социалистической морали и потому не одобряемой обществом склонностью к модному стилю

одежды, броскому стилю поведения. На комсомольских собраниях, в печати стилисты обвинялись в низкопоклонстве перед Западом, в безнравственности и бездуховности» [Купина, 2009, с. 39].

Таким образом, анализ дискурсивной эволюции концептов-предшественников дает основание трактовать *гламур* не только как бездуховный образ жизни, ориентированный на гедонистические идеалы и материальные ценности, примат внешнего над внутренним, формального над сущностным, но и как фактор культурно-ценностного и культурно-языкового самоопределения и самостояния, как более серьезную и глубокую, чем принято считать, мировоззренческую концепцию.

Не так прост *гламур*, как его малюют. Усложнение и увеличение функциональной значимости идеи модного образа жизни, тесно связанное с присущими современному постмодернистскому мировидению размытостью идеологических ориентиров и многополярностью ценностей, приводит к происходящей на наших глазах «культурной стабилизации» концепта – появлению в его интерпретационном поле более сложных мировидческих и эстетических культурно значимых семантико-аксиологических обертонов.

Как видим, и в этом случае, как в случае с *углем / нефтью*, концепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, обнаруживают в своем ассоциативно-смысловом развертывании своеобразный маятниковый эффект. И чем шире амплитуда колебаний семантико-аксиологического маятника, чем разнообразней спектр смысловой и оценочной нюансировки интерпретационного контента, тем сильнее концептуальное напряжение, тем вероятней реализация прогноза культурной универсализации концепта. Однако залогом этой универсализации, как показывает наше исследование, служит именно миромоделирующий потенциал концептов-прототипов, уже затухших, но транслирующих информационные импульсы своим преемникам.

Культурный прототип является информационной стартовой площадкой для оформления нового медиаконцепта. В процессе приобщения к содержанию текстов СМИ происходит коммуникативное выдвижение связанного с этим прототипическим смыслом фрагмента информационного тезауруса читателя. В то же время вербальный прототип, превращаясь в актуальную современную номинацию, всегда несет в себе значительно обогащающий обобщенный инвариантный контент культурного прототипа целый ансамбль релевантных требованиям текущего момента социально и аксиологически отмеченных смыслов, что ведет к значительному

росту концептуального напряжения «заряженного» медиаконцептом текстового фрагмента.

Безусловно, степень и характер участия «прототипической» семантики как вербального, так и культурного прототипов в содержательном структурировании разных медиаконцептов могут варьироваться. В процессе смыслоформирования медиаконцептов «высокого уровня фантомности», определение референциального значения которых вызывает у рядового носителя языка затруднение, вербальный прототип, по сути, оказывается пустой оболочкой. Ее контекстуальное наполнение происходит, во-первых, за счет актуализации контента культурного прототипа, а во-вторых, за счет актуализации устойчивых ассоциативных корреляций с общеизвестными и стабильными в социокультурном отношении концептами.

Так, неопределенное, неуловимое и текучее содержание концепта *гламур* (*А гламур – никто толком не знает, что это такое* (Независимая газета, 2007, 12 июл.)) оформляется в медиадискурсе на основе апелляции к смысловым признакам значимых концептов массово-социальной сферы, таких как *мода*, *престиж* (см. о них: [Крючкова, 2009, с. 247 – 340]), *звезда*: *Среди прекрасной половины наших звезд самой стильной признана Анжелика Варум. У нее есть то, что французы называют «гламур», что на русский переводится (весьма приблизительно) как «шик, элегантность, обаяние» и чему невозможно научиться* (Аргументы и факты, 1997). Содержание концепта *дефолт* реконструируется через обращение к понятиям наивной экономики (примеры см. выше) или даже наивной медицины (ср. с высказыванием Л. Парфенова в передаче «Намедни» (2008, 17 авг.), посвященной событиям 1998 г.: *Российский капитализм хватил инфаркт*).

В то же время ряд медийных концептов, имена которых относятся к общеупотребительной лексике, закономерно эксплуатируют свой узувальный инвариантный смысл в качестве константного фона собственной дискурсивно-стилистической эволюции и ассоциативно-смыслового развертывания.

Так, в любом журналистском материале нефтяной тематики речь идет о некоем жидком полезном ископаемом, которое для большинства рядовых читателей, в отличие от другого символа экономического процветания – золота, никогда не было объектом их непосредственного эмпирического опыта. Однако узувальное значение имени концепта отодвигается на дальнюю периферию, в то время как символическое, причем зачастую зыбкое и неоднозначное, выходит на первый план: *Нефть – наше все. Раньше еще был хлеб* (Свободная

пресса, 2010, 11 февр.); *Для Украины хлеб – все равно, что для Российской Федерации нефть* (УРА-Информ, 2008, 14 апр. URL: <http://ura-inform.com/politics/2008/04/14/hleb#>).

В данных примерах мы наблюдаем процесс наделения нефти разнополюсными символическими социальными смыслами: нефть, неизбежная эмблема современной России, противопоставляется традиционному органичному и естественному источнику жизненного благополучия, хлебу, и трактуется в первом случае в контексте идеализации прошлого, а во втором – в контексте сложности завязанных на нефтяном факторе российско-украинских отношений. Этический дискомфорт, испытываемый русской коллективной языковой личностью от произошедшей мены концептов *хлеб* и *нефть*, ярко проявляется в современном фольклоре: *Мы века бывали сыты / Аржаным и белым ситным. / А сейчас питают нас / Нефть да газ, все нефть да газ!* (URL: http://vinodlya.narod.ru/new_page_28.htm).

Взаимодействие многополярных смыслов в интерпретационном фокусе анализируемого концепта порождает концептуальное напряжение такой силы, которая генерирует один из глобальных символов нашей эпохи.

Таким образом, культурный и вербальный прототипы формируют пресуппозиционную матрицу, некоторые прогностические контуры содержательного и аксиологического развертывания медиаконцепта. При этом сильный миромоделирующий потенциал могут демонстрировать концепты не только со стабильным культурными прототипом, но и с «плавающим», а также концепты с разной степенью агнонимичности вербального прототипа. Однако обусловленная возникшими объективными социокультурными обстоятельствами дискурсивная востребованность того или иного смыслообраза стимулирует «реанимацию» и «всеобщую мобилизацию» информационно-интерпретационных ресурсов, аккумулированных в его вербальном и ментальном прообразах.

Выводы

Современная лингвоконцептология обнаруживает тенденцию к усилению динамического подхода к анализу текстовых концептов, что подразумевает исследование динамики их интерпретационных и семантико-аксиологических возможностей на стреле времени. Среди существующих в лингвоконцептологии направлений концептуального анализа (собственно когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический, когнитивно-стилистический) динамический подход органично присущ когнитивно-

стилистическому. Особенно динамический подход актуален для изучения дискурсивно-стилистически маркированных концептов, функционирующих в определенном дискурсивном пространстве и участвующих в формировании этого дискурсивного пространства.

К числу дискурсивно-стилистически маркированных концептов, отличных от концептов культуры их относительно жесткой дискурсивной приуроченностью и эволюционной подвижностью, наряду с художественными, научными и др. разновидностями, относятся медиаконцепты.

Являясь, в отличие от идеологем, основными когнитивно-дискурсивными универсалиями демократической прессы, данные вербально-ментальные феномены, эволюционируя в дискурсивном континууме, характеризуются определенным жизненным циклом (стадиальной траекторией развития от зарождения до затухания или закрепления в культуре в статусе ее константы) и миромоделирующим потенциалом (способностью к обогащению семантической матрицы концепта новыми семантико-интерпретационными потенциями).

Универсальный закон дискурсивно-стилистической эволюции концепта – закон семантико-аксиологического маятника, амплитуда и мощность колебаний которого определяют длительность жизненного цикла и силу миромоделирующего потенциала концепта.

Кроме того, важными детерминантами семантического развертывания концепта в медиатексте становятся такие катализаторы маятникового эффекта, как мощность концептуального напряжения концепта, разветвленность древа векторов его ассоциативно-смыслового развертывания, способность к генерации и генерализации смыслов, аксиологическая поливалентность. Сила миромоделирующего потенциала значительно стимулируется появлением у медиаконцепта субкультурных и региональных спецификаций, а также его участием в междискурсивном взаимодействии и миграцией в иные немедийные дискурсивные практики.

Также крайне значимым фактором формирования и развития медиаконцепта является фактор прототипический. Вербальный и культурный прототипы концепта, актуализируя информационные рефлексy «памяти слова» и «памяти понятия» в коллективном языковом сознании, обеспечивают комфортное вхождение медиаконцепта в ментальный лексикон современника и служат каркасной основой его ассоциативно-смыслового развертывания в медиадискурсе.

По типу лингвокультурной укорененности прототипической семантики выделяются медиаконцепты со стабильным культурным

прототипом (их ядерный контент актуален в относительно продолжительный временной период) и медиаконцепты с «плавающим» прототипом (они то актуализируются, то затухают в зависимости от социокультурной востребованности). Однако, как показало исследование, оба типа медиаконцептов обладают потенциальной возможностью к долгому и интенсивному дискурсивному развитию вплоть до закрепления в культуре.

В следующей главе мы попытаемся описать особенности дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов на разных стадиях жизненного цикла.

Глава 3. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцептов на разных стадиях жизненного цикла

В данной главе с целью обоснования и подтверждения действия закона семантико-аксиологического маятника в процессе дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта с позиции отраженной в медиатекстах различного типа рефлексивности рассмотрены особенности функционирования концептов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла.

3.1. Медиаконцепт в стадии роста и зрелости в зеркале рефлексии медиарайтеров (на примере концепта *нано*)

Ярким признаком двух обязательных фаз «активной лингвосемантической жизни» медиаконцепта – фазы зарождения и фазы развития и зрелости – является интенсификация языковой рефлексии медиарайтеров, эксплицированной в виде метатекстов в текстовом континууме, актуализирующем данный концепт.

На стадии инициации медиаконцепта – его «вероломного вторжения» в пространство публичной коммуникации – имя концепта становится ключевым словом текущего момента. Введя понятие ключевых слов текущего момента в научный оборот, Т.В. Шмелева в реестре признаков, характеризующих данную инновацию, наряду с частотностью слова, модификацией его лексико-семантических параметров и грамматических возможностей, а также усилением его лингвокреативных потенций, особо выделяет способность «таких слов становиться объектом активной и массовой языковой рефлексии» [Шмелева, 2009, с. 63].

Неслучайным представляется тот факт, что функционирование актуальных для постсоветской и современной социокультурной и социополитической реальности лексем рассматривается исследователями на материале текстов СМИ, в частности Интернета. Как отмечает в монографии «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» И.Т. Вепрева, «интенсивные процессы в обществе и языке обостряют языковую рефлексивность носителя языка. Современная речь изобилует рефлексивами, относительно законченными метаязыковыми высказываниями, содержащими комментарий к употребляемому слову или выражению. Высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст...» [Вепрева, 2005, с. 9]. При этом рефлексивы в текстах СМИ, в отличие, например, от рефлексивов в

речи диалектоносителя (см.: [Ростова, 2000]) или в художественном тексте (см.: [Орлова, 2009]), справедливо могут рассматриваться в качестве ярких «экспликаторов социальных параметров текущей языковой жизни» [Вепрева, 2005, с. 10].

В настоящее время одним из ядерных концептов современной медиасферы является концепт *нано*. То, что данный лингвоментальный феномен находится в стадии интенсивного развития, демонстрирует факт его признания «Словом года 2007» в акции, проводимой в России в экспертном сообществе под руководством лингвиста Михаила Эпштейна, который подчеркивает, что «выбор Слова – важнейший способ самосознания и самооценки общества, формирования языковой картины мира» (Новая газета, 2008, 20 окт.). Временем зарождения данного медиаконцепта следует считать начало 2000-х, когда в СМИ стал наблюдаться лавинообразный всплеск его текстовой актуализации: поисковая система Google (запрос *нано* на поиск в новостях) показывает прогрессирующую динамику употребления данной единицы (от 2 позиций в 1998–1999 гг. к 20 позициям в 2000–2001 гг., 70 – в 2002–2003 гг., 150 – в 2004–2005 гг., 820 – в 2006–2007 гг. и 2500 – в 2008–2009 гг.).

Закономерно, что в первых же публикациях, в которых используется узкоспециальный термин *нано* (примеры см. ниже), наблюдаются метаязыковые высказывания-рефлексивы, призванные дать адекватную характеристику вводимой в общее употребление инновации.

И.Т. Вепрева выделяет два типа рефлексивов в зависимости от степени выраженности в них аксиологической модальности [Вепрева, 2005, с. 80 – 81]. **Метаязыковой комментарий** эпистемичен, подразумевает объяснение значения слова или его употребления в данном контексте и призван пополнить информационный тезаурус адресата. Если же высказывание приобретает аксиологические коннотации с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, мы имеем дело с оценочным метаязыковым действием говорящего, т.е. с **метаязыковой интерпретацией**, «поскольку говорящий, помимо эксплицитной языковой информации, поставляемой через текст, вербализует также интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы, которое возможно при наложении языковой информации на другие типы информации – психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т.п.» [Там же, с. 81].

Поскольку эволюция медиаконцепта всегда сопровождается расширением и детализацией его интерпретационного поля, включая

генерацию аксиологических поливалентных смыслов, фазы смыслового развития концепта коррелируют с динамикой разных видов рефлексивов. Среди них, как показывает анализ нашего материала, можно выделить, помимо комментария и интерпретации, по крайней мере еще две разновидности. Первая из них отражает начальный этап медийной презентации вербальной инновации с условно нулевой аксиологической активностью и представляет собой «голую» **дефиницию** – информему. Вторая, наоборот, отражает пиковую точку интерпретационного метаязыкового потенциала, когда в основу объяснительной трансформы ложится профессиональное или околопрофессиональное языковедческое знание: в текстах отражается рефлексия по поводу каких-либо собственно лингвистических аспектов функционирования слова, зачастую приводятся адаптированные для массового восприятия мнения филологов-профессионалов. Такого рода метаязыковые высказывания можно назвать **парапрофессиональными рефлексивами**.

Именно такую траекторию – от собственно дефинирования через комментирование и интерпретацию к парапрофессиональной рефлексии – демонстрирует дискурсивно-стилистическое развитие медиаконцепта *нано* в СМИ первого десятилетия XXI в.

До внедрения в медиадискурс компонент *нано* являлся представителем терминосистемы точных наук и обозначал, согласно данным электронной энциклопедии «Википедия», введенную в обращение в 1959 году и используемую для измерения времени (наносекунда) или расстояния (нанометр) в основном в компьютерах и электронике дольную приставку в системе единиц СИ (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Нано->). Закономерно, что при введении данного агнонима в публичную сферу возникала насущная необходимость в элементарном объяснении его значения. На этом этапе метаязыковые высказывания по преимуществу представляют собой собственно дефиниции сугубо справочного типа, зачастую выступающие в текстах в виде вставных конструкций, заключенных в скобки: *Серьезные успехи достигнуты и на таком направлении, как нанотехнологии (нано – приставка для обозначения величин, имеющих размер 10^{-9} м)* (Независимая газета, 2003, 10 дек.); *Утреннее заседание было посвящено наноструктурам и нанотехнологиям (приставка «нано» означает «метр в минус девятой степени»)* (Известия, 2002, 27 дек.); *В производстве микрочипов применяется суперсовременная нанотехнология – технология на уровне атомов (нано – одна миллиардная часть)* (Парламентская газета, 2002, 25 сент.).

Как видим, в первом и втором примерах мы наблюдаем метатексты, близкие к собственно научной полной и точной

дефиниции термина, они содержат таксономические сведения о дефинируемом референте – его классификационные характеристики: родовые и видовые. Однако даже на этом первичном этапе введения научного понятия в новостные тексты информационного характера, повествующие о текущих событиях научной жизни, мы наблюдаем трансформационный сдвиг в сторону его «обытовления». Авторы пытаются адаптировать заключенный в семантике термина обобщенно-абстрактный и в то же время специализированный смысл для адекватного восприятия массовым читателем с помощью сужения и конкретизации значения: параметрические характеристики дольной приставки, приложимые к любым единицам измерения, привязываются к одной из прототипических (по Э. Рош) мер длины – метру, с помощью чего актуализируется признак предельно малого размера.

В последнем же из приведенных выше примеров мы наблюдаем процесс метаязыкового комментирования, обусловленный коммуникативной необходимостью популяризации, доступного объяснения вводимого в текст кванта специального научного знания. Семантика исключительно малого размера подчеркивается в данном случае путем введения числительного, ассоциирующегося в обыденном сознании с огромной, максимально возможной величиной (ср.: *миллиардер*), и предлагаемой адресату простой логической операции деления целого на части, ср. подобный контекст: *То есть разделив один миллиметр на миллион, получим нанометр* (Зеркало недели, 2002, 28 дек.).

Желание соответствовать требованиям времени, провозгласившего высокую социальную ценность ранее не являвшейся общеупотребительной единицы, стимулирует журналистов к поиску адекватных способов толкования научного понятия, доселе аксиологически не отмеченного, с учетом оценочных смыслов, связанных в коллективном языковом сознании с семантическими компонентами значения, нуждающегося в толковании.

В случае с *нано* мы наблюдаем любопытный семантический эффект аксиологического конфликта между социальным заказом на позиционирование общественной значимости, перспективности, полезности презентуемого технологического новшества и типичной для коллективного сознания по преимуществу пейоративной оценкой объектов малой величины. В той или иной степени негативная оценка реалий малого размера, по-видимому, имеет статус межэтнической универсалии. Так, исследователи относят адъектив *маленький* в китайском языке к прилагательным «отрицательного полюса»

[Антонян, 2006], а русская фразеология отражает необходимость в «оправдании» качества малости в идиомах *мал да удал*, *мал золотник да дорог*.

Вследствие этого ни в одном из метаязыковых комментариев, толкующих *нано* в исходном его параметрическом смысле, не встречается прямой номинации признака. Зато наблюдаются придающие оттенок одобрения деминутивы: *Нано означает 1/100 000 000 000 частицу метра* (Зеркало недели, 2002, 28 дек.), апелляции к этимологии слова: «Нано» *происходит от греческого «карлик»* (там же), к наивным представлениям о первоэлементах материи: *придется работать с объектами масштаба молекулы* (Мембрана.ру, 2003, 21 июл.); *технология на уровне атомов* (Парламентская газета, 2002, 25 сент.); *Студенты познакомятся с методами, которые позволяют переводить вещества в размеры «нано» (когда остается всего 1000000 молекул)* (Московский комсомолец, 2003, 27 июл.); *1 нанометр – величина, сопоставимая с размерами отдельных молекул* (Грани.ру, 2002, 27 сент.). Наряду с этим социальная престижность всего, связанного с *нано*, служит идеологическим основанием для создания перифрастических субститутов эвфемистического типа: *нано-масштабного размера* (Сегодня, 2002, 18 март.); *размеры «нано»* (Московский комсомолец, 2003, 27 июл.) и суждений о величине объекта, достаточно малой для того, чтобы он приобрел высокий статус *нано*: *поскольку термин «нано» обычно означает размеры менее 100 нм, можно уже говорить о применении нанотехнологий в выпускаемых Pentium 4* (Компьютерра-Онлайн, 2002, 19 сент.).

Среди метаязыковых комментариев встречаются развернутые, призванные дать подробное популяризирующее истолкование понятия через этимологический, грамматический, синонимический дефиниционный коды: *Собственно, для большинства это вовсе не самостоятельное слово, а приставка, хотя и ведет свое происхождение от имени существительного, ведь в переводе с греческого «нано» – не что иное, как «карлик». Образ прочно вошел в обиход современной науки: приставку «нано» используют, когда оперируют чрезвычайно малыми величинами, при переходе на атомный уровень, что позволяет не только получать материалы с уникальными, заранее заданными свойствами, но и расширять границы их применения* (Московская правда, 2007, 27 март.). Интенция медиарайтера на убеждение читателя в исключительно высокой социальной значимости научной инновации реализуется через смыслы стабильности (*образ прочно вошел в обиход современной науки*), эксклюзивности (*чрезвычайно, уникальными*), важности (*материал носит название «Клуб, где главное слово – «нано»*).

Расширение интерпретационного поля метаязыковой рефлексии над именем концепта начинается с введения в дефиниции и комментарии сначала едва уловимого оценочного компонента, в случае с *нано* касающегося грамматических характеристик и употребительности форманта: *Словечко (точнее, приставка) «нано» – из той же серии, что «кило», «милли» или «деци»: один нанометр – это миллиардная часть метра* (Профиль, 2002, 21 окт.); *Приставка «нано» скоро станет столь же привычной, как Интернет* (Профиль, 2002, 18 март.). Интересно, что данные контексты, демонстрирующие незначительный сдвиг в сторону депозитивизации оценки описываемого явления посредством использования деминутива (*словечко*) и модальных операторов (*из той же серии, столь же привычной*), в данном случае привносящих оттенки несерьезного, слегка скептического отношения к пафосному оптимистическому настрою по поводу нанотехнологий, опубликованы в авторитетном деловом журнале «Профиль», отличающемся, как и вся т.н. качественная пресса, высоким уровнем аналитических материалов.

Рост аналитичности медиатекстов, репрезентирующих интересующий нас концепт, сопровождается возникновением «сгустков проблемности» в интерпретационном поле концепта. В случае метаязыковой рефлексии медиарайтеры исследуют проблему «языкового существования» (термин Б.М. Гаспарова) слова в пространстве публичной коммуникации.

Как отмечает Л.Р. Дускаева, «специфика журналистского исследования состоит в том, что оно ведется в условиях различия мнений в обществе по обсуждаемым в прессе вопросам, задача журналиста в этих условиях – высказать и обосновать мнение той или иной стороны и привлечь на свою сторону, по возможности, как можно больше единомышленников, убедить их в правильности своей позиции. Однако различие подходов к оценке действительности предопределяет формирование проблемной ситуации, которая возникает в тот момент, когда журналистская оценка предмета речи вступает в противоречие с уже имеющимися» [Дускаева, 2004в, с. 235]. Здесь важна тонко подмеченная исследователем детерминация **возникновения** проблемной ситуации – появление в медиатекстах противоположного, не обязательно кардинального, но расположенного на иной стороне от нулевой оси, нежели первоначальный, модуса оценочности.

В аспекте метаязыковой рефлексии о появлении «сгустков проблемности» в интерпретационном поле медиаконцепта свидетельствует исключительная частотность употребления (ср. с устоявшимся прямой коррелятивной соотнесенности между

рекуррентностью имени концепта и степенью его социальной актуальности в: [Иванова, 2007; Кузнецов, 2008]), мода на слово, постепенно перерастающей в свойство социального престижа слова.

Безусловно, характеризующие языковой вкус эпохи (термин В.Г. Костомарова) категории языковой моды и языкового престижа могут стать предметом отдельного глобального исследования, ставящего целью обобщить и развить имеющиеся научные изыскания по поводу данных социолингвистических категорий (см. работы Л.П. Крысина, М.А. Кронгауза и др.). Однако, как показывает анализ метатекстов, эволюционная цепочка *частотность – мода – социальный престиж* слова является обязательным атрибутом медийной концептуализации обозначаемого этим словом понятия.

Таким образом, чтобы обрести статус медиаконцепта, материализованное вербально понятие должно приобрести столь высокую социальную значимость, чтобы осознаваться не только модным, но и престижным. Например, вряд ли описанные М.А. Кронгаузом в книге «Русский язык на грани нервного срыва» [Кронгауз, 2008] модные прилагательные (*элитный, правильный, эксклюзивный* и др.) можно назвать именами медиаконцептов вследствие их аксиологической и шире – семантической тривиальности, монофункциональности, примитивности. Так, одна из интернет-публикаций ученого, посвященная данным медийным феноменам, носит «говорящее» название «Девальвация смысла» (URL: <http://il.rsuh.ru/docsllsh/Krongauz2006-2.pdf>). Работа завершается выводом о том, что «по существу, все эти прилагательные выражают положительную оценку», сигнализирующем об отсутствии в них потенциалов к полноценной социальной активности.

Проведенное Н.В. Крючковой подробное описание смыслового объема концепта *престиж* [Крючкова, 2009, с. 247 – 345] на основе обширных лексикографических сведений, данных ассоциативных экспериментов и многочисленных фактов текстовых реализаций позволяет говорить о том, что *престижное*, по сравнению с *модным*, являясь более важным ценностным ориентиром современного общества, предполагает не столько коллективное знание (*я знаю, что это слово модное*), сколько коллективное ощущение (ср. с суждением Л.П. Крысина об «ощущаемом многими (подчеркнуто нами – О.О.) большем социальном престиже иноязычного слова, по сравнению с исконным...» [Крысин, 2002]).

В свою очередь, ощущение, по сравнению с рациональным знанием, предполагает не только расширение спектра возможных оценок той или иной языковой реалии, но и увеличение эмоционально-экспрессивного градуса оценочности. Кроме того, присутая

массовому сознанию тенденция не расчленять вещь и имя вещи как принципиально консубстанциональные сущности приводит к наблюдающейся в медийных метатекстах контаминации рефлексии над объектом и рефлексии над номинацией объекта. В данном случае престижность феномена *нано* и престижность лексической единицы *нано* взаимно обуславливают друг друга, слово и вещь едины в обеспечении обоюдной социальной власти: *Загадочное «нано» сегодня вызывает любопытство у многих* (ГТРК Новосибирск, 2010, 2 февр.); *Как отмечают специалисты, в ближайшие годы множество разделов современной науки будет произноситься с добавлением «нано»* (Национальное ИА Узбекистана, 2010, 19 янв.); *Модное словечко «нанотехнологии» звучит сегодня отовсюду* (Росбалт.ру, 2007, 20 сент.); *Но в середине 70-х лейбл «нано» был, понятно, не в ходу* (Итоги, 2010, 17 янв.); *Я прямо порываюсь спросить, а что такое вот это практически вошедшее в российское общество словосочетание вместе с модернизацией, инновациями и так далее, вот это понятие – «нано»?* (ФИНАМ FM, 2010, 4 февр.); *Пока ученые и власти изощряются в употреблении термина «нанотехнологии»* (Комсомольская правда, 2009, 22 окт.); *«Нанотехнологии» – слово, от которого нас просто парализует (поди посложнее ядерной физики!)* (Аргументы и факты, 2008, 15 окт.).

Н.В. Крючкова подчеркивает содержательную противоречивость концепта *престиж*: на полярных полюсах его аксиологического и семантического наполнения находятся такие смысловые признаки, как «высокая социальная ценность» и «ложная ценность, противопоставленная настоящим ценностям и реальным заслугам, нечто поверхностное, иллюзорное, не заслуживающее серьезного отношения и положительной оценки» [Крючкова, 2009, с. 390]. Вследствие этого социальная престижность слова порождает наблюдающийся в интерпретирующих его метатекстах герменевтический дрейф в сторону пейоративизации, сопровождающийся наращением скепτικο-иронической окраски истолкований и их эмоциональной насыщенности. Тональность осторожного скепсиса, зарождающихся сомнений в пропагандируемой однозначной социальной полезности и прогрессивности навязываемой инновации проявляется в метаязыковых высказываниях посредством актуализации семантики неконкретности, неизвестности, размытости значения слова при явно чрезмерной частотности и неуместности его использования (ср. с трансформой-семантическим концентратом приведенных выше контекстов: *модное, загадочное, вот это практически вошедшее в российское общество словосочетание, вот это понятие, в употреблении которого изощряются ученые и власти,*

от которого нас просто парализует). Кроме того, метаязыковые операторы в рефлексивах приобретают оттенок пренебрежительности: используются не нейтральные слово, приставка, а экспрессивные словечко, лейбл, четыре раскрученных буквы, актуализирующие семантику несерьезности, девальвации, профанации, фальши.

Постепенно описанный выше косвенный способ оценивания языкового факта и последствий его публичного употребления в качестве престижного и модного сменяется прямым, реализующимся с помощью дескриптивных описаний или же введения в текст единиц с семантикой яркой негативной оценочности социального характера: *Что касается использования этого слова (нано), то в большинстве случаев, к сожалению, это – спекуляция на модном слове* (MIGnews.com, 2007, 21 дек.).

В большинстве описаний эксплуатируется тезис о спекулятивно-манипулятивном характере мотивации словоупотребления, оправданного не истинным стремлением к общественному благу, а корыстными индивидуалистическими интенциями, желанием получить материальную и репутационную выгоду не за счет реальных достижений, а за счет незаслуженной приватизации престижного имени: *Хотя приставка «нано» видится сегодня залогом процветания буквально во всем* (Компьютерное обозрение, 2007, 13 дек.); *Возникло ощущение, что если назвать слово «нано-», то точно кто-нибудь тебе даст* (Грани.ру, 2002, 27 сент.); *Приставка «нано» автоматически делает информационный повод актуальным, товар – продаваемым, а научную разработку – перспективной для инвесторов* (Росбалт. ru, 2007, 20 сент.); *Заявителю достаточно дважды упомянуть в названии проекта эти четыре раскрученных буквы «нано»* (Эксперт, 2004, 1 нояб.).

Показательно, что даже в публикациях, призванных объективно отразить состояние дел в научной сфере, авторы высказывают сомнение в целесообразности и оправданности использования нового термина, сопоставляя его с устоявшимися, традиционными, т.е. истинными: *Страсти по этой теме вполне объяснимы: где «нано» – там финансирование. Если раньше просто говорили «микро», то теперь выгодно называть «нано»* (Эксперт. Сибирь, 2007, 11 июн.); *То, что теперь употребляется в смысле «нано», раньше называли ультрадисперсным. Все дело в модной приставке «нано», принятой в современной терминологии* (Наука и технологии России, 2007, 20 апр.); *Самый последний их продукт – приставка «нано». И теперь у них физика – не просто физика, а нанофизика, материалы – не просто материалы, а наноматериалы* (Независимая газета, 2007, 23 мая). Скепсис научной общественности по поводу объективной значимости

и реальной содержательности терминологической инновации ярко проявляется в концентрации дейктических средств с семантикой «отстройки» от действующих исключительно в интересах собственной выгоды «лженоваторов от науки» с одновременным указанием на них не только на лексико-грамматическом уровне (имплицитное *им + выгодно, их + страсти по этой теме*, эксплицитное *их + продукт, у них*) но и на синтаксическом: используются разного рода конструкции (неопределенно-личные, пассивные и т.д.), актуализирующие признак инперсональности субъекта, в которых, по проницательным наблюдениям А.М. Пешковского [Пешковский, 1956, с. 342 и др.], содержится намек на деятеля, и противительно-сопоставительные структуры (*если раньше, то теперь; то, что теперь, раньше; не просто, а*). Таким образом медиарайтеры вводят в импликационал текстов коннотации обвинения, осуждения, дискредитации, прозрачно намекая на явно спекулятивный характер злоупотребления модным термином в научной среде.

И, наконец, пиком социоаксиологической проблемности в развертывании темы языкового существования форманта *нано* становится обсуждение в большинстве центральных и многих региональных СМИ (см., например, публикации информационного портала regnum.ru) заявления министра образования и науки Андрея Фурсенко, сделанного по окончании заседания правительства РФ 17 января 2008 г., когда тезис *«Спекуляции на модном слове «нано» необходимо прекратить»* прозвучал из уст полномочного представителя государственной власти. Называя коммерсантов, бесосновательно использующих слово *нано* в рекламе собственной продукции *недобросовестными*, министр предлагает ввести противодействующие данным тенденциям законодательные меры с целью сохранения социальной престижности той отрасли науки и экономики, на которую делает ставку правительство: *Объем продукции, в производстве которой используются нанотехнологии, к 2015 году в России должен составить не менее 1 трлн рублей.*

Чрезвычайная коммуникативная активность той или иной лексической единицы не может не вызвать профессионального интереса специалистов. Так, в материале под названием «Незарегистрированная в учебниках русского языка приставка «нано» и трудности ее перевода» (Бизнес-каталог, 2008, дек. URL: <http://www.bizkatalog.ru/articles/education/nano-translating.php>) близкое к исследовательскому азарту филологическое внимание к состоянию языка эпохи обыгрывается в ироническом ключе: *Филологи и лингвисты в предвкушении. Эпоха «нано» ширится и захватывает не только пространства науки, но и русского языка.*

Именно в тот момент, когда профессиональное мнение о языковой жизни того или иного лингвофеномена становится интересно массовому читателю, сознание которого уже подготовлено к восприятию специализированной информации всем предыдущим ассоциативно-смысловым развертыванием концепта в медийном текстовом континууме, в СМИ появляются материалы, представляющие адаптированное для широкой общественности собственно лингвистическое знание. Такие метаязыковые высказывания – парапрофессиональные рефлексивы – часто встречаются в неизменно популярных передачах, рубриках, разделах, посвященных русскому языку.

Так, уже упоминавшийся выше факт выбора российскими лингвистами *нано* «Словом 2007» стал информационным поводом для публикаций в прессе и дискуссий на радио как по проблеме социальной значимости самой акции выбора слова года, так и по проблеме описанных выше антиномий в истории употребления интересующего нас форманта. В этих материалах авторитетные лингвисты выступают в роли активных пропагандистов и популяризаторов филологического знания с целью донесения до широкой общественности тезиса об исключительной важности слова для социума, его истории и культуры.

В статье «Выбираем Слово года! Логомотивы новейшей истории» (Новая газета, 2008, 20 окт.) М. Эпштейн очаровывает читателя посредством выразительных и «сочных» (за счет эффекта синестезии – апелляции к вкусовым ощущениям реципиента) сравнения, метафоры, эпитетов: *слова, как вина, по прошествии времени обретают глубокий вкус, густоту, они щекочут язык своей исторической правдой*. Иной прием популяризации избирает М. Кронгауз, который, говоря в радиийном интервью (Радио «Свобода», 2008, 15 янв. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/430383.html>) о семантической и функциональной противоречивости «Слова года», обращается к довольно плоским стереотипам и клише современного массового сознания, вплоть до эксплуатации сексуальной метафоры: *Эта приставка может считаться как героем, так и антигероем года, но из-за неразборчивости в связях она присоединяется к чему попало*. Однако в научно-популярной речи незаурядного ученого – представителя элитарного типа речевой культуры (термин О.Б. Сиротининой) – использование им даже «не вполне легитимных» образных средств оборачивается многократным усилением коммуникативно-прагматического эффекта текста: близкая к развлекательной, раскрепощающая интонация мнимой несерьезности

позволяет автору сделать доступной и понятной рядовому читателю лингвистическую терминологию (*общеупотребительный лексикон, языковая игра, каламбур*), вести речь об ответственном словоупотреблении и репутационной ценности слова (*Пожалуй, последним штрихом, который испортил ее репутацию, стало использование этого словечка в рекламе обувного крема – «Крем для обуви Kiwi производится на основе нанотехнологий». Авторы попытались использовать популярность «нано» в своих целях*). Точно и тонко построенная М. Кронгаузом игровая тональность научно-популярного изложения, тональность искусного балансирования между сухой научностью и медийной развлекательностью, позволила ведущей передаче журналистке сделать, с одной стороны, научно валидное, а с другой стороны – доступное рядовому слушателю заключение: *Когда слово (а в нашем случае его фрагментик, «нано»), как выразился Максим Кронгауз, «неразборчиво в связях», это свидетельствует о двух вещах. Во-первых, оно прочно укоренилось в языке... С другой стороны, это «нано», похоже, уже навязло у общества на зубах.*

Подведем итоги. Факты метаязыковой рефлексии, вплетенные в коммуникативную структуру медиатекстов, актуализирующих определенный медиаконцепт, являются стабильной характеристикой его дискурсивно-стилистической эволюции. Детерминированное реальностью его социолингвистического существования стадияльное развитие жизненного цикла медиаконцепта обнаруживает закономерное корреляционное взаимодействие с динамикой метаязыковой рефлексии (см. табл. 3).

Таблица 3

Фазы жизненного цикла концепта и типы метаязыковой рефлексии

Фазы активной лингвосемантической жизни медиаконцепта	Типы метаязыковой рефлексии над именем медиаконцепта	Социолингвистические атрибуции имени медиаконцепта на шкале социальной значимости	Характеристики оценочного спектра метаязыковых рефлексий
Фаза зарождения	Метаязыковая дефиниция. Метаязыковой комментарий.	Частотность словоупотребления.	Одновалентность оценки.
Фаза развития и зрелости	Метаязыковая интерпретация. Парапрофессиональная рефлексия.	Мода на слово. Социальный престиж слова.	Поливалентность оценки. Возникновение «сгустков проблемности».

Как видим, наблюдается условный изоморфизм между: (1) фазами «активной лингвосемантической жизни» медиаконцепта, (2) отражающими нарастание интерпретационных потенций типами метаязыковой рефлексии над именем медиаконцепта, (3) социолингвистическими атрибуциями этого имени на шкале социальной значимости *частотность – мода – престиж* и (4) расширением и усложнением оценочного спектра метаязыковых рефлексий.

3.2. Медиаконцепт в стадии культурной стабилизации и феномен прецедентности (на материале интернет-дискурса)

Формирование прецедентных текстов и наделение их признаком выраженной культурной маркированности – одна из ярких примет семантической эволюции «сильного» медиаконцепта в дискурсивном пространстве.

В задачи данного раздела работы входит, во-первых, описание одной из знаковых словесных формул современной культуры как прецедентного феномена, а во-вторых, выявление новых качеств самого явления прецедентности, «привитых» ему в процессе развития в виртуальном медиадискурсе.

3.2.1. Прецедентность в виртуальной медиасфере

По нашему глубокому убеждению, коммуникативные свойства, свойственные Интернету как глобальной ежесекундно меняющейся, пульсирующей инфосфере, коренным образом влияют на процесс языкового существования прецедентов и наделяют новыми качествами саму категорию прецедентности. И дело здесь не столько в том, что «виртуальный дискурс предполагает особую сферу взаимодействия людей и, следовательно, бытования текста» [Лутовинова, 2008, с. 131], сколько в том, что такие сущностные характеристики и системообразующие ценности виртуального дискурса, как выделенные О.В. Лутовиновой порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, погруженность, мозаичность, неограниченная доступность и скорость получения информации, анонимность, отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора, демократичность общения, свобода самовыражения [Лутовинова, 2009, с. 5 – 6], оказывают значительное трансформирующее воздействие на ключевые факторы образования и развития прецедентного феномена в коммуникативном пространстве.

О прецедентах в Интернете имеется достаточно обширная литература, однако большинство исследователей описывает прецедентность в Сети с позиций традиционной, неэлектронной, неинформатизированной, если так можно выразиться, коммуникации, в русле классической, идущей от трудов Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987] теории прецедентного текста.

В некоторых работах Интернет фигурирует только в качестве «среды обитания» прецедентов, при этом последствия влияния среды практически не учитываются, а виртуальные тексты рассматриваются изоморфно текстам реальной, несетевой природы. В диссертации «Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса» глубоко и доказательно изучается явление смысловой элиминации прецедентного текста в рекламе, когда «в рекламных целях глубокий смысл уступает место максимальному упрощению значения прецедентного феномена» [Алексеева, 2009, с. 5], однако Интернет как сфера хранения, распространения и рецепции рекламного послания специально не рассматривается. В монографии Е.А. Нахимовой «Прецедентные имена в массовой коммуникации» [Нахимова, 2007] культурно маркированные онимы изучаются на основе данных «Национального корпуса русского языка» и архивов общенациональных высокотиражных российских газет, представленных в Интернете. Хотя автор активно пользуется большими функциональными возможностями интернет-поиска, сам Интернет остается лишь глобальным хранилищем огромных текстовых массивов со значительно облегченной процедурой их технологической обработки в исследовательских целях.

В ряде работ, напротив, пристальное внимание уделяется Интернету как особой разновидности коммуникации, выявляется специфическое и своеобразное именно для виртуального дискурса и его жанров. Исследователи приходят к выводу о превалировании в сетевой коммуникации травестийной, пародийной, игровой, иронично-смеховой, анекдотической тональности и о том, что типичными сферами-источниками прецедентных текстов здесь выступают, по преимуществу, наряду с фольклорным и паремическим фондом, произведения массовой культуры – анекдоты, популярные художественные и анимационные фильмы, песни, рекламные ролики [Гриценко, 2010, с. 12 – 15; Рыжков, 2010, с. 13].

Однако Интернет как доминирующее, по крайней мере последнее десятилетие, массмедиа, потому и называется глобальным, что вмещает в себя не только огромный массив информации, но и практически все проявления публичной коммуникации как таковой: в нем размещается или дублируется, наряду с бумажными,

телевизионными и радиийными носителями, большинство СМИ, в нем активно развиваются СМИ собственные. Именно в Интернете аббревиатура СМК обретает буквальное прочтение, поскольку происходит именно массовая – по беспрецедентному количеству агентов, именно коммуникация – по причине реальной возможности интерактивного отклика, диалога, полилога онлайн. Бесчисленные порталы, форумы, гостевые странички, чаты, блоги предлагают принципиально нелитимизируемому числу пользователей возможность не только открыто обсуждать любой информационный повод, но и инициировать его. Все это многократно интенсифицирует коммуникативно-интерпретационный и лингвокреативный потенциал языковой личности, способствует свободной реализации ее когнитивных интенций и разнообразных мировидческих рефлексий.

Вследствие этого исследовать интернет-коммуникацию вообще и прецедентность в Сети в частности необходимо, на наш взгляд, изучая не только то яркое, принципиально новое и экзотичное, что Интернет принес в нашу жизнь. Последнее чревато опасностью за деревьями не увидеть леса, а очевидное и своеобразное, эндемичное, сугубо виртуальное, не свойственное институциональному и неинституциональному «общению в реале», признать за единственно существенное и важное. Виртуальная коммуникативная среда, не только порождая новые, но и переплавляя традиционные жанровые и дискурсивные формы, вырабатывая, пользуясь терминологией М.С. Рыжкова, собственный коммуникативный и жанровый формат как «прототипную конфигурацию развертывания дискурса» [Рыжков, 2010, с. 9], коренным образом трансформирует гармонизирующие «реальную» коммуникацию закономерности и правила, отменяет действие одних коммуникативных универсалий [см. о них: Болотнова, 1992] и гипертрофированно усиливает действие других.

Несколько по-новому и по-другому, нежели в традиционной письменной и устной коммуникации, выглядит в Сети и прецедентность, причем не только та, в которой источником прецедентного феномена становится сама интернет-среда, хотя и таковых прецедентов огромное количество и они заслуживают отдельного изучения (см., например, работы Г. Гусейнова [Гусейнов, 2008] или целые информационно-аналитические сайты (URL: <http://sites.google.com/site/mememediavirus/home>) о феномене интернет-мемов и медиавирусов, наподобие *превед-медвед* или *мистер Трололо*). Однако дело в том, что и прецедентные тексты в их традиционном, карауловском, понимании испытывают в Сети значительные изменения специфики функционирования – изменения

характера пульсации прецедентности, ее, пользуясь терминологией Н.А. Кузьминой, резонансности [Кузьмина, 2009, с. 67 – 93].

Интернет как сверхподвижная, текучая среда функционирования прецедента реформирует ведущие параметры прецедентности. В первую очередь это касается трех взаимосвязанных признаков, а именно – повторяемости, рефлексивности и культурной маркированности.

По мнению А.Ю. Аристова, «взаимосвязанными являются два критерия определения В.В. Красных: чем более актуален текст, тем чаще он цитируется и, соответственно, чем чаще текст цитируется, тем более актуальным он становится» [Аристов, 2008, с. 12]. В интернет-коммуникации по причине свойственной ей неограниченной интеракциональной активности рекуррентность прецедента зачастую говорит скорее о его популярности (известности, широком внимании, общественных симпатиях), нежели о подлинной актуальности (соответствии запросам современности).

Гипертекстовый и ссылочный аппарат Сети делает возможным простую редупликацию сообщения, когда коммуникативная интенция отправителя сводится исключительно к распространению исходного контента с латентным иллюкутивным посылом «Я советую это посмотреть / прочитать, потому что считаю это интересным». Такую повторяемость без наращивания информативно-смыслового объема исходного сообщения можно назвать пассивной. Она свидетельствует о спонтанной популярности того или иного феномена, служит распространению интернет-мемов и медиавирусов и, как правило, весьма кратковременна: бурно развивается, но быстро и стремительно спадает (из последних примеров 2010 г. можем назвать *мистера Трололо*, а пик популярности уже малоизвестного *Медведа* пришелся на 2006 г. (URL: ru.wikipedia.org/wiki/Медвед). Факты пассивной повторяемости – объект изучения исследователей массмедиа, массовой культуры, культуры повседневности.

Однако большей степенью культурной маркированности, свидетельствующей, скорее, не о популярности, а о социокультурной и мировидческой актуальности прецедентного текста, обладает повторяемость активная. Речь идет о фактах активности говорящего, когда он либо вводит прецедентный текст в структуру собственного сообщения (назовем это активной повторяемостью первого порядка), либо создает собственный рефлексивно-интерпретационный текст по поводу прецедентного (назовем это активной повторяемостью второго порядка).

Активная повторяемость свойственна как «реальной», так и киберкоммуникации, но в рамках последней она приобретает, во-

первых, свойство длительной и относительно стабильной фиксации (что невозможно без технических приспособлений в формате устной речи), а во-вторых, свойство сверхлегкой обнаруживаемости и идентификации (что крайне затруднено с бумажными носителями, но легко доступно с помощью электронных поисковых систем). Таким образом, факты прецедентности в Сети оказываются с эпистемологической точки зрения более «объективными» и верифицируемыми, а с коммуникативной точки зрения – всегда открытыми к реинтерпретации и выражению рефлексии по их поводу. Все это позволяет проследить реальную темпоральную и интеракционную динамику прецедентности как живого социокультурного процесса, более-менее объективно измерить миромоделирующий потенциал прецедентного текста, «вступающего в резонанс с массами читателей» [Кузьмина, 2009, с. 92].

О наивысшей степени культурной маркированности прецедентного феномена и превращении его в текст влияния (по Н.А. Кузьминой, «энергетически сильный текст в прецедентной фазе существования в интертексте» [Кузьмина, 2009, с. 93]) свидетельствует, на наш взгляд, появление в электронной инфосфере рефлексивности эксплицитной, осознанной, намеренной, тенденциозной. Здесь мы имеем в виду в первую очередь создание отдельных площадок (сайтов, блогов, постов, страничек, тем, комментариев) или транзакций, посвященных прецеденту. (Термин транзакция предлагает в качестве единицы членения интернет-дискурса М.С. Рыжков, подразумевая под транзакцией «дискурсивный фрагмент, представляющий собой последовательность нескольких речевых шагов, соединенных тематически и служащих достижению поставленной цели общения» [Рыжков, 2010, с. 5].)

Как развивается миромоделирующий потенциал медиаконцепта при его вовлечении в прецедентный текст? На наш взгляд, динамика семантической эволюции концепта обуславливается в данном случае комбинаторным взаимодействием двух факторов.

Первый фактор условно можно назвать фактором инициации, поскольку концепт может включаться в уже известные, состоявшиеся прецедентные тексты, модифицируя их структуру и «паразитически» (ср. с понятием текстов-паразитов Г.Г. Слышкина [Слышкин, 2000]) используя их культурную память и ассоциативную ауру, а может иницировать собственный прецедентный текст, постепенно приобретающий статус самостоятельного текста влияния.

Примеры эксплуатации медийными доминантами популярных прецедентных текстов весьма частотны. Т.В. Шмелева приводит такие заголовки материалов о кризисе: *Кризис с человеческим лицом; Кризис.*

Труд. Май; Кому в кризис жить хорошо – замечая, что «в круг прецедентных входят и классические тексты русской литературы, и социалистические лозунги, <...> что стоит расценивать как глубокое освоение понятия *кризис* в материи русской культуры» [Шмелева, 2009]. Концепт *нефть* также демонстрирует подобную «паразитическую» активность и текстогенность (термин Т.В. Шмелевой [Там же]): *Нефть – это наше все; Нефть-матушка; Не нефтью единой; Унесенные нефтью*. Думается, что в данном случае говорить о глубоком освоении концепта в материи культуры рано, но можно говорить о нахождении концепта в стадии интенсивного роста его миромоделирующего потенциала.

Что же касается инициации концептом собственных прецедентных текстов, что, на наш взгляд, и является бесспорным свидетельством глубокого проникновения в культуру, то о *кризисе* (в настоящее время концепт находится в стадии затухания) таковых, судя по нашим данным, не имеется, в то время как о *нефти* существуют прецедентные тексты, ставшие текстами влияния и вошедшие в культурный тезаурус современника.

Второй фактор, обуславливающий динамику дискурсивной эволюции концепта в прецедентном тексте, связан с описанной выше диспозицией ключевых признаков прецедентности в Интернет-коммуникации. В диахроническом эволюционном плане вместе с качественным прогрессом повторяемости – от пассивной к активной, сначала первого, затем второго порядка – нарастает степень рефлексивности и культурной маркированности прецедента. Следовательно, наибольший миромоделирующий потенциал будут демонстрировать медиаконцепты, способные к инициации собственных самостоятельных прецедентных феноменов и развивающиеся в дискурсивном интернет-пространстве посредством интерпретационно-рефлексивных комментариев и толкований.

3.2.2. Вечность пахнет нефтью как прецедентный текст современной культуры

Далее в фокусе нашего внимания будет находиться именно такой прецедентный феномен, феномен, приобретший статус текста влияния в результате роста социокультурной актуальности медиаконцепта *нефть* и получивший мощную интерпретационно-рефлексивную поддержку в сетевом дискурсе.

Для человека, включенного в литературный, культурный и духовный контекст современности, образ нефти корреспондирует с фразой, в 1989 г. прозвучавшей в известной песне лидера русского

панк-рока Егора Летова «Русское поле экспериментов», а затем неоднократно обыгранной мастером постмодернистской прозы Виктором Пелевиным: в культовом романе «Generation П» (1999 г.) и в эпиграфе к повести «Македонская критика французской мысли» (2003 г.). Речь идет об идиоме *Вечность пахнет нефтью* и ее модификациях *Вселенная пахнет нефтью* и *Повсюду пахнет нефтью*.

И тот, и другой источник обладают сильнейшим культурным зарядом, обеспечиваемым несомненным литературным талантом и яркой творческой индивидуальностью их авторов, по-разному отвечающих на главные вопросы эпохи и обретших в наше «нечитающее» время своего многочисленного читателя и слушателя.

На поисковый запрос *пахнет нефтью* (инвариантный сегмент анализируемого высказывания) система Google выдает 1 700 000 позиций. Попытавшись разобраться с данным технологически сконструированным корпусом текстов, объединенных единственным идентификационным параметром – наличием в их структуре искомой коллокации, мы проанализировали «вручную», открывая каждую из предложенных ссылок, первые 100 позиций (в дальнейшем для анализа будут привлекаться и другие единицы электронного корпуса). Все эти тексты, как мы полагаем и предполагаем, имеют в качестве протекста наш прецедент.

Модус предположения связан с гипотетической возможностью «непрецедентного» или «инопрецедентного» происхождения многочисленных перефразировок, образованных по модели *что-то пахнет нефтью*: *Политика <...> пахнет нефтью, а нефть – политикой* (URL: <http://invest-life.ru/articles.html?id=591>); *Рост пахнет нефтью* (о росте курса валют) (URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-34943.htm>); *Сальдо пахнет нефтью* (URL: <http://www.eg-online.ru/article/100768/>); *Мясо пахнет нефтью* (о зависимости цены на мясо от стоимости нефти) (URL: <http://www.rg.ru/2010/12/09/ceny-site.html>); *Кровь ливийца пахнет нефтью* (URL: <http://www.proza.ru/2011/03/02/1551>); *Экстремизм пахнет нефтью* (URL: <http://www.cacompro.com>); *На Соловках пахнет нефтью* (об утечке дизельного топлива на Соловецких островах) (URL: <http://www.pravdasevera.ru/?id=1051781724>); *Суверенитет Татарстана пахнет нефтью?* (URL: <http://mediart.ru/blog/gid-pogodam/1454-1-suverenitet-tatarstana-pahnet-neftu.html>); *Геополитика пахнет нефтью* (URL: http://www.eurasia.org.ru/archive/archives/july/M16_090898.html); *Будущее пахнет нефтью* (название вечеринки в ночном клубе г. Томска «Театро») (URL: <http://afisha.westsib.ru/action/view/opinion/9914>); *Когда море пахнет*

нефтью (об утечке нефти в морские воды) (URL: http://www.worldenergy.ru/doc_20_56_2942.html); *Коррупция пахнет нефтью* (URL: http://www.neg.by/publication/2004_10_26_4682.html); *Искусство пахнет нефтью* (о выставке «Три огня. Баку в изобразительном искусстве») (URL: <http://kommersant.ru/doc/156749>) – вплоть до немотивированных окказионализмов абсурдистского свойства, например, *Чернослив пахнет нефтью* (на поэтическом портале) (URL: <http://www.stihi.ru/2005/01/30-131>).

Если говорить об «инопрецедентном» происхождении, то в русском фонде устойчивых выражений с одорической семантикой («понятие «одорический» образовано от слова *odor* (запах)» [Куликова, 2010, с. 4]) мы можем обнаружить по крайней мере три формулы, способные быть предтечами приведенных конструкций: структурно более отдаленное *Деньги не пахнут* и изоморфное по структуре *Дело пахнет керосином*.

Ассоциативная связь с первым выражением, весьма частотным в речевой практике и с общеизвестной историей появления, основывается на соотнесении образов денег и нефти с семантикой обогащения, зачастую бесстыдного и безнравственного. Вторая конструкция интересна по причине того, что она сама, вероятно, стала трансформой первого зафиксированного медийного употребления коллокации *пахнет нефтью*.

В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. Серов, как и авторы книги «Крылатые слова» Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина [Ашукин, Ашукина, 1966], утверждает, что авторство фразы *Дело пахнет керосином* принадлежит известному советскому журналисту 1920-х гг. Михаилу Ефимовичу Кольцову: «Из фельетона «Все в порядке» (Правда. 1924. 22 апр.) Он написал о крупной афере с концессиями на добычу нефти в штате Калифорния (США), в которой, как показало расследование, оказались замешаны высокопоставленные американские чиновники, что заставило скомпрометированного министра юстиции США уйти в отставку (об этом «Правда» сообщила 30 марта 1924 г.). В фельетоне М.Е. Кольцов писал: «Американцы подозрительно потянули носом: из Белого дома явственно пахло чем-то горючим. Нефть – не нефть, а что-то вроде очищенного бензина чувствуется... Кое-кто и из судебных следователей оказался не без греха. У одного несколько нефтяных акцишек завалилось на самом дне кармана. Другой еще совсем недавно получил за прекращение нефтяного дела взятку выше средних размеров, крепко и убедительно пахнувшую керосином» (цит. по: [Серов, 2003]).

Одна из корреспонденток домена Mail.ru выражает несогласие с данным мнением: «Кольцов в мелкой газетной заметке 1924 г. говорил

лишь про взятку нефтяных компаний, «крепко и убедительно пахшую керосином» – и форма выражения, и контекст явно не те. <...> Фраза, гораздо более близкая к каноническому варианту: «Дело пахнет нефтью и частной собственностью» – встречалась годом раньше («Правда», 9 мая 1923). Но этот оборот означал «пахнет крупной наживой», а не «дела плохи». 7 лет спустя «пахнувшими нефтью» были названы выступления архиепископа Кентерберийского о преследовании церкви в СССР («Известия», 16.02.1930)» (URL: <http://otvet.mail.ru/question/8505350/>) Хотя существует совсем не литературная и более утилитарная версия пользователей в русле народной этимологии: «От примусов или от керогазов. Они были взрывоопасны. И если пахло керосином, то дело пахнет неприятностями» (URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/16858-otkuda-vzjalos-vyrazhenie-delo-pahnet-kerosinom.html>).

Для нас в обоих этих наблюдениях важен очевидный «нефтяной след». Во-первых, в выражении *Дело пахнет керосином* актуализированы смыслы опасности легкого воспламенения (ср.: *пахнет жареным; пахнет порохом*) и затушеван модус несправедливого обогащения, ядерный для политико-экономического прочтения темы нефти. Однако семантика тревожных или негативных ожиданий, предчувствия деструктивного и неприглядного, предположения если не о противозаконном, то о противонравственном объединяет оба варианта, тем паче что, как известно, керосин – продукт нефтепереработки, по сути – та же нефть. А во-вторых, появление в культурно-речевой практике 1990-х – 2000-х гг. эстетически нагруженных образов пахнувшей нефти (тексты Летова и Пелевина), хронологически и идеологически совпавшее с периодом инициации и интенсивной эволюции одноименного медиаконцепта, инкорпорировало анализируемый прецедентный феномен в ядро коллективной когнитивной базы (термин В.В. Красных), в то время как берущие начало в советской публицистике его аналоги остались на периферии.

Если же предположить, что выражения типа *экстремизм / политика / коррупция пахнет нефтью* возникли стихийно по воле авторов без какой-либо интертекстуальной «подложки» (весьма маловероятный сценарий с точки зрения теории языкового существования и речевых фрагментов Б.М. Гаспарова [Гаспаров, 1996]), приоритет негативной семантики и аксиологии в них явственно сохраняется, а словосочетание *пахнет нефтью* создает эффект мерцания смыслов: за прямым значением упрямо встает метафорическое.

Но все же, по нашему глубокому убеждению, именно текст культовой песни Е. Летова стал исходным посылом бурного интертекстуального развития описываемого прецедентного феномена и в медиасфере, и для художественных интерпретаций в текстах В. Пелевина.

Вернемся к тем 100 единицам электронного корпуса текстов, которые были обработаны вручную с помощью приема сплошной выборки и проанализированы в русле представленных выше соображений по поводу трансформации ключевых признаков прецедентности в киберпространстве.

Исследование показало, что примерно в 45 – 50 % случаев мы имеем дело с пассивной редупликацией (здесь надо учитывать свойственный электронным поисковым системам эффект прогрессивного роста рекуррентности по мере демонстрации результатов поиска от первых к последним). В основном это тиражирование текстов Е. Летова, В. Пелевина и других произведений (например, клипа «Здесь пахнет нефтью и рэпом» сургутской хип-хоп группы «РАШ») или зеркальные дублиеты сайтов и постов (в интернет-жаргоне есть термин *перепостить* – разместить на собственных ресурсах уже имеющуюся в Сети информацию без каких-либо изменений).

Несмотря на то, что описываемое явление названо нами пассивной повторяемостью, оно исключительно значимо в процессе развития прецедента по причине очевидной вероятности перехода количества в качество, пассивной повторяемости в активную, поскольку практически неограниченная возможность комментирования стимулирует интерпретационную и аналитическую деятельность пользователей.

Примерно половина Интернет-текстов, содержащих рассматриваемый прецедентный феномен, представляют собой факты активной его повторяемости. Все они могут быть весьма условно дифференцированы по идеографическому критерию на: (1) денотативно ориентированные; (2) ориентированные на источник; (3) собственно рефлексивные; (4) эстетические; (5) научные. На размытой, диффузной и плавающей границе между вторым и третьим членами данной типологии происходит переход от активной повторяемости первого порядка (включения прецедентного высказывания в собственный текст) к активной повторяемости второго порядка (вербализации мировидческой, эстетической или научной рефлексии по поводу прецедентного высказывания). Впрочем, как мы покажем позже, и денотативно ориентированные тексты могут при

определенных условиях демонстрировать рефлексивно-интерпретационную активность их авторов.

Денотативно ориентированные тексты так или иначе задействуют прямое первичное значение лексических составляющих прецедента (обязательно – семантической доминанты *нефтью*, факультативно – предиката *пахнет*). К таковым относятся все приведенные выше образованные по модели *что-то пахнет нефтью* конструкции. В них в большей или меньшей степени *нефть* фигурирует в своей исходной семантической роли жидкого полезного ископаемого.

Есть тексты, в которых явно доминирует денотативная семантика: *На Соловках пахнет нефтью* (об утечке дизельного топлива на Соловецких островах); *Когда море пахнет нефтью* (о разливе нефти в морских водах). Есть тексты, в которых денотат и референт практически равнозначны, например, общественно-политической и экономической тематики, в которых важность нефти как сырьевого ресурса стимулирует ее метафорическое осмысление в категориях богатства, власти, насилия: *Политика пахнет нефтью*; *Кровь ливийца пахнет нефтью*; *Суверенитет Татарстана пахнет нефтью*. А в некоторых текстах денотативный компонент редуцируется до едва заметной единственной семы, как в выражении *Чернослив пахнет нефтью*, в котором актуализирована колористическая сема.

Тексты, в которые прецедентное высказывание включается в немодифицированном виде, демонстрируют прямую и однозначную ситуативно-тематическую приуроченность – их содержание тем или иным, иногда весьма замысловатым, образом касается нефти.

Использовать прецедентную формулу, на первый взгляд, тематически соотносящуюся с предметом описания, – непреодолимый соблазн для авторов, с помощью манипулятивных приемов пытающихся эксплуатировать культурный заряд прецедента, как в случае, когда высказывание выносится в заголовок коммерческого объявления: *Вечность пахнет нефтью. Приветствую уважаемое сообщество! Нашу компанию NMS Consulting Group интересуют поставки нефти и нефтепродуктов из Казахстана* (URL: <http://pautina.kz/blogs/entry/--2010-03-19-0>).

На сайте strana.ru, представляющем собой путеводитель по России, анализируемый прецедент используется при описании нефтяной столицы Севера: *Гуляя по Сургуту – крупнейшему городу Югры – хорошо понимаешь, что значит известная фраза «Вечность пахнет нефтью!»*. И хотя автор материала попытался обыграть семантику фразы, представив *вечность* как стрелу времени (от

ровесника Тобольска до буйства новых построек), таящийся в прецедентном высказывании пейоративный импликационал мешает сообщению выполнять его непосредственное рекламно-агитационное предназначение.

Еще больший семантико-аксиологический контраст текста-реципиента и прецедента наблюдаем на новостной ленте информационного портала Nunta.info, посвященного организации свадебных и других торжественных мероприятий: *Парфюм для шейхов и олигархов. «Вечность пахнет нефтью»*, – *пелось некогда российской группой «Гражданская Оборона». Парфюмеры Cotte des Garçons, похоже, вдохновились этими строками и решили представить Synthetic, самую необычную линию сезона из 5 ароматов. Первый из них – Garage – «сочетание запахов нефти, грязи и резины»*. Кроме аксиологического конфликта, а также конфликта денотата и референта, здесь налицо конфликт культурный. «Гражданская Оборона» олицетворяет панк-культуру, отличающуюся радикализмом, нонконформизмом, непримиримым социальным и экзистенциальным протестом, трагическим мировидением. Гламурно-глянцева тональность материала о духах, которые в прямом смысле пахнут нефтью, совершенно несопоставима с символическим наполнением исполненной драматизма летовской строчки.

Соблюдение максимы гармоничного соответствия прецедентного феномена и текста-реципиента (ср. с законом гармонического соответствия текстовой синтагматики и парадигматики [Болотнова, 1994]), напротив, влечет за собой идиоматический эффект смысловых приращений, когда смысл текста-источника обогащает семантику нового контента. То, что пост о войне в Ливии (*Ничего не скажу о войне в Ливии, все и так понятно*) начинается с фразы *Во всей вселенной пахнет нефтью*, свидетельствует об антивоенных убеждениях автора (URL: http://talizen.blogspot.com/2011/03/blog-post_21.html). Заголовок *Вселенная пахнет нефтью* материала о фильме «Нефть» – биографической драме о роковой роли нефти в судьбе американского нефтепромышленника-мультимиллиардера – сигнализирует о предстоящем серьезном разговоре с читателем, способствует реализации замысла автора рецензии (URL: <http://ko.ru/articles/18292>).

Не удивительно, что тема серьезного искусства, осмысляющего сложную диалектику материального и духовного в несправедливо политически и экономически устроенном мире, наиболее гармонично резонирует с эстетической и философской гранями исследуемого прецедента. Критик Павел Руднев пишет о спектакле Петра Фоменко «Безумная из Шайо» (*Сюжет антифашиста Жироду элементарен*,

как лозунг: *финансовые магнаты Парижа мечтают снести квартал Шайо, под которым один авантюрист обнаружил нефть. Несколько полоумных старух увлекают толстопузых аристократов к себе в подвалы и хоронят их в смрадной канализации. Революция зарождается «снизу», а общество гниет «сверху»*), предваряя рецензию нетривиальной аналогией: *Вечность пахнет нефтью. Случилось так, что режиссер Петр Фоменко, режиссер тонкий и ранимый, в своей «Безумной из Шайо» оказался солидарен с лидером русского панка, поэтом-экстремистом Егором Летовым, чьи слова вынесены в заголовок текста. Социальный театр, как и социальный рок, сегодня не в чести* (URL: <http://fomenko.theatre.ru/press/articles/3752/>). Несмотря на то, что автор называет Летова *поэтом-экстремистом*, выражая тем самым свое по большому счету неблагоприятное отношение к социально-политическим воззрениям рок-лидера, он признает необходимость постановки крайних и болезненных проблем современного общества в искусстве.

Анализ примеров реализации принципа гармонического соответствия текста-реципиента и прецедента позволяет говорить о неоднозначном и промежуточном положении их в нашей классификации. Свойственная им прямая денотативная соотнесенность (наличие сюжета нефти как сырьевого ресурса) не доминирует, а стимулирует аналитические рефлексии их создателей, что позволяет отнести данные тексты к категории собственно рефлексивных.

Тексты, ориентированные на источник, содержательно и тематически обращены к автору текста-донора и к самому этому тексту. Они составляют примерно половину всех представителей критерия активной повторяемости. Причина этого, на наш взгляд, не только в том, что имя автора и названия произведений сами являются типичными прецедентами (о прецедентных именах имеется обширная литература [Гридина, 1996; Гудков, 1999; Ворожцова, Зайцева, 2006; Нахимова, 2007 и др.]), но и в том, что имя автора – одно из сильнейших регулятивных средств (см. о них: [Болотнова, 1998б]), играющее исключительную роль в обеспечении «регулятивности как системного качества текста, отражающего его способность, воздействуя на читателя, направлять его интерпретационную деятельность» [Болотнова, 2011, с. 34]. Особая значимость имени автора и связанного с ним ассоциативного комплекса в процессе восприятия смысла произведения неоднократно подтверждалась экспериментально [Болотнова, 2001; Болотнова, 2008, с. 560 – 561].

Несмотря на провозглашенную Р. Бартом смерть автора, до сих пор имя создателя текста и его личность вызывают непосредственный интерес читателя; знания, пусть дискретные и обрывочные, об авторе, его эпохе и творческом методе входят в пресуппозиционный фонд, обеспечивающий органичное и комфортное приобщение к смыслу текста. Крылатые выражения и их создатели – излюбленный сюжет журналистского зачина, введения в тему, стимулирующий и направляющий интерпретационную деятельность адресата: *О том, что «вечность пахнет нефтью» нам говорили Бертран Рассел, Егор Летов, Виктор Пелевин, а теперь вот и режиссер Пол Томас Андерсон, снявший масштабную драму о вечной ценности – о нефти* (URL: <http://kino.km.ru>).

Одна из главных причин того, что тексты, в том числе рекламные, читаются, – т.н. «информационный инстинкт (инстинкт обучения, информационный голод, знаниевый инстинкт) – стремление homo sapiens к усвоению информации» [Орлова, 2006, с. 132]. Изучающий эволюцию интеллектуальных систем А.Л. Еремин говорит об «информационном инстинкте как обусловленном врожденными механизмами наследуемом побуждении к совершению целесообразных действий (по поиску, восприятию, потреблению, хранению, производству, распространению информации), имеющим жизненное значение» [Еремин, 2005, с. 79 – 80].

В терминосистеме текстовой деятельности одной из базисных предпосылок процесса реализации информационного инстинкта является презумпция содержательности текста (термин О.Л. Каменской [Каменская, 1990]) – презумпция того, что в тексте априори обязательно объективировано некоторое знание, информация, которая может оказаться нужной, полезной, интересной. Имя автора, если речь идет о художественном прецеденте, на наш взгляд, является одной из ключевых детерминант презумпции текстуальности, а ощущение дискомфорта, связанного с отсутствием информации о личности создателя, ведет к реализации желания восполнить лауну.

Вот типичное обсуждение интересующего пользователя вопроса на специальном сайте otvet.mail.ru (URL: <http://otvet.mail.ru/question/12027753>):

Просветленный Кто сказал: «Вечность пахнет нефтью»?

Мастер Фраза «Вечность пахнет нефтью» принадлежит не Летову (хотя от него она более известна). Принадлежит она британскому не очень известному писателю Д. Брауну.

Гуру Новалис, кажется...

Оракул Гражданская оборона.

Просветленный Егор

Как видим, даже ники (псевдонимы пользователей) указывают на самопрезентацию участников дискуссии как образованных, интеллектуально продвинутых, стремящихся к духовному знанию. Первый же ответ эвристически значим для нас, поскольку ярко демонстрирует, что мнение об индифферентности современника к знаниям о культурно-исторических источниках прецедентных феноменов не является истиной в последней инстанции.

Л.Ю. Федорова в работе «Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи» утверждает: «Данные эмпирических исследований показывают, что из выделяемых учеными прецедентных феноменов (прецедентные тексты, ситуации, имена, высказывания) наиболее часто в студенческой субкультуре используются прецедентные высказывания. Однако молодые люди не могут в большинстве случаев сопоставить предъявленные высказывания с источниками их происхождения, с прецедентными именами – их авторами. В частности, такие прецедентные высказывания, как «От радости в зобу дыханье сперло», «В человеке должно быть все прекрасно», «Свежо предание, да верится с трудом», «Что наша жизнь? – игра», «Ну как не порадеть родному человечку» и ряд других, предположительно известных каждому нормативному носителю русского языка, оказались неизвестными в общей сложности 41 % респондентов; из 59 %, которым эти высказывания были знакомы, правильно указать источник происхождения смогли лишь 17 % респондентов» [Федорова, 2008, с. 20]. На наш взгляд, описанное исследование показало столь плачевные результаты вследствие нерелевантности избранных в качестве материала эксперимента высказываний современной социокультурной и идеологической (в широком смысле слова) ситуации, их постепенного вытеснения из ядерной зоны текстов влияния.

Анализируемый нами прецедентный феномен, напротив, демонстрирует завидную познавательную активность по поводу своего генезиса, а следовательно, свое соответствие мировидческим запросам текущего момента. Причем первый же ответ приведенного выше полилога, на первый взгляд, парадоксален и коммуникативно нерелевантен, поскольку его автор представляет факт принадлежности обсуждаемой фразы Е. Летову как общеизвестный, не требующий комментариев, априори входящий в культурный тезаурус собеседника, как и имя рок-певца. И оказывается прав, что ярко и выпукло демонстрирует следующая за подтверждающим авторство Е. Летова (лидера группы «Гражданская Оборона», автора исполняемых ею песен) суждением *Оракула* вторая реплика инициатора беседы

Просветленного: Егор. Артикуляция антропонима свидетельствует, во-первых, о безусловной прецедентности имени поэта для определенной культурной ниши, а во-вторых, об эмоционально окрашенном интимно-субъективном отношении говорящего к личности и творчеству художника, одного имени которого – без фамилии и иных комментариев – достаточно для идентификации.

Однако информационный инстинкт стимулирует пользователей к поиску истинного, настоящего первоисточника. Что касается версии **Мастера**, то она весьма сомнительна, за исключением, как мы покажем далее, ее англоязычных аллюзий. По нашим данным, среди англоязычных писателей, кроме известного американца, автора «Кода да Винчи», Дэна Брауна, эту фамилию носил Джон Браун, английский священник и писатель XVIII в., известный своим «Рассуждением о происхождении, единстве и силе поэзии и музыки» (URL: [ru.wikipedia.org/wiki/Браун,_Джон_\(английский_писатель\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Браун,_Джон_(английский_писатель))). Версия о Новалисе, немецком романтике, жившем в том же XVIII столетии, также не выдерживает критики. Единственное наше предположение о причине появления этих вариантов «наивной этимологии» связано с тем, что совершенно невосприимчивые к семантике и руководствующиеся исключительно формальным принципом совместной встречаемости лексем электронные поисковые системы показывают, что произведения обоих писателей размещены в библиотеке мирвоззренческого портала «Вечность пахнет нефтью», содержащего «информацию о религии, философии, искусстве» (URL: <http://vpn.int.ru>).

Рождение сетевых литературно-исторических мифов, слухов, мистификаций – тема отдельного исследования. Здесь же заметим, что в подвижной интернет-среде процесс их появления и распространения отличается исключительными стремительностью и вирулентностью: прозвучавшая в анализируемом полилоге бездоказательная информация неоднократно всплывает в сетевом пространстве (**Искусственный Интеллект** «Вечность пахнет нефтью». Д. Браун (не американский, британский) и Е. Летов (URL: <http://otvet.mail.ru/question/33993334/?ref=stat>); **chegor** «Вечность пахнет нефтью» – цитата из Егора Летова? **b0ris** именно **arteume Сорри**, не знаю. Я эту надпись увидел в тамбуре вагона поезда «Лена – Москва» в феврале 1994 г. из Братска в Москву. Очень может быть, что это цитата. <http://otvet.mail.ru/question/12027753/> – вот здесь есть несколько версий, среди которых Новалис и Ден Браун;)))) (URL: <http://arteume.livejournal.com/19504.html>).

Наше исследование показало, что коммуникативное развитие прецедентных текстов в сетевом общении часто реализуется

посредством жанрового формата автороведческого расследования. Так, последний приведенный диалог, убедительно подтверждающий прецедентный статус анализируемого высказывания фактом его фиксации в виде тамбурного граффити, продолжается следующим образом:

chegor *оч. интересно... наиболее внушающую доверия информацию нашел про то что эта фраза изначально принадлежит Уильяму Джеймсу*

chegor *откопал таки источник:*

Я убежден, что такие переживания необходимы для хорошей творческой работы, но их одних недостаточно. В самом деле, субъективная уверенность, которую они дают, может роковым образом ввести в заблуждение. Уильям Джеймс описывает человека, который испытал действие веселящего газа; всякий раз, когда он находился под воздействием этого газа, он знал тайну Вселенной, но когда приходил в себя, то забывал ее. Наконец ему удалось путем огромного усилия записать эту тайну до того, как видение исчезло. Совершенно очнувшись, он бросился посмотреть то, что записал. Это было: «Повсюду пахнет нефтью». То, что кажется внезапным проникновением, может вводить в заблуждение, и его необходимо трезво проверить, когда пройдет божественное опьянение.

Бертран Рассел «История Западной философии»

arteume *Любопытно. Но обнаруженный мною Новалис, как аутентичный автор подходит лучше, т.к. жил раньше Джеймса, ЕМНИП, конечно;)*

calabaxa *Вот оригинал, если интересно: A smell of petroleum prevails throughout*

arteume *Спасибо!*

Несмотря на приведенные **chegor** доказательства своих разысканий – прямую цитату из первоисточника – имеющаяся в сети ссылка на Новалиса позволяет **arteume**, соблюдая максимум вежливости посредством вводного ЕМНИП (аббревиатура выражения *если мне не изменяет память*), придерживаться мнения об аутентичности Новалиса по праву хронологического первенства. Однако пользователь **calabaxa** разрешает спорную ситуацию, приводя оригинальную цитату из Рассела на английском, рассеивая сомнения и заслуживая благодарность **arteume**.

Ситуация автороведческого расследования сильно осложняется тем, что, во-первых, самого первоисточника – искомой фразы в переведенных на русский язык текстах американского философа Уильяма Джеймса (1842 – 1910 гг.) не обнаруживается, ссылка на него

имеется только в упомянутой популярной и доступной в Сети «Истории западной философии» Бертрانا Рассела (URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/rassb01/index.htm>), во-вторых, спустя десятилетие после написания Е. Летовым песни «Русское поле экспериментов», где наше выражение звучит рефреном, выходят сначала роман, а затем еще через несколько лет повесть В. Пелевина, к тому времени уже считающегося культовым писателем и имеющего большую читательскую аудиторию.

Эта неоднозначная ситуация неоднократно обсуждается на многих интернет-ресурсах. Сам Летов в ответах на вопросы посетителей официального сайта «Гражданской Обороны» (URL: <http://gr-oborona.ru>) 26 июня 2005 г. выражается предельно ясно и лаконично:

Igor Tsykunov *У тебя есть фраза: «вечность пахнет нефтью», у Пелевина в «Generation П» есть фраза: «во всей вселенной пахнет нефтью». Это: 1. Совпадение. 2. Пелевин процитировал тебя. 3. Вы оба процитировали кого-то третьего (кого?)*
– Бертрана Рассела.

А в интервью журналу «FUZZ» в июне 1997 г. (оно также размещено на официальном сайте группы) на вопрос журналиста: *В одной из песен ты только что спел: «вечность пахнет нефтью», такой геополитический образ... Чем тебя лично интересует нефть?* – Летов отвечает: *А знаете, чьи это слова? Бертрана Рассела. Россия сейчас скатывается к положению сырьевого придатка Запада. Процессы в геополитике и геофизике происходят столь стремительно и непредсказуемо, что говорить о том, что произойдет через год, просто невозможно.*

Поэт, давая в масс-медиа наиболее очевидное и социально отмеченное объяснение своим словам, еще раз подчеркивает первоисточник своей знаменитой строчки, тем самым очерчивая философско-интеллектуальный контекст своего творчества, его мировидческие корни.

Возникшую путаницу с «авторскими правами» пользователи пытаются разрешить путем многошаговых логических комбинаций по аналогии с доказательством теоремы (URL: <http://general-kollaps.livejournal.com/7543.html?thread=45431>):

Дано: знаменитая фраза «Во всей Вселенной пахнет нефтью» (в альтернативной трактовке «Повсюду пахнет нефтью») регулярно приписывается разным людям. Пруфлинков (Пруфлинк (англ. proof link) – подтверждающая ссылка, ссылка на доказательство – О.О.) до фи́га и больше, особенно в ЖЖ (Живом журнале – О.О.).

Пытаемся разобраться.

Шаг Первый:

*Известный (в широких кругах) английский математик и философ Бертран Рассел в книге «История Западной Философии» пишет: (приводится цитата из «Истории западной философии» Б. Рассела, которую мы уже приводили выше в составе реплики пользователя **chegor** – О.О.).*

Шаг Второй:

Известный (в узких кругах) американский философ и психолог Уильям (Вильям) Джеймс в книге «Многообразие Религиозного Опыта» отчасти подтверждает эти слова Рассела и пишет:

«Эфир и в особенности окись азота, в известной дозе примешанные к воздуху, являются также могучими стимулами к пробуждению мистического сознания. Перед вдыхающим их, точно разверзаются бездны истины одна за другою. Когда человек приходит в нормальное состояние, истина от него ускользает, и если остается от нее какая-нибудь формула, для нормального рассудка она оказывается бессмыслицей. Тем не менее, у человека остается чувство, что эта формула полна глубокого значения. Я лично знаю многих людей, которые убеждены, что в трансе, вызванном окисью азота, возможны настоящие метафизические откровения» (Вильям Джеймс).

Искать сообщения Уильяма Джеймса, появившиеся в печати более 100 лет назад, мне слегка лень. Но я, признаться, не считаю, что Рассел всю эту историю выдумал, поэтому из имеющихся данных авторство фразы однозначно устанавливаю за Вильямом не нашим Джеймсом.

В песне 1989 года группы Гражданская оборона «Русское Поле Экспериментов» с одноименного альбома рефреном повторяется фраза «Вечность пахнет нефтью». Большинство фанатов Летова считают, что именно Летов ее и придумал. Егора, к которому я отношусь очень хорошо и положительно, искренне жаль в такой ситуации.

Вот тут в коментах предлагают Синявского, но это вообще не вариант, а тупой плагиат, имхо.

У Пелевина все куда как обширнее, а, главное, сразу с правильными ссылками.

В «Generation П» сирруф объясняет Татарскому: «Насколько я знаю, самое глубокое откровение, которое когда-либо посещало человека под влиянием наркотиков, было вызвано критической дозой эфира. Получатель нашел в себе силы записать его, хотя это было крайне сложно. Запись выглядела так: «Во всей вселенной пахнет нефтью».

Наконец, в качестве эпиграфа к «Македонской Критике Французской Мысли», прямо так оно и фигурирует.

Ну вот, собственно, вроде и все.

Вывод: фраза «Повсюду пахнет нефтью» (как пишут в комментариях, оригинальная «A smell of petroleum prevails throughout») с очень большой вероятностью принадлежит Уильяму Джеймсу, о чем тщательно сообщают как Бертран Рассел, так и Виктор Пелевин.

Данное автороведческое расследование – одно из самых подробных и доказательных, однако в нем на первый план выходит наркотический контекст, актуализированный у Джеймса и Пелевина, но не являющийся определяющим у Рассела и Летова. В другом комментарии подчеркивается семантическая непрозрачность фразы («Вечность пахнет нефтью» – эта более чем странная фраза...), а ссылка на Рассела и его работу, впервые опубликованную в 1945 г., приводится как доказательство того, что вероятность плагиата (видимо, плагиата Пелевина у Летова – О.О.) исключалась изначально, а независимое озвучивание подобной мысли, даже двумя гениями, представлялось маловероятным (URL: <http://vk.com/notes22284>). Ср. с замечанием участника другой дискуссии: *Пелевин, наверное, не родился еще, когда Летов это спел :) (URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/3997567.html>).*

Приобщение к различным версиям возникновения прецедента в большинстве случаев ведет к интерпретационным шифтингам в структуре сетевого гипертекста. В своем блоге пользователь Живого Журнала *rachun* 16 июня 2011 г. открывает отдельную ветку *Вечность пахнет нефтью*, где в развернутом лид-посте реализует собственные рефлексии философского и даже литературоведческого плана (URL: <http://rachun.livejournal.com/19512.html>):

Это пронзительный рефрен из песни Егора Летова «Русское поле экспериментов» с одноименного альбома 1989 года. Есть в этой фразе что-то апокалиптическое, мистическое, отстраненно-грозное. Фраза многолика, символична, будоражаща, глубока и многодонна. Многие, заблуждаясь, приписывают ее авторство Егору Летову.

Но это не так. Фраза эта достаточно известна. После Летова на нее ссылались Виктор Пелевин в «Generation P», где она звучала как «Во всей вселенной пахнет нефтью». До Летова широкой публике фразу представил Бертран Рассел в книге «История западной философии». Рассел приписывает фразу философу Уильяму Джеймсу. Она упоминается в контексте опытов с эфиром и звучит как «Повсюду пахнет нефтью».

Однозначно, что Пелевин знал, кому принадлежит цитируемая фраза. Уильям Джеймс упоминается в диалогах его героев прямым текстом. Несомненно, что знал об авторстве фразы и Егор. Его культурный багаж был колоссален. Просто для творчества Егора свойственно цитирование. Но это не цитирование в подтверждение собственных мыслей, как в школьном реферате. Это цитирование в контексте. Так христианство обошлось с наследием античности и эллинизма – взяло только то, что было необходимо, органично вплело в канву и тем создало новое и прекрасное учение.

И то, что народ упорно приписывает авторство фразы Егору – неоспоримое доказательство новизны и актуальности его творчества. Цитировать ведь и на заборе можно, хотя и без толку. А вечность действительно пахнет нефтью. Чем дальше, тем резче.

Данный пост, выражаясь языком его создателя, не похож на школьный реферат, в нем, в отличие от приводимых ранее интернет-контекстов, чужие слова и мысли не цитируются, а раскрываются в авторском истолковании. Перед нами полноценное эссе, в котором мастерски используется семантический и экспрессивный потенциал синонимов (*апокалиптическое, мистическое, отстраненно-грозное; многолика, символична, будоражаща, глубока и многодонна*), точность и образность эпитетов (*Его культурный багаж был колоссален*), эвристическая плодотворность аналогии (*Так христианство обошлось с наследием античности и эллинизма*). И еще в нем звучат неподдельное уважение к личности *двух гениев* современной литературы, глубокое знание их творчества, особенно – Е. Летова, а также важная для нас мысль о том, что подлинным текстом влияния в нашу постмодернистскую эпоху цитатного письма зачастую становится отнюдь не оригинальный первоисточник, а тот, которому *народ упорно приписывает авторство фразы*, чье творчество отличается *новизной и актуальностью*.

Так, высказывание Б. Рассела про У. Джеймса и его наркотические эксперименты вне пелевинско-летовского контекста обсуждается лишь однажды в дискуссии на тему *Как объяснить этот мир?* (URL: <http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=5f8630683a483257>):

История скорее про то, что не все, кажущееся разумным и преисполненным глубокого смысла, является на деле таковым, но можно ее истолковать и несколько иначе. Что если в этом измененном состоянии сознания мозг человека действительно каким-то таинственным образом постигал «тайну Вселенной»? Вполне логично было бы тогда предположить, что при возвращении в свое нормальное состояние он ее забывал или переставал быть способным

ее осознать. Возможно, ему действительно удалось ее записать? Все гениальное, как известно, просто, отчего бы тайне Вселенной не формулироваться в трех словах? Но что толку от этих слов, если мы не способны их понять?

В данном развернутом экзистенциальном монологе автор ставит самые серьезные вопросы о семантической эволюции прецедента. Во времена Б. Рассела (напомним, что «Историю западной философии он пишет в первой половине 1940-х гг.) рассматриваемое «нефтяное откровение» и впрямь являлось ярким примером волапука, бессмыслицы, абракадабры, порожденных затуманенным наркотиками сознанием, поэтому философ назидательно предостерегает читателя: *То, что кажется внезапным проникновением, может вводить в заблуждение* [Рассел, 2001]. Ср. с высказыванием одного из пользователей: *Видимо, смысл выражения состоит в том (если несколько опошлить, говоря простыми словами), что субъективное состояние «понимания смысла всего» не выдерживает критики трезвого разума – возможно, здесь кроется даже нападка на «мистическое познание мира»* (URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/3997567.html>).

В конце XX столетия и начале XXI мощное, стимулированное социально-экономическими факторами развитие нефтяного тренда в медиакультуре, войдя в резонансное взаимодействие с творческими интуициями двух культовых художников, породило совершенно иное прочтение прецедентной фразы, воспринимаемой теперь как провидческое пророчество и мистическое откровение: *Это аллегория, очень глубокая по смыслу. При попытке ее объяснить я лично на минут 20 ударяюсь в метафизику.) В общем на самом деле гениальная фраза. Заставляет думать* (URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/3997567.html>).

Интересно, что два последних процитированных контекста взяты из довольно обширной дискуссии на тему *Что значит выражение Бертрана Рассела «Во всей вселенной пахнет нефтью»?* Однако первая же реплика *Где? Не припоминаю* обнаруживает отсутствие в информационном тезаурусе пользователя ассоциативной связи цитаты с употребившим ее философом, а вторая реплика сразу же начинается с имени Летова.

Думается, что в данном случае мы имеем дело с довольно редким в современной культуре органическим единением автора и текста, когда высказывание становится не просто визитной карточкой творчества автора, но ощущается читателями (именно ощущается, поскольку выражается это не рационально, а крайне эмоционально)

некой смысловой квинтэссенцией всего макрокосма художника. После ухода Егора Летова в феврале 2008 г. практически каждый исполненный надрывной болью комментарий-некролог на сайте группы (URL: <http://www.gr-oborona.ru>) включал в себя не прямые поэтические номинации смерти, коих так много в поэзии Летова (см.: [Лурье, 2001]), и даже не пророческое «Без меня» (*На рассвете – без меня / На кассете – без меня...*): *Небо ему пухом!!! Егор остался в наших сердцах как боец с системой, образец борьбы и просто творческий человек!!!! Вечность пахнет нефтью!!!! Вечность пахнет нефтью... Для Егора она будет другой. Должна быть какой-то другой; Я скорблю. Но я знаю, что сейчас у меня играет «Русское поле экспериментов». И чувство утраты... «Вечность пахнет нефтью».*

Как ни странно (сравнивать количество поклонников двух писателей – дело неблагоприятное, как и говорить о большей или меньшей их культурной значимости), именно летовский контекст обсуждается наиболее бурно, часто – не в пользу Пелевина: *Пелевин просто получается эту фразу и контекст содрал, а Летов ее сделал просто гениальной. «Вечность пахнет нефтью».* Сколько одновременно смысла и бессмыслия. Читатели пишут о том, что востребованная Пелевиным ситуация наркотического опьянения элиминирует метафизический смысл высказывания, переводит в его в игровую несерьезную тональность: *Сама фраза не имеет отношения к наркотикам. Просто она очень глубокомысленна и аллегорична, вот Пелевин и решил приколоться; вообще-то, вкус эфира во рту очень даже похож на нечто нефтяное) поэтому в Пелевине эта фраза понятна.*

Однако постепенно обсуждение отрывается от персоналий и сводится к толкованию фразы. Вызывает удивление относительно небольшое количество объяснений в духе утилитарного социологизма, наподобие: *Лично я воспринимаю эту фразу так, все на данный момент все зависит от нефти, она нужна всем и еще долго так будет.*

В то же время смысл высказывания о вселенной толкуется разнообразно и нетривиально с позиций астрофизики (*Нефть – это углеводороды. Водород и углерод одни из самых распространенных веществ во вселенной. Молекулы углеводородов находят не только на планетах солнечной системы, но и в удаленных туманностях – по спектральным линиям излучения. Так что в каком-то смысле это правда*) и уфологии (*Человек думает, что так как живет он, так же живут и другие. Т.е. если на Земле очень остро стоит вопрос нефти,*

то, соответственно так же остро, стоит этот же вопрос и на других планетах).

В основе философских рассуждений о вечности лежит гипотеза органического происхождения нефти, которая, к слову, является основой развития сюжета повести Пелевина «Македонская критика французской мысли». Главный герой повести приходит к выводу о том, что после смерти души людей обращаются в деньги (подобно тому, как умершие доисторические организмы превратились в нефть).

Метафизический, мистически-эсхатологический смысловой план прецедента связан с традиционной архетипической соотношенностью вечности и смерти: *Нефть продукт органики – миллионов тонн живых существ. Нефть – это братская могила; Все живое рано или поздно умирает и становится органическим удобрением для будущего поколения, условно говоря «нефтью». Энергией которого пользуются потомки, дабы потом самим стать удобрением для следующего поколения. И так до бесконечности. Вечность пахнет нефтью; Ну я то считаю по простому – вечное существование доступно каждому, хотя бы и в виде нефти) цикличность тут ни при чем; Ну, это очень просто. Я в свое время воспринял это как метафору, такую всеобъемлющую метафору о жизни человеческой. Как известно, нефть – это то, во что превратились доисторические леса, всякая органика, и в том числе, наверное, и люди, и животные. И все это было очень давно. А посему, фактически, и наше время также уйдет восвосяси, а нефть останется. Таким образом, все становится ясно (последний комментарий взят с сайта «Гражданской Обороны» (URL: <http://gr-oborona.ru>)).*

Приметы риторической манеры объяснения: дефиниционные конструкции-тождества, эксплицитно выраженные причинно-следственные связи, дейксис обобщения и всеобщности, логизирующие вводные, научная и абстрактная лексика – способствуют претворению текстов, ориентированных на источник, в тексты собственно рефлексивного характера.

Собственно рефлексивных текстов в изученном нами корпусе оказалось сравнительно немного, но и среди них можно выделить тексты, характеризующиеся имплицитной или эксплицитной рефлексивностью.

Имплицитная рефлексивность свойственна текстам, в которых прецедентное высказывание не соотносено ни с денотатом, ни с источником, а служит целям позиционирования и самоидентификации. Например, ряд пользователей разных интернет-ресурсов выбирают прецедентное выражение в качестве ориджина, или подписи, – интересной с точки зрения пользователя фразы (афоризма, крылатого

выражения и т.п.), автоматически сопровождающей все сообщения виртуальной языковой личности и служащей, наряду с ником (псевдонимом) и аватарой (изображением), главными средствами самопрезентации в Сети [Лутовинова, 2009, с. 13–14].

Выбор ордина – важное коммуникативное действие виртуальной языковой личности: в качестве подписи должно фигурировать выражение, во-первых, привлекающее внимание собеседников своей оригинальностью и смысловой значимостью, а во-вторых, характеризующее персону автора как особенную, интересную, отличную от других. Неоднократный выбор разными пользователями той или иной подписи свидетельствует о соответствии фразы мировидческим и коммуникативным запросам современников, их представлениям о собственной сущности как сложной, глубокой и неоднозначной.

Например, пользователь *koala* (аватара дублирует и обогащает смысловое наполнение ника, это картинка с коалой на фоне небоскребов) в своем профиле называет себя *адвокатом Дворников*, а место своего нахождения – *Из глубин подсознания* (URL: <http://forum.visp.ru/viewtopic.php?id=3766>). Сопровождающая каждое сообщение подпись *Вечность пахнет нефтью* органично дополняет образ особенной, избранной и противопоставляющей себя социальному мейнстриму личности: *коала* – редкое сумчатое, обитающее в эвкалиптовых лесах Австралии и исчезающее по причине жестокости и равнодушия урбанистической цивилизации; *адвокат Дворников* – по-видимому, намек на культивируемую в альтернативной и неформальной культуре маргинальность (ср. *поколение дворников и сторожей* у Б. Гребенщикова); *из глубин подсознания* – указание на богатый внутренний мир пользователя, ее высокие интеллектуальные и медитативные способности, умение видеть тайное и неочевидное.

Исследование выявило 12 пользователей Сети, избравших наш прецедент в качестве ордина.

Отдельно необходимо отметить факт выступления анализируемого прецедента в роли названия достаточно крупного и популярного портала (URL: <http://vpn.int.ru/forum/index.php>), характеризуемого пользователями таким образом (URL: <http://www.tavi.ws/fm/index.php?showtopic=1147>):

Вечность пахнет нефтью. Приглашение к диалогу.

Новый сайт, посвященный мировоззренческим вопросам – философия, психология, политика, искусство. Неплохая библиотека. Что интересно – администрация предлагает участие в диалоге представителям ЛЮБЫХ мировоззрений, религий, взглядов, при

условии соблюдения вежливости и взаимоуважения, предоставляя возможность ознакомления, обмена мнениями и идеями между оппонентами, поиска новых точек зрения на старые проблемы. Атеисты приглашают верующих, мистики – материалистов, сатанисты – христиан для диалога и изучения позиций друг друга.

Выбор фразы в качестве общего наименования, являющегося, аналогично заглавию журналистского или художественного произведения, крайне сильным регулятивным средством, сигнализирует о не нацеленной на ценности массовой или поп-культуры информационной политике создателей сайта, об идентификации ими своей целевой аудитории как образованной, читающей, интересующейся вопросами духовности и высокой культуры.

Текстов с эксплицитной рефлексивностью среди собственно рефлексивных обнаружено всего несколько, что объясняется переходным и контаминационным положением данной позиции нашей классификации относительно других. Мы уже описывали случаи, когда денотативно ориентированные тексты обнаруживали сильный рефлексивный уклон. Еще один пример того же рода, еще более осложненный, поскольку текст с успехом можно отнести и к ориентированным на источник, – аналитическая статья «Убить трех зайцев» известного публициста Бориса Парамонова (URL: <http://www.svobodanews.ru>).

Развертывание сюжета статьи о т.н. *нефтяном проклятье*, о том, *как Запад своим бездумным потреблением нефти создал проблемы не только у себя, но и, можно сказать, везде*, автор начинает с уже известной нам истории наркотических опытов У. Джеймса. Довольно обширное, составляющее пятую часть всей работы, описание эксперимента по постижению тайны бытия в наркотическом транс позволяет журналисту противопоставить свой материал сухой политико-экономической аналитике, придать ему ракурс серьезного прогноза, даже пророчества (при размещении статьи на своем блоге один из пользователей охарактеризовал ее так: *Совершенно гениальная аналитическая и предвидческая статья. Рассылаю мыслящим людям* (URL: http://world.lib.ru/l/litinskij_w_a/mikhail.shtml)).

Для нас же в анализируемом материале особенно важен кумулятивный эффект помноженных друг на друга миромоделирующих возможностей прецедентного текста и медиаконцепта, задействованного в этом тексте: *Опыт повторяли несколько раз, и однажды, напрягшись, он сумел записать эту тайну. Это оказались слова: все пахнет нефтью. Теперь мы можем сказать*

*даже без помощи наркотиков, что так оно и есть. Если не тайна бытия, но болезненный узел всех нынешних проблем – это зависимость человечества от нефти. С помощью обыгрывания прецедентной истории и ее включения в современный контекст (то таинственное и скрытое, что раньше приоткрывалось лишь измененному наркотиками сознанию, теперь становится наглядным и очевидным) автор стимулирует развитие одного из ключевых векторов ассоциативно-смыслового развертывания медиаконцепта *нефть* – вектора нефтяной аддикции.*

Если говорить о семантике, объединяющей разного рода текстовые рефлексии по поводу рассматриваемого прецедента, то это, кроме различных локусов деструкции (социальной, политической, экономической, экзистенциальной, метафизической), коннотации тотальности и глобальности, идущие от субъекта, который пахнет, в любой из своих вербальных ипостасей (*вселенная, вечность, все, повсюду, мир*) представляющего собой мироздание во всей его недискретной всеобщности: *Мир пахнет нефтью – точно так же, как и война. Этот запах невозможно ничем перебить – ни навязчивым, как синтетические добавки, ароматом выборов, ни бьющим по всем рецепторам коктейлем уличных демонстраций. Этот запах повсюду: в заголовках утренних газет, в сводках новостей, в колебаниях курсов валют. И даже в каждом пороховом зале очередной революции слышится именно он – тягучий, тяжелый, равнодушный запах нефти* (URL: <http://nvrsk.org/forum>). В данном тексте, написанном в эссеистической манере, коннотации тотальности и глобальности эксплицируются с помощью маркеров исчерпывающей всеобщности (*ничем, повсюду, в каждом*), усилительных перечислений, сравнений, метафор, эпитетов. Несомненное писательское мастерство нарратора, талантливо использующего незаурядный арсенал образных средств, позволяет говорить об определенном не только экспрессивном, но и эстетическом эффекте текста.

В очевидной интертекстуальной связи с рассматриваемым прецедентом в интернет-пространстве находится ряд паралитературных текстов, которые по выполняемой ими (эффективно или нет – отдельный вопрос) функции могут позиционироваться как **эстетические**. Думается, что относительно новый термин *паралитература* следует понимать не только в качестве синонима массовой литературе – развлекательной повествовательности, увлечение которой носит массовый характер [Козлов, 2009]. Греческая приставка *para* (возле, рядом, около) подразумевает включение в сферу данного феномена и произведений наивного литературного творчества (любительскую поэзию и прозу, образцы графоманства и

лингвокреативного процесса) и сетературы – произведений, «для которых Интернет является не дополнительной возможностью размещения, а основной средой существования» [Лутовинова, 2008, с. 132].

Если говорить хотя бы об условной художественно-эстетической ценности текста, то в качестве примера можно привести текст композиции «Здесь пахнет нефтью и рэпом» весьма популярной в определенной субкультуре сургутской хип-хоп группы «РАШ», в которой рэперы патриотически воспевают урбанистически-технологические достижения «нефтяной Венеции», которая *дарит* героям *адреналин* (URL: www.youtube.com/watch?v=tF3Lt5ks9dM).

Оба обнаруженных нами любительских поэтических опыта восходят к тексту Е. Летова. Один из них – искренняя эпитафия, написанная в традиции панегирических стихов «На смерть поэта», передает глубину переживания потери духовного лидера поколения (URL: <http://www.gr-oborona.ru>):

*Он был так молод.
Столько сделал,
Выстрадал,
Сумел.
Воспитал в духе
Правды, веры, свободы
Не одно поколение Тех,
Кто не променял
Листок с аккордами на жвачку
С апельсиновым вкусом резины.
Тех, кто наизусть знает
«Русское Поле Экспериментов».
Тех, кто на коже почувствовали,
Что Вечность пахнет нефтью.*

Тема наставничества, трансляции идеалов и ценностей последователям и ученикам, современникам и потомкам связана с известными строчками поэта даже не на уровне когниции (их *знают наизусть*), а на уровне синестезии, сплава самых глубинных и нерационализированных ощущений – тактильных (*на коже почувствовали*) и обонятельных (*Вечность пахнет нефтью*).

Второй лирический сюжет вторит, по меткому выражению одного из поклонников, летовской поэтике «надрыва от желания и невозможности прозреть тайну пути в небытие» (URL: <http://www.gr-oborona.ru>): *туда где вечность пахнет нефтью / идти по скошенной*

траве / и справа пропасть в бесконечность / а слева пропасть в небеса (URL: <http://www.perashki.ru/piro/15098/>).

Явным заимствованием расселовского сюжета о наркотических откровениях в сочетании с устойчивой русской эпистолярно-дневниковой литературной традицией «Записок сумасшедшего» отличается любопытный рассказ «Повсюду пахнет нефтью», размещенный на сайте психиатрической клиники «Квазар» (URL: <http://idiotpost.ru>). Одним из способов терапии в клинике является «прозаическая психхирургия», результаты которой представлены на сайте в виде дневника пациента, пишущего под псевдонимом Георгий Семечкин. Его перу и принадлежит рассказ, представляющий собой поток сознания героя, сотканный из причудливых ассоциаций и немотивированных тематических переключек:

Сегодня утром, во время выковыривания зерен истины из ткани бытия, меня осенило: повсюду пахнет нефтью! И еще я хочу почистить зубы. Но не буду отвлекаться. Где я сейчас нахожусь мне неизвестно, но это только обостряет мой ум и ускоряет мысли. Вокруг меня только стены. Есть еще кровать и больше ничего. Не могу понять куда подевалась моя палата и вообще вся психбольница. Но надеюсь мне удастся достать хотя бы одну почтовую крысу. Дорогой Лаврентий Аркадьевич, мир пропитан нефтью насквозь она течет в жилах человечества и никто не обращает на это внимания. Люди привыкли дышать ею, она словно пустое место, но это обман. Всех нас обманывают. Даже почтовые крысы, которые приносят вам мои бесценные письма, вовлечены в глобальный нефтяной заговор.

Приведенного выше первого абзаца рассказа вполне достаточно для адекватного представления как о манере письма автора, так и об эксплуатации им типичных нефтяных вербально-ментальных клише: стереотипа глобального нефтяного заговора и расхожей метафоры, соотносящей нефть с кровью. Однако необходимо отметить, что кроме присущих многим толкованиям анализируемого прецедента смыслов тотальности и глобальности (ср. лексемы *бытие, повсюду, мир, насквозь, человечество, всех, глобальный*), в данном тексте на первый план явно выдвигается суггестивность, свойственная образно-метафорическому прочтению фразы. Суггестивность задействует воображение читателя посредством ярких эмоциональных переживаний и открытия новых иррациональных граней миропонимания, причем в данном случае – суггестивность стереотипно-архетипического свойства: *мир пропитан нефтью насквозь она течет в жилах человечества* (ср. в одном из

приведенных выше примеров суггестивность синестетической природы: *тягучий, тяжелый, равнодушный запах нефти*).

Наиболее полно обе указанные нами тенденции в эстетически отмеченных интерпретациях анализируемого прецедента – тенденция к тотальности и глобализму в сочетании с тенденцией к нерационализируемой суггестивности – реализуется в обнаруженном нами образце литературы фанфикшн. Речь идет о комплексном фанфике «Вечность пахнет нефтью» интрпретативного сообщества толкинистов, расположенном на сайте Tolkien.ru. Фанфикшн – «литературное творчество поклонников произведений популярной культуры, создаваемое на основе этих произведений в рамках интерпретативного сообщества (фандома)», фанфик – «конкретный текст, относящийся к литературе фанфикшн» [Прасолова, 2009, с. 6, 17].

В нашем случае мы наблюдаем литературную игру любителей фэнтези, участники которой пишут продолжение рассказа использующего персонажей А. Милна (*Винни Пуха, Пятачка* и др.) сетевого автора Максима Кича «На опушке бетонного леса» (URL: http://gondola.zamok.net/065/65kich_1.html). Рассказ, как заявлено в паратексте, надо *перед началом игры обязательно прочитать*. Паратекст – это предваряющий чтение произведения договор между автором и читателем, в нашем случае – между ведущим модератором и участниками-фикрайтерами, играющий «ключевую роль в формировании как индивидуального референтного поля для конкретного произведения, так и в оформлении целого ряда интерпретативных предустановок» [Там же, с. 173].

Изложенные в паратексте к фанфику правила таковы:

Действие происходит в мире после ВСПЫШКИ – апокалипсиса, третьей мировой, падения баини – литературного фоллаута (духовного и физического) который полностью уничтожил мир людей (и самих людей тоже). В живых остались только обломки человеческих фантазий, которые бродят по сваленным в кучу не- вполне-реальным развалинам физического мира и своих собственных миров, постепенно вымирая...

Уточнение: ВСПЫШКА – это не просто ядерная война. Просто в некоторых мирах она приняла форму ядерной войны. ВСПЫШКА – это гораздо хуже...

В качестве персонажей можно выбирать только персонажей сказок, детских и юношеских произведений. <...>

Задачи персонажей:

1. Выжить в мире после ВСПЫШКИ.

2. Найти убежище, какое-нибудь стабильное место в разлагающейся вселенной, в котором они смогут жить. Такое место ЕСТЬ.

3. Понять, что случилось с миром. Возможно, попытаться его исправить...

4. Понять, что значит фраза «ВЕЧНОСТЬ ПАХНЕТ НЕФТЬЮ», которую они все слышат во сне.

Как видим, уже в паратексте отчетливо проявляются предпосланные коннотативной аурой заглавия фанфика мотивы глобальной катастрофы, техногенного апокалипсиса (фоллаут – культовая компьютерная ролевая игра, действие которой происходит в мире после ядерной войны (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Fallout>)) и его причин, невнятное и неоформленное знание которых приходит к героям из иллюзорного, темного, подсознательного пространства сна.

Устойчивые образы, сопровождающие художественные субверсии нашего выражения в текстах фикрайтеров, – образы смерти, тотальной и фатальной: – *Кай умер...* – *шептала старая атаманиша.* – *Герда умерла...* *Финка умерла, Лапландка тоже умерла...* *Ицхак Рабин умер, Роланд Дезчайн умер, и Снусмумрик умер, весь мир умер... Все миры... О Дискордия, вечность пахнет нефтью... Они все умерли...*

Намеренное, диктуемое форматом жанра темного фэнтези отсутствие в семантической структуре текстов эксплицитно выраженной рациональной связи между последствиями глобальной вселенской катастрофы и нефтью стимулирует фикрайтеров к созданию психоделических, поддающихся лишь ассоциативному декодированию текстов-нонсенсов (см. о них и методике их анализа: [Болотнова, 2004б]). Так, в приводимом ниже подобии белого стиха мы обнаруживаем смутный намек на произошедшую по вине нефти экологическую катастрофу, намек, пунктирно обозначенный в тексте игрой контрастных колористических прилагательных:

...Белое безумие – белое спокойствие – белая вьюга...

...только искра света вьется рядом, в окружающих вихрях – и тоже бела душа ее...

...она обрела вечность, потеряв Кая...

...но теперь ее вечность пахнет нефтью...

...морозный воздух не чист, как должно быть...

...ветры с юга принесли погибель всему ее королевству...

...и с юга пришли отравленные черным воды...

Некоторые субверсии отличаются крайне мрачной гнетущей атмосферой ужаса и зла, в них нефть и смерть одноприродны, нефть становится иррациональной причиной не только смерти, но и

патологического насилия: – *Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... А от тебя я не ушел, и ты от меня не уйдешь. А все остальные – не уйдут от нас. Съешь их, Лиса, съешь их всех. И тебе станет хорошо. Потому что вся вселенная пахнет Колобком, а Колобок пахнет нефтью. Убей их всех!!!*

В данном контексте автор добивается максимального суггестивного эффекта, используя прием шокирующего семантического диссонанса, представив героя одной из самых древних народных сказок, ставшего жертвой лисьей хитрости, маньяком-психопатом. Речь Колобка, сначала привычно повторяя сказочный рефрен, постепенно, имитируя ритмику заговора, сплетаясь из местоименных чередований и глагольных повторов, превращается в последовательность страшных приказов, выраженных императивами-деструктивами. Нефть, пропитавшая Колобка (поскольку он ею пахнет), превращает его в кровавого монстра, вездесущего во вселенной (поскольку вселенная им пахнет, а запах – субстанция, передающаяся при непосредственном контакте с его носителем).

Думается, что мрачная эсхатологичность приведенного отрывка весьма созвучна и стилистической тональности, и смертельной образности первоисточника – текста песни Е. Летова «Русское поле экспериментов». Приведем в качестве показательного примера отрывки первого куплета:

*Трогательным ножичком пытаться свою плоть,
До крови прищемить добровольные пальцы,
<...>*

*Покончив с собой, уничтожить весь мир!
...вечность пахнет нефтью...*

На самом деле семантика катастрофы и обреченности, пустоты и безыллюзорности, доминирование темы смерти и тотального разрушения, поэтика ирреального и потустороннего, философичность и эпичность творчества не раз отмечались исследователями как Е. Летова, так и В. Пелевина. Так, отнюдь не случайным совпадением представляется нам появление двух рецензий на книги писателей в одной подборке журнала «Новое литературное обозрение» за 2003 г. [Давыдов, 2003; Кошель, Кукулин, 2003].

В обеих рецензиях объектом внимания критиков стали книги, в которых фигурирует описанный нами прецедентный феномен: «ДПП (NN). Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения» В. Пелевина, в которой опубликована повесть «Македонская критика французской мысли», и самое

обширное и солидное московское издание стихотворений и текстов песен Егора Летова.

Однако ни в этих материалах, ни в иных критических и научных работах (на официальном сайте В. Пелевина (URL: <http://pelevin.nov.ru>) представлено более 40 критических статей и более 10 собственно научных трудов, посвященных его творчеству; поэзия Е. Летова также удостоивается внимания серьезных исследователей [Губайдуллина, 2004; Лурье, 2001 и др.]) мы не обнаружили анализа связавшего двух писателей прецедента со сложной и неоднозначной дискурсивной историей.

Надеемся, что данный раздел, посвященный интертекстуальному и интердискурсивному существованию прецедентного выражения *Вечность пахнет нефтью* в интернет-пространстве, станет не последним **научным текстом** о данной символической фразе. Так, отдельного изучения требует аккумулированная в ней ольфакторная семантика, поскольку феномен запаха – самая семантически текучая и неуловимая смысловая сфера, использующая модусы чувственного восприятия – все чаще становится объектом серьезных научных изысканий [Риндисбахер, 2000; Рогачева, 2011 и др.]. Также ждут своего осмысления роль и место рассматриваемого прецедентного феномена в гипертекстах творчества востребовавших их художников.

Подведем итоги. Медиаконцепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, такие как концепт *нефть*, способны не только внедряться в структуру уже существующих прецедентных текстов, но и инициировать собственные. Наиболее органичная дискурсивная среда порожденного медиаконцептом прецедента – интерактивная, свободная, мобильная и медианасыщенная среда сети Интернет. Интернет оказывает кардинальное трансформирующее влияние на все без исключения факторы и процессы коммуникации, в том числе – на процесс дискурсивного развития прецедентного феномена, значительно модифицируя ключевые взаимосвязанные признаки прецедентности: повторяемость, рефлексивность и культурную маркированность.

Постепенный переход от пассивной повторяемости к активной, от денотативно ориентированной рефлексии – к эстетической и научной, знаменует возрастание степени культурной маркированности прецедента и инкорпорированного в его семантическую структуру медиаконцепта.

Таким образом, востребованность и рефлексивная рекуррентность прецедентного текста в медиасфере становится одним из ярких свидетельств процесса культурной стабилизации медийной доминанты и превращения ее в константу культуры.

3.3. Дискурсивно-стилистическая эволюция «потухшего» медиаконцепта (на примере концепта *гласность*)

В предыдущих разделах работы описаны такие находящиеся в стадии интенсивного дискурсивно-стилистического развития концептуальные доминанты, как *кризис*, *гламур*, *нано*, *нефть* и др. (впрочем, можно, на наш взгляд, говорить о связанном с социальной деактуализацией постепенном «затухании» концепта *кризис*). Однако дискурсивный опыт нашего современника, ставшего с советских времен до эпохи информационной глобализации свидетелем коренных преобразований в социальной действительности, включает представления о достаточном количестве «потухших» концептов. Предпосылкой их «затухания» также становится определенное коррелятивное взаимодействие ряда дискурсивных и экстрадискурсивных факторов.

Действительно, обычно «естественной смерти» концепта предшествует нивелирование его социальной значимости, деактуализация понятия в действительности и общественном сознании, связанная с нивелированием самой реалии, уходом с исторической сцены самого референта. Процессы появления и исчезновения актуалем как «концептов, которые обладают на конкретном историческом этапе высокой социальной значимостью в силу своей адекватности социокультурной среде» [Черникова, 2008, с. 4] глубоко и всесторонне описаны в докторской диссертации Н.В. Черниковой.

В то же время особый интерес представляют концепты, претерпевшие своеобразную «смерть в дискурсе» – ставшие «неактуальными при неизменности референта» [Карасик, 2009, с. 13]. Так, в статье В.И. Карасика «Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство»)» «рассматривается один из концептов, который был актуален в русском языковом сознании Советской эпохи», но «является уходящим концептом в современной русской лингвокультуре». Представленный в данной работе анализ многочисленных словарных определений и текстовых употреблений приводит к следующему дефиниционному обобщению: «очковтирательство контекстуально уточняется как органически присущий бюрократам обман государства, состоящий в подмене качественных характеристик явления его формальными количественными показателями с целью создания благоприятного впечатления о положении дел и сочетающийся обычно с безответственностью, некомпетентностью и высокомерным

равнодушием к людям, зависимым от бюрократов». В финале статьи автор выдвигает свою версию основной причины деактуализации концепта при стабильном присутствии в социальной экстрадискурсивной действительности его означаемого: «Возникает вопрос: почему это ментальное образование потеряло актуальность для наших современников, хотя бюрократия несколько не изменила своего поведения?.. По-видимому, произошло смещение базовых ценностей: перенос центра тяжести с коллективных ценностей на индивидуальные привел к тому, что обман государства перестал быть предметом эмоционального переживания» [Там же, с. 9 – 13].

Выводы В.И. Карасика весьма созвучны нашей теории, согласно которой интенсивность дискурсивно-стилистической эволюции и длительность жизненного цикла медиаконцепта обусловлена активностью дискурсивного взаимодействия разновариантных векторов его семантико-аксиологического развертывания. Это, в свою очередь, определяется силой, яркостью и стабильностью присутствующего в сознании социума и репрезентируемого в медиадискурсе «эмоционального переживания» по поводу данного медиаконцепта.

Одной из концептуальных доминант времени перехода советской эпохи в постсоветскую, очень быстро «затухшей», в том числе и по причине молниеносного спада возникшего вокруг нее «эмоционального напряжения», стал медиаконцепт *гласность*, зародившийся в т.н. новой демократической прессе в середине 1980-х гг.

Для окрыленного демократическими преобразованиями общества конца советской эпохи гласность была символом освобождения, очистительной правды, истинного гуманизма, надежды на торжество социальной справедливости. Размышления над «судьбой» этого понятия в дискурсе отечественных СМИ неизменно сопряжены с поиском ответа на вопрос о причинах столь недолгой активной семантической жизни концепта, имя которого, по данным электронной энциклопедии «Википедия» ([URL: ru.wikipedia.org/wiki/Гласность](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гласность)), обозначает «в современном словоупотреблении основной компонент политики перестройки, проводимый М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х в СССР». Вместе с тем на рубеже 1980-х – 1990-х гг. вербально-ментальная целостность, репрезентируемая лексемой *гласность*, была ярчайшим медиаконцептом с исключительно мощным миромоделирующим потенциалом.

Несмотря на то, что понятию и лексеме *гласность* лингвисты, социологи и политологи уделили немалое внимание, большая часть

научных работ носит констатирующе-диагностический характер. Многие авторы диагностируют весьма короткий жизненный цикл и естественную смерть данного концепта в постперестроечный период. Так, Н.В. Черникова указывает, что высокий социальный рейтинг концепта *гласность* имел непродолжительный характер. Это понятие, «осмыслявшееся в период перестройки как приоритетная гражданская и политико-идеологическая ценность, составляющая государственной политики, в последующие годы утратило высокую степень социальной значимости», что обусловило его пассивизацию [Черникова, 2008, с. 20]. Некоторые исследователи полагают, что возникновение новых идеологем (*перестройка, демократизация, гласность*) стало «лишь следствием кризиса идеологии», а «реального политико-экономического содержания» они вообще не имели, что обусловило их неспособность к стратегическому развитию [Олешко, 2007, с. 4].

Данная неординарная лингвосоциокультурная ситуация закономерно вызывает ряд вопросов. Если данный концепт был на самом деле смысловой пустышкой, не имеющей «реального политико-экономического содержания», семантически ущербной идеологемой, насильно навязанной лингвокультурному сообществу сверху, чем объясняется факт его такой исключительной востребованности на страницах т.н. демократической прессы, что слово *гласность* называют «фирменной маркой средств массовой информации» конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. [Лисюткина, 1993, с. 101]? В чем причина того, что смысловая доминанта, интенсивно расширявшая семантический объем и эмоционально-оценочную колористику, затухла с той же впечатляющей интенсивностью (от более 100 употреблений на страницах самой популярной газеты перестроечных времен – еженедельника «Аргументы и факты» в 1987 г. до менее 10 – в 1993 г.)? Только ли в утрате понятием социальной значимости? Какие дискурсивно-эволюционные процессы стимулировали и сопровождали процесс социальной деактуализации концепта? Почему т.н. «русский аналог» общечеловеческой максимы *свобода слова*, во-первых, проиграл ей в процессе вербальной конкуренции, а во-вторых, не способствовал закреплению и этого универсального понятия в культуре и социальном сознании современной русской языковой личности?

Попытаемся ответить на эти вопросы на основе анализа медианарратива еженедельника «Аргументы и факты» (АИФ) за период с 1987 по 1993 гг.

Начнем с того, что процесс внедрения относительно нового понятия в умы и сердца наших соотечественников на самом деле начался «сверху». Оно входило в информационный тезаурус тогда еще

советского человека тем же путем, что и другие претендующие на статус объяснительных моделей безапелляционные директивы советского образца, такие как *диалектический материализм, индустриализация, социалистическое соревнование*. Так, в период затухания концепта в 1993 г. социолог Л. Лисюткина отмечает: «В первый период гласности, почти до 1988 года, партийные реформаторы, прежде всего М. Горбачев и его окружение, буквально силой подталкивали официальную печать к свободе, отучая ее сотрудников от самоцензуры и поднимая все выше планку гласности» [Лисюткина, 1993, с. 102].

Гласность стала пропагандироваться как закономерное следствие «правильного», демократического прочтения на новом витке развития основ социалистической идеологии, как «продолжение дела Октября» (лозунг на почтовой марке 1988 г., см. рис. 2), как новый неизвращенный субъективистскими перегибами мировидческий инструмент в деле вечной и неустанной борьбы партии за социальные идеалы: *Эффективная и идеологическая, политико-воспитательная работа партии, оперативная информация на основе гласности формируют самостоятельное марксистское мышление людей... Глубокая демократизация политической системы обеспечена законом гласности. Что заставит работать закон социализма без субъективистских извращений.*

Рис. 2. Почтовая марка СССР «Перестройка – продолжение дела Октября. Ускорение. Демократизация. Гласность» (1988 г.)

Отмечаемый Н.А. Купиной искусственный характер лексической новации [Купина, 1995, с. 15] ярко проявляется в медианарративе второй половины 80-х, во-первых, в форме медийной кодификации нового лексико-семантического варианта лексемы, образовавшегося путем внутрисловной семантической деривации (вряд ли политико-

терминологическое значение слова, приобретенное им в период реформ Александра II и подразумевающее ослабление цензурного контроля над периодической печатью, а позже также открытость в принятии решений и процессе работы некоторых органов власти, прежде всего судов, было актуально для массового сознания) [Черникова, 2008, с. 18].

При этом семантизация лексической инновации происходит в полном соответствии со свойственным советской стилистической и риторической манере прямолинейной патерналистичностью, категоричностью, назидательностью. Так, *гласность* толкуется через целые ряды лексических и контекстуальных синонимов, представляющих собой те же семантические пустышки лозунгового безапелляционно мелиоративного характера: *Все больше утверждается в качестве активно действующих принципов гласность, правдивость, непримиримость к недостаткам, стремление улучшить дело... Пленум отмечает, что осуществлению задач, стоящих перед нашим обществом, утверждению гласности, здоровой, критической атмосферы активно способствует печать, телевидение, радио; Эти принципы суть демократизм, гласность, смелость и открытость суждений, критичность.*

Новую идеологию окружают клише и штампы советской общественно-политической риторики, эксплуатирующие расхожие метафоры военной сферы (*Современным оружием стали подряд, аттестация, доход, фонды, нормативы, демократия, открытость, гласность*), контекст безальтернативных телеологических ориентиров – задач, стоящих перед обществом, коренных принципов его существования (примеры см. выше), основополагающих норм жизнедеятельности (*В условиях гласности, которая становится сейчас нормой жизни; Мы верим, что гласность действительно станет нормой, и не надо опасаться за судьбу ее сторонников; Быстрейшее становление гласности как нормы жизни; Чем быстрее гласность и демократизм станут нормой в комсомоле, тем быстрее мы от таких злоупотреблений избавимся; Иными словами, одна из главных сегодня задач – активно способствовать тому, чтобы гласность стала нормой жизни советского общества; Мы хотим показать молодежи, что гласность в нашем обществе стала нормой жизни, запретных тем нет*).

Как видно, гласность в качестве ценностной нормы видится в футуристическом ключе – это идеал, в который нужно верить, норма, к которой нужно стремиться. Свойственная советской пропагандистской риторике парадигма квазиромантической неуспокоенной устремленности, императив «не останавливаться на

достигнутом» реализуется в многократно повторяющихся штампах, фокусирующих смысл направления и результативности движения: *планка чего-либо (планка коллективизации), курс + предлог на: противоречит курсу на гласность; Съезд народных депутатов, выборы так подняли планку гласности...; а осенью, смею думать, планка гласности еще выше поднимется* (к слову, еще в 1917 г. лозунгом VI Съезда РСДРП(б) стал слоган *Курс – на вооруженное восстание, курс – на социализм!*).

Назидательность и дидактизм проявляются в контекстах заботы о гласности, культивирования гласности, обучения гласности: *Гласность не может обеспечиваться сама по себе. Ее надо создавать; Гласность – это культура демократизма, которой нам надо еще учиться; Гласность становится заботой каждого из нас.*

Насильственно внедряемая в условиях идеологической несвободы мировоззренческая установка должна обрести качество всеохватности и всеобщности. Если сверху спущена «разнарядка на гласность», о работе в этом направлении и наличии этого атрибута в собственной деятельности должны рапортовать все организации и учреждения, независимо от их отраслевой принадлежности: от медицины, науки, искусства (*Гласность в медицине – как вы ее понимаете? Гласность в медицине – это широкое освещение новых способов в лечении и диагностике; Отсутствие же гласности активно влияет и на научный процесс; Необходима пропаганда экологических знаний, которая обеспечит гласность экологической экспертизы новых вещей, новых технологий, новых проектов; Опасность снижения художественного уровня в погоне за прибылью реальная, но преодолимая в обстановке гласности... Что такое гласность в литературе?*) до, как это ни парадоксально для перестроечного времени, силовых органов (*МВД СССР приняло специальную «Программу расширения гласности»; Гласности в работе чекистов отводилось важное место с первых дней существования ВЧК*). Комичность последних высказываний по отношению к главным исполнителям репрессий и подавления инакомыслия граничит с абсурдом и, думается, даже для читателя-современника звучала издевательски фальшиво.

К чему же сводится гласность как непосредственный стимул к деятельности? Что, по мнению человека рубежа 80-х – 90-х гг., она должна была принести в реальную жизнь? К сожалению, вынуждены констатировать, что в подавляющем большинстве случаев гласность трактовалась односторонне: как действие, нацеленное на то, чтобы тайное стало явным, причем тайное априори неприглядное, негативное, достойное осуждения. Типичная коллокация *передать гласности*

(Боремся с бюрократами, предаем их гласности) ярко фокусирует этот смысл на фоне таких устойчивых сочетаний, как *предать суду, предать анафеме, предать забвению* и своего «однокорневого синонима» *предать огласке*. Именно как дублет *огласки* – разглашения какой-либо информации – по преимуществу воспринимается гласность общественным сознанием и ассоциируется исключительно с критикой, причем слово *критика* выступает в традиционной для его советской экзистенции роли (*конструктивная критика, подвергнуть критике*): *Мы являемся свидетелями политики гласности в СССР, благодаря которой появилась возможность подвергать открытой критике существующие ошибки и в результате – значительно ускорять их исправление; Закрытых партсобраний в наше время не должно быть. На мой взгляд, они сдерживают развитие демократии, тормозят гласность, снижают уровень критики недостатков; Сейчас, в эпоху гласности и демократии, критика вышла на свободу; Гласность должна иметь два направления, все должны быть подвержены критике; Гласность должна быть для всех. У нас не должно быть зон, свободных от критики; Многим трудно дается гласность, не по нутру критика*. Так гласность приобретает два синонима, редуцирующих и огрубляющих значение концепта: *огласка* и *критика*.

Поскольку по меркам советской идеологии с негативными проявлениями нужно всемерно бороться, метафора борьбы – один из наиболее частотных контекстуальных соседей лексемы гласность: *провозглашенная политика гласности – это не открытая дверь с информацией, которая разложена по полочкам, а процесс борьбы; борьба за утверждение гласности*. Тех, кто противостоит этой борьбе и тех, против кого она направлена, следует покарать: *Демократия и гласность, как горный рудник, пробивают себе дорогу. Так, в этом году по сигналам трудящихся были прекращены полномочия свыше десяти депутатов Верховного Совета республики, которые не оправдали доверия избирателей. Особое значение придаем всемерному расширению гласности в борьбе с разнообразными проявлениями частнособственнической психологии, негативными явлениями*. Как видим, *гласность* в данном контексте интерпретируется как сигналы трудящихся (эвфемистическое обозначение доноительства) о проявлениях частнособственнической психологии и иных негативных явлениях, повлекшие справедливое возмездие.

В традициях советской примитивной политической биполярности *гласность* становится благодатным полем для поиска скрытого врага, латентного диверсанта, сопротивляющегося общему делу. В правилах тактики поиска врага и нагнетания протестного

пафоса формулируются устрашающие высказывания, выглядящие прямой угрозой и чреватые возможной «охотой на ведьм» (напомним – идет 1987 год, разгар перестройки): *Видимо, не все еще сторонники гласности. Есть и такие товарищи, которые считают, что гласность подрывает авторитет руководителя; не перевелись еще, к сожалению, руководители, которым не по душе гласность; Это были те, кто не хочет перемен, боится перестройки, кто знал, что неизбежные при новом руководстве перемены в общественно-политической жизни республики, расширяющаяся гласность и демократизм обязательно высветят скрываемое неблагополучие.*

В итоге обещавшая бурное семантическое развитие концептуальная доминанта, как оказалось, сводится в медиадискурсе рубежа 80-х – 90-х гг. к абсолютизации протестного, и, в конечном счете, негативистского пафоса. Единственная трактовка анализируемого понятия, обладающая референциальной конкретикой, подразумевает беспрепятственный доступ к информации и в некоторых случаях ее обсуждение: *Гласность для нас – это канал для распространения достоверной и полной информации о жизни общества. Это трибуна широкого и демократического обсуждения всех вопросов; Само слово «гласность» вошло ныне в различные языки. Его трактуют в основном как увеличение потока информации. Это толкование зауженное, ибо гласность – это рост значения общественного мнения, оказывающего возрастающее влияние на государственное решение.* Очевидно, что даже в данных контекстах концепт семантически опустошен, так как *широкое демократическое обсуждение и рост значения общественного мнения* далее никак не интерпретируются, оставаясь заявочными декларациями.

Постепенно модные слова перестройки, и *гласность* в их числе, начинают восприниматься как затертые публицистические штампы, о чем говорят в начале 90-х популярные сатирики: Клара Новикова (*Кстати, эти слова – перестройка, гласность, демократия – сейчас до такой степени затерты и замусолены, что для многих, в том числе и для меня, потеряли свою значимость*), Ефим Шифрин (*больше всего мечтает побыть в одиночестве, так как не может «даже чихнуть так, чтобы это не стало достоянием гласности»*). Травестийное обыгрывание в данном случае является ярким симптомом «семантического кризиса» в дискурсивном бытовании понятия, изначально призванного эволюционировать в сторону высокого гражданско-нравственного звучания.

Так, на наш взгляд, начинается и развивается внутренний глубинный семантико-идеологический конфликт, явившийся одним из собственно интрадискурсивных оснований «смерти» анализируемого

концепта. Речь идет о парадоксальной оксюморонности внутри семантической матрицы самого концепта: понятие, по определению пропагандирующее плюрализм мнений, многополярность позиций, вариантность оценок, преподносится как не требующее и не терпящее обсуждений априорное и самоочевидное этическое и социальное благо. В прессе рубежа 90-х, как показал анализ, не происходит многоканального семантического развертывания доминантного медийного смысла, гласность так и остается идеологемой – и только, со всеми присущими этому лингвоментальному конструкту признаками содержательной редуцированности, искусственности, аксиологической прямолинейности, догматичности.

Признак идеологемы – догматизм, навязанная сверху однозначная оценочная прямолинейность, признак медиаконцепта – принципиальный адогматизм, способность в процессе свободного ассоциативно-смыслового развертывания в медиадискурсе формировать разные интерпретационные векторы вариативной, зачастую диаметрально противоположной аксиологической валентности. И чем выше градус, чем разнообразнее спектр эмоционально-оценочных коннотаций, катализирующих аксиологическую конфликтность внутри интерпретационного поля концепта, тем более жизнеспособен концепт, тем длиннее его жизненный цикл, тем выше его миромоделирующий потенциал. Залог относительно длительной и полнокровной дискурсивной жизни концепта в самоорганизующемся коммуникативном пространстве – своеобразный маятниковый эффект. К сожалению, концепту *гласность* не стали свойственны ни широкая амплитуда колебаний семантико-аксиологического маятника, ни разнообразный спектр смысловой и оценочной нюансировки интерпретационного контента.

В сознании современников *гласность* так и осталась ущербной утопией. Эпитеты и модальные операторы, сопровождающие эту лексему, в настоящее время архаизирующуюся и сузившую значение до обозначения атрибута политики перестройки, в современном рефлексивном употреблении актуализируют именно признак неполноценности, «половинчатости», незавершенности, некой «недоделанности»: *гласность сделала возможной публикацию хотя бы сколько-нибудь объективных исследований* [Чудинов, 2001]; *половинчатых времен перестройки и гласности* [Роднянская, 2008]; *Зачем нужна была гласность – понять было сложно... Никаких фундаментальных изменений* [Д. Пучков (Гоблин) о СССР, 2010].

Совсем недавно Д. Медведев назвал *гласность* паллиативом, противопоставив ее *свободе слова* (сопоставление этих синонимических конструктов – сюжет для отдельного исследования):

Я против гласности. Это плохой термин. Необходима свобода слова, а гласность – это паллиатив, изобретенный в советские времена для того, чтобы не давать этому явлению правильного наименования (Новый Регион – Политика, 2010 27 апр. URL: <http://www.nr2.ru/policy/281107.html>). Агноним *паллиатив* обозначает в медицине «средство, временно облегчающее проявление заболевания, но не устраняющее его причины», а в расширительном значении это «мера, не обеспечивающая полного, коренного решения поставленной задачи, полумера» [Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2001, с. 598].

Таким образом, итог семантической эволюции медиаконцепта *гласность* – его дискурсивное затухание, пассивизация и деактуализация. А в рефлексующем общественном сознании – социальная фрустрация, апатия и разочарование.

Выводы

Анализ медиаконцептов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла (*нано* – зарождения и роста, *гласность* – затухания, *нефть* – культурной стабилизации), подтвердил действие закона семантико-аксиологического маятника в процессе дискурсивно-стилистической эволюции концепта.

В фазе зарождения медиаконцепт обнаруживает выделенные Т.В. Шмелевой характеристики актуальных слов текущего момента: чрезвычайную частотность, высокую семантическую и деривационную активность, повышенную текстогенность и рефлексивность. Именно концентрированная и многообразная рефлексия медиарайтеров служит мощным стимулом эволюционной динамики медиаконцепта.

В процессе интенсивного семантического развития в медиасфере концепт активно наращивает корпус метаязыковых комментариев, постепенно совершенствуя и усложняя типы метаязыковой рефлексии (от метаязыковой дефиниции и метаязыкового комментария до метаязыковой интерпретации и парапрофессиональной рефлексии), а также расширяя аксиологический спектр от одновалентной (в случае *нано* – положительной) оценки до возникновения по причине столкновения вокруг концепта разнополярных оценок «сгустков проблемности». В данном случае мы наблюдаем социально обусловленную рефлексивность.

В случае, когда к социально обусловленной рефлексивности присоединяется рефлексивность культурно обусловленная, мы наблюдаем процесс постепенного перехода медийного концепта в

статус концепта культуры. Яркий признак этого процесса – включение концепта в прецедентные тексты, особенно – прецедентные тексты эстетической природы. Эти тексты, функционируя в медийной (в частности – сетевой) дискурсивной среде, способствуют насыщению интерпретационного поля концепта новыми социальными, философскими и эстетическими семантическими обертонами.

Анализ ассоциативно-смыслового развертывания прецедентного высказывания *Вечность пахнет нефтью* (строка культовой песни рок-поэта Е. Летова) в интернет-дискурсе показал, что качественному прогрессу повторяемости прецедента – от пассивной к активной, сначала первого, затем второго порядка – сопутствует рост рефлексивности и культурной маркированности концепта. Таким образом, инкорпорированный в прецедентный текст медиаконцепт развивается в дискурсивном пространстве посредством интерпретационно-рефлексивных комментариев и толкований вплоть до философских, художественных и паралитературных, свидетельствующих о стабилизации концепта в культурном тезаурусе современника.

Потухшие и затухающие концепты, напротив, демонстрируют количественную и качественную редукцию рефлексивных возможностей и аксиологического спектра. Затухание концепта *гласность* объясняется его неспособностью эволюционировать из состояния идеологемы в формат медиаконцепта. Этому понятию не удалось аккумулировать вокруг себя концептуальное напряжение, увеличить градус конфликтности и проблемности, создать альтернативные полюса интерпретативной активности, что повлекло за собой минимизацию маятникового эффекта и постепенное затухание как результат дискурсивно-стилистической эволюции концепта.

Глава 4. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта *нефть* в региональном медиадискурсе

В данной главе на примере концепта *нефть* представлен следующий этап анализа медиаконцепта – рассмотрение его региональных спецификаций, значительно обогащающих семантические и аксиологические возможности концепта в процессе его дискурсивно-стилистической эволюции. Описывается специфика миромоделирующего потенциала регионально маркированного концепта в его трех вариантах: в городских томских СМИ, в дискурсе районной газеты сельской территории, ставшей нефтедобывающей, и в языковом коллективном сознании жителей города нефтяников.

4.1. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного концепта *нефть* в томской медиасфере

Особый вариант семантического развития получают медиаконцепты в региональном медиадискурсе. Думается, что миромоделирующий потенциал регионально маркированных концептов приобретает в местных инфосферах особые спецификации, влияющие на факторы формирования их миромоделирующего потенциала.

Значимость нефти для всех аспектов жизни Томской области трудно переоценить. Нефть занимает первое место в структуре экспорта региона, на предприятиях нефтяной отрасли трудится значительная часть жителей, нефть стала причиной и стимулом освоения северных труднодоступных территорий. Так, г. Стрежевой, расположенный за 63 градусом северной широты, *самим своим появлением обязан месторождениями нефти, составляющим главное богатство Томской области* (Официальный сайт Администрации Томской области. URL: <http://tomsk.gov.ru>).

Проведенный с помощью метода незаконченных предложений осенью 2010 г. в г. Стрежевом лингвистический эксперимент (респондентам предлагалось закончить фразы: *В газетах часто пишут, что нефть...; А мне кажется, что нефть...; Для моей семьи нефть...; Для моего региона нефть...; Для моей страны нефть...*) ярко показал «нефтецентризм» концептосферы жителей томского севера (см. об этом подробнее в параграфе 4.3). В 102 из 105 (97 %) анкет продемонстрировано четкое понимание стржевчанами беспрецедентной важности нефти для благополучия не только всей страны и региона, но и личного, семейного. В 83 (79 %) анкетах фигурирует самый распространенный парафрастический

«заместитель» слова *нефть* – публицистический штамп *черное золото*, наиболее емко фокусирующий семантику своего прототипического предшественника, концепта *золото* (см. об этом в параграфе 2.3).

Поскольку нефтяной фактор лежит в основе экономического благополучия региона, закономерно, что влияние его на все иные стороны жизни территориального сообщества исключительно велико и разновалентно. Соответственно, региональный медиадискурс, репрезентируя и конструируя общественное сознание, фокусирует и материализует в медиатекстах наиболее значимые для политико-экономической и социокультурной жизни региона концепты во всей системе своеобразных созависимостей и коррелятивных соотношенностей, свойственных региональной картине мира.

Исследование специфики вербальной репрезентации медиаконцепта *нефть* как ключевой детерминанты общественного сознания жителей Томска и Томской области позволяет выявить миромоделирующий потенциал данного медиаконцепта на основе анализа текстов местных СМИ.

С целью описать разные фазы жизненного цикла медиаконцепта *нефть* в СМИ нефтедобывающего региона был проанализирован значительный фрагмент томского медиадискурса с 2002 г. по настоящее время. Было произведено сочетание приема контент-анализа, а также контекстологического, концептуального, лингвокультурологического анализа комплексное исследование более 30 000 текстов местной прессы, радио, телевидения, Интернета.

Для выявления и описания динамики дискурсивно-стилистической эволюции концепта был применен сравнительно-сопоставительный анализ медиасообщений разных лет, сопоставлен медийный нарратив релевантных для нашей тематики хронологически рекуррентных периодов (декабрь–январь разных лет как время подведения итогов года, сентябрь как время празднования Дня нефтяника и др.).

Считается, что импульс активной семантической жизни данный «экономико-сырьевой» медиаконцепт получил в начале 2000-х по объективным причинам социально-экономического характера, в том числе макроэкономическим и глобально-политическим. Именно в это время «цены на нефть выходят на устойчиво повышающуюся траекторию», «на мировом нефтяном рынке происходят тектонические сдвиги», США уступают России второе после Саудовской Аравии место по добыче этого углеводородного продукта [Симония, 2005].

До сих пор начало нового века прочно ассоциируется с актуализацией нефтяной тематики в общественном сознании россиян,

актуализации столь яркой, что факт роста цен на нефть становится прецедентным, к нему апеллируют как к общеизвестной примете описываемого времени, некоему историческому индексу, избирают эталонным объектом сравнения в компаративных структурах: *Исчезновение домашних тараканов в начале 2000-х было стремительным. Стремительнее, наверное, росли только цены на нефть* (Новая газета, 2009, 7 сент.).

Однако семикратный рост мировых цен на нефть с начала 2002 г. по середину 2008 г., названный экономистами «нефтяным шоком» [Крейндель, 2009], уже к середине 2000-х начал осмысляться прессой нефтедобывающего региона и местным сообществом неоднородно: не только как сугубо позитивный фактор, обеспечивающий стабильность и процветание территории.

Если в 2003 г. томская пресса в основном освещала успешные социальные и экономические проекты крупнейшей в то время в России нефтяной компании, работавшей и на томской земле: *Вчера состоялось итоговое заседание оргкомитета конкурса «Человек года». Напомним, что с инициативой его проведения четыре года назад выступили нефтяная компания «ЮКОС» и администрация Томской области* (Томский вестник, 2003, 27 дек.); *26-27 сентября... состоялось очередное расширенное заседание правления НК «ЮКОС». Темой большого разговора нефтяников стало обсуждение задач компании в области технологического лидерства* (Томский вестник, 2003, 29 сент.), то уже в 2004 г., в том числе – по причине весьма травматичного для области банкротства «ЮКОСа», наряду с демонстрацией успеха: *Лидируем в нефтедобыче. В Томской области, несмотря на известную ситуацию вокруг компании «ЮКОС», добыча нефти растет* (Красное знамя, 2004, 03 дек.), звучат весьма значимые для динамики регионального самосознания импульсы сомнения и осторожного скепсиса. Поводом для развития данного ракурса нефтяной темы служат обоснованные и дальновидные, как показало время, опасения возможных последствий «головокружения от успехов». В медиаматериалах начинает актуализироваться семантика предела, некой крайней точки, пика, за которым неминуемо последует спад.

Это касается, во-первых, что закономерно, макроэкономического показателя цены на нефть, высокий уровень которой и обеспечивает относительное благоденствие: *Однако, по мнению этого авторитетного эксперта, укрепление рубля в первую очередь построено не на росте промышленных активов, а на нефтедолларах. В то же время сырьевой рынок нестабилен, настаивает наш источник, и строить государственную финансовую политику на*

нефтяных ценах опасно. Это грозит катастрофой, если нефтяные цены вдруг поползут вниз (Томский вестник, 2004, 14 дек.); В 2003 году мы выросли почти на 7 процентов не только потому, что у нас хорошая страна и хорошие работники, а прежде всего потому, что у нас хорошая нефть: не было бы таких хороших цен на нефть, мы выросли бы не на 7 процентов, а на 4–5, не более... Нефтяные цены – вещь непрогнозируемая... и цены будут снижаться. А это означает, что наша экономика не будет получать таких сверхвысоких доходов, и нельзя прогнозировать такой же благоприятной ситуации (Красное знамя, 2004, 21 дек.).

В обоих контекстах надо отметить единодушие в выражении недоверия основной причине экономической стабильности, ярко проявленного в противительных конструкциях, где первая часть эксплицирует правильное и должное, а вторая – не вполне отвечающее адекватному представлению о порядке вещей (*не на росте промышленных активов, а на нефтедолларах; не только потому, что у нас хорошая страна и хорошие работники, а прежде всего потому, что у нас хорошая нефть*). Позиция авторов конкретизируется в первом случае посредством использования приобретенного в медиадискурсе негативно-пренебрежительный оттенок композита *нефтедоллары*, а во втором – в смысловой игре с полисемантом *хороший*, актуальное значение которого в последних двух из четырех употреблений (*хорошая нефть; хороших цен на нефть*) иронически «перевернуто». В то же время надо отметить элементы коммуникативной некатегоричности и осторожности в подаче скептических оценок и прогнозов – ссылки на авторитеты, семы постепенности и процессуальности глагольного действия (*цены вдруг поползут вниз; цены будут снижаться*, а не свойственное медианарративу 2008 г. *обвал цен, цены рухнули*).

Во-вторых, смысл предела, превышения разумной нормы фигурирует и в материалах об объемах нефтедобычи: *...сможет ли Томская область удвоить валовой региональный продукт к 2010 году... При существующих темпах роста экономики получается, что можем. Но сейчас, когда львиную долю этого обеспечивают нефтяники, нужно думать о будущем, когда они выйдут на оптимальный уровень добычи и большего роста не будет. А по ощущениям В. Кресса, «на полку» нефтяники вышли уже в этом году (Красное знамя, 2004, 06 янв.).* Как видим, и здесь сильна количественная семантика, а нагнетание «размерных» лексем и идиом стимулирует смысл чреватой негативными последствиями чрезмерности: *удвоить, темпы роста, львиная доля, оптимальный уровень, выйти «на полку»*. Не случайно губернатор, демонстрируя,

что он профессионально владеет ситуацией в самой важной для области промышленной сфере, использует жаргонизм нефтяников *выйти «на полку»*, определяющий предельный уровень нефтедобычи (Ср.: *Консорциум должен выйти «на полку» добычи в 170 тыс. баррелей в сутки в течение 6–7 лет* (ЦентрАзия, 2010, 06 авг. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1281041280>).

То, что анализируемый медиаконцепт стал активно эволюционировать, наращивая зоны и детализируя направления своего ассоциативно-смыслового развертывания, ярко проявляется в материалах иронического характера. Так, информационно-развлекательное издание «Буфф-Сад» публикует фельетон, высмеивающий актуальный для докризисных 2000-х новогодний штамп о кардинальном улучшении жизни россиян: *Экономика, как обычно по январям, дала невиданный надой, прирост и приплод. Особенно рьяно развивалась нефтяная отрасль, потому что нефтяники поняли – надо быстро все выкачивать и сваливать. Но качалки у них не могут все сразу, поэтому разгон происходит постепенно. Раз баррель, два баррель...* (Буфф-Сад, 2004, 15 янв.). Недоверие обывателя к обнадеживающей статистике и безрассудному оптимизму проявляется в иронических атрибутивах-гиперболах (*невиданный, рьяно*), в восприятии самого труда нефтяников и их намерений как несерьезных, инфантильных и безответственных. Многозначность глагола в составе профессионализма *качать нефть* позволяет автору построить развернутую метафору, связанную с семантикой детства и качания на качелях или в качалке, подкрепленную трансформой детской считалки, в которой в роли предмета счета выступает для рядового носителя языка десемантизированное заимствование *баррель*.

Итак, уже в прессе 2004 г. мы наблюдаем весьма неоднозначное и противоречивое отношение регионального сообщества к томской нефти. Благom или проклятьем предстает для жителей Томска и Томской области главный источник их экономической и социальной стабильности? Каковы основные траектории развития и ведущие грани медиаконцепта *нефть* в томских СМИ? В чем своеобразие фрагмента региональной картины мира, им сформированного? Попытаемся ответить на эти с вопросы на основе анализа томских медиатекстов.

Для получения объективных верифицированных данных о частотности экспликации нефтяной тематики в томском медиaprостранстве нами был осуществлен количественный анализ выпусков газеты «Томский вестник» за 2005 г. Это областное ежедневное печатное издание, призванное освещать общественно-политическую, социальную, культурную жизнь Томской области, одно

из самых популярных в регионе. Методом сплошной выборки из журналистских текстов 220 номеров этой газеты за 2005 год (именно в это время нефтяная тематика была особенно актуальна в связи с «делом Юкоса») нами были выявлены вербальные репрезентанты медиаконцепта *нефть*, имеющие в своем составе корень *нефт-* или содержащие этот компонент в свернутом виде (в аббревиатурах типа *ВНК – Восточная нефтяная компания*).

Количественные данные таковы: обнаружено 2181 лексическая единица, эксплицирующая данный концепт, т.е. в среднем в каждом из номеров газеты встречается примерно по 9 прямых репрезентантов анализируемого медиаконцепта. (Под прямыми репрезентантами имеются в виду узуальные репрезентанты концепта и слова, связанные с ними деривационными отношениями).

Как показало исследование, более половины из выявленных прямых лексических репрезентантов медиаконцепта *нефть* в рассматриваемом корпусе газетных текстов являются эргонимами – наименованиями деловых объединений людей (учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений) [Подольская, 1988, с. 151]. Так, композит *нефтехим* самостоятельно или в составе более сложных композитов (например, *Томскнефтехим*) либо дериватов (например, *нефтехимический комплекс*) встречается 528 раз, композит *томскнефть* – 515, *сибнефть* – 76, синлекс *нефтяная компания* – 68. Среди эргонимов – наименований предприятий в «нефтяных» районах области – встречаются такие многоэлементные образования, как *Сибдорнефтегаз*, *Нефтепромбурсервис*, *Сибнефтегазстрой*.

Поскольку имена собственные, в том числе и эргонимы, «составляют ономастическое пространство, определяемое моделью мира, существующей в когнитивном представлении народа, дающего имена», а «названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом» [Исакова, 2008, с. 3], такое разнообразие «нефтяных» эргонимов и высокая степень их представленности на страницах областной газеты позволяют говорить об исключительной важности анализируемого концепта в региональной концептосфере вообще и медийной ее ипостаси в частности: нефть и все, что с нею связано, мыслится залогом социального благополучия т.н. сырьевого региона и страны в целом, а также основой стабильности позитивного имиджа территории (ср. заголовочные комплексы двух материалов газеты от 03 сент.: (1) *Нефть-кормилица. Без этой отрасли невозможно будущее Томской области* и (2) *Время нефти. Угледородное сырье возродило Россию после дефолта*).

Исследователи городского ономастикона относят рассматриваемые урбанонимы-композиты к «техногенным»

эргонимам [Яковлева, Емельянова, 2006, с. 86]. В самом этом атрибутивном терминологическом отражении «социоприродный трансформирующий характер при преобладании экономических и научно-технических доминант развития и рационализации, которые задают динамику происходящих изменений, направляют эволюцию человечества в мир искусственной, постбиосферной жизни» [Дергачева, 2009, с. 172 – 173].

Семантическая аура техногенности, неестественности, машинности, неминуемо сопровождающая функционирование нефтяных эргонимов в медиадискурсе, требует в целях их «социальной реабилитации» введения в контексты отприродных и архетипически позитивных нейтрализаторов таких тематических областей, как семья, детство, здоровье. Ведущей в материалах становится PR-функция создания положительного имиджа предприятий, позиционирования их как социально ответственных благотворителей, пекущихся об общем деле.

Показательно, что «нефтяные» эргонимы и образованные от них номинации на газетной полосе почти всегда служат актуализации наиболее социально значимых тем и контекстов, структурирующих локально окрашенные модусы самосознания и медиапрезентации регионального социума: предприятия нефтяной отрасли и его работники выступают в роли тех, кто приносит пользу обществу, в таких сферах, как благотворительность (*Каждому ребенку – по кусочку счастья. В областном Театре драмы прошла благотворительная елка для 850 ребятшек из 12 детских домов и интернатов. Ее организаторами и спонсорами стали Томский филиал КБ «Газпромбанк», ООО «Томсктрансгаз», ООО «Томскнефтехим» и ОАО «Востокгазпром» /06.01.05/*); спорт и здоровье (*Нефтехимовцы пинают и отбивают /13.01.05/*); Хилых нефтехимиков не бывает (*25.02.05/*); рост и укрепление предприятия и его деловой репутации (*Двери в будущее. Подзабытое слово «новоселье» нефтехимики вспомнят уже в ближайшее время /28.01.05/*; *Омский оптимизм для Томской области. Местные нефтегазостроители отстаивают свой авторитет /14.04.05/*). Особо подчеркивается участие нефтяных структур и в масштабных городских социальных проектах (*Отличается нефтехим и продуманной социальной политикой: поддерживает Томский шахматный клуб, реконструировал томский Буфф-сад, стал одним из главных спонсоров празднования 400-летия города*), и во внутрикорпоративных (*...на преимуществах и льготах, которые предоставляет нефтехим своим работникам. Например, предприятие реализует собственную жилищную программу, в рамках*

которой в ближайшем будущем начнется строительство собственных жилых домов /18.01.05/.

Доверие к нефтяной отрасли достигается и через описание индивидуальных судеб людей. Актуальной является тема «маленького человека», обычного труженика, с его незамысловатой историей успеха, коим он обязан и своим личным качествам, и родному предприятию. Утверждается идея семейной преемственности, успехи детей из северных районов области преподносятся как следствие рабочей доблести отцов: *Юное дарование из Стрежевого. В каких семьях вырастают такие ребята? Мама, Светлана Васильевна, диспетчер на городском автобусном предприятии, отец, Андрей Валентинович, машинист спецтехники на нефтепромысле. Так что семья самая обычная, только с особым вниманием к жизни детей, поддержкой, созданием условий в надежном домашнем тылу /21.01.05/; Я выросла в деревне. Моя мама по образованию бухгалтер, а папа водитель в АТП, а еще у меня есть брат, который учится в политехническом техникуме на факультете разработки нефтяных месторождений. Вот такая моя семья! /27.01.05/.*

Особо выделяется в нефтяном дискурсе «Томского вестника» благополучного в экономическом плане 2005 г. тема нефтяного образования, ставшего по понятным причинам крайне модным и престижным. Концептуальная спайка *нефть – образование* становится знаковой для региона, где оба члена коррелятивной пары являются локальными брендами: *Вчера в резиденции посла Ее Величества королевы Великобритании в России прошла торжественная церемония. Выпускники центра профессиональной переподготовки специалистов нефтегазового дела Томского политехнического университета получили дипломы международного образца из рук посла Ее Величества королевы Великобритании в России /29.01.05/; Передовые нефтегазовые компании вкладывают средства в обучение персонала. Сегодня необходимость подготовки современных кадров обусловлена тем, что нефтегазовое производство базируется на наукоемких технологиях, создаваемых на базе новейших знаний /03.02.05/; На нефтехиме дали старт подготовке элитных кадров. Подготовка «отборных» специалистов – тенденция сегодняшнего дня. Предприятию, желающему быть лидером, нужны молодые специалисты, нацеленные на успешную карьеру, и уже на студенческой скамье приобретающие именно те знания, которые нужны для решения производственных задач. В свою очередь такие специалисты становятся элитными и могут рассчитывать на успешную карьеру /18.01.05/.* Данные контексты насыщены индексами престижности вплоть до тавтологических повторов: апелляциями к

авторитету Европы и высоких должностных лиц (*посла Ее Величества королевы Великобритании в России*), атрибутами новаторства (*передовые, современные, наукоемкие, новейшие*), «модными» прилагательными с семантикой исключительности (*элитные, «отборные», успешные*), номинациями нацеленной в будущее прогрессивной динамики (*дали старт, тенденция, лидер, карьера*).

Как видим, одной из ведущих функций эргонимов в качестве прямых репрезентантов медиаконцепта *нефть* в томской прессе является функция формирования позитивного социального имиджа нефтедобывающего региона в местном медийном коммуникативном пространстве.

Однако совершенно иное прочтение начинает получать нефтяная тематика с расширением интерпретационного контекста, с введением в медиаматериалы аналитического ракурса, связанного с осмыслением жизнедеятельности и путей развития Томской области как сырьевого региона.

Начнем с того, что информационными усилиями СМИ в последнее десятилетие такой специальный макроэкономический показатель, как стоимость нефти на мировом рынке, стал для массовой ментальности т.н. «приватизированным знанием», информацией константного фона общения. Яркое доказательство тому – включение топиков о цене нефти в повседневный дискурс, причем в качестве фатической вставки, некоей общей всем известной темы, посредством которой устанавливается доверительный контакт между собеседниками.

Так, журналистка, начиная интервью с известным рок-музыкантом Б. Гребенщиковым, выбирает стоимость нефти в качестве отправной точки коммуникации: *Он уже снял свое красное пальто и очки с оранжевыми стеклами, сидит напротив за серым офисным столом, и все выглядит так, будто мы собрались обсудить, скажем, цены на нефть* (Домовой, 2002, 04 апр.). То, что беседа предстоит отнюдь не с экономическим светилом, а с ярким представителем творческой элиты, только подчеркивает фатический и традиционный характер темы, подобный разговорам о погоде. Публицист Роман Лейбов в эссе «Разговоры о погоде» (Русский журнал, 2001, 29 авг.) замечает: *Это всегда – разговор о Роке*. Как все константные фоновые темы, сопровождающие бытовую неофициальную коммуникацию, как обсуждение состояния здоровья и погоды, стоимость нефти стала символизировать некую стабильную детерминанту повседневности. Ее смысловым модификациям стали присущи черты фатализма и предопределенности, свойственные любым упрощенным

объяснительным моделям массового сознания, примитивизирующим базовые координаты быта и бытия.

В томской медиасфере колебаниями цены на нефть в рамках плоскостной аксиологической дихотомии *низкая цена – плохо, высокая – хорошо* объясняется общее благополучие / неблагополучие государства и региона в прошлом, настоящем и будущем: *Советского Союза не стало, нефть упала в цене, денег в государстве не стало* (РТР-Томск, 2009, 27 июня.); *Мы хорошо живем, пока хорошо с нефтью. Но когда падает, мы каждый раз утыкаемся в то, что внутренний спрос в стране плох* (Час Пик. Суббота, ТВ-2, 2009, 19 дек.); *При этом их решение поднять отпускные цены напрямую зависит от мирового рынка сырья, где нефть вновь растет* (Вести-Томск, Утро, РТР, 2009, 03 июня.); *По нефтяной отрасли иногда складывается впечатление, что начинаем подниматься, растет цена на нефть, потом опять снижение. Сейчас опять перевалила цена за 60 долл. за баррель. Это для территории, которая добывает нефть, хорошо* (ТВ-2, 2009, 28 мая). Как видим, медиатексты не демонстрируют в данном случае ни синонимического разнообразия, ни окказионально-экспрессивных новшеств, максимально схематизируя семантику прямой тотальной зависимости качества жизни от роста или падения стоимости углеводородного сырья.

Узловая метафора, описывающая колебания цены на нефть, – устойчивая и практически стершаяся языковая метафора движения по вертикали, в семантической структуре которой движение вверх, в том числе преодолевающее определенные рубежи и препоны, олицетворяет мелиоративно оцениваемое качество (*растет, подниматься, перевалила*), а движение вниз, в том числе резкое, стремительное, – пейоративно (*упала, падает, снижение*). При этом внимание привлекает лаконичность и некоторая вербальная примитивность в выражении оценок (*не стало, плох, хорошо*), не предполагающем ни какой-либо детализирующей нюансировки, ни поясняющего комментария. Кроме того, во многих случаях мы наблюдаем эллиптический пропуск лексемы *цена* или *стоимость* (*нефть растет, нефть падает*), что демонстрирует типичность и самой вербальной модели, и лежащей в ее основе метафоры, типичность, позволяющую автору сэкономить речевые усилия без ущерба для понимания сообщения.

Столь же однобоко и однообразно падение цен на нефть олицетворяет в медиатекстах некую рубежную темпоральную веху, отделяющую идеализируемое недавнее «докризисное» прошлое от неприглядного «кризисного» настоящего: *До кризиса там в основном использовали импортное электрооборудование, денег у нефтяников*

хватало (Красное знамя, 2009, 2 янв.); *Сейчас нефть играет ключевую роль в судьбе российской экономики. Кризис восстановил давнюю зависимость российского рынка от цен на нефть* (Томский вестник, 2009, 22 мая). Протекание кризиса и колебания цены на нефть преподносятся как два неразрывно связанных взаимозависимых процесса: *...постепенное повышение цен на нефть и снижение инфляции могут создать более благоприятные условия во 2-м полугодии, в результате которых в 2010 году российская экономика сможет возобновить умеренный экономический рост* (Выходной, 2009, 04 июл.).

Во многих материалах СМИ отражены внедряемые в массовое сознание интенции настороженности и негативных ожиданий, связанных с необъяснимостью и непредсказуемостью ценового поведения нефти – фактора, никоим образом не зависящего ни от поведения обычных граждан, ни от действий властей: *Рост цен на нефть не дает власти права успокаиваться и не выполнять антикризисные мероприятия* (Парламентская неделя, 2009, 31 мая); *И хотя сейчас курс рубля и цены на нефть стабилизируются, к осени ожидается вторая волна кризиса* (Формула закона, РТР-Томск, 2009, 30 мая). Поэтому, как в противодействии любым проявлениям фатальной стихии, оптимальным способом самосохранения становится рецепт не расслабляться, быть информированным, готовиться к худшему, «защитый» в подтекст медиасообщений с помощью нагнетения негативной семантики противостояния посредством отрицательных частиц и приставок (*не, анти*) и противительных конструкций с союзом *хотя*.

Действительно, именно в период нефтяного бума и, тем более, в период кризиса цена на нефть стала олицетворять, с одной стороны, некий универсальный эталон, точку отсчета, а с другой – столь же универсальное оправдание собственной непопулярной ценовой политики для всех других экономических сфер, например, для строительной и риэлтерской (*Говоря о факторах, влияющих на динамику роста цен на рынке жилья, стоит отметить рост цен на нефть* (Деловой обзор, ТВЦ, 2007, 26 дек.)) и даже столь далеких от нефти, как косметическая (*Изменения спроса на рынке косметики не произошло... Сложно делать перспективные прогнозы, все зависит от макроэкономических показателей, это нефть* (Эхо Москвы в Томске, 2009, 08 июн.)).

Так цена нефти становится одним из мощных факторов, определяющих течение жизни, а ее рост – показателем стабильности, обычности, типичности этого течения, причем для обыденного сознания показателем отнюдь не оптимистическим. Симптоматично в

данном случае появление сравнений с нефтью опять же далеких от нее реалий, стоимость которых интерпретируется с позиций коллективной этики как неоправданно завышенная: *Причина, по которой предприятия и организации не торопятся везти снег на официальные снегоотвалы, кроется в цене снега, которая год от года растет, словно нефть* (Вести-Томск. События недели, РТР, 2009, 13дек.); *Местность там красивая, поэтому участки под строительство будут стоить дорого. На их продаже можно навариться больше, чем на нефти* (Томская неделя, 2009, 03 июл.).

Итак, анализ текстов томских СМИ показывает, что смоделированный в медиапространстве ресурсодобывающего региона фрейм цены на нефть, даже когда она высока, не является однозначно позитивно оцениваемым региональным сообществом. Коллективная языковая личность, не владеющая специальными экономическими познаниями, склонна видеть в данном постоянно фигурирующем в СМИ макроэкономическом показателе феномен *deus ex machina*, которому приписывается большая объяснительная сила, способность адекватно обосновывать реальное положение дел. При этом сама цена на нефть как *deus ex machina* воспринимается как сугубо внешний, рационально необъяснимый и поведенчески непредсказуемый, но крайне сильный и объективный фактор влияния и фактор зависимости.

Так, представление о несоответствии труда нефтяника и его большой зарплаты, несоответствии вложенных усилий и астрономических доходов, получаемых нефтяной отраслью, коррелятивное соотнесение нефти и богатства – один из устойчивых социальных неостереотипов.

В диссертационном исследовании О.В. Ильиной, посвященном изучению стереотипных представлений о богатых и бедных в социокультурном контексте современной прессы, доказывается, что, несмотря на «частичную дестереотипизацию представлений о богатых», «в обыденном сознании закрепились негативно окрашенные стереотипные представления о богатых. Ответственность за бедность и бедных перекладывается на государство. Бедный человек оценивается как честный труженик, обладающий высокими нравственными качествами. Богатый – как виновник бедности, а само богатство – как приобретенное нечестным путем и потому аморальное» [Ильина, 2008, с. 6]. Наряду с этим исследователь выделяет в структуре стереотипных представлений о богатых активизацию модуса долженствования (*богатые должны делиться с государством, богатые должны делиться с бедными и помогать им*) и закрепление в обыденном сознании императива социальной и моральной ответственности имущих перед обществом [Там же, с. 16].

Все связанное с нефтью является символическим средоточием представлений о богатстве. Для нас крайне симптоматично то, что автор указанной выше работы среди пяти парадигм номинаций субъектов-носителей признака «богатый», регулярно получающих приращение «небедный, обладающий средствами, обеспечивающими высокий уровень жизни», отдельной строкой выделяет парадигму номинаций, объединенных смыслом «лицо, занятое в сфере нефтяной промышленности» (*нефтяник, нефтяной магнат, нефтяной король, нефтяной барон* и др.). Кроме того, описание парадигмы номинаций, объединенных смыслом «специалист по управлению» (*директор, гендиректор, начальник, топ-менеджер, босс, управленец* и др.), иллюстрируется цитатой именно «нефтяной тематики»: *Финансисты говорят, что любой гендиректор нефтяной компании гораздо богаче их* [Там же, с. 11–12]. В приведенном высказывании семантика богатства вдвойне усиливается за счет контекстуального партнерства двух ярких лексических маркеров данного признака *гендиректор + нефтяная компания*.

Как видим, толкование нефтяной тематики в контексте идеи социальной справедливости / несправедливости, трактующее нефтяное богатство как изначально несправедливое и предписывающее, чтобы восстановить «баланс справедливости», делиться с бедными и нести за них ответственность, становится общим местом в массмедийном нарративе.

Несколько иное звучание получают описанные смысловые модели в прессе нефтедобывающего региона. Тотальная экономическая и инфраструктурная зависимость от нефтяного фактора, большое количество занятых в нефтяном секторе жителей, имиджевые ориентиры, не позволяющие дискредитировать «кормящую» сферу, приводят к диссимуляции, намеренной маскировке репутационно невыгодных социальных интенций.

Так, при всей насыщенности регионального медиадискурса сообщениями об исключительной значимости нефтяного фактора для благополучия территории, прямых ассоциативно-вербальных соотношений *богатство – нефть* не так много, а те, что есть, имеют обобщающий, неконкретизированный характер, при этом обезличено и достаточно топорно воспроизводят «прописные истины» и расхожие штампы. Речь идет о России вообще, *стране богатой и стабильной, насыщенной нефтедолларами* («Умные люди», 2008, 29 дек.), о богатых как абстрактно-анонимной социальной страте: *Наступил момент, когда понятно: надо богатым помогать бедным* (Городская газета, 2009, 27 дек.).

Значительно трансформируется в медиапространстве нефтедобывающего региона такой типовой участок пропозиционной модели *богатство – нефть*, как зарплата нефтяника, ставшая эталоном высоких доходов, достойного уровня жизни. На другом полюсе прототипической (по Э. Рош) дихотомии в общероссийской прессе находится зарплата учителя, в массовом сознании символизирующая вопиющее несоответствие количества и качества труда вознаграждению: *О средней зарплате. Тысяча долларов ежемесячно – это весьма неплохо (во всяком случае, с точки зрения сегодняшнего дня). Но за этой расчетной цифрой скрываются многократные различия между оплатой труда нефтяника и учителя (Российская газета, 2007, 26 июня).*

В томских массмедиа столь откровенное противопоставление неприемлемо, поскольку черевато социальным негативизмом и ростом ксенофобии в области, бюджет которой до 80 % состоит из доходов от нефти. Поэтому, например, в докризисный экономически стабильный 2007 г. о высокой зарплате нефтяников говорят сами нефтяники в контексте их вклада в дело процветания региона и его жителей: *Мультипликативно «Томскнефть» дает до 80 % областного бюджета. Средняя зарплата нефтяника 50 тысяч рублей в месяц, а средняя зарплата без нефтянки по области 5 тысяч (Вечерний Томск, 2007, 7 дек.), в контексте добросовестного исполнения налоговых обязательств: Да, у нефтяников и газовиков зарплаты хорошие. Но каждый год мы перечисляем государству 10 млрд. рублей налога НДС (Вечерний Томск, 2007, 7 дек.), в контексте повышения уровня жизни и социальной ответственности в форме спонсорства, благотворительности: Средняя зарплата у нефтяников здесь порядка 33-35 тыс. руб. Люди много строят, покупают авто. Предприятия нефтяного и газового бизнеса – это социально ответственные предприятия. Они оказывают помощь детям, старикам. В 2007 г. 23 млн руб. пошли на спонсорскую помощь от нефтяников (Государственное радио «Томск», 2007, 18 дек.).*

В пик кризиса, когда острой темой становятся массовые увольнения, снижение и невыплата зарплат: *предприятия пошли на сокращенный рабочий день, на сокращенную рабочую неделю, снизился фонд оплаты труда, снизились средние зарплаты (Эхо Москвы в Томске, 2008, 26 дек.), а в областной администрации создается рабочая группа по контролю за своевременностью выплаты зарплаты, модусы стабильности и позитивности нефтяной отрасли эксплицируются в сообщениях о том, что работников предприятий нефтяного комплекса общая беда обошла стороной: все эти предприятия сокращения*

численности не собираются делать, не уменьшают зарплату (Государственное радио «Томск», 2008, 25 дек.).

В 2009 г., не столь тяжелом, как предыдущий, но прошедшем все же под знаком кризиса и тревожных ожиданий, тема зарплат нефтяников уходит в подтекст, приобретая характер случайных оговорок, фоновой, периферийной информации. Так, на реплику чиновника от медицины о повышении усилиями администрации зарплат представителям одной из ряда т.н. низкооплачиваемых профессий (*Что касается зарплат, то средняя зарплата медицинских сестер по Томской области составила 12 тыс. 170 рублей*), корреспондент, применив коммуникативную тактику иронической провокации, замечает: *Это средняя зарплата. Если нефтяник получает 100, а я – 10, то мы с ним вдвоем неплохо живем на пару* (Государственное радио «Томск», 2009, 12 мая).

Однако, как всякая намеренно утаиваемая, латентная, но актуальная и экспрессивно заряженная информация, стереотипный фрейм *нефть – богатство*, как скрытый нарыв, проявляет себя в томском массмедийном нарративе косвенно, прежде всего в повышении «социально-оценочной» температуры контекстов, посвященных проблеме социальной ответственности нефтяного бизнеса за благополучие региона.

Весьма показательна в этом плане ситуация 2009 г., получившая широкое освещение в местных СМИ, – финансовый коллапс футбольного клуба «Томь», единственного на тот момент клуба премьер-лиги за Уралом. Медийный анализ чрезвычайно сложного положения, когда для «Томи» *вероятность летального исхода стала вполне реальна* (РИА Новости, 2009, 26июн.), во многом строился на семантическом столкновении в текстовом пространстве двух социально значимых региональных брендов: бренда нефти и бренда футбола (*«Томь» - это бренд города* (Час Пик. Суббота, 2009, 27 июн.)).

Одной из главных причин сложившейся вокруг «Томи» критической ситуации, помимо общего экономического кризиса (*Футбольный бум в Томске приостановил кризис* (Эхо Москвы в Томске, 2009, 1 июл.)), стало прекращение оказания спонсорской помощи команде томскими бизнес-структурами, прежде всего – нефтяными.

Будучи ограниченными описанными выше причинами имиджевого характера, в большинстве случаев медиарайтеры прибегают к коммуникативным тактикам не прямого, а косвенного обвинения, избирая подчеркнуто нейтральный тон объективного освещения событий: *Спонсором «Томи» несколько лет была*

«Томскнефть», однако после смены владельцев она от клуба отказалась (РИА Новости, 2009, 26 июн.); Но большинству компаний в условиях кризиса не до футбола. Даже в прошлом, достаточно успешном в финансовом плане году из 124 млн руб., которые обещал клубу томский бизнес, мы в итоге получили только 74 млн руб. (Томские новости, 2009, 02 июл.); В. Кресс на вопрос о том, как идут переговоры, ответил прямо: «Плохо. Топ-менеджеры «Томскнефти» еще готовы поддержать клуб, но акционеры компании пока против. Причем если в «Газпромнефти» занимают более или менее конструктивную позицию, то с «Роснефтью» переговоры протекают крайне тяжело» (Вечерний Томск, 2009, 25 июн.).

Вина за сложившееся положение дел не пресоциализирована и возлагается на абстрактный и всеобщий кризис, а аксиологические акценты по отношению к «виновникам» расставляются исключительно с помощью модальных операторов (*однако; даже; в итоге только; еще, но пока; если, то*).

Однако постепенно возмущение и негодование томской общественности, вызванные кризисной ситуацией с томским футболом, начинают «просачиваться» в медиатексты. Контекст решения локальной проблемы о финансировании футбольного клуба постепенно перерастает в обсуждение ключевого вопроса регионального самосознания – вопроса о взаимоотношениях региона и столицы, обязанностей центра и его несправедного безразличия по отношению к ресурсодобывающему региону.

Особая линия развития описываемого футбольного сюжета – апелляции к центральной власти с императивным посылом разрешить сложившуюся ситуацию: *Министерство спорта, туризма и молодежной политики России ведет работу с акционерами ОАО «Томскнефть ВНК» по решению проблемы... Поскольку акционерами «Томскнефти» являются государственные компании «Роснефть» и «Газпромнефть», этот вопрос решается в самых верхах российской власти... никто в администрации Томской области и правительстве РФ не имеет намерений распрощаться с единственным за Уралом футбольным клубом (Томский вестник. Буфф-сад, 2009, 01 июл.).* Здесь мы наблюдаем довольно распространенную в массмедиа коммуникативную уловку, называемую в теории аргументации подменой тезиса, в данном случае близкую к софизму: поскольку прямо возлагать ответственность на местную нефтяную компанию нельзя, ссылка на то, что владеют этой компанией госструктуры, позволяет перевести обращение к центральной власти из разряда «вассальского прошения» в разряд законного требования.

Введение в текст полных официальных номинаций (*Министерство спорта, туризма и молодежной политики России*), уравнивание в правах и статусе региона и центра через расположение их вербальных текстовых репрезентантов в позиции синтаксической однородности (*никто в администрации Томской области и правительстве РФ*), использование построенной на архетипической корреляции *верх – власть* идиомы в сочетании с интенсификатором *самых* и атрибутивом *российской (в самых верхах российской власти)* служат актуализации целого спектра связанных со стереотипом *власти центра и центральной власти* ассоциативных реакций. Это позволяет одновременно поднять рейтинг региона в глазах его жителей, повысить самооценку (частную и на фоне кризиса далеко не первостепенную региональную проблему решают на самом высоком уровне) и сохранить региональное достоинство за счет приведения не вполне правомерного аргумента о государственной ответственности не только за томскую нефть, но и за томский футбол, всецело зависящий от этой нефти.

Призывы к патроналистским интенциям звучат в традиционном для русского исторического сознания «обращении к царю-батюшке», который способен из благосклонности к просителю употребить свое личное влияние для решения проблемы: *За последний год руководство региона, озабоченное ситуацией, проделало огромную работу. В начале марта губернатор встречался с В. Путиным и получил у него определенные резолюции по поводу финансирования клуба. Письма с резолюциями были направлены в «Роснефть» и «Газпромнефть»... Обращения В. Кресса к премьеру и президенту по поводу ситуации и полученные резолюции о поддержке застряли в офисах «Роснефти» и «Газпромнефти» (АиФ в Томске, 2009, 01 июля).* Упоминание имен и должностей высших лиц государства и первого лица области, который ревностно печется о благе региона, специально встречаясь по футбольному вопросу с премьер-министром, служит подкреплению с помощью отсылок к персонализированным авторитетам тезиса о непреложности и неукоснительности исполнения нефтяной отраслью своих социальных обязательств. Не случайно в материале многократно употребляется лексема *резолюция* (поскольку контекст взят из качественной прессы, вряд ли повторы можно объяснить непрофессионализмом журналиста). Редупликация канцеляризма призвана максимально реализовать оба его общеизвестных значения: *решение, постановление съезда, комитета, собрания и надпись начальника на деловой бумаге, содержащая решение по затронутому в ней вопросу* [Новейший словарь иностранных слов, 2001, с. 690]. Таким образом многократно актуализируется пропагандируемый СМИ

тезис о поддержке высшей властью неписаного закона, имеющего конвенциональную сущность: негласный общественный договор об этическом императиве ответственности богатых за социально значимые проекты на местах (*резолуция* в первом значении) кодифицируется и верифицируется главными персонами государства (*резолуция* во втором значении).

Тем не менее, мысль о неуместности предъявления столь категоричных требований к нефтяному бизнесу также находит отражение в медиапотоке: *Уже известно, что акционеры «Роснефть», на которых Путин дал наводку Крессу, не согласились с таким вымогательством и отказались давать деньги на «Томь»* (Час Пик. Суббота, ТВ-2, 2009, 27 июн.). Прозвучавшее в одной из популярных телепередач мнение рядового томича показательное в плане лексического отбора. Респондент даже в условиях подразумеваемого самой коммуникативной ситуацией телеинтервью речевого контроля не стесняется в выражениях и употребляет по отношению к представителям власти, которых, кстати, достаточно резко и фамильярно называет по фамилиям, уголовно-арготическую идиому *дать наводку* (что спровоцировано, вероятно, общеизвестными прецедентами речевого поведения самого премьера) и экспрессивно заряженное слово *вымогательство*, обозначающее крайнюю степень противоправного поведения.

Однако смоделированный в медиапрезентации томского футбольного скандала своеобразный параллелизм территориальной (Томск – Москва), властной (местная власть – центральная власть) и нефтяной («Томскнефть» – «Роснефть») вертикалей оказался весьма созвучен общественному мнению и протестным настроениям. Так, возмущение жителей региона вызывает факт оказания томскими ресурсодобывающими компаниями, зависимыми от Москвы и управляемых ею, спонсорской помощи столичным территориям и общероссийским проектам в ущерб местным.

Градус протестного пафоса нарастает в зависимости от того, чье мнение отражается в конкретном материале, – индивидуальное или коллективное, официальное или неформальное, «народное». Например, достаточно сдержанное недоумение по поводу нелогичного поведения нефтяных структур выражает генеральный директор клуба «Томь» Ю. Степанов: *Клуб рассчитывал на поддержку нефтяных корпораций, которые из Москвы управляют нефтегазовыми ресурсами Томской области. Некоторые из них могли бы поддержать «Томь», но предпочитают вкладывать деньги в «Зенит», в сочинскую Олимпиаду. Их право – решать, сколько и на что тратить. Но все эти организации ведут бизнес на томской земле, и помощь*

крупнейшему футбольному клубу региона была бы логичной (Эхо Москвы в Томске, 2009, 23 июн.). В другом интервью он же озвучивает общественное мнение: Но вызывает протест Томичей, что крупные нефтяные компании, много лет черпающие из томской земли, материально поддерживают столичные клубы (АиФ в Томске», 2009, 01 июл.).

Как видим, в футбольно-нефтяной тематике ярко отразилась одна из «болевых точек» регионального самосознания, протестующего против экспансионистской политики центра по отношению к нефтедобывающим регионам. В частности, томские СМИ представляют мнение болельщиков «Томи», отразившееся как в коллективно-общественных акциях, таких как митинги и открытые письма, так и в частных суждениях. Говоря о целях митинга в поддержку команды, член инициативной группы болельщиков использует в качестве развернутой аргументации своей позиции описанную выше и многократно актуализированную в медиатекстах цепочку посессивности: *... митинг имеет своей целью показать людям, от которых зависит финансирование нашего клуба, что здесь живут люди, которые в большинстве своем работают на благополучие компаний, которые добывают из недр Томской области различные для себя блага и подчас забывают о том, что здесь есть люди, у которых есть свои интересы и, в частности, это ФК «Томь» (Русское радио Томск, 2009, 30 июн.).*

С целью избежать конкретизированных и персонализированных обвинений автор прибегает к эффемизации и трижды использует абстрактно-обобщенное родовое понятие *люди*, конкретизируя каждое в придаточных конструкциях: *людям, от которых зависит финансирование нашего клуба; люди, которые в большинстве своем работают на благополучие компаний; люди, у которых есть свои интересы и, в частности, это ФК «Томь».* Люди в первом перифрастическом описании противопоставлены людям во втором и третьем по признаку принадлежности и обладания. Очевидно, что сильным мира сего принадлежат *компании, которые добывают из недр Томской области различные для себя блага*, в то время как *Томская область, в том числе и ее недра*, принадлежат ее жителям, в большинстве работающих на те же компании, следовательно, ради сохранения благополучия (корень *благ-* не случайно повторяется, хотя штамп о благотворительности явно не эксплицирован) первые обязаны блюсти интересы вторых.

Интересно, что в открытом письме Д. Медведеву болельщики, разворачивая избранную аргументативную стратегию, также вынуждены прибегать к многочленным конструкциям с разными

типами синтаксической зависимости: *Часть болельщиков трудятся на предприятиях, принадлежащих ресурсодобывающим структурам, руководство которых в Москве или Санкт-Петербурге, и похоже, не заинтересовано в поддержке клуба в регионе, с которого управляемые ими компании получают значительную часть доходов... Если вопрос с финансированием не решится, и мы потеряем одну из достопримечательностей и гордость нашего региона футбольный клуб «Томь» (поверьте, это именно так), то это, несомненно, будет иметь последствия. И в отношении к власти, не желающей прислушиваться к своим гражданам, и к вышеуказанным предприятиям, желающим только извлекать прибыль, используя ресурсы нашего края (Эхо Москвы в Томске, 2009, 23 июн.).*

Авторы письма пытаются передать свойственные провинциальной этике сложные посессивные и партитивные соотношения внутри различных моделей части и целого: часть жителей региона – работники ресурсодобывающих предприятий, часть работников ресурсодобывающих предприятий – болельщики, ресурсы принадлежат региону, регион – часть страны, его предприятия – части ресурсодобывающих структур, данными структурами владеет руководство, принадлежащее столичной социально-экономической сфере, но получающее значительную часть доходов с предприятий региона, которому принадлежит футбольный клуб, болельщиками которого является часть работников ресурсодобывающих предприятий. Таким образом «за счет использования транзитивности отношений онтологической зависимости формируются достаточно длинные цепочки вывода» [Лукашевич, 2007] о возможных негативных социальных последствиях невнимания власти к *достопримечательности и гордости региона.*

В частных мнениях болельщиков протестный пафос передается намного более лаконично, доступно и открыто: *Нефтепользователи, которые работают на территории области, нам обязаны. Почему «Зенит» они спонсируют? Должны здесь оставлять они средства? (Час Пик, ТВ-2, 2009, 19 июл.).* Считая футбольный клуб одним из важных факторов региональной самоидентификации, а природные ресурсы – региональным достоянием, томичи полагают, что нефтяные компании *обязаны* тратить средства на благо региона.

Таким образом, локально маркированный медиаконцепт *нефть*, включаясь в разнообразные ассоциативно-смысловые взаимосвязи с иными актуальными как для общенациональной, так и для локальной медиасферы концептуальными доминантами (*нефть – богатство; нефть – власть; нефтедобывающий регион – живущий на доходы от нефти центр; нефть – футбол*), обнаруживает весьма сильный

миромоделирующий потенциал и отражает в процессе своего дискурсивного развертывания специфику регионального самосознания и региональной культуры.

В настоящее время мы можем наблюдать все большую включенность нефтяной семантики в архитектуру регионального мифа. Становясь неомифологемой, *нефть* символизирует своеобразную точку отсчета, некий смысловой центр региональной картины мира.

4.2. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта *нефть* в районной прессе Томской области (на материале газеты «Нарымский вестник»)

Как показали наши наблюдения, изложенные в предыдущем параграфе, многие типовые модели семантического развертывания медиаконцепта *нефть*, наблюдаемые в центральных массмедиа, претерпевают в томской городской прессе специфические трансформации, обусловленные тотальной экономической и инфраструктурной зависимостью региона от нефтяного фактора, большим количеством занятых в нефтяном секторе жителей, имиджевыми ориентирами, не позволяющими дискредитировать «кормящую» сферу.

Еще большие миромоделирующие возможности демонстрируют регионально маркированные медиаконцепты в районной, т.н. «малой» прессе. Во многом это обусловлено субстанциональными особенностями районной печати, обеспечивающей массово-информационные нужды «общества, которое переживает период становления новых морально-этических отношений, соответствующих новым политико-экономическим и культурным реалиям» [Клушина, 2008, с. 13].

Дело в том, что, как отмечают исследователи, «районная пресса не изменила ареала распространения. Теми же, что и в советские годы, по сути, остались ценностные ориентиры аудитории», а «объективная историческая близость районной прессы к своей аудитории в постперестроечный период только усилилась благодаря влиянию новых экономических условий» [Кислая, 2008, с. 3]. Вследствие этого местная пресса пользуется неизмеримо большим доверием и авторитетом у читателя, нежели центральные СМИ. Такой своего рода подчеркнуто конкретизированный, почти персонализированный адресат, а также четко очерченный территориальный ареал районной газеты делают целенаправленную ориентацию на ценностные установки, стереотипы, традиции местного населения необходимым

условием деятельности издания. В то же время фактор «незаменимости, безальтернативности» районной прессы «как единственного источника получения местной информации» [Там же, с. 12] максимально усиливает ее роль «организатора социальных отношений в регионах – социальных пространств, объединенных информационным взаимодействием» [Радионцева, 2009, с. 8], многократно увеличивает силу ее формирующего и трансформирующего влияния на общественное сознание населения.

Создавая и корректируя картину мира регионального сообщества в соответствии с требованиями текущего момента, местные СМИ вынуждены считаться с «консерватизмом и традиционностью аудитории», приводящими «к тому, что любые изменения воспринимаются читателем негативно», а выполнение районной газетой важнейших социорегулирующих функций «закономерно приводит к доминированию положительной или нейтральной информации» [Кислая, 2008, с. 20].

Таким образом, гипертрофированный фактор адресата, особая близость с целевой аудиторией в ситуации локальной «информационной безальтернативности» в сочетании со своеобразным «табу на негатив» создают особые условия дискурсивно-стилистической эволюции регионально значимых медиаконцептов в районном медиадискурсе; условия, предполагающие повышенную степень детерминированности массовой коммуникации социокультурной спецификой данной территории.

Местная газета, будучи «одним из главных центров общественной и культурной жизни района, малого города, поселка, является, с одной стороны, созидателем, распространителем духовных ценностей, с другой – сама оказывается продуктом культуры данной общности» [Там же, с. 6], культуры, которую культурологи называют провинциальной.

Современная провинциальная культура рассматривается «как феномен, представляющий формы народной (крестьянской) культуры, ассимилированной городским образом жизни. Провинциальная культура находится на месте встречи двух культурных потоков: один – из столицы и крупных центров, тесно связанный с массовой культурой, ее ценностями; другой – из деревни, села, воплощенный в традиционных формах народной культуры» [Купцова, 2009]. Ориентацией именно на такой тип культуры, на наш взгляд, характеризуется современная районная пресса, адаптирующая как центральные, так и региональные массово-идеологические тренды для восприятия их сознанием современного сельского или поселкового жителя, формирующимся на основе двух типов культур: сельской и

городской, крестьянской и индустриальной, традиционной и современной, консервативной и прогрессивной. При этом новые ценности, аккумулируемые в новых медийных доминантных смыслах, как правило, пришли в нашу жизнь с зарождением информационного общества и тесно связаны с такими цивилизационными процессами, как глобализация, индустриализация и урбанизация.

Как уже отмечалось ранее, именно в начале 2000-х по объективным причинам социально-экономического характера, в том числе макроэкономическим и глобально-политическим, концепт *нефть* стал стремительно развиваться в отечественной медиасфере.

В качестве показательного примера медийной репрезентации анализируемого концепта на стадии его постинициального становления в местной районной прессе мы проанализировали газету «Нарымский вестник» за 2002 г. Данная газета издается в Парабельском районе, географически совпадающем с местами наиболее интенсивной нефтедобычи в Томской области. И хотя районному центру – селу Парабели – насчитывается более 400 лет, Нарымский край приобрел всероссийскую известность с XIX в. как «образцово-эталонное» место ссылки. Традиционными для жизненного уклада этой северной сибирской территории являются рыбный и пушной промыслы.

Однако, несмотря на богатую в культурном, этнографическом и даже политическом плане историю, именно нефть выступает в настоящее время визитной карточкой края. Так, раздел «История» на официальном сайте Парабельского района (URL: <http://www.pabel.tomsk.ru/history.html>) начинается отнюдь не с основания Парабели в 1600 году, а с позиционирования ресурсного потенциала территории: *Парабельский район... богат природными ресурсами – нефтью, газом, лесом, торфом. Начиная с 1967 года в районе были открыты крупные газоконденсатные и нефтяные месторождения: Лугинецкое, Казанское, Урманское, Арчинское, Герасимовское и др.* Открытие нефти выступает в имиджевом массмедийном контенте ключевым фактором созидательного обновления: *В 1970 –1980 гг. открылась новая страница в истории Нарыма: Парабельский район стал третьим нефтеносным в области. Эксплуатация месторождений изменила облик края.* Как видим, связанные с нефтью события сравнительно недавнего исторического прошлого закладываются в основу неомифа об индустриальном преобразении облика края.

С наступлением нефтяной эпохи и приходом рыночных отношений важнейшая для местной газеты функция организатора социального пространства требует поиска способов внедрения новых

прогрессивных ценностей в традиционную языковую картину мира сельского жителя Сибири, доминантным свойством которой является «ощущение единства человека со всеми формами природного макрокосма в его органических и неорганических проявлениях» [Иванцова, 2002, с. 255].

Перед местными СМИ стоит задача введения в традиционную аксиологическую матрицу сельского социума, «ощущающего себя единым языковым сообществом» и имеющего «общую ценностную картину мира, запечатленную в языке» [Там же, с. 287], не свойственных ей «экономико-сырьевых» концептов в статусе фундаментальных основ жизнедеятельности. По данным томских диалектологов (см. работы Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой и др.), подчеркивающих «прагматическую ориентированность языковой картины мира диалектоносителя» [Там же], в традиционном крестьянском сознании сибиряка приоритетное место занимали «источники поддержания жизненной энергии: хлеб, солнце, земля, корова, картошка» [Гынгазова, 2009, с. 121]. В настоящее время обусловленная объективными социально-экономическими обстоятельствами, проводимая посредством местных СМИ экспансия ценностей индустриально и урбанистски ориентированной массовой культуры нацелена на категориальную перестройку, своеобразное пересоздание микрокосма сельского жителя.

Анализ газетного гипертекста «Нарымского вестника» начала 2000-х гг. демонстрирует уже сложившуюся стабильную модель позитивного социального мифа о нефти как о «проекте счастья» на территории, где нефтепромысел является ведущим фактором региональной самоидентификации и залогом социального оптимизма.

Всякий позитивный социальный миф, реализующий стратегию обновления, требует обращения в прошлое, приобщения к легенде о начале кардинального преобразования на пути к лучшему будущему: *Освоение нефтяных месторождений коренным образом изменило жизнь тихих сибирских сел. Среди тайги появились города нефтяников, вахтовые поселки у месторождений нефти; Именно первые нефтяные скважины на томском севере ознаменовали наступление новой эпохи.*

Районная газета настойчиво фокусирует символические смыслы рождения нового посредством концентрации семантики активной преобразующей деятельности по сотворению иной, идеальной, реальности (*освоение месторождений, изменило, появились, первые, наступление, новой эпохи*). Но новая реальность видится не в форме постепенного преобразования старого, а в форме безапелляционного отказа от него. Необходимость *коренного изменения жизни тихих*

сибирских сел в сторону урбанизации, индустриализации, технического и технологического прогресса как покорения неприступных таежных пространств преподносится как непреложная очевидность, не требующая доказательств аксиома.

Созидательное социальное строительство трактуется в соответствии с глобальной цивилизационной урбанистской установкой, кодифицирующей социальную градацию территориальных сообществ. Исследователи отмечают, что многие важнейшие параметры шкалы ценностей и социального статуса выражены в языке посредством градации *деревня – село – поселок – город* [Костюченкова, 2009, с. 12], а в масштабных социологических исследованиях, посвященных, например, структуре коррелятивных соотношенностей коллективного знания с коллективной памятью россиян (см.: [Шуман, Корнинг, 2005]), категория места жительства имеет четыре ступени градации (Москва, Санкт-Петербург, другие города, сельская местность).

Нефть, таким образом, обеспечивает жителям томского севера прорыв к благам цивилизации от традиционной, архаичной, медленной, скромной, а потому отсталой и консервативной *тихой* сельской жизни на лоне первозданной природы. К слову, в русской языковой картине мира словосочетание *тихая жизнь* прочно привязано именно к образу сельской идиллии, оторванной от идеи прогресса и активного жизнотворчества. А. Дельвиг в стихотворении «Тихая жизнь» (1816 г.) представляет ее таким образом: *Блажен, кто за рубеж наследственных полей / Ногою не шагнет, мечтой не унесется; // ...Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой / И мяжку волну с своих овец собирает*, а рекламные материалы агентства «Тихая жизнь» позиционируют услуги по *разработке колодцев на частных загородных участках* (URL: <http://agentstvo-tihaya-zhi.tiu.ru/>).

Контекстная антонимия *старая тихая сельская жизнь – новая прогрессивная эпоха жизни как в городе* проходит сквозным мотивом через многие номера районной газеты. Так, в период празднования «Дня нефтяника» публикуется материал «Это наша биография», в котором вербальные маркеры индустриализации и урбанизации сопровождают историю успеха района: *Строительство нефтепровода и сопутствующей ему инфраструктуры оказало сильнейшее влияние на социальное развитие района. История нефтепровода – это большая страница в истории района... На окраине Парабели вырос целый жилой городок нефтяников с торговым центром... Только ради большой нефти правительство СССР выделило средства на строительство ЛЭП, и Парабель получила государственную энергию.*

Данный контекст насыщен «лексикой престижа»: это термины и синлексы, призванные указывать на «продвинутость» нефтедобывающего района (*инфраструктуры, социальное развитие, с торговым центром, государственную энергию*), слова и выражения с семантикой силы, роста и увеличения (*оказало сильнейшее влияние, большая страница, вырос целый жилой городок, ради большой нефти*), индексы высокого пафоса и апелляции к значимым для сельского жителя ценностям (*социальное развитие, истории района, правительство СССР, государственную энергию*).

Транслируя и задавая представление о социальной иерархии, автор материала моделирует пространство. В контексте одной фразы (*На окраине Парабели вырос целый жилой городок нефтяников с торговым центром*) антонимическая оппозиция (*окраина – центр*) знаменует символическое преобразование, перевоплощение первого во второе посредством возведения городка нефтяников, а сочетание интенсификатора *целый* с субстантивом *городок*, в структуре которого уменьшительно-ласкательный суффикс актуализирует смыслы малого размера и интимности, и указание на наличие социально значимых для сельского жителя цивилизационных благ (*жилой городок с благоустроенным жильем; торговый центр*, а не сельпо) подчеркивает ту ведущую роль, которую играют урбанистический образ жизни и городское устройство окружающего пространства как объекты идеализации, почитания. В основе пропагандируемой контентом местной газеты 2002 г. модели желаемого урбанистки ориентированного будущего лежит нефтяной фактор.

Высказывания жителей Парабели, собранные во время диалектологической экспедиции кафедры русского языка ТГУ в с. Парабель, осуществленной студентами филологического факультета под руководством Т.А. Демешкиной в 1985 г. (далее в работе приводятся фрагменты записей данной экспедиции), ярко демонстрируют осознание парабельцами прямой корреляции *приход нефти – повышение ранга территории, преобразование ее в город: В Пудино город новый строят. В Торговом центре нефтяники – там нефть есть, перекачивают. Он сейчас то из Александрово идет, нефть-то. А потом будет Пудино, сейчас туда дорогу строят. В Пудино, там будет город. Как вот в Стрежевом. Тоже ведь сделали, что нам нефть нашли – вот и город. А сейчас в Пудино нефть нашли. А может и в Парабели найдут, кто его знает. Где нефть, там будет город, строительство, дороги, торговый центр, клуб: Раньше молодежь уезжала из деревни, теперь стала задерживаться. Нефтепровод здесь, газопровод, клубы начали строить. Есть чем заняться. А то же было так, на улице поскакали – и домой.*

Нагляден категориальный контраст формируемого медиамифа о сотворении новой реальности и ее истоках с традиционными представлениями парабельцев о создании села и основании жизни на своей земле. Так, в материалах диалектологической экспедиции обнаруживаем следующую топонимическую легенду: *Пара и Бель были две реки, соединились – стало село. Обосновались тут, или два обоснователя были, сделали Парабель.*

Как видим, в роли ведущих креативных начал здесь выступают, во-первых, природные космогонические силы, а во-вторых, герои-основатели, деятели. Обнаруживаемые в сибирской легенде рефлексы «широко распространенных у русских дуалистических повествований о создании мира двумя творцами» [Русская мифология. Энциклопедия, 2005] свидетельствуют о сохранении в традиционном сознании сельского жителя свойственном мифам о первотворении ландшафтных объектов синкретизме антропологического и гидрологического (соотнесение воды и человеческой сущности наблюдается, например, в «архаическом мотиве возникновения рек из крови погибших богатырей» [Там же]). Символическое неразличение природного и человеческого в их креативном единстве (значимо, что предикат *обосновались* может быть в равной степени отнесен и к *двум рекам*, и к *двум обоснователям*, и к неконкретизированным первым жителям села) демонстрирует признание равновеликости их деятельностного, активного участия в акте сотворения села (*соединились – стало село; обосновались тут; сделали Парабель*).

Иницируемая массмедиа неомифология о начале новой нефтяной эпохи жизни села, с одной стороны, эксплуатирует некоторые элементы архаической ландшафтной мифосистемы, в том числе – представления о суровых и труднодоступных просторах тайги и севера (*среди тайги; на томском севере*), а с другой – максимально обезличивает акт творения, поскольку субъектами действия выступают не персонифицированные в виде наделенных именами собственными реки (*Пара и Бель*) или герои-основатели, а неодушевленные искусственно созданные артефакты – атрибуты нефтепромысла (*города нефтяников, вахтовые поселки у месторождений нефти, нефтяные скважины*). При этом «авторство» самих объектов нефтяной инфраструктуры трактуется в ключе коллективно-абстрактной обезличенности: это некие механистические объекты, которые не мыслятся как реальные и непосредственные результаты созидательного труда человека.

Вообще, как показывают наши наблюдения, ключевой для традиционной русской культуры концепт *труд* в новой, медийной, ипостаси претерпевает с наступлением нефтяной эпохи кардинальные

сдвиги в своей категориальной структуре. Анализ контента «Нарымского вестника» за 2002 г. показывает, что образующаяся в районном медиадискурсе концептуальная связка *нефть – труд* приводит к постепенной значительной трансформации содержания фундаментальных кластеров концепта.

Концепт *труд* можно назвать одной из наиболее исследованных в отечественной лингвокультурологии единиц русской концептосферы (См.: [Токарев, 2003; Басова, 2004; Чернова, 2004] и др.). Большинство исследователей выделяет две тесно взаимосвязанные аксиологические доминанты этого концепта: представление о труде, во-первых, как об «общечеловеческой утилитарно-практической ценности», а во-вторых, как о безусловном нравственном императиве [Басова, 2004, с.12]. По словам Л.Г. Гынгазовой, труд – это для языковой личности диалектоносителя «в первую очередь необходимое условие жизнедеятельности, а уже потом главный нравственный долг человека» [Гынгазова, 2009, с. 121].

Базовый слой данного концепта «представлен в сознании носителей русского языка концептуальными признаками “усилие”, “напряжение”, “физическое мучение”» [Басова, 2004, с. 6], а актуализировавшийся в советский период идеологический слой связан прежде всего с героизацией «интенсивности трудового действия». Так, в газете советского времени «Магнитогорский рабочий» «критерием интенсивности труда служат идеологемы *трудоу подъем, трудовой энтузиазм, трудовой героизм, социалистическое соревнование, стахановец, ударник, темпы труда*» [Чернова, 2004, с. 14]. В советской идеосфере труд абстрагируется от конкретного частного человека, в ней нивелируется утилитарно-практический смысл непосредственного обеспечения жизни результатами труда и замещается абстрактно-идеологическим смыслом всеобщего коллективного социального блага.

Современный нефтяной районный медиадискурс, вынужденный дистанцироваться по объективно-экономическим причинам доминирования на территории промышленного производства от крестьянско-земледельческой парадигмы, а по идеологическим причинам провозглашенной демократизации – от советской, демонстрирует еще больший крен в сторону обезличенности процесса трудовой деятельности и ее результатов, эксплуатируя при этом семантико-аксиологические презумпции как первой парадигмы, так и второй, значительно их модифицируя.

Начнем с того, что безусловно положительно оцениваемое и в крестьянской (ср.: *Не от росы урожай, а от поту* [Токарев, 2003, с. 16]), и – в особенности – в советской системах координат качество

интенсивности труда аккумулируется в контенте «Нарымского вестника» исключительно в критерии количества добытой нефти и постулировании прямой и очевидной зависимости от этого критерия благополучия района в целом: *увеличение добычи нефти должно сопровождаться дальнейшим развитием территории; В этом году ЮКОС достиг наивысших темпов роста нефтедобычи, а это означает увеличение налогов для развития социальной сферы в целом; Нефтяная отрасль должна стать надежной основой для уверенного движения к благополучию; Вклад нефтяников в экономику района общеизвестен.* Как видим, в данных контекстах снята как свойственная советской патетике гипертрофированная героизация трудовых свершений (и вообще герой – ударник, стахановец – отсутствует), так и присущая традиционной ментальности привязка к человеческому фактору, фигуре активного деятеля, *работающего до седьмого пота.* Зато навязчиво и категорично, в том числе – с помощью клише и штампов советской эпохи (*темпы роста, вклад в экономику*), а также концентрации маркеров положительной динамики (*увеличение, развитие, достиг, наивысших, уверенного движения*), пропагандируется максимально позитивный социальный и экономический эффект деятельности нефтяной отрасли для региона.

Однако, как показывает анализ нашего материала, столь интенсивное, если не агрессивное, навязывание идеологической максимы «зависимости от нефти» в однозначно позитивном социально-оценочном ключе обуславливается чуждостью и неорганичностью этой максимы традиционному мировидению сельского жителя.

Ярким подтверждением этому служит наблюдаемый в текстах районной прессы практически полный отказ от «наиболее продуктивного в общенародной культуре антропоморфного культурного кода» интерпретации труда [Там же, с. 22]. В качестве примера доминирования антропоморфного интерпретативного кода в традиционной культуре приведем высказывание жителя Парабели о трубах нефтепровода: *Трубы туда большие – и везли. В ей человек сидя сидит* (записи диалектологической экспедиции в с. Парабели 1985 г.).

В текстах районной газеты лексема *работа* часто используется в конструкциях, имеющих неопределенно-личное значение (*Завершены последние работы на строящемся нефтепроводе; постоянно ведутся работы по увеличению перекачки нефти*), а в роли субъектов деятельности выступают обобщенно-безличные номинации нефтяной сферы (*«Востокгазпром» продолжает работу; первая их этих компаний работает вдвое более рентабельно; безаварийная работа нефтепромысла; работают механизмы перекачки нефти*).

Думается, что примитивная и по-канцелярски клишированная стилистика приведенных контекстов, их подчеркнуто официальный объективно-информативный тон обусловлены не только описанными в начале статьи факторами функционирования районных СМИ (запрет на негатив, консерватизм и традиционность целевой аудитории, установка на нейтральный и положительный ракурс подачи информации), но и осознанно или неосознанно привносимой в текст рефлексией местных журналистов, реализуемой посредством коннотаций чуждости, неестественности и сомнительности пропагандируемых «нефтяных идеалов».

Особенно ярко эти коннотации проявляются, на наш взгляд, в стилистически не вполне удачных журналистских материалах, в которых авторы пытаются преодолеть неорганичность и отчужденность нефтяной тематики с помощью традиционного антропоморфного кода (*Золотые руки нефтепроводчиков*) или оптимистично-лозунговой риторики (*Кто жизнь свою с нефтью навеки связал, Сибирь никогда не покинет!*). В семантическую структуру указанных заголовков включена имплицитная оксюморонность, стимулирующая комический эффект, ощущение нелепости и несуразности: идиома *золотые руки*, характеризующая искусно владеющих навыками ручного труда специалистов, не сочетается с образом нефтепроводчика, процесс и конкретные результаты профессиональной деятельности которого остаются *terra incognita* для непосвященных; Сибирь по определению никогда не станет благоприятным для проживания местом, и причастность к нефти как причина выбора жизни в Сибири прочитывается в приведенном по-советски звучащем лозунге исключительно в ироническом контексте личной материальной выгоды (об ассоциативной соотнесенности концептов *нефть* и *богатство* много сказано в предыдущем параграфе).

Зачастую желание автора материала «одомашнить», приблизить к читателю нефтяную тему, придав ей «человеческое лицо», вносит в текст интонацию детской наивности и совсем уж безыскусной простоты за счет использования прямых значений, однозначных оценок, общеизвестных штампов, простых синтаксических конструкций с предельно прозрачными семантическими связями: *Хорошее настроение нефтяникам создают работники общепита... Большие требования у нефтяников и к качеству блюд, поэтому продукты закупаются натуральные и свежие.*

Ограниченную приложимость к нефтяному топику районной газеты антропоморфного кода ярко демонстрирует стилистическая шероховатость материала, в котором автор чрезмерно эксплуатирует

для описания специфики работы нефтепровода и его устройства телесную метафору кровеносной системы: *«Кровеносная система» ОАО «Сибнефтепровода» протянулась на сотни километров вглубь тайги... Долговечность новой нефтяной артерии, снабженной усиленной антикоррозийной обмоткой, рассчитана на 25 лет, именно таков предполагаемый период эксплуатации Южной группы месторождений. Уже сварено в «нитку» более 60-ти километров стальной артерии нового нефтепровода. Нефтеперекачивающая станция – это своего рода сердце всего сложного технического сооружения, включающего в себя и трубопроводы, и все подсобные службы.*

Необходимо отметить, что ассоциативно-вербальная связь *нефть – кровь* отнюдь не нова (достаточно упомянуть, что авторство выражения «Нефть – кровь промышленности» приписывается Сталину, а «Нефть – кровь войны» – Гитлеру) и весьма частотна в современных медиа, ср. заголовки материалов: *Нефть, кровь, власть* (Московский Комсомолец, 2011, 16 февр.); *Нефть и кровь иракской революции* (Вокруг света, 2008, июл.); *Нефть – это кровь экономики* (Вести ФМ, 2011, 06 март.).

Нетрудно заметить, что в данных контекстах, во-первых, речь идет о глобальных и абстрактных социальных понятиях и процессах (*война, власть, революция, экономика, промышленность*), которые, скорее, не персонифицируются, приобретая антропоморфные признаки, а наделяются таким семантическим признаком концепта *кровь*, как *источник, дающий силу жизни и энергию* [Тимченко, 2009, с. 71], в то время как признак *движение крови* [Там же, с. 77 – 80] ретуширован. Кроме того, даруемая нефтью жизненная сила, энергия мыслится как крайне мощная, но не однозначно созидательная, а, скорее, разрушительная, ведущая к социальным деструкциям (*власть, основанная на нефти и крови; революция; война*).

Если же говорить о сопоставлении в приведенном выше контексте нефтепровода с кровеносной системой, то заметим, что, по наблюдениям лингвистов, *кровь* и органы кровообращения – популярный «донор» для метафорического переноса в инженерно-технологических дискурсах. Так, изучающая архитектурную метафору М.А. Симоненко отмечает, что «в профессиональном дискурсе архитектора мы находим многочисленные примеры образных выражений, в основе которых – уподобление архитектурных сущностей телесным категориям: например, *тело города; дом – вторая кожа; ребро жесткости здания; сердце комплекса; лицо города; инженерная артерия*». Исследователь полагает, что

переживанию архитектурной формы органично архаичное представление о человекоподобии мира [Симоненко, 2010].

В то же время типичен и обратный перенос, когда донором является техническая сфера, а мишенью – процесс кровообращения. Например, один из авторов Живого Журнала (URL: <http://ivanov-petrov.livejournal.com/1173871.html>) высказывает такое мнение о частотной в медицинском дискурсе метафоре сердца-насоса, впервые употребленной английским медиком У. Гарвеем в XVII в.: *Итак, Гарвей высказал совсем нетривиальную метафору, научную метафору с очень большой силой воздействия. Он имел в виду не просто маленький факт – он подразумевал целое мировоззрение. Сердце не следует рассматривать с помощью сонма отвлеченных понятий, вроде тех, что использовались алхимиками, сердце – это просто насос, кровеносная система – это набор трубок разного диаметра, человек – весьма, но не чрезмерно сложная машина.*

Для нашей работы в данном рассуждении важно подчеркнутое автором свойство описываемых нами «взаимобратных» переносов: перенося на те или иные системы организма свойства технических объектов, мы преследуем цель представить функционирование организма как технологически четкий механизированный процесс. Следовательно, усиленно разворачивая метафору кровообращения применительно к технологическим объектам, мы, наоборот, стремимся эти объекты уподобить человеку, максимально их «одушевить» и даже одухотворить. Именно поэтому текст, в котором автор описывает механизм перекачки и транспортировки нефти с помощью сквозной метафоры кровообращения, представляется стилистически несообразным, а пассаж *Нефтеперекачивающая станция – это своего рода сердце всего сложного технического сооружения* вызывает у читателя чувство коммуникативного дискомфорта, поскольку резко контрастирует с традиционным представлением о сердце в метафорическом употреблении как средоточии любви, веры, духовности (ср. высказывание В.А. Масловой: «...наш язык показывает, что сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, ...центр сосредоточения всех эмоций и чувств, центр мышления и воли, ...сердце как бы абсолютный центр всего человеческого» [Маслова, 2007, с. 140]).

Итак, если антропоморфный код, как мы показали, не вполне применим к реализуемой в масштабах районной прессы малой нефтяной тематике, то – напротив – ей вполне органичен код механистический и индустриально-экономический. Тексты «Нарымского вестника» насыщены профессиональной инженерной лексикой, техническими и экономическими терминами, в том числе

заимствованными. Ср. их использование в приведенном выше контексте: *усиленной антикоррозийной обмоткой; период эксплуатации; сварены в «нитку»; сложного технического сооружения; в других материалах: демонтированные трубы; рентабельно; инфраструктура; модернизация и техническое перевооружение; внедрение западного менеджмента; инвестиции; капиталовложения, акционерное общество* и др.

В некоторых статьях обнаруживаются даже узкоспециальные термины трубопроводных технологий: *Испытания показали надежность лупинга, теперь поступление нефти с месторождения в основную магистраль увеличивается* (по данным электронной энциклопедии «Википедия» (URL: ru.wikipedia.org/wiki/Лупинг), лупинг (англ. looping; нем Loopingleitung; фр. looping; итал. looping) – это участок трубопровода, прокладываемый параллельно основному трубопроводу; подключается для увеличения пропускной способности последнего).

На наш взгляд, данная стилистическая особенность статей о нефтяной отрасли обусловлена двумя целевыми доминантами. Первая из них эксплицитная и очевидная; назовем ее *просветительско-популяризаторской*, поскольку введение в текст профессионализмов и терминов, значительно обогащающих лексикон и информационный тезаурус читателя, оправдано содержательно и тематически. Вторая – *латентная, имплицитная*, по сути – *концептуально-миромоделирующая*, направленная на структурно-содержательную перестройку двух обозначенных выше категориальных констант концепта *труд* как традиционной культурной универсалии: утилитарно-практической константы трудной, тяжелой работы для обеспечения жизни и нравственной константы высшего морального долга и духовного роста (ср.: «Труд необходим русскому человеку, с одной стороны, для того, чтобы существовать, с другой – для того, чтобы реализовать свой духовный потенциал» [Токарев, 2003, с. 16]).

Как мы уже отмечали, в советской прессе в матрице семантического кластера концепта, связанного со смыслом *трудной, тяжелой, напряженной работы*, произошло преобразование, обусловленное выдвиганием на первый план семантики *интенсивности труда* и ее *героизацией*, следовательно, – более тесным сближением, если не наложением утилитарно-практической и духовно-нравственной аксиологий труда. В постсоветское время «изменения прослеживаются в газетах конца XX – начала XXI веков: нет в них призывов относиться к труду как к нравственному подвигу, мало изречений, призывающих распределять материальные блага в соответствии с затраченным трудом» [Чернова, 2004, с. 17].

Наше исследование показывает дальнейшие эволюционные трансформации анализируемого фрагмента коллективной концептосферы: внедрение импульсов концепта *нефть* в семантическую структуру концепта *труд* ведет, во-первых, к замещению смыслов *трудности*, *тяжести* и *интенсивности* смыслами *технической сложности* и *наукоемкости*, а во-вторых, к подмене *этической оценки* труда как нравственного долга и морального императива *социальной оценкой* труда в нефтяной сфере и самой этой сферы как престижных, популярных, модных.

Будучи синонимами, толкуемые посредством друг друга в словарях (см., например: [Ожегов, Шведова, 1997, с. 731]), атрибутивы *трудный* и *сложный* регулярно маркируют различные объекты действительности, а «сопоставление сочетаемости прилагательных *трудный* и *сложный* позволяет сказать, что прилагательное *сложный* не имеет значения «такой, к которому необходимо приложить усилия» и характеризует «сложность» предмета как соответствующую норме, не требующую исправлений, не причиняющую беспокойств» [Лысова, 2009].

Таким образом, характеризуя работу нефтяной отрасли как *сложный технологический процесс*, авторы материалов районной прессы минимизируют семантику больших усилий и интенсивности, актуализируя позитивную социальную оценку современной нормы высокотехнологичного «продвинутого» производства: *то, что происходит на нефтеперекачивающей станции, можно назвать технической революцией; за счет модернизации и технического перевооружения производств создать современное высокоэффективное предприятие*. Как видим, коннотации технической сложности и престижности накладываются друг на друга, в том числе – за счет использования доступной только образованному, эрудированному человеку специальной терминологии, многократно усиливая кумулятивный эффект воздействия на воспринимающее сознание.

Работа в нефтяной сфере по причине ее технологической насыщенности преподносится как высококвалифицированная и узкоспециализированная. Так, относительное прилагательное *специальный* приобретает качественные признаки престижности, авторитетности, избранности, элитарности: *Защитой объектов нефтепроводов сегодня занимается специально созданная служба безопасности; За всеми процессами, происходящими при транспортировке нефти, круглосуточно, ежеминутно следят специальные службы*. Абстрактно-отстраненная, административно-безличная номинация *службы* становится частотным представителем

семантики средоточия компетенций и процедур, недоступных пониманию. *Службы* занимаются особо важными, сложными, непостижимыми для непосвященных вещами: они *занимаются защитой объектов, следят за всеми процессами*, в них *стекается вся информация* (*В диспетчерскую службу стекается вся информация о ситуации на нефтепроводе и нефтеперекачивающих станциях области*).

Концентрация заимствованной общенаучной терминологической лексики (*объектов, процессами, информация*), отмеченной коннотациями неформальности и неконкретности (неизвестно, что за *объекты*, что за *процессы*, какая *информация*), в сочетании с дейксисом всеобщности и неопределенности (*за всеми процессами, вся информация*), а также предикатами, в которых действия и процессы опять же не конкретизируются (непонятно, каким образом *занимаются защитой, следят, стекается*) создают впечатление некоей закрытой, сложноустроенной и недоступной простым смертным сферы.

Те, кто трудится в этой сфере, должны обладать выдающимися профессиональными познаниями, быть высокообразованными специалистами (*Диспетчер должен иметь высокий уровень знаний в области особенностей трубопровода, насосных агрегатов и опасных свойств нефти*), в руководящих структурах работают занимающиеся уже совершенно непостижимой сложности умственной деятельностью и принимающие важные решения *эксперты – нефтегазовые аналитики* (*Победителей конкурса определяли независимые эксперты, в число которых вошли нефтегазовые аналитики*). Интересно, что присущая народному сознанию противопоставленность типажей специалиста и простого человека в русле оппозиции элитарности / обычности, избранности / типичности часто проявляется в различных речевых практиках и даже в научной речи: *В настоящее время рекламные тексты вызывают неподдельный интерес не только у специалистов, но и у простых людей* (из речи на защите дипломной работы студентки ТГПУ).

Нетрудно заметить, что в данных контекстах отражается отстраненное почтение и уважение к престижному и в глобальных государственных масштабах крайне значимому (*безаварийная работа нефтепроводов – дело большой государственной важности*), но непонятному и недоступному вследствие своей чрезмерной сложности труду, практический результат которого, как и нравственная сущность, оказываются вне ценностных ориентиров традиционной сельской культуры.

Дело в том, что, видимо, даже сверхстремительные темпы технического прогресса и глобализации конца XX – начала XXI вв. не смогли до основания разрушить традиционное недоверие сельского жителя к промышленному машинному труду. В.Г. Токарев, анализируя лингвокультурное наполнение концепта *труд*, приводит такую характеристику главного героя рассказа Г.И. Успенского «Петькина карьера» – выходца из крестьянской среды, который не сумел связать свою жизнь с земледельческим трудом: «*Он теперь, очевидно, навеки фабричный, машинный человек!*». Далее исследователь подчеркивает, что «окказиональный синоним *машинный* указывает на обогащение смысла *работающий на фабрике* такими ментальными квантами, как *неживой, автомат, бездушный, интенсификацию исходного смысла и его отрицательную оценку*» [Токарев, 2003, с. 9].

Кроме того, в традиционной народной культуре отношение к ассоциирующимся с трудом в нефтяной сфере интеллектуальному знанию, учености, образованности неоднозначно. Доказательные подтверждения этому приводит в монографии «Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России» этнолог и фольклорист О.Б. Христофорова, рассматривающая веру в колдовство как социально-культурный феномен [Христофорова, 2010].

Представленные исследователем наблюдения о содержании концепта *знать* в народной культуре весьма актуальны для нашей работы по причине того, что эти наблюдения сделаны на основе, по сути, дискурсивного лингвокультурологического анализа не только русского паремического фонда, но и полевых материалов (высказываний информантов), собранных автором в нескольких регионах России в 1998 – 2008 гг.

Говоря о «многозначности глагола *знать* в данной культурной среде», антрополог замечает: «...спрашивая информанта, знает ли он такой-то обычай, я всегда имею в виду случаи из жизни, истории, которые помогли бы высветить семантику тех или иных явлений и глубже понять традицию. А информанты понимают это как просьбу научить». Иначе говоря, истинной, реальной и реализованной ценностью обладает знание, которому можно обучить в собственной среде, передав конкретные навыки, ведущие к конкретному и осязаемому результату, умению что-то делать. Абстрактное, не чреватое реальным результатом – умением что-то делать – знание о чем-либо, просто содержащееся в голове, не воспринимается как подлинное знание – о нем *слышал*, но в результате *дело не делал*: *Бог его знает, не знаю! Вот я век прожила и не знала это дело. Слышать – слышала, а вот знать – не знала. Сама это дело не делала.*

Далее автор говорит об укорененном в народной культуре стереотипе «опасности чрезмерной учености – как для самого субъекта, так и для общества» и опасливом отношении к «ученым», «специалистам» в сопряжении «с недоверием, подозрительностью, готовой в любой момент разрядиться в насмешке, чему есть множество примеров в этнографических описаниях и что отражено в паремиологическом фонде, например: *Ума много, да толку нет; Не нужен ученый, а нужен смысленый; Умная голова, да дураку досталась; Одно лишь название – специалист; Дело не в звании, а в знании; Ум без догадки гроша не стоит*».

Заметим, что данный стереотип исключительно устойчив: достаточно вспомнить мастерское его обыгрывание в рассказах В.М. Шукшина, а О.Б. Христофорова в названной работе [Христофорова, 2010] приводит следующие аргументирующие ссылки: В 1871 г. Ф.В. Селезнев отмечал: «Против грамотных [у крестьян] есть предубеждение, что грамотный скорее испортится в нравственном отношении». Ср. также высказывание вятских старообрядцев: *Люди пошли грамотнее, но бестолковее*. Ценным для нас оказывается и мнение О.Б. Христофоровой о резком контрасте оценки приобретенного путем интеллектуального образования профессионализма колдунов в деревне и в городе.

Если в сельской местности в «характерной для традиционной культуры оппозиции *природный / ученый* колдун первый признавался более сильным», то в городских газетах, по наблюдениям Т.В. Цивьян, в рекламных объявлениях преобладал мотив профессионализма колдунов, «один из показателей которого – постоянное совершенствование профессиональных методов (разработка проектов, обмен опытом, чтение литературы)» [Цивьян, 2000, с. 183].

Интересно, что в высказываниях жителей с. Парбели (записи диалектологической экспедиции 1985 г.), в которых информанты описывают традиционные виды работ в сибирском селе (ловлю рыбы, заготовку сена и др.), мы обнаружили несколько контекстов, в которых ярко проявляется недоверчиво-настороженное отношение сельчан к профессиональной реализации в нефтяной отрасли: *На озерах рыбы много можно наловить. Сено косим, где повыше кочки – складешь – там и сохнет. Шшас нефтепровод идет. Зять наш непутный там работает. То гандрена у няво, то лень; Да, тридцать с лишним лет девушка, работает на нефтебазе, грамотная. Вот она сейчас, по-видимому, с каким-то стала ходить. Хороша девка, у матери спросишь: «А, говорит, – не идет, не идет замуж». За плохих она не идет, а за пьяницу не хочет*.

В первом контексте на нефтепроводе работает нравственно ущербный, непутный зять участницы опроса, выражающей явное осуждающе-пренебрежительное отношение к таким его качествам, как лень и ипохондрия. Во втором высказывании прослеживается сочувствие жительницы Парабели к незамужней тридцатилетней с лишним девушке. Г.В. Калиткина отмечают, что тот, кто давно достиг возраста, позволяющего вступить в брак, но в силу каких-то причин так и не создал свою семью, занимает в общине маргинальное положение: бобыль, холостяк – старая дева (девка) [Калиткина, 2003, с. 104].

Причина того неблагоприятного факта, что *хороша девка с каким-то стала ходить*, но никак не может выполнить считающееся в крестьянском социуме главным предназначение женщины – выйти замуж – кроется в ее грамотности, соответствующей работе на нефтебазе. В данном фрагменте возникает контекстная антонимия *грамотная – плохие и пьяницы*: образованной и «сделавшей карьеру» девушке уже не удастся вписаться в деревенский социум, у нее завышенные требования к возможным претендентам на руку и сердце. Как видим, оба персонажа, занятые в нефтяной отрасли, по разным причинам не вписываются в этические нормы традиционной крестьянской культуры, их образ жизни не оценивается как достойный и правильный.

Но как однозначно несправедное и безнравственное последствие прихода нефти на север Томской области оценивается диалектоносителями загрязнение главного богатства Нарымского края – реки. В высказываниях информантов эта оценка проявляется имплицитно, посредством приоритетной для миропонимания деревенского жителя утилитарно-практической конкретики: *Раньше стерляди и осетра больше было, до нефтепровода; Раньше не было нефти на рике, а щас, видишь, всяка плывет, ана бывает не вкусна така, прамывать нада харашо; И рыба-то стала нефтью пахнуть. Теперь все – не то, и рыба не такая вкусная-то стала: то нефтью пахнет, то ли че ли. Не такая жирная стала, а раньше-то какая жирная была! А нефтью-то пахнет особливо стерлядь, ужасно. В прошлом годе что-то там прорвалось, погибло много.* В данных контекстах посредством описания реалий рыболовного промысла и гастрономических впечатлений отчетливо репрезентируется типичная для ориентирующегося на традицию «опрокинутого в прошлое» крестьянского миропонимания оппозиция *раньше – теперь*. Прошлое гиперболизированно идеализируется (*стерляди и осетра больше было; а раньше-то какая жирная была!*), а *теперь все – не то*, и вина за разрушение гармоничного течения жизни, ее неустроенность и

неприглядность (*она бывает не вкусна така, прамыватъ нада харашо; и рыба не такая вкусная-то стала: то нефтью пахнет, то ли че ли. Не такая жирная стала; А нефтью-то пахнет особливо стерлядь, ужасно; погубло много*) лежит на нефти (до нефтепровода; раньше не было нефти на рике; в прошлом году что-то там прорвалось).

Однако контент районной газеты подает экологическую проблематику лишь в назидательно-дидактическом ключе: *Необходимо помнить: безаварийная работа нефтепроводов – это сохранение экологически чистой флоры и фауны. Повреждение объектов линейной части нефтепровода вызывает прекращение работы нефтепромыслов с остановкой заводов – потребителей, потерями нефти, значительным ущербом государству, приводит к экологическому бедствию района*. Как видим, и здесь автор говорит казенным абстрактным и наукообразным языком (не рек и лесов, рыбы и зверя, а флоры и фауны), а в перечне негативных последствий аварий на нефтепроводе *экологическое бедствие района* идет последним номером после перечисления последствий производственного и финансового характера.

Таким образом, медиаконцент *нефть* в коллективном языковом сознании жителей Нарымского края символизирует конфликт двух культур и конфликт двух систем нравственных ценностей, что обуславливает канцелярскую клишированность и идеологическую однобокость навязываемого местной прессой «благопристойного» образа нефти и настороженное неприятие этого образа традиционным социумом.

4.3. Аксиологический профиль концепта *нефть* в языковом сознании жителей города нефтяников (на материале лингвистических экспериментов)

В сентябре 2011 г. расположенный в самой северной точке Томской области город Стрежевой отметил 45-й день рождения. Так описывает процесс зарождения нового города корреспондент газеты «Томский вестник» (2011, 7 сент.): *Летом 1966 года на севере Томской области была добыта первая нефть. А в маленьком рабочем поселке неподалеку от месторождений закипела стройка. «За туманом и за запахом тайги» на Север стекались строители, работники нефтяной промышленности со всего Советского Союза. Они создавали крупнейшее нефтедобывающее предприятие. А вместе с ним – надежный тыл. Город-мечту. Нефтеград.*

Созданию приподнятой поздравительной тональности репортажа способствуют жизнеутверждающие клише советской прессы (*закипела*

стройка; стекались... со всего Советского Союза) и дискурса шестидесятников («*За туманом и за запахом тайги*» – крылатая фраза из романтической песни барда Юрия Кукина), градация и парцелляция, провоцирующие усиление прямой позитивной оценочности в завершающих сверхфразовое единство коротких эллиптических конструкциях с акцентированным объектом (*создавали... надежный тыл. Город-мечту. Нефтеград*).

Соблюдая все этикетные нормы эпидейктической речи, достойно владея и словом, и жанром, журналист в небольшом абзаце четыре раза использует корень *нефт-*. В шестом выпуске литературно-художественного альманаха «Стрежевой», приуроченного к 40-летию города, опубликовано немало поэтических посвящений стрежевчан, в которых нефть также становится главным атрибутом региональной самоидентификации: *Отсюда начинался Нефтеград, / А нефти летопись ведут донныне, / Нефтяников бесчисленный отряд / Несет по Васюгану свое имя* (Алина Фатеева, «Мой Стрежевой»).

Для сравнения возьмем текст о Стрежевом совсем иного жанра – развернутый аналитический очерк Владислава Михайлова «Город-остров в океане нефти» из качественного делового издания «Эксперт Сибирь» (2011, № 4 – 6 /288/), очерк, в котором город представлен во всем многообразии его социальных и экономических проблем, достоинств и недостатков (полный текст статьи представлен в приложении 1). Большой по объему материал (3088 слов) содержит 69 лексем с корнем *нефт-*, что составляет беспрецедентную частотность – 2,2 % .

Воспользуемся экспериментальной методикой, представляющей собой модификацию трансформационного метода и метода стилистического эксперимента (см. о методах исследования текста: [Болотнова, 2006, с. 519 – 615]). Наш эксперимент будет заключаться в трансформации исходного медиатекста (он представлен в Приложении 1) путем его сокращения, условием которого станет составление нового текста из фрагментов исходного, обязательно содержащих лексему с корнем *нефт-*.

Цель эксперимента – выяснить, является ли концепт *нефть* ядерным и системообразующим в смысловой структуре текста. Предполагая определенный изоморфизм представленного в тексте и наличествующего в сознании горожан образа города, мы считаем, что цельность, логичность, содержательная репрезентативность получившегося в результате редукции текста-концентрата может продемонстрировать объективный уровень сфокусированности коллективного языкового сознания жителей г. Стрежевого на категории нефти.

Город-остров в океане нефти

Нефтяному моногороду Стрежевому, в котором **нефть** – главный ресурс развития, диверсификация экономики не нужна. Если бы не разведанная в этих краях **нефть**, вряд ли можно было бы представить, что в 1966 году в таком месте появится рабочий поселок, а затем и 45-тысячный город.

По критериям Министерства регионального развития РФ, Стрежевой – типичный моногород, поскольку основная доля объема его промышленного производства приходится на **нефтяные** предприятия. Они платят налоги, большие зарплаты и в конечном итоге куют благополучие и достаток города, в котором главным праздником после Нового года является День **нефтяника**. На этот корпоративный, давно ставший общегородским праздник «Томск**нефть**» обычно выписывает звезд российской эстрады.

Здание градообразующего предприятия «Томск**нефть**» в Стрежевом, по сравнению с офисами сырьевых компаний в Томске, выглядит более чем скромно... Правда, внутри офис «Томск**нефти**» оказался реально современным. В Стрежевом **нефть** – это большой бизнес, а также основа жизнеобеспечения города.

В основном город **нефтяников** ассоциируется в головах обывателей с наркоманией. Хотя думается, что все большие где-то пристроены и не ходят с шапкой вокруг офиса «Томск**нефти**».

Нефтяная игла.

Социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт – практически все зависит от **нефтяной** отрасли. Парадигма существования города проста – здесь работает ОАО «Томск**нефть**» ВНК (в настоящее время принадлежит в равных долях квазигосударственным компаниям «Рос**нефть**» и «Газпром **нефть**»), которое определяет финансовую базу, рынок труда, сферу занятости и уровень жизни населения города. «Не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томск**нефти**». И с этим в данном случае не приходится спорить, поскольку «Томск**нефть**» – основной работодатель в Стрежевом.

«Что такое «Томск**нефть**» сегодня? Нас немного – всего около четырех тысяч сотрудников, – говорит генеральный директор ОАО «Томск**нефть**» ВНК Владимир Пальцев. Таким образом, почти 70% экономически активного населения города работает на **нефтяную** отрасль, культ главенства **нефтяной** отрасли внушается здесь с детства. В спортивно-оздоровительном комплексе «**Нефтяник**», построенном по американскому проекту в 1996 году и являющемся самым крупным спортивным сооружением за Уралом, в вестибюле второго этажа есть скульптура. Называется «Руки **нефтяника**».

Ничего особенного – две скрещенные ладони держат **нефть**. **Нефтяники**, кстати, помимо спорткомплекса, построили здесь много – центр дополнительного образования, интернет-кафе, музей **нефти**, учебный центр ОАО «Томск**нефть**», дом культуры. **Нефтяники** же покупают медицинское оборудование для больницы, выделяют средства на социальные проекты и поддерживают пенсионеров. Очередной проект – крытый ледовый каток – хотя и будет строиться за счет бюджета, косвенно все-таки на те же **нефтяные** деньги.

Среди мифов о «**нефтяной** игле» существует главный – достаточно устойчивый – о том, что Стрежевой живет на «**нефтяные**» налоги и не испытывает никаких проблем. В структуре налоговых доходов на первом месте НДФЛ – 87,6 %, и большую его часть отчисляют предприятия **нефтедобычи**. Спасает Стрежевой не только областная дотация, но и то, что доходы в **нефтяной** отрасли на самом деле довольно неплохие. Например, генеральный директор ООО «Стрежневской НПЗ» Геннадий Ковязин сообщил, что средняя заработная плата на **нефтеперерабатывающем** заводе составляет 36 тыс. рублей. «Но в **нефтянке**, конечно, зарплата выше», – отметил он. По данным статистики, в **нефтяной** отрасли средний показатель зашкаливает за 60 тыс. рублей...

«**Нефтяная** игла» для Стрежевого не пустое словосочетание. Святая святых города – система ЖКХ – работает на смеси попутного и природного газа, которую также поставляют **нефтяники**.

Когда мы выпьем всю **нефть**.

Дело в том, что доминирование в городской экономике **нефтегазодобывающей** отрасли привело к образованию в городе монопрофессиональной структуры населения. Так называемая экономическая основа города состоит из 20 предприятий, которые, чего греха таить, являются «дочками» «Томск**нефти**» и, несмотря на юридическую самостоятельность, остаются экономически зависимыми от материнской компании. Так что, как ни крути, все тут упирается в **нефть**. Но есть **нефть**, а значит, все не так плохо.

Как видим, получившийся в результате компрессии – свертывания текстовых структур вокруг вербальных репрезентантов концепта **нефть** – мы получили полноценный текст, обладающий признаками цельности, связности, логичности. Данный текст более чем в 5 раз короче исходного, в нем 557 слов, 45 из которых (более 8 %) – лексема **нефть** и ее дериваты.

Попытаемся на основе моделирования ассоциативно-смыслового поля (АСП) концепта **нефть** (о понятии АСП и методике моделирования текстовых АСП см.: [Болотнова, 1998в, с. 242 – 247;

Болотнова, 2006, с. 543 – 551; Орлова, 2004]) описать его (концепта) аксиологический профиль.

Аксиологический профиль концепта понимается нами как отраженная в текстовой ассоциативно-смысловой структуре уникальная вербализованная конфигурация его аксиологических значимостей, являющаяся результатом лингвокреативной деятельности автора и интерпретационной деятельности читателя.

Анализ показал, что концепт *нефть* является, условно выражаясь, в данном тексте «концептом-реакцией» на ключевой тематическом отношении «концепт-стимул» *город Стрежевой*. Это диагностический признаковый концепт, «концепт-рема», «концепт-идея». Наиболее ярко способность концепта *нефть* быть глобальным ассоциативным детерминантом социально-экономического, культурного и даже ландшафтно-географического облика территории проявляется в тенденции включаться в устойчивые квазитопонимические перифразы. Необходимо отметить, что *нефтяных городов* и *городов нефтяников* на карте России и в ее медиапространстве обнаруживается довольно много (например, город Муравленко в Ямало-Ненецком автономном округе, город Отрадный в Самарской области и др.), а доминирующий тип промышленности и профессиональной деятельности в моногородах – востребованная журналистами по причине прозрачности внутренней формы семантическая основа для формирования искомой перифразы как синонимической замены официальному топониму (*город ткачей*, *город металлургов* и т.д.). (Здесь же уместно будет отметить факт зарождения и интенсивного развития социально значимого медиаконцепта *моногород*, вряд ли, однако, обещающего возможности актуальных эстетических и культурных смысловых приращений и дискурсивных миграций).

Расшифровываются квазитопонимические перифразы легко, выполняя, помимо «антитавтологиической» функции, функцию информационную – сообщения о единовластно главенствующем, явно превалирующем на территории типе экономической деятельности и профессиональной причастности населения. Данное обстоятельство определяет количественное и качественное преобладание в АСП концепта *нефть* в анализируемом тексте словных и сверхсловных репрезентантов тематической области «Нефть как профессиональная сфера и ее значимость для города».

Представим в виде таблицы фрагмент моделируемого АСП, условно распределив значимые контексты, включающие репрезентанты концепта, по оценочной шкале, чтобы выявить

преобладающий аксиологический модус данного тематического слоя текстового содержания (табл. 4).

Таблица 4

Фрагмент «Нефть как профессиональная сфера и ее значимость для города» АСП концепта *нефть*

Тип оценки	Иллюстративные контексты
Нейтральная оценка	<p><i>основная доля промышленного производства приходится на нефтяные предприятия</i> <i>все зависит от нефтяной отрасли</i> <i>парадигма существования города – здесь работает ОАО «Томскнефть» ВНК</i> <i>«Томскнефть» – основной работодатель</i> <i>почти 70 % населения города работает на нефтяную отрасль</i> <i>Стрежевой живет на «нефтяные» налоги</i> <i>большую его часть отчисляют предприятия нефтедобычи</i> <i>система ЖКХ – нефтяники</i> <i>20 предприятий являются «дочками» «Томскнефти»</i></p>
Позитивная оценка	<p><i>главным праздником является День нефтяника</i> <i>здание градообразующего предприятия «Томскнефть» выглядит</i> <i>скромно, внутри офис «Томскнефти» оказался реально современным</i> <i>«Не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томскнефти»</i> <i>спортивно-оздоровительном комплексе «Нефтяник»,</i> <i>построенном по американскому проекту</i> <i>скульптура «Руки нефтяника»: две скрещенные ладони держат нефть</i> <i>нефтяники построили здесь много</i> <i>нефтяники же покупают медицинское оборудование для больницы, выделяют средства на социальные проекты и поддерживают пенсионеров на те же нефтяные деньги</i> <i>в нефтянке, конечно, зарплата выше</i> <i>в нефтяной отрасли средний показатель зашкаливает за 60 тыс. рублей</i></p>
Неоднозначная оценка	<p><i>«Томскнефть» выписывает звезд российской эстрады</i> <i>город нефтяников ассоциируется с наркоманией, хотя больные не ходят с шапкой вокруг офиса «Томскнефти»</i> <i>доминирование нефтегазодобывающей отрасли привело к образованию монопрофессиональной структуры населения</i> <i>культ главенства нефтяной отрасли внушается с детства</i></p>

Даже поверхностный анализ аксиологического контура фрагмента АСП концепта *нефть*, организованного смысловым признаком «Нефть как профессиональная сфера и ее значимость для города», демонстрирует явное – почти пятикратное – преобладание

нейтральной и позитивной оценочной тональности даже не над негативной – поскольку однозначной отрицательной оценки мы в высказываниях, находящихся в радиусе ассоциативного взаимодействия с «нефтяной» лексикой, не обнаружили – а над неоднозначной оценкой с некоторой долей скепсиса. При этом индикаторы глобального доминирования (лексика главенства, количественного превосходства (*основной, главный, все, много, выше* и др.) встречаются на всех трех аксиологических уровнях, и плотность их в вербальной ткани текста велика: 8 единиц только в приведенных в таблице высказываниях.

Однако аксиологический профиль концепта *нефть* в ассоциативно-смысловой структуре текста наиболее интересен тем, что позитивная оценочность не просто превалирует, а играет еще и роль своеобразных ассоциативных «дрожжей» – катализаторов, служащих повышению градуса оценки аксиологически нейтральных и даже неоднозначных информем (об информемах и прагмемах как единицах организации текста см.: [Болотнова, 2008, с. 45, 160]). Ср.: *нейтр. парадигма существования города – здесь работает ОАО «Томскнефть» ВНК / позит. «Не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томскнефти»*; *неодн. культ главенства нефтяной отрасли внушается с детства / позит. скульптура «Руки нефтяника»: две скрещенные ладони держат нефть*; *неодн. доминирование нефтегазодобывающей отрасли привело к образованию монопрофессиональной структуры населения / позит. в нефтянке, конечно, зарплата выше*. Даже однозначно негативно оцениваемое в обществе явление наркомании в городе нефтяников автор предпочитает нейтрализовать уступительным *хотя*.

Функцию своеобразных «аксиологических маячков» выполняют рассредоточенные по тексту и буквально обрамляющего его в ключевых позициях лид-абзаца и финала сентенции дидактического характера, категорически констатирующие тотальную нефтезависимость и нефтеобусловленность быта и бытия города: *нефть – главный ресурс развития; если бы не нефть; нефть – это большой бизнес, а также основа жизнеобеспечения города; все тут упирается в нефть*. Две метафорические конструкции, играющие роль подзаголовков (в них обобщены распространенные в наше время негативные стереотипы зависимости от нефти и конца нефти: *нефтяная игла* и *когда мы выпьем всю нефть*), провоцируют эффект обманутого ожидания: *нефтяная игла* оборачивается пассажем о собственном стрежевском бензине и обеспечении местной нефтью городского ЖКХ, а угроза конца нефти – заверениями в наличии ее больших запасов (*Но есть нефть, а значит, все не так плохо*).

Как уже говорилось в пояснительной записке к эксперименту, мы редуцировали исходный текст путем свертывания его вокруг репрезентантов концепта-ремы *нефть*, в то время как концепт *город* отражает тему текста. Поскольку коммуникативной интенцией медиарайтера было объективно и правдиво воссоздать образ города в его неоднозначности и разнообразии, аксиологический профиль концепта *город Стрежевой* имеет альтернативную структуру: как однозначно негативные описываются климатические и жилищные условия, как острые социальные проблемы – географическая отдаленность от областного центра (только самолетом можно долететь), алкоголизм и наркомания и др.

В то же время конфигурация аксиологических атрибуций концепта *нефть* – главной содержательной дескрипции концепта *город* – имеет, на первый взгляд, тенденциозный, гипертрофированно смещенный в сторону положительного оценочного полюса характер, что свидетельствует о комплиментарном аксиологическом профиле концепта. Однако объективный тон подачи ключевого тематического концепта текста позволяет сделать предположение об объективном же, обусловленном исключительно реальным положением дел и спецификой обстоятельств во внедискурсивной действительности конструировании в статье аксиологического профиля концепта *нефть*. При этом главный экстралингвистический фактор, обуславливающий всеобщее одобрение нефти в коллективном сознании стрежевчан, в отличие, например, от томичей и даже от парабельцев, предки которых жили и трудились на этой земле и до нефти, – осознание поистине тотальной зависимости от нефти и даже обреченности на нефть.

Мы уже говорили о беспрецедентной частотности лексемы *нефть* и ее дериватов в рассмотренном выше тексте о Стрежевом. Проведенный нами количественный анализ полугодовой подшивки (первая половина 2010 г.) стрежевской газеты «Томская нефть» также показал очень высокую частотность «нефтяной» лексики: на 518 579 слов – 3 661 словоупотребления, что составляет 0,7 %.

Если сопоставить эти данные с полученной нами путем простейших арифметических действий среднестатистической частотностью, зарегистрированной в публицистических текстах «Новым частотным словарем русской лексики» [Ляшевская, Шаров, 2009] (см. о нем и приведенных в нем фактах о частотности интересующих нас лексем в текстах разной стилиевой приуроченности в следующем параграфе), то разница получается сверхвпечатляющая. Частотность «нефтяной» лексики в общем вербальном массиве русскоязычной публицистики немалая, она составляет 0,0164 % (для сравнения: слов с корнем *полит-* – 0,08 %). Однако в стрежевской

прессе плотность лексики семантической сферы *нефть* превышает среднестатистическую в 42 раза, а в анализируемой нами статье о Стрежевом – в 134!

Этот количественный анализ языковой ткани медиатекстов подводит нас к тезису-гипотезе о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном – аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стрежевчан.

Чтобы проверить данную гипотезу, нами был проведен лингвистический эксперимент, нацеленный на выявление показаний языкового сознания жителей Стрежевого относительно рецепции ими концепта *нефть*.

В качестве ведущей методики проведения опроса нами была избрана модифицированная в соответствии с целями и задачами нашего исследования методика семантического дифференциала Ч. Осгуда (см. о плодотворности применении этой методики при изучении прагматики текста и его отдельных элементов: [Болотнова, 2006, с. 563 – 564]). Сама методика семантического дифференциала и способы ее применения в лингвистике и лингвоконцептологии достаточно хорошо описаны [Варфоломеев, 2000; Шмелев, 2002; Серкин, 2004; Петренко, 2005; Воейкова, 2009; Шелестюк, 2009 и др.]. Мы же модифицировали, во-первых, реестр признаков, включив в него те признаковые пары, которые оказались актуальными для изучаемого нами концепта при его развертывании в медиадискурсе. Во-вторых, мы предпочли пятибалльную шкалу, в которой первый и последний баллы характеризовали яркую ассоциативную соотнесенность в сознании респондентов этого признака с одним из противоположных понятий, а срединная тройка обозначала невыраженность ассоциативной связи концепта с данной понятийной категорией (см. предложенную респондентам анкету в Приложении 1).

Опрос проводился осенью 2010 г., в нем приняли участие 90 жителей города Стрежевого разного возраста, пола и социального статуса (от старших школьников до пенсионеров).

Результаты эксперимента в самом общем виде могут быть представлены в виде следующей таблицы, где указаны антонимичные признаки с их наивысшим индексом (Признак 1 и Признак 5), процент респондентов, давших ту или иную оценку по данному признаку, а также средний балл данной признаковой пары (табл. 5).

Таблица 5

**Характеристики концепта *нефть* в языковом сознании
стрележечан: результаты эксперимента**

Признак 1	Признак 5	1 %	2 %	3 %	4 %	5 %	Средний балл
Бедный	Богатый	2,1	0	4,2	17	76,5	4,6
Отсталый	Прогрессивный	6,4	6,4	12,7	23,4	51	4,08
Зависимый	Независимый	46,8	21,2	17	8,5	6,4	2,06
Неважный	Важный	2,1	0	4,2	14,8	78,7	4,68
Непрестижный	Престижный	2,1	0	10,6	34	53,2	4,36
Неэффективный	Эффективный	2,1	4,2	10,6	27,6	57,4	4,17
Неактуальный	Актуальный	2,1	0	6,4	31,9	59,5	4,44
Традиционный	Новаторский	6,4	21,2	38,3	19,1	14,8	3,14
Безответственный	Ответственный	2,1	4,2	40,4	31,9	21,2	3,59
Временный	Вечный	23,4	17	31,9	12,7	14,8	2,78
Плохой	Хороший	2,1	6,4	34	34	23,4	3,7
Опасный	Безопасный	34	29,8	23,4	10,6	2,1	2,08
Мирный	Агрессивный	2,1	10,6	53,2	19,1	14,8	3,34
Ненужный	Нужный	0	4,2	2,1	17	76,5	4,65
Несвободный	Свободный	19,1	4,2	51	21,2	4,2	2,78
Непопулярный	Популярный	0	0	21,2	25,5	53,2	4,31
Вредный	Полезный	4,2	0	10,6	25,5	59,5	4,36
Пассивный	Активный	0	2,1	38,3	29,8	29,8	3,87
Безнравственный	Нравственный	8,5	6,4	63,8	14,8	6,4	3,04
Пустой	Наполненный	2,1	4,2	48,9	29,8	14,8	3,51
Простой	Сложный	8,5	2,1	31,9	34	23,4	3,61
Навязчивый	Деликатный	19,1	10,6	68,1	2,1	0	2,53
Злой	Добрый	2,1	8,5	61,7	14,8	12,7	3,27
Противный	Приятный	8,5	8,5	59,5	14,8	8,5	3,06
Естественный	Искусственный	42,5	19,1	31,9	2,1	4,2	2,06
Грязный	Чистый	25,5	31,9	25,5	8,5	8,5	2,42
Больной	Здоровый	19,1	14,8	53,2	8,5	4,2	2,63
Чужой	Свой	10,6	2,1	53,2	17	17	3,27
Ненавидистный	Любимый	4,2	4,2	76,5	8,5	6,4	3,08
Мрачный	Светлый	19,1	6,4	57,4	14,8	17	3,48

В колонке, обозначенной цифрой 1, представлен процент испытуемых, отметивших первый признак как ярко выраженный, в колонке 2 – как просто характерный и т.д. – т.е., к примеру, 2,1 % опрошенных охарактеризовали нефть как бедную, 0 % как скорее бедную, 4,2 % затруднились дать однозначный ответ, для 17 % она скорее богатая, и для 76,5 % она богатая однозначно. Соответственно, чем выше т.н. «средний балл», тем более ярко выражен, по мнению информантов, второй признак, и наоборот.

Для начала, думается, нагляднее всего будет сгруппировать полученные результаты по убыванию «среднего балла», чтобы увидеть, какие признаки представляются жителям г. Стрежевого наиболее актуальными для концепта *нефть*. Напомним, что эти признаки располагаются вверху и внизу таблицы (табл. 6).

Таблица 6

**Характеристики концепта *нефть* в языковом сознании
стрежевчан: результаты эксперимента, упорядоченные по
убыванию «среднего балла»**

Признак 1	Признак 5	1 %	2 %	3 %	4 %	5 %	Средний балл
Неважный	Важный	2,1	0	4,2	14,8	78,7	4,68
Ненужный	Нужный	0	4,2	2,1	17	76,5	4,65
Бедный	Богатый	2,1	0	4,2	17	76,5	4,6
Неактуальный	Актуальный	2,1	0	6,4	31,9	59,5	4,44
Непрестижный	Престижный	2,1	0	10,6	34	53,2	4,36
Вредный	Полезный	4,2	0	10,6	25,5	59,5	4,36
Непопулярный	Популярный	0	0	21,2	25,5	53,2	4,31
Неэффективный	Эффективный	2,1	4,2	10,6	27,6	57,4	4,17
Отсталый	Прогрессивный	6,4	6,4	12,7	23,4	51	4,08
Пассивный	Активный	0	2,1	38,3	29,8	29,8	3,87
Плохой	Хороший	2,1	6,4	34	34	23,4	3,7
Простой	Сложный	8,5	2,1	31,9	34	23,4	3,61
Безответственный	Ответственный	2,1	4,2	40,4	31,9	21,2	3,59
Пустой	Наполненный	2,1	4,2	48,9	29,8	14,8	3,51
Мрачный	Светлый	19,1	6,4	57,4	14,8	17	3,48
Мирный	Агрессивный	2,1	10,6	53,2	19,1	14,8	3,34
Злой	Добрый	2,1	8,5	61,7	14,8	12,7	3,27
Чужой	Свой	10,6	2,1	53,2	17	17	3,27
Традиционный	Новаторский	6,4	21,2	38,3	19,1	14,8	3,14
Ненавистный	Любимый	4,2	4,2	76,5	8,5	6,4	3,08
Противный	Приятный	8,5	8,5	59,5	14,8	8,5	3,06
Безнравственный	Нравственный	8,5	6,4	63,8	14,8	6,4	3,04
Временный	Вечный	23,4	17	31,9	12,7	14,8	2,78
Несвободный	Свободный	19,1	4,2	51	21,2	4,2	2,78
Больной	Здоровый	19,1	14,8	53,2	8,5	4,2	2,63
Навязчивый	Деликатный	19,1	10,6	68,1	2,1	0	2,53
Грязный	Чистый	25,5	31,9	25,5	8,5	8,5	2,42
Опасный	Безопасный	34	29,8	23,4	10,6	2,1	2,08
Зависимый	Независимый	46,8	21,2	17	8,5	6,4	2,06
Естественный	Искусственный	42,5	19,1	31,9	2,1	4,2	2,06

Как видим, на первом месте находятся признаки *важный*, *нужный*, *богатый*. Иными словами, в сознании стрежевчан

первостепенную значимость имеет понимание того, что нефть – не только основа благосостояния, но и основа жизни вообще, по крайней мере, жизни в данном регионе.

С другой стороны, большое число испытуемых охарактеризовали нефть как *естественную, зависимую, опасную*. Эти данные любопытно сопоставить с высказываниями жителей села Парабель, приведенными в предыдущей главе: *Раньше стерляди и осетра больше было, до нефтепровода; Раньше не было нефти на рике, а щас, видишь, всяка плывет, ана бывает не вкусна така, прамывать нада харашо*. Как видим, с точки зрения сельских жителей, развитие нефтяного промысла было нарушением естественного хода вещей. Для современных стржевчан нефть скорее естественна, причем эта естественность тесно соседствует с зависимостью и опасностью. Интересно, что стржевчане, скорее всего, восприняли признак естественности отнюдь не в экологическом смысле, а в социальном – как непереносимое и естественное условие жизнеобеспечения.

Признаки зависимости и опасности – самоочевидные атрибуты нефти в любом нефтедобывающем регионе, где каждый осознает свою непосредственную связь с источником благосостояния, а огромная часть работающего в нефтяной отрасли населения не понаслышке знает об опасности работы на промыслах.

Заслуживающей внимания нам кажется следующая закономерность, а именно – отсутствие среднего балла меньше 2, что говорит о меньшей выраженности и меньшей категоричности в оценке первых признаков антонимических пар, по преимуществу представляющих пейоративный оценочный полюс, в то время как средний балл более 4 отмечается у девяти номинаций вторых признаков, по большей части положительного характера. Это служит ярким доказательством в целом позитивного отношения к нефти стржевчан.

Теперь представим результаты по убыванию процента респондентов, выделивших первый признак антонимической пары как значимый (табл. 7).

Таблица 7

**Характеристики концепта *нефть* в языковом сознании
стрежевчан: результаты эксперимента,
упорядоченные по убыванию процента респондентов,
выделивших первый признак антонимической пары как
значимый**

Признак 1	Признак 5	1 %
Зависимый	Независимый	46,8
Естественный	Искусственный	42,5
Опасный	Безопасный	34
Грязный	Чистый	25,5
Временный	Вечный	23,4
Несвободный	Свободный	19,1
Навязчивый	Деликатный	19,1
Больной	Здоровый	19,1
Мрачный	Светлый	19,1
Чужой	Свой	10,6
Безнравственный	Нравственный	8,5
Простой	Сложный	8,5
Противный	Приятный	8,5
Отсталый	Прогрессивный	6,4
Традиционный	Новаторский	6,4
Вредный	Полезный	4,2
Ненавистный	Любимый	4,2
Бедный	Богатый	2,1
Неважный	Важный	2,1
Непрестижный	Престижный	2,1
Неэффективный	Эффективный	2,1
Неактуальный	Актуальный	2,1
Безответственный	Ответственный	2,1
Плохой	Хороший	2,1
Мирный	Агрессивный	2,1
Пустой	Наполненный	2,1
Злой	Добрый	2,1
Ненужный	Нужный	0
Непопулярный	Популярный	0
Пассивный	Активный	0

Во-первых, даже в самой сильной позиции (в паре *зависимый – независимый*) первый признак как ярко выраженный обозначили менее 50 % опрошенных. Никто из респондентов не посчитал нефть *ненужной, непопулярной и пассивной*, что говорит о нежелании стрежевчан оценивать нефть в негативных координатах.

Если же результаты представить по убыванию процента респондентов, выделивших второй (в большинстве случаев положительный) признак антонимической пары как значимый, то таблица будет наглядно демонстрировать высокие проценты выбора: 9 верхних позиций – более 50 % участников опроса, 3 верхние позиции – более 75 % (табл. 8). Отметим также, что никто из респондентов не оценил нефть как *деликатную* – видимо, вследствие нерелевантности этого признака для исследуемого понятия.

Таблица 8

**Характеристики концепта *нефть* в языковом сознании
стрежжевчан: результаты эксперимента,
упорядоченные по убыванию процента респондентов,
выделивших второй признак антонимической пары как
значимый**

Признак 1	Признак 5	5 %
Неважный	Важный	78,7
Бедный	Богатый	76,5
Ненужный	Нужный	76,5
Неактуальный	Актуальный	59,5
Вредный	Полезный	59,5
Неэффективный	Эффективный	57,4
Непрестижный	Престижный	53,2
Непопулярный	Популярный	53,2
Отсталый	Прогрессивный	51
Пассивный	Активный	29,8
Плохой	Хороший	23,4
Простой	Сложный	23,4
Безответственный	Ответственный	21,2
Чужой	Свой	17
Мрачный	Светлый	17
Традиционный	Новаторский	14,8
Временный	Вечный	14,8
Мирный	Агрессивный	14,8
Пустой	Наполненный	14,8
Злой	Добрый	12,7
Противный	Приятный	8,5
Грязный	Чистый	8,5
Зависимый	Независимый	6,4
Безнравственный	Нравственный	6,4
Ненавидный	Любимый	6,4
Несвободный	Свободный	4,2
Естественный	Искусственный	4,2
Больной	Здоровый	4,2
Опасный	Безопасный	2,1
Навязчивый	Деликатный	0

Интересные данные отражены и в колонке под цифрой 3, в которой указан процент респондентов, не считающих значимой по отношению к нефти разницу между двумя противоположными признаками. Расположим эти данные также по убыванию (табл. 9).

Таблица 9

**Характеристики концепта *нефть* в языковом сознании
стрежевчан: результаты эксперимента,
упорядоченные по убыванию процента респондентов,
оценивших предложенные признаковые оппозиции как
нерелевантные по отношению к нефти**

Признак 1	Признак 5	3 %
Ненавистный	Любимый	76,5
Навязчивый	Деликатный	68,1
Безнравственный	Нравственный	63,8
Злой	Добрый	61,7
Противный	Приятный	59,5
Мрачный	Светлый	57,4
Мирный	Агрессивный	53,2
Больной	Здоровый	53,2
Чужой	Свой	53,2
Несвободный	Свободный	51
Пустой	Наполненный	48,9
Безответственный	Ответственный	40,4
Традиционный	Новаторский	38,3
Пассивный	Активный	38,3
Плохой	Хороший	34
Временный	Вечный	31,9
Простой	Сложный	31,9
Естественный	Искусственный	31,9
Грязный	Чистый	25,5
Опасный	Безопасный	23,4
Непопулярный	Популярный	21,2
Зависимый	Независимый	17
Отсталый	Прогрессивный	12,7
Непрестижный	Престижный	10,6
Неэффективный	Эффективный	10,6
Вредный	Полезный	10,6
Неактуальный	Актуальный	6,4
Бедный	Богатый	4,2
Неважный	Важный	4,2
Ненужный	Нужный	2,1

Самая недифференцированная, индифферентная к оценке пара – *ненавистный – любимый*: по этой дихотомии испытуемые отказались оценивать нефть. В близком положении оказались пары *навязчивый – деликатный*, *безнравственный – нравственный*, *злой – добрый*, *приятный – противный*, *мрачный – светлый*.

Данная респондентами этим признакам оценка 3 – это уход от поляризации суждения о данном дескрипторе, признание его нерелевантности для рефлексии над понятием-стимулом.

И наоборот, наиболее значимой для однозначной оценки, причем в положительную сторону, явилась пара *ненужный – нужный*, за ней следуют *неважный – важный*, *бедный – богатый*, *неактуальный – актуальный*, *вредный – полезный*, *неэффективный – эффективный*, *непрестижный – престижный*, *отсталый – прогрессивный*.

Подведем итоги. С точки зрения общественной пользы нефть в сознании информантов фигурирует как актуальная и эффективная. Другими словами, нефть отвечает требованиям настоящего момента, объективно обеспечивая развитие социальной жизни.

Нефть олицетворяет для стрелевчан богатство, престиж, популярность, прогрессивность. Она приносит материальное благосостояние, уважение в обществе, двигает само общество вперед. Стихия эта однозначно характеризуется как *нужная, важная и полезная*, однако однозначно, без оговорок назвать ее *хорошей* и тем более *добррой* информанты все же не могут. А оценивать ее с позиции *ненавистный – любимый* они фактически отказываются. Вместе с тем довольно четко информанты обозначают зависимость от этой стихии.

Итак, нефть для жителей г. Стрелевого – это, в первую очередь, нечто социально и экономически важное и нужное. С большим желанием и единодушно респонденты говорят о том, что хорошего она им дает: материальный достаток (*богатый*), социальный статус (*престижный, популярный*), некую обобщенную пользу (*полезный, эффективный*), задел для дальнейшего развития общества (*актуальный, прогрессивный*). Однако когда вопрос ставится не в виде «что нефть дает мне / нам», а в виде более абстрактного «что есть нефть как таковая», однозначности становится меньше, повышается процент ответов «не знаю», так что в итоге *наполненной, активной, агрессивной* нефть признается не потому, что большинство информантов назвали ее таковой, а потому, что почти никто не утверждал обратного. Наконец, когда речь заходит о личном отношении жителей нефтяного города к нефти (*ненавистный – любимый, приятный – противный*), давать однозначную оценку не хочет уже почти никто. Нефть оказывается внеположенной этическим

и эмоциональным категориям нравственности, добра и зла, любви и ненависти. Но эта внеположенность стрежевчанами (в отличие, например, от жителей Парабели) эмоционально не оценивается вследствие безальтернативности на этой территории нефти как единственного источника благосостояния, понимания собственной обреченности на нее и зависимости от нее.

Здесь же вспомним, что из первых элементов оценочных оппозиций самые высокие баллы получили признаки *зависимый* и *естественный*. Зависимость от нефти воспринимается жителями Стрежевого как часть естественного хода вещей. И у большинства это не вызывает ни позитивных, ни негативных эмоций.

Таким образом, результаты двух проведенных нами экспериментов показали объективность тезиса о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном – аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стрежевчан.

Ниже приведен опубликованный в литературно-художественного альманахе «Стрежевой» (Стрежевой: Литературно-художественный альманах. 2006. Вып. 6. С. 135) рисунок шестилетней девочки под названием «Капля нефти волшебная» (рис. 3).

Рис. 3. Пятакова Настя, 6 лет. «Капля нефти волшебная»

Этот рисунок – емкая и яркая иллюстрация гипертрофированного нефтецентризма коллективного сознания жителей нефтяного моногорода: антроповидная капля нефти в ботинках-вездеходах на ногах и с нефтяными вышками в руках держит, как атлант, на голове город, и самое главное – является космогоническим истоком, из которого произрастают деревья и в котором размещается солнце, месяц, дома, автомобили – все мироздание.

Выводы

В данной главе мы описали специфику миромоделирующего потенциала медиаконцепта *нефть* как регионально маркированного концепта в его трех вариантах: в региональных городских томских СМИ, в дискурсе районной газеты сельской территории, ставшей нефтедобывающей, и в языковом коллективном сознании жителей города нефтяников.

Рассматривая ассоциативно-смысловое развертывание концепта *нефть* в томском медиапоточе 2000-х гг., можно наблюдать значительную трансформацию идентификационных структур концепта, обеспечивающих целостность и диалектическую амбивалентность регионального самосознания, поиск оптимальных для томской семиосферы способов ментальной самоидентификации. И если на одном полюсе региональной саморефлексии лежит по-советски гипертрофированный оптимистический пафос, то на другом – близкий к пессимистическому скепсис по поводу будущности «сырьевого придатка», а между этими полюсами находится целый спектр аксиологически и мотивационно разновалентных позиций.

Репрезентируемый в местных СМИ локально маркированный медиаконцепт *нефть* обнаруживает наиболее сильный миромоделирующий потенциал в нефтедобывающих районах, в которых исконной культурой была традиционная крестьянская культура. Каковы механизмы, лежащие в основе миромоделирующих возможностей анализируемого концепта?

В первую очередь воздействующей силе транслируемых районной газетой информационно-идеологических трендов весьма способствуют социокоммуникативная природа «малой» прессы: ее консерватизм, особая близость к читателю, авторитетность, безальтернативность, позитивный агитационно-пропагандистский модус подачи материала. Все это способствует эффективной пропаганде крайне значимых для социального и экономического благополучия района «нефтяных» ценностей.

Однако, пропагандируя новые прогрессивные ценности массовой индустриальной культуры, дискурс районной прессы вынужден искать оптимальные пути адаптации этих ценностей в сознании сельского жителя Сибири, исповедующего до сих пор, как показало наше исследование, идеалы традиционной крестьянской земледельческой культуры.

Одним из таких путей является твердое категоричное противостояние сложившемуся общественному мнению. Оно проявляется в абсолютном превалировании аргументов своей стороны и полном игнорировании, тотальном замалчивании аргументов коллективного оппонента, как в случае со злободневной для нефтяной тематики экологической проблемой или агрессивным навязыванием урбанистских индустриально-цивилизационных социальных установок.

Но намного более изощренным в тактико-коммуникативном и семантическом отношении, а потому наиболее эффективным путем воздействия на социальное сознание читателя является манипулятивный путь последовательной трансформации коренных ценностей крестьянской культуры с опорой на аксиологическую структуру этих ценностей. Так, при внедрении «нефтяных» идеалов в ассоциативно-смысловое развертывание текстов районной газеты происходят напоминающие мимикрию процессы преобразований в семантической матрице фундаментальных культурных констант, таких как концепт *труд* или концепт *богатство*.

Исследование показало, что «мутируют» за счет подмены исконных семантических признаков подобными, но принципиально иными, базисные кластеры концепта *труд*: утилитарно-практический кластер, ранее аккумулирующий аксиологию трудности и интенсивности усилий, замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости; духовно-нравственный кластер, раннее фокусирующий императив этического долга, замещается аксиологией моды, популярности, элитарности, социального престижа.

Некоторые из таких «попыток мимикрии» в дискурсе малой прессы оказываются не вполне удачными в коммуникативном и стилистическом отношении далеко не случайно. Вследствие чуждости и неестественности для деревенского мировидения промышленной механизированной нефтяной сферы антропоморфный код интерпретации оказывается неорганичным для нефтяной тематики. Абстрактность и недоступность для понимания рядовым сельским жителем специфики организации труда в нефтяной отрасли и, главное, неконкретность и «виртуальность» эмпирических результатов этого

труда, требующего в то же время от работающего специальных знаний интеллектуального характера и высокого уровня образованности, с одной стороны, заставляют журналистов писать абстрактным наукообразным «заштампованным» языком, с другой – делают нефтяную проблематику «трудноусваиваемой», определенным образом внеположенной этическим нормам традиционной сельской культуры, а потому чуждой, вызывающей недоверие и настороженность.

Таким образом, в основе движущей силы миромоделирующего потенциала медиаконцепта *нефть* в районной прессе нефтедобывающего региона лежат несколько иные стимулы, нежели в прессе центральной и даже городской. В субдискурсе массмедийного мейнстрима рост концептуального напряжения обуславливается собственно интрадискурсивной конфликтностью, наличием полярных разновалентных оценок нефтяного фактора в самих медиатекстах, представляющих весь спектр общественного мнения. В по преимуществу аксиологически одноцветном субдискурсе районной газеты мы наблюдаем конфликтность иного рода, проявляющуюся в имплицитной оппозиции традиционных консервативных крестьянских ценностей и навязываемых нефтью цивилизационных урбанистских установок.

Несколько иное решение получает концепт *нефть* в медиасфере и коллективном сознании жителей г. Стрежевого – нефтяного моногорода на севере Томской области. Проведенные эксперименты (стилистический эксперимент на основе трансформации исходного медиатекста и лингвистический эксперимент с использованием модифицированной методики семантического дифференциала Ч. Осгуда) подтвердили гипотезу о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном, гипертрофированно позитивном, смещенном – аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стржевчан. Однако проведенный опрос выявил и признаки нравственно-этической фрустрации по поводу нефти, а именно – категорическое признание собственной тотальной зависимости от нефти, обреченности на нефть и практически полный отказ оценивать нефть в категориях этики, эстетики и чувственного восприятия, что говорит о безусловном признании утилитарной и социально-экономической ценности нефти при далеко неочевидной ее значимости в человеческой духовности и культуре.

Глава 5. Концепт *нефть* в русском поэтическом дискурсе

В данной главе с целью проследить формирование концепта *нефть* как художественной универсалии, находящейся в настоящее время в стадии «претворения» в константу современной культуры, рассматривается его воплощение в русском поэтическом дискурсе от первых включений анализируемого образа в лексическую структуру лирического текста до произведений 2010-х гг. Прослеживается динамика насыщения семантической матрицы концепта философскими, социокультурными, эстетическими смысловыми модуляциями и аксиологическими обертонами.

5.1. К истокам «нефтяного» контекста русской поэзии

Погружаясь в историко-литературный контекст эстетизации и инкультурации образа нефти в русской литературе XIX – XX вв. («домедийного», до 1990-х гг., периода), следует обратиться к немногочисленным, но, тем не менее, значимым фактам претворения лексемы *нефть* и ее дериватов в самовитое, в понимании В.В. Хлебникова и В.П. Григорьева [Григорьев, 1994], слово.

Действительно, если мы обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>) и созданного на его основе Нового частотного словаря русской лексики [Ляшевская, Шаров, 2009], то увидим, что лексем *нефть* и *нефтяной* нет ни в частотном словаре художественной литературы, ни в частотном словаре живой устной речи (в список включены 5000 самых частотных лемм этих подкорпусов), что означает их низкую частотность в текстах данных стилей. Напротив, вполне репрезентативное представительство данных лексем наблюдается в текстах публицистических. Так, ipm (instances per million words) – число употреблений на миллион слов корпуса – лексемы *нефть* в публицистике составляет 101,9; лексемы *нефтяной* – 62,1, следовательно, их совокупный ipm – 164, 0. Для сравнения: совокупный ipm лексем *богатый* и *богатство* составляет 155,8; совокупный ipm лексем *православный* и *православие* – 125,4.

Общий частотный список лемм словаря свидетельствует, что из 20 004 позиций, последние из которых демонстрируют ipm ниже 3,0, *нефть* занимает 1935, а *нефтяной* – 3264 места с ipm 62,3 и 33,6 соответственно. Все это говорит о наличии данных слов в активной зоне лексического тезауруса современника. Кроме того, частотный список лемм Нового частотного словаря русской лексики (словарь основан на выборке текстов Национального корпуса русского языка,

представляющей современный русский язык периода 1950 – 2007 гг., объем выборки составляет около 100 млн словоупотреблений) позволяет проследить динамику того или иного словоупотребления в художественной литературе и публицистике 1950 – 1960-х, 1970 – 1980-х и 1990 – 2000-х гг. Если в художественной литературе интересующие нас лексемы имеют довольно низкий совокупный *ipm*, слегка возрастающий к периоду 1990 – 2000-х, то в публицистике мы видим резкое – более чем в 3 раза! – возрастание частотности от 1970 – 1980-х к 1990 – 2000-м (см. рис. 4). Это более чем убедительное доказательство нашей теории о медийной природе концепта *нефть*, получившего столь бурное, взрывоподобное развитие именно с началом формирования информационного общества в 1990-е.

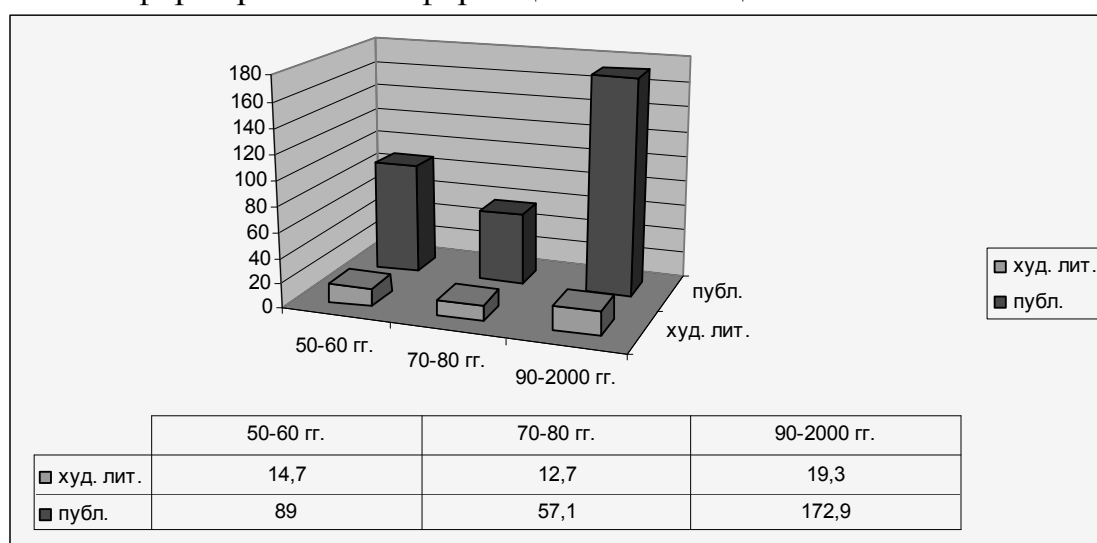

Рис. 4. Динамика частотности лексем *нефть* и *нефтяной* в художественной литературе и публицистике 1950-х – 2000-х гг.

Кроме того, приведенные объективные данные достоверно свидетельствуют еще о нескольких требующих объяснения фактах. Во-первых, о том, что интересующие нас единицы не вошли в частотный словарь художественной литературы, но все же наличествовали в текстах эстетической природы. Во-вторых, о том, что в более ранний и более наглядно – по сравнению со временем застоя 70-х – 80-х – воплощающий идеологические и культурные догматы советской эпохи период 50 – 60-х гг. *нефтяная* тематика также обладала определенной актуальностью. Думается, основная причина тому – «завязанная» в том числе и на нефти советская неомифология индустриального покорения природы новым человеком труда. Постараемся объективно рассмотреть эти факты, опираясь на богатейшие ресурсы Национального корпуса русского языка, охватывающего период от середины XVIII до начала XXI вв.

Поиск в Поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка дает весьма интересные результаты поэтического словоупотребления лексем *нефть* и *нефтяной* в русской литературе XIX – XX вв. Первые включения анализируемого образа в лексическую структуру лирического произведения наблюдаются в творчестве двух второстепенных поэтов-романтиков пушкинской поры В.Н. Олина и А.И. Подолинского. Оба художника используют представление о горючести нефти: *О, каждая слеза твоя, / Как капля нефти воспаленной <...> / Мне в сердце падала и сердце страшно жгла!* (В.Н. Олин, «Слезы», 1827); *И кровь ее, как нефти жаркий ключ, / Огнем из ран пылающих струится* (А.И. Подолинский, «Смерть Пери», 1834 – 1836). Удивительное смысловое и даже структурное (в обоих случаях использованы сравнения с союзом *как*) сходство приведенных строк двух авторов-современников сигнализирует об общности их видения интересующей нас экспрессемы, т.е. слова в его особой поэтически-выразительной функции [см.: Григорьев, 1979; 1994; 2006]. Объединяет контексты не только их насыщенность семантикой горения и жара (*воспаленной, жгла, жаркий, огнем, пылающих*), но и неслучайность выбора не метафорической, а сравнительной тропеической модели.

О существенной онтологической разнице метафоры и сравнения, противоречащей расхожему мнению о том, что метафора – это свернутое сравнение, наиболее, на наш взгляд, удачно выразился один из авторов изданной в 1925 г. «Литературной энциклопедии»: «Не всякое сравнение может быть синтаксически сжато в метафору. <...> В сравнении, кроме того, существенна именно раздельность сопоставляемых предметов, которая внешне выражается частицей *как* и т.п.; между сравниваемыми предметами ощущается расстояние, которое в метафоре преодолевается. Метафора как бы демонстрирует тождество, сравнение – раздельность. Поэтому образ, привлекаемый для сравнения, легко разворачивается в совершенно самостоятельную картину, связанную часто только в одном каком-нибудь признаке с тем предметом, который вызвал сравнение» [Петровский, 1925]. В наших примерах в качестве данного признака выступают способность жидкостей, коими являются объекты и средство сравнения – слезы, кровь и нефть, к каплеобразованию и фонтанированию.

По меткому выражению Е.В. Тряпицыной, «если метафора референтно отнесена к сущностным признакам обозначаемого, то сравнение, как правило, изображает свойства денотата вспомогательного средства» [Тряпицына, 2000]. Эстетически востребуемое поэтами объективно присущее нефти качество горючести эмпирически не свойственно жидкообразным субстанциям

крови и слез, что не позволяет скооперировать их и нефть в метафорическом тождестве, но стимулирует дальнейшее независимое развитие темы горения в метафорических и компаративных структурах: *слеза <...> сердце жгла; кровь <...> огнем из ран пылающих струится*. Как видим, создаваемые поэтами образы горящих духовным огнем символических физиологических жидкостей вполне состоялись бы и без сравнения их с нефтью в прямом денотативном значении этого слова, сравнения, которое в данном случае выступает лишь в роли дополнительного вспомогательно-усилительного средства и является весьма слабой экспрессемой.

Насыщение образа нефти полноценными образно-символическими смыслами и эстетическими коннотациями происходит много позже, когда сначала во второй половине XIX в. – промышленная, а затем в начале XX в. – социально-политическая революции ознаменовали переход от аграрного общества к индустриальному и от буржуазного – к социалистическому.

Во второй половине XIX – начале XX столетия образ нефти прозвучал в поэзии К.К. Случевского (1837 – 1904) – русского литератора, также не считающегося поэтом первого эшелона. Однако именно Случевскому удалось наметить две важные смысловые вехи, по которым будет развиваться нефтяная тема далее – в поэзии Серебряного века и советского времени.

В стихотворении «На Волге» (1881) автор воспеваает Волгу как *одно из великих чудодействий* Родины, объединяющее в своем долгом течении бесконечное ландшафтное, этнокультурное и религиозное разнообразие России: *северные болота и страны жгучие засухи и зноя; дебри муромские и скиты раскола; святые монастыри и капища, хурулы другого Бога; кочевья калмыков и блуждающих киргизов*. И далее поэт подчеркивает резкий контраст первобытной культуры кочевых народов, населяющих степи Поволжья, и воплощенной в образе парохода культуры индустриального прогресса:

*Для полноты и резкости сравненья
С младенчеством культуры бытовой, –
Стучат машины высшего давленья
На пароходах с топкой нефтяной.*

Как видим, в одном из первых опытов поэтического словоупотребления лексемы с корнем *нефт-* возникает ассоциативная соотнесенность *нефти* и *машин* как нераздельных эмблем технических достижений человечества. Перед нами также, возможно, первый опыт восхваления нефти как двигателя (в прямом – *на*

пароходах с топкой нефтяной – и переносном смысле) индустриального прогресса.

Наследуя традиции русской патриотической оды (оды Ломоносова, Петрова, Державина и других поэтов XVIII в.) [Квятковский, 1966], в исполненных торжественной лиричности размышлениях о судьбах Родины Случевский мастерски реализует «основной пафос эпидейктической речи – призыв объединить аудиторию, добиться у слушателей понимания высокого назначения анализируемого момента, осознания общей задачи и объединяющей высокой идеи» [Шаталова, 2008, с. 144].

Поскольку в основе авторского замысла лежит глубоко патриотичная максима бесконечного культурного, этнического, географического, религиозного разнообразия и многообразия обликов России при их нерушимом и целесообразном единстве (*Какая пестрота и смесь сопоставлений?! / И та же все единая страна... / Где всем им цель? Дана ли им она? / Дана, конечно!*), поэт многократно подчеркивает и актуализирует избранный им принцип словесного структурирования текста – принцип контрастного сопоставления.

В интересующую нас строфу автор с целью обеспечения полного взаимопонимания с читателем даже включает метатекстовый поясняющий комментарий: *Для полноты и резкости сравнения*. Кроме подкрепляющей контрастную оппозиционность контекстуальной антонимии (*младенчеством культуры бытовой – машины высшего давления*), отметим, что противопоставляются, с одной стороны, примитивная культура быта кочевых народов, по выражению автора – *младенческая*, т.е. маленькая, беззащитная, несмышленная, неразвитая, а с другой стороны – атрибуты машинизированной прогрессивной цивилизации, которые наделены признаками регулярности, стабильности и четкости отлаженного механизма (*стучат машины*), надежности, бесконечных возможностей (*высшего давления*) и технического совершенства (*на пароходах с топкой нефтяной*).

Думается, что намеренно, именно в эпидейктических целях, используется поэтом терминологическая и профессиональная лексика высоких технологий того времени: названия элемента парового котла (*топка*), самого эффективного на тот момент топлива для него (*нефтяная*), физического принципа его работы (*давление*). Да и само слово *пароход* было в ту пору лексической новацией, введенной в литературный оборот блистательным журналистом, филологом, переводчиком Н.И. Гречем и впервые зафиксированной в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (см. занимательные подробности об истории данного слова в записи радиопередачи «Учимся говорить по-русски», состоявшейся на радиостанции «Эхо

Москвы» 5 декабря 2002 г. URL: <http://www.fonetix.ru/radio.php>). Таким образом, мы наблюдаем в анализируемом стихотворении не только наследие классической патриотической русской оды, но и предтечу оды постреволюционной – социально-урбанистической, индустриальной [Квятковский, 1966], в которой, как мы увидим далее, образ нефти приобретет яркие символические приращения.

Интересно, что в написанном двадцать лет спустя после произведения «На Волге» стихотворении «Лезгин» (1901) Случевский уже далеко не столь категоричен в оптимистической оценке преимуществ технократической цивилизации и явно критичен по поводу имперской, захватнической по отношению к малым народам, политики. Данное стихотворение – зарисовка ностальгических воспоминаний старика-лезгина о свободном Кавказе и о борьбе кавказских народов за независимость. Лезгин, теперь, после покорения Кавказа, служащий денщиком у русского генерала, *Забыл, что больше нет Кавказа, / Нет тех времен, нет тех людей! / Явились в жизнь ключи Боржома; / Есть нефть, но нет жрецов огней!*

Все стихотворение и приведенные строки исполнены пафоса искреннего осуждения экспансионистской политики империи по отношению к материальным и культурным богатствам покоренной территории. Экспрессивное усиление семантики негодования и возмущения осуществляется посредством нагнетения негативной модальности в четырехкратном повторе *нет* в предикативной позиции, образующем своеобразный синтаксический параллелизм.

Т.Н. Волынец, на материале поэзии Серебряного века рассматривая поэтику слов категории состояния и относя к этой части речи лексему *нет* в роли сказуемого, говорит о неслучайности обращения к ней авторов: «слова *нет* и *надо* (*не надо*) являются исключительно экономным грамматическим средством – языковой единицей, способной организовывать предикативный центр без изменения своей формы, что весьма существенно для поэтической речи, стремящейся к краткости формы и объемности содержания». Исследователь выделяет две основные функции лексемы *нет* в поэтическом тексте: она «используется в основном для выражения отрицательной экзистенциальности, реже – для отрицания необходимости или невозможности выполнения действия, однако и в первом и во втором случае в каждой индивидуально-авторской системе вокруг данной лексемы формируется своя смысловая парадигма» [Волынец, 2005, с. 214].

Думается, в нашем случае мы наблюдаем также частотный в поэтической речи прием употребления слова *нет* в функции аннигилированной экзистенциальности, когда подчеркивается не

просто отрицание / отсутствие субъекта, а его исчезновение, уничтожение, аннулирование. Реализуется данная функция, во-первых, посредством дейктических ретроспективных указателей (*больше нет Кавказа; нет тех времен, нет тех людей*), во-вторых, за счет контрастного соположения в рамках противительной синтаксической структуры маркеров положительной и отрицательной бытийности при их аксиологической энантиосемии: положительно оценивается то, чего уже нет, а отрицательно – то, что пришло ему на смену (*явились <...>; есть <...>, но нет <...>*). В данной конструкции *нефть* Кавказа, наряду с *ключами Боржома* (во второй половине XIX в. этот грузинский курорт становится излюбленным местом отдыха императорской семьи), выступает не только символом несправедливой колониальной политики, но и знаком насильственного уничтожения наступающей бездуховной технократической цивилизацией исконных отприродных культурно-религиозных ценностей и традиций (*Есть нефть, но нет жрецов огня!*).

Обе намеченные Случевским линии смыслового развертывания нефтяной темы в русском поэтическом дискурсе – одическая и драматическая – нашли свое нетривиальное решение в творчестве художников Серебряного века и постреволюционной эпохи. Интересно, что образ нефти весьма гармонично вписался в ассоциативную структуру т.н. индустриальных гимнов, которые в послереволюционные десятилетия создавали поэты, наследующие различным эстетическим концепциям: акмеизму, символизму, футуризму и др.

Глобальный социально-исторический революционный катаклизм максимально стимулирует перемещение «онтологических основ культуры в плоскость социальных исканий и претензий» [Попов, 2003, с. 173]. То, что в культуре Серебряного века (1910-х гг.) «кликушеские вопли и пророчества Конца сливаются с восторженными гимнами приближающемуся небывалому Началу», с приходом революционного техницизма и механицизма породило некий нравственно-эстетический парадокс: неприятие «научно-технического прогресса, активно вытеснявшего религию и любую традиционно понимаемую духовность из человеческого сознания» [Бычков, 2007, с. 47] резко сменяется искренней верой в одухотворенность техники и «питающей» ее горючей жидкости.

Семантическая сфера пищи, еды «оказывается вместилищем самых разных моделей переноса значения, что подтверждает универсальность пищевого кода как внутриязыковой коммуникативной стратегии самого широкого охвата» [Загидуллина, 2009]. Так, акмеисты левого крыла М.А. Зенкевич и В.И. Нарбут (см.:

[Лекманов, 2006]) используют пищевой код, перенося «главный естественный канал связи человека и природы» [Там же] – отношения *еда – живой организм* на корреляцию *топливо – машина*.

М.А. Зенкевич в стихотворении 1917 г. «Голод дредноутов» (дредноутом «до 30-х гг. называли линкор – крупный боевой бронированный корабль» [Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2001, с. 302]) персонифицирует плоды технического развития военно-промышленного комплекса той поры, наделяя их зооморфными витальными свойствами «испытывать голод» и «утолять его»:

*В паровые котлы и турбины втяни,
Зеркальность палубы блестками пачкая,
Черную жвачку – каменный уголь,
Золотую патоку радужной нефти!*

Два взаимодействующих метафорических модуля – физиолого-гастрономический, связанный с названиями пищевых продуктов и процесса их употребления (*втяни жвачку, патоку*), и визуально-колористический, мотивированный цветовой атрибутикой углеводородного топлива (*черный уголь; золотая радужная нефть*), накладываясь друг на друга, высвечивают эмоциональные характеристики т.н. животной радости, свойственной ситуации утоления сильного голода.

Паровые котлы и турбины метафорически претворяются в органы пищеварения – аналоги желудка, вместителища пищи. *Палуба* олицетворяет морду, испачканную в процессе неумеренного, инстинктивно-первобытного, дикого и необузданного поглощения еды-горючего: *Зеркальность палубы блестками пачкая*.

О зооморфных семантических аллюзиях ярко свидетельствуют анималистические и энтомологические пищевые номинации *жвачка* и *патока*. В начале XX столетия значение слова *жвачка* было связано исключительно с особенностями пищевого поведения жвачных животных: даже в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова еще нет упоминания о жевательной резинке [Толковый словарь русского языка, 1935 – 1940]. Лексема *патока*, как свидетельствует словарь В. Даля [Даль, 2004], до ее освоения в узусе в значении продукта, изготавливаемого человеком (сахарная патока), означала «медовую слезу или самотек, мед нетопленный, чистый, сам стекающий с сотов».

Именно ассоциативная соотнесенность с образом меда – в контексте символики этого образа в поэтическом творчестве вообще (см., например, басню А.П. Сумарокова «Жуки и пчелы», 1752) и лирике Серебряного века в частности – делает парадоксальным, если

не по-футуристски оппозиционно-нигилистическим, скандальное соположение в перечислительной конструкции *патоки* и *жвачки*.

В.Н. Топоров отмечает, что еще «в античной традиции складывается образ <...> поэзии-меда (у Платона, Горация и т.д.)», приводя в пример его вариацию у О. Мандельштама: «чтобы, как пчелы, лирники слепые нам подарили ионийский мед» [Топоров, 1980, с. 328]. Мед – одна из любимых Мандельштамом поэтических субстанций, символизирующая «солнечную сладость бытия... и неостановимость жизни» [История русской литературы XX века (20 – 90-е годы), 1998].

Интересно, что в том же столь знаковом для истории России 1917 г., когда М.А. Зенкевич пишет «Голод дредноутов», О.Э. Мандельштам создает «Золотистого меда струя из бутылки текла», а К.Д. Бальмонт – книгу «Сонеты Солнца, Меда и Луны», сквозные мотивы которой – «творческая живительность природы <...> и неиссякаемая притягательная власть «меда» поэзии» [Молчанова, 2008, с. 233].

Таким образом, за счет традиционного возвышающего «медового» контекста в стихотворении Зенкевича происходит поэтизация и возвеличивание звероподобного технического гиганта, представляемого неким сильным, агрессивным, жадно насыщающимся жвачным животным, которое, тем не менее, потребляет, наряду со *жвачкой*, и *патоку* – *золотую* и *радужную* (колористические признаки света, радости, добра). Посредством уравнивания высокого и низкого, претворения *меда поэзии* в *патоку нефти*, происходит намеренное одухотворение машинного, категоричное утверждение новых военно-технологических революционных ценностей, когда, по словам Н. Бердяева, царствуют «одержимость, точно люди находятся во власти какой-то внечеловеческой силы, искажающей их человеческие черты», и «языческий культ силы, который вдохновляет» [Бердяев, 1910, с. 89 – 95].

Свойственные приведенному выше тексту – поэтическому властному призыву к военному суду утолить его «топливный голод» – черты суггестивного, т.н. «волевого» языка («в грамматике ему принадлежит область повелительного наклонения в глаголе» [Черепанова, 1999, с. 39]), грамматического рисунка поэзии мистерий и заклинаний (создаваемого «при помощи императивов в комбинации с обращением к участникам – людям и предметам, а также грамматикой, выражающей смысл «здесь и сейчас» [Панова, 2010, с. 228]) сменяются в стихотворении другого акмеиста левого крыла В.И. Нарбута «Железная дорога» («Пыхтело в пахах у паровоза...», 1920 – 1922) еще более экспрессивной грамматикой, а именно –

оригинальным безглагольным синтаксисом, создающим рваный синкопический ритм стиха:

*Кругом обмолот, – урожай – в амбар
Под свист из пор, под хруст и пар.
(Павлин нефтяной, он хочет быть зеленым,
Перо перегорело – пахнет паленым).
Капустные ядра, в три обхвата бревна,
Жираф-экскаватор, туши и жиры –
Как тут обмозговано, полнокровно,
Нефть, уголь и хлеб –
Утробные пиры!..*

В.И. Нарбут, создавая торжественный гимн форсированной индустриализации первых пятилеток, намеренно педалирует антитезу старого и нового, и отнюдь не только в производственно-промышленном секторе, но и в литературном, панибратски, обращением на ты, отрекаясь от предшествующей традиции: *Совсем не твоя это дорога, Некрасов, / Не твой это, Блок, кучерявый машинист!* Перед нами предстает грандиозная картина «революционного переворота и выхода на сцену нового класса, выросшего среди шума и грохота машин» [Заславский, 1927, с. 4], аллегорически представленная в виде гигантского *паровоза-большевика*, покоряющего за районом район безграничные просторы Родины (*И горы, и тундры, поля, пустыни, / Тайгу...*).

Тексту присущи яркие признаки грамматики модернистского письма: «отсутствие глаголов где только возможно, использование тире, эллиптические конструкции» [Фейлер, 1998, с. 122], ритмико-синтаксические перебивы, обилие «агрессивных» согласных (особенно *p*) и консонантных сочетаний (*кр, хр, бр, др, пр*), аритмия, неполнота, фрагментарность, обрывочность, коллажность (включение указаний на другие роды искусства, а именно – киноискусство: *Кадрированные в кино составы / Продергивает по ночам рука*). Все это формирует эффект масштабной панорамы, создаваемой символическим перемещением камеры вдоль несущегося в светлое будущее состава с разнообразной продукцией, гипертрофированно гиперболизированный размер которой (*Капустные ядра, в три обхвата бревна, / Жираф-экскаватор, туши и жиры*) воплощает смыслы созидательного обновления и процветающего изобилия. Сопровождающие динамичное движение паровой машины резкие, агрессивные звуки (*свист, хруст*) и запахи (*пар, пахнет паленым*) заставляют лирического героя захлебываться экстатическим восторгом от рациональной силы (*обмозговано*) и витальной мощи (*полнокровно*)

описываемого рационального механистического действия: *Как тут обмозговано, полнокровно...*

Нарбут намеренно поэтизирует и возвышает претворение природного в техническое: покорение природы человеком (*урожай – в амбар*), метафорическое сопряжение растительного и милитаристского (*капустные ядра*), анималистического и технического (*жираф-экскаватор*). При этом вставная конструкция (*Павлин нефтяной, он хочет быть зеленым, / Перо перегорело – пахнет паленым*) потому, на наш взгляд, и отделена от общего потока смыслового развертывания стихотворения скобками, что в ней автор позволяет себе лирическое отступление, противоречащее так открыто проповедуемой им индустриальной идеологии. *Нефтяной павлин*, наряду с *жирафом-экскаватором*, – участник созданного Нарбутом механического бестиария, состоящего из экзотических – и здесь демонстративное противопоставление новаторского и оригинального всему традиционному! – животных, является метонимическим заместителем то ли включенных в состав поезда нефтяных цистерн (*Цистерны валят свои окорока*), то ли самого паровоза, движущегося за счет сгорания нефти.

Последнее кажется нам более вероятным по причине довольно стойкой в русской литературе и всегда связанной с размышлениями о путях развития страны соотнесенности образов движущегося транспорта и птицы (ср. *птица-тройка* у Гоголя; см. также: [Павлович, 1999, т. 1, с. 145; Ковалева, 2009, с. 14]). Символизирующая величественную силу и диковинную красоту экзотическая птица нефтяной окраски *хочет быть зеленой*, т.е. естественной частью первозданной природы. Однако преобразующая энергия нового человека несет ей неминуемую участь сгорания: перья нефтяной птицы перегорают, издавая характерный запах паленого.

В анализируемом произведении происходит поликодовая персонификация железнодорожной техники посредством наслоения разнообразных моделей «оживления». Так, «мифологическая персонификация поезда, выливающаяся в нетипичное сочетание *отец-паровоз*» [Ковалева, 2009, с. 15 – 16], а также использование «зооморфного гештальта» [Там же] (*цистерны валят свои окорока; туши и жиры*) базируются на многократном обыгрывании телесной метафоры. Актуализируется примитивный физиологический, органосоматический код, превращающей бездушный механизм в живое существо: у *цистерн* появляются *окорока*, *паровоз* издает *свист из пор*, а *вагоны* устраивают *утробные пиры*, главными яствами которых становятся *нефть, уголь и хлеб*.

Что касается лексемы *пир*, то в контексте общей торжественно-пафосной тональности стихотворения ее актуальное значение прочитывается традиционно: это «символ устойчивости миропорядка, благополучия, всеобщей гармонии, <...> праздника жизни, расцвета жизненных сил» [Созина, 2002, с. 121 – 122]. Нетрадиционным же для поэтического «пиршественного меню» представляется включение в него, видимо, в порядке убывающей значимости, с одной стороны, актуальных для индустриально-экономического антуража эпохи сырьевых номинаций – нефти и угля (об образе угля как культурном прототипе медиаконцепта *нефть* см. параграф 2.3.), а с другой стороны, такого «ключевого знака лингвокультуры, характеризующегося высоким прагматическим потенциалом, положительной символическостью», как *хлеб* [Савельева, 2006, с. 11].

О хлебе «как прототипическом образе семантической изотопии *еда*» [Филиппова, 2004] написано немало работ, авторы которых [Зинковская, 2006; Гачма, 2008] единодушны в мнении, что «макроконцепт *хлеб* несет в себе не только и не столько смысл естественного жизнеобеспечения, но и целый спектр значений духовного образа жизни русского народа» [Синячкин, 2002, с. 5], «символизируя главные аспекты духовности, божественного, человеческой судьбы и Жизни в целом» [Савельева, 2006, с. 11].

Здесь уместно вспомнить интерпретируемую несколькими страницами выше строку М.А. Зенкевича: *Золотую потоку радужной нефти!* Удивительное созвучие глубинных смысловых соотношенностей в «нефтяных» контекстах двух поэтов, которые, к слову, были связаны узами дружбы, не кажется нам случайным: *золотая потоки* и *хлеб* в качестве символов высокой духовности все-таки понадобились стихотворцам, декларирующим ниспровержение старого и утверждение нового, для облагораживания того животного и низменного, что прочно соотносится с *жвачкой* и *утробой*, с чернотой и физиологической нечистотой *угля* и *нефти*. Так, пожалуй, впервые в русской поэзии проявляется столь значимый для современной семантической развертки концепта мотива оправдания нефти, априори воспринимающейся до брезгливости настороженно и негативно.

С другой стороны, символическая эмансипация сырьевых ресурсов, уравнивание их в правах с хлебом, который представляет собой «не только продукт, но и вообще то, что нас подпитывает, поддерживая нашу жизнь» [Щеболева, 2008, с. 22], в «механистически-нефтяном» контексте постреволюционной поры построена на демонстративной физиологичности. Физиологичности возвеличиваемой, воспеваемой в качестве более важной, нежели духовность и ментальность, составляющей житнетворения.

Главным органом, метафорически приписываемым механизмам, оказывается *живот* (прозрачность этимологии здесь очевидно провоцирует идею примата «желудочно-кишечной» детерминанты бытия) или *утроба* – просторечно-сниженное наименование того же живота.

Н.В. Павлович в «Словаре поэтических образов» называет сцепку *паровоз-живот* устойчивой поэтической парадигмой, приводя в качестве примера строки В.И. Нарбута (*Пыхтело в пахах у паровоза, / Переливалось, булькало в животе, / Пока, задыхаясь от невроза, / Налетом глицериновым он потел*) и В.Г. Шершеневича (*Ты бульбулькал нефтью в животе стальном [о паровозе]*) [Павлович, 1999, т. 1, с. 720]. Метафорическое представление таинственных внутренностей механизма урчащей утробой (*утробные пиры, булькало в животе, бубулькал нефтью в животе*), видимо, – место встречи мифологизированных представлений о первобытном, бессознательном или досознательном существовании бездушных гигантов – либо звероподобных, либо машиноподобных, либо звероподобных машин.

Так, пилотный интернет-эксперимент на определение в поисковой системе Google коллокации *урчащая утроба* дает следующие результаты: *он вылетел, словно его выплюнула урчащая утроба огромного зверя; еще пара монет упала в урчащую утробу автомата; из урчащей утробы бронетранспортера; урчащая ненасытная утроба зверя; отрывает огромные куски кенгурятины и засовывает в ненасытно урчащую утробу; Станки ... урчат утробой, полной масла* (отметим, что эти результаты не выборочные, они представляют совершенно разные тексты и следуют один за другим в том порядке, в котором здесь представлены). Как видим, урчащей утробой наделяются звери, автоматы, бронетранспортеры, станки, носители утроб огромны и агрессивно ненасытны.

Преклонение перед первобытной неочеловеченной агрессивной силой и бездушной механистичностью, гигантомания, безапелляционный урбанизм наиболее концентрированно предстают в стихотворении В. Брюсова 1920 г. «Дворец центромашин» (*Из тьмы, из бездн иных столетий, / Встает, как некий исполин, / Величествен в недвижном свете, / Центродворец мотомашин*), в котором поэт сакрализирует уголь и нефть как физиологические субстанции, обеспечивающие жизнь механизмов, отождествляемых с мифологическими гигантами (*циклопами, драконами*): *Огромной грудой угля сытый, / Дракон бескрылый, не устань! <...> Чтoб дружно лязгали машины, / Пот нефтяной струя в труде!* Увлеченный футуристическими идеями, Брюсов «планирует создание «дворца центромашин», дающих энергию планетарного и космического

значения», но в то же время прославляет «машины, рядом с которыми человек выглядел тоже исправно действующим механизмом» [Урбан, 1989]. Поэтическое взаимоотождествление животного, человека и техники в постреволюционной поэзии достигает кульминации в описании квазифизиологических проявлений: поезда и другие машины едят, переваривают уголь и нефть, потеют глицерином и нефтью.

Образ нефти выступает в качестве одной из доминантных примет свойственного русскому футуризму «технического утопизма», который «предполагал финальный и непротиворечивый синтез человека и машины, а соответственно и возникновение новой мифологии»; в результате нефть стала неотъемлемым атрибутом «оптимистической мифологии техники, агрессивного движения», тогда как «мир техники воспринимался многими творческими людьми как враждебная сила, подавляющая и деформирующая органическую основу жизни» [Мировая художественная культура. XX век. Литература, 2008, с. 284 – 287]. «Характерное для футуризма преклонение перед действием, движением, скоростью, силой и агрессией привело к утверждению приоритета силы, упоения войной, разрушением и насилием» [Там же], что ярко проявляется в нефтяном контексте поэзии и футуристов, и нефутуристов, поскольку, что немаловажно, сам образ нефти регулярно коррелирует с семантикой войны и агрессии, иногда, видимо, не вполне осознанно, приобретая, по крайней мере для современного читателя, характер пророчества.

В. Берестов в воспоминаниях описывает, как в конце послевоенных 1940-х на вечере в Московском университете Б. Пастернак читал последние строфы стихов 1916 г. «На пароходе» (вспомним традиционную символику парохода и паровоза – вместилищ и пожирателей нефти):

*И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компани
И городские фонари.*

«Но как резко выделил он метафоры: «кровавую баню» и зарю, разлившуюся, как нефть. Метафоры, передававшие, в сущности, лишь краски камского рассвета, вспоминаются мне теперь как символы самых страшных опасностей для человечества: кровавая баня войны и нефть, разлившаяся на всю реку, – экологическая катастрофа... Тогда я об этом не думал. Но почему поэт остановил наше внимание на этих образах? Почему с такой силой прочел именно эти давние стихи? И, желая напророчить радость, всем существом, как малый ребенок,

стремясь к ней, он этим чтением как бы пророчил новые беды» [Берестов, 1998].

И действительно, так склонный к экспрессионистической поэтике и интуитивной интроспекции Пастернак вполне мог и в 1916 г. уловить своим предчувствием гения таящийся в нефти знак войны, крови и смерти. Подобные ассоциативные сопряжения находим в «Стихах о пароходе» А.П. Ладинского, «одного из лучших поэтов русского Парижа» [Коростелев, 2008]: *Как новый Карфаген из гроба, / Дрожит на нефтяной воде / Гудзона башня небоскреба.*

В первой половине 1930-х гг. смысловая сцепка *нефть – кровь – война* уже вербализируется эксплицитно как символ социальной катастрофы, правда катастрофа эта по идеологическим причинам приписывается исключительно буржуазному миропорядку: *Боливия и Парагвай... Нефтяная / Война: ожиревшая дочерна кровь* (В.И. Нарбут «Такая у цикады наружность...»); *На берегу / у Тома жена. / Волоса густые, как нефть...* (В.В. Маяковский «Сифилис») (ср.: «Весной 1926 года Маяковский, рассказывая о своих творческих планах, писал: «Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас; такова поэма «Сифилис»... Это стих о занятиях прогнивших хозяев в завоеванных долларом колониях...» [Кожин, 1957]). Однако, как показали прошедшие десятилетия, единство нефти, крови и войны исключительно прочно и стабильно. Замечательная поэтесса Инна Лиснянская в стихотворении «А как он был любим» так опишет в 1991 г. армянские погромы в ее родном Баку: *Теперь там – Боже мой! – / Теперь там – Боже правый! След нефти за кормой, / А на песке – кровавый.*

Социально-историческое прочтение темы нефти в советской поэзии также весьма органично тематике революционной (см. об этом также в следующем параграфе), с одной стороны, по причине свойства горючести нефти и неразрывности топосов огня и революции: *И как нефть под песками, / накапливает желанье / встать под красное знамя / мирового восстанья* (С.М. Городецкий; цит. по: [Павлович, 1999, т. 1, с. 575]), с другой стороны – вследствие переживания революции как личной и общественной трагедии: *На дне летнего дня – / Нева, и нефти пятном / Расплывшаяся солдатня* (Б.Л. Пастернак «К Октябрьской годовщине»).

И все же ведущей тенденцией введения образа нефти в контекст русской поэзии остается технический утопизм, технолatria – поклонение технике, обожествление ее. В написанной в 1922 г. статье «Левое искусство и его социальный смысл» критик Абрам Лежнев выступает против воспеваемого тогда «процесса упрощения и механизации», «культы машины и внутренней упрощенности»:

«Вопрос в том, что мы приемлем в этой современности, какое начало, какую тенденцию. Ту ли, что стремится механизировать рабочего, довести его до степени придатка к машине, или ту, которая хочет подчинить машину, овладеть ею, сделать ее не господином, а слугой рабочего?» [Лежнев, 1987].

Думается, обе тенденции ярко проявились в нефтяном контексте русской поэзии первой половины XX в., поскольку, по сути, были двумя сторонами одной медали, а именно индустриального мифа, сакрализировавшего «механистический оптимизм и культ конвейера», «пафос преобразования природы» и «дикарский восторг перед машиной» [Карабчиевский, 2008]. По словам Ю. Карабчиевского, «обожествление техники и урбанизма, культ технократического будущего сочетались в футуризме с идеалом героя-сверхчеловека, вторгающегося в мир и расшатывающего «одряхлевшие» эстетические и нравственные условности» [Там же]. Сказанное Карабчиевским значимо отнюдь не только по отношению к Маяковскому и футуризму, но и по отношению к «глубинной онтологии современной техники», которая, «совершая насилие над природой», «ведет к бездушной рациональности» и «состоит в попытке «самообожествления» человека» [Даренский, 2010, с. 157].

Таким образом, русский поэтический дискурс XIX – первых десятилетий XX вв. контурно обозначил основные векторы ассоциативно-смыслового развертывания образа нефти в отечественной литературе, векторы, получившие полноценное вербально-семантическое и художественно-образное наполнение в Бакинском тексте русской поэзии.

5.2. Бакинский текст русской литературы в фокусе концепта *нефть*

В истории русской литературы есть пример поистине уникальной социокультурной и лингвокультурной ситуации, в которой нефть стала не только причиной интенсивнейшего экономического, а следовательно, и социокультурного подъема определенной территории, но и объяснимого исключительной комбинацией сложившихся объективных и субъективных обстоятельств факта формирования совершенно своеобразного Бакинского текста русской литературы (см. тексты, анализирующиеся в данном параграфе, в Приложении 2).

Вопросы исследования «городского текста» (позже понятие «городского текста» расширилось до территориально маркированного, локального текста, например, Алтайского [Алтайский текст в русской

культуре, 2008] или Сибирского [Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве, 2010]) были поставлены в трудах представителей отечественной семиотической школы В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана и др., впервые введших в научный оборот понятие Петербургского текста [Топоров, 1995; Лотман, 1996]. «Петербургский текст предстал в их трудах гипертекстом, обладающим следующими чертами: всеобъемностью, гетерогенностью и сложноустроенностью, антиномичностью, пространственной зафиксированностью, он, вступая во взаимосвязи, должен порождать новые тексты культуры» [Деткова, 2009, с. 63 – 64].

В последнее время пристальное внимание филологов сосредоточено на феномене т.н. локального текста в историко-литературном и мифопоэтическом аспектах [Абашеев, 2000; Осипова, 2002; Анисимов, 2005] (не говоря уже о наблюдающемся буме лингвистической регионалистики как ответе на вопрос об основах культурной идентичности – см., например, [Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы, 2011]). Активно исследуются столичные и провинциальные (Вятский, Пермский, Шадринский и мн. др.) тексты как «определенная осмысленная топонимическая данность» [Осипова, 2002].

Еще более культурно специфичный феномен представляет собой текст русского фронта – территорий российского порубежья, когда-то входивших в состав Российской империи и Советского Союза и ставших «зонами интенсивных культурных контактов» [Якушенков, Якушенкова, 2010, с. 109]. Фронтирная концепция, заимствованная у американских исследователей, приобретает в отечественной науке статус междисциплинарного подхода [Замятина, 1998; Басалаева, 2011; Щитова, 2011], однако из значимых в историко-литературном отношении сверткестов русского фронта основательную разработку получил только Крымский [Люсый, 2007; Крымский текст в русской культуре, 2008; Дайс, Сид, 2011] и начал успешно исследоваться Кавказский [Гримберг, 2000; Султанов, 2007].

Что касается Бакинского текста, то о его бесспорном феноменологическом наличии в русскоязычной литературной традиции свидетельствует выход в 2005 г. отдельного сборника стихотворений русских поэтов XIX – XX столетий, посвященных Баку, «Если ты Баку не видел...». Комментарии и небольшую вступительную статью к сборнику написал профессор Агиль Гаджиев. Исследователь отмечает: «Бакинские стихотворения русских поэтов охватывают важнейшие этапы истории Баку и могут быть сгруппированы по тематическим компонентам. Так, отдельный цикл составляют стихотворные посвящения участникам советизации

Азербайджана. Цикл этот в свое время неоднократно анализировался в нашей науке о литературе... Другую группу стихотворных посвящений составляют произведения о трудовом подвиге Баку... И, наконец, отдельный цикл составляют произведения, воспевающие сегодняшнюю явь Баку, города мощной индустрии и удивительной, своеобразной красоты» [Гаджиев, 2005]. Однако ни как феномен фронтального текста, ни в фокусе ключевых межтекстовых концептов, в ряду которых доминирует *нефть* (в указанном поэтическом сборнике, включающем около 80 поэтических текстов, частотность лексемы *нефть* и ее дериватов беспрецедентна – 122 единицы!) Бакинский текст не изучался.

Что же касается Крымского текста, то под этим явлением «понимается взаимосвязанность произведений разных авторов о Крыме, их соотнесенность с основными крымскими мифологемами или культурными кодами – иначе говоря, некий свертхтекст, постоянно возвращающийся сам к себе и исключая возможность своего окончательного завершения» [Дайс, Сид, 2011]. Факторы, стимулировавшие сфокусированность эстетических рефлексий русской литературы на культурных кодах окраины великой империи, как представляется, весьма разноприродны (В.Н. Топоров выделяет топографические, климатические, пейзажно-ландшафтные, этнографически-бытовые и материально-культурные субстратные элементы, культурно маркирующие тот или иной топос [Топоров, 1995]) и в то же время типичны для тех фронтальных локусов, которые отличаются большей, нежели иные порубежные территории, литературно-культурной значимостью.

Исследователи Крымского текста, кроме «романтического ландшафта и живой природы», подчеркивают важность стимулирующих эстетическую рецепцию дефиниций Крыма как «переплетения множества мощных историко-культурных парадигм: захолустная провинция средиземноморской Античности; одна из галактик ориентальной вселенной Золотой Орды; любимая песочница всей российской, а затем советской империи...» и «моста, почти мистического, в иные миры» [Дайс, Сид, 2011]. Однако, на наш взгляд, кроме перечисленных катализаторов «мифо- и текстопорождающих свойств привязанного к географической плоскости природно-культурного пространства» [Там же], в случае, когда это пространство колонизировано, огромную роль в его «литературном освоении» представителями метрополии играет фактор физического пребывания на данной территории писателей и поэтов. Так, немаловажным событием Серебряного века русской поэзии стало построение

Максимилианом Волошиным дома в Коктебеле – гостеприимного пристанища для людей искусства.

Трагические события пореволюционного и послереволюционного времени стали причиной географических перемещений огромного количества соотечественников, в том числе – в Закавказье. Активная культурная жизнь столиц Закавказья уже в предреволюционный период дает основание называть происходившее здесь культурным возрождением. «Двигаясь на юг, ведущие представители русского символизма, акмеизма и кубо-футуризма (такие как Сергей Городецкий, Вячеслав Иванов, Василий Каменский, Алексей Крученых, Сергей Маковский, Осип Мандельштам, Сергей Судейкин и Максимилиан Волошин) продолжали печатать свои произведения, читать доклады, выступать, рисовать, полемизировать...», – пишет известный знаток русского искусства профессор Джон Боулт (Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>).

Вяч. Иванов в 1921 – 1924 гг был профессором Бакинского университета и называл этот университет «маленьким оазисом среди академических развалин нашей родины» [Лаппо-Данилевский, 1994, с. 402], «бакинские периоды» выделяются отдельной строкой в творчестве С. Есенина, В Хлебникова, а переехавший в 1920 г. в Баку из Тбилиси С. Городецкий создает здесь объединение «Цех поэтов».

Причина интенсивной литературной жизни Баку того времени имеет по преимуществу материально-экономический характер: «портовый, нефтеносный, развитый в промышленном отношении Баку представлялся более надежным пристанищем» (Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>).

В последние десятилетия XIX в. «развитие нефтяных промыслов в его окрестностях, множество нефтяных перегонных заводов в городе, развитие пароходства на Каспии, центром которого сделался Баку, и постройка железной дороги до Черного моря изменили Баку до неузнаваемости» (См. материалы сайта-энциклопедии «Наш Баку». URL: <http://www.ourbaku.com>). Ни один город России не развивался так быстро: «Ни один населенный пункт России по темпам и своеобразию роста не мог тягаться с этим малозаметным в прошлом городком. Обладавший богатейшими нефтяными ресурсами, в разработку которых вкладывались огромные капиталы отечественных и иностранных фирм, Баку находился в то время в состоянии большого экономического подъема» [Фатуллаев, 1978, с. 7]. В данном замечании специалиста по истории архитектуры важно подчеркнуть отмеченное автором не только количественное, но и качественное (*по темпам и своеобразию роста*) преобразование города, в случае Баку

ставшее в историко-литературном смысле в пореволюционный и послереволюционный период настоящим преосуществлением.

Если следовать типологии «городов как текстов» Ю.М. Лотмана, то Баку явно относится к эксцентрическим топосам: «Говоря о городе как пространстве, Ю. М. Лотман выделяет два вида города: концентрический (находящийся в центре, город на горе, тяготеющий к замкнутости, выделению из окружения, которое воспринимается враждебным) и эксцентрические (расположенные на периферии культурного пространства, имеющие в основе противостояние природы и культуры, тяготеющие к разомкнутости, культурному диалогу) [Деткова, 2009, с. 64].

Мифопоэтический потенциал архитектуры и ландшафта – семиотическая аксиома, фигурирующая во всех без исключения работах по локальному тексту. Но что крайне интересно – именно архитектура Баку часто становится отправной точкой для размышлений о его культурном своеобразии [Фатуллаев, 1978; Дариева, 2011], в то время как (об этом уже упоминалось) Бакинский текст как литературное и лингвокультурное явление пока не описан. Так, Цыпылма Дариева, антрополог, профессор факультета гуманитарных и социальных исследований Цукубского университета (Япония) в статье «Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променад истории» отмечает, что именно в период нефтяного бума на рубеже XIX – XX вв. и начале XX в., когда «поднялись роскошные по тем временам жилые дома, появились электричество, телефон, лифты» [Джуварлы, 2001, с. 385], сносятся крепостные стены Старого города: «теперь город смотрел на Каспий с широкого и открытого бульвара». «Дух европейской урбанистической открытости» [Дариева, 2011] преобразует концентрический, ориенталистски замкнутый, закрытый тип организации городского пространства в эксцентрический, разомкнутый, мультикультурный.

Как писал в 1918 году английский журнал «Near East», «Баку – это величайший нефтяной центр мира. Если королева – нефть, то Баку – ее трон» (цит. по: [Султанов, 2004, с. 24]). Нефть становится причиной и стимулом не только экономического, но и культурного процветания, позволившего данной фронтальной территории, как Крыму, на многие годы стать местом «переплетения множества мощных историко-культурных парадигм». По словам Чингиза Гусейнова, писателя, профессора МГУ, «Баку – особый, ни на что не похожий сплав. Баку был городом нефти, питал ею всю Россию, а потом и СССР. Потому и сформировалось такое мощное, необычное явление» [Бакинский феномен, 2007].

В результате образуется уникальный фронтальный локус, в котором отмеченные разнообразными по времени возникновения, мировидческой, эстетической, этнической и религиозной направленности культурные потоки, создав неповторимое духовное и антропологическое единство, вступили в резонанс с социально-географически-экономико-политическим фактором нефти. «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [Лотман, 1996, с. 282], и, безусловно, в случае Бакинского текста таким «стыковочным» кодом, цементирующим пространство вербально выраженной эстетической рефлексии о Баку, является образ нефти.

Если в общем контексте поэзии Серебряного века нефтяная тематика, в целом периферийная в общей содержательной топике литературы данного периода, в основном служит реализации идей технолатории и технического утопизма, то в рамках Бакинского текста, в котором образ нефти обретает мощное солирующее звучание, данный концепт получает более разнообразные и глубокие семантические аранжировки в русле двух ведущих направлений интерпретации – социального и метафизического, первое из которых берет начало в материально-экономической, второе – в ландшафтно-геологической атрибуциях анализируемой реалии.

Обе эти атрибуции сквозного, пронизывающего все без исключения грани эстетической рецепции Апшеронского полуострова как нефтяного топоса четко обозначены поэтом С. Городецким, после установления в 1920 г. советской власти в Баку ставшим заведующим художественным отделом Баккавроста: «Городецкий был убежден, что Баку требует к себе внимания поэтов и художников. «Героиня топливного сердца Федерации, мрачный пафос разрушенных промыслов, медленно нарастающее торжество возрождения нефтепромышленности, хотя бы первые вышки «Ленин» и «Троцкий», построенные революционными рабочими на фоне общей разрухи, не говоря уже о пейзаже Апшерона, о таких его романтических уголках, как индусский храм огнепоклонников в Сураханах, дремлющий среди вышек и цистерн, – все это подлинная и еще никем не написанная картина и поэма», – писал он» [Горбунцов, 2003].

Если говорить о поэзии самого С. Городецкого, то «начиная с 1919 г. через все виды его творчества проходит тема нефти и нефтяников» [Там же]. В Баку он написал стихотворный цикл «Алая нефть» (о рабском труде на нефтяных промыслах), а в 1920 г. под таким же названием вышел небольшой поэтический сборник, куда

вошли стихи пролетарских поэтов Георгия Астахова, Сергея Городецкого, Михаила Запрудного, Алексея Крученых, Константина Юста. Говорящее название цикла Городецкого и коллективного сборника символизирует не только цвет крови, в прямом и в переносном смысле проливаемой рабочими в их изнурительном труде и классовой борьбе, не только цвет революции, который теперь окрашивает все вокруг, что имеет отношение к трудовым и боевым свершениям, но и цвет романтики социальных преобразований. Так, об этом красноречиво свидетельствуют заглавия стихотворений: «Красной винтовкой», «Красный галоп» (Г. Астахов); «Энергон», «Деревенская коммуна», «Красная армия», «Пролетарским поэтам», «Промысла» (С. Городецкий); «На алых крыльях», «На баррикадах», «Победим мы!» (М. Запрудный).

В двух, пожалуй, наиболее ценных с художественной точки зрения стихотворениях С. Городецкого об убогой бедности и беспросветности жизни в нефтяных районах Баку «Сабунчи» и «Зых» (данные топонимы и служат названиями произведений) поэт обличает социальную несправедливость:

*Таинственны заросли вышек,
Набухли смолой Сабунчи,
Земля извергает излишек,
Грохочет богатством в ночи.
И прямо созвездиям в очи
Хохочет, собою горда.
И тут же, в домишках, рабочий
Бледнеет от злого труда.
<...>
Когда же земное богатство
Достанется истым живым
И ветер свободы и братства
Разгонит удушливый дым?*

Вечное контекстуальное партнерство *нефть – богатство*, столь актуальное, как мы показали выше, для семантического развертывания концепта *нефть* в современном медиадискурсе, символизирует социальную несправедливость, в пролетарской парадигме преодолеваемую в праведной борьбе: *Мы скоро проснемся. И все как один!*

В творчестве С. Городецкого впервые (в пьесе «Тартальщик» и стихотворении «Зых») употребляется в художественной речи устаревший профессионализм *тартальщик*, имеющий азербайджанское происхождение (от тюрк. *tartmaq* – тащить,

вытаскивать). С.П. Кошечкин в книге «Весенней гулкой ранью...: Этюды-раздумья о Сергее Есенине» упоминает следующий диалог С. Есенина и редактора газеты «Бакинский рабочий» П.И. Чагина, с которым поэт дружил в Баку: – Знаешь, кто такой тартальщик? Есенин покачал головой. – Это тот, кто добывает нефть с помощью специальных ведер (желонки – О.О.). Нелегкое, должен сказать, дело» [Кошечкин, 1984, с. 188].

Почетным тартальщиком Грозненских Промыслов был объявлен В.И. Ленин, смерть которого подвигла одного из рабочих на создание следующих строк [В.И. Ленин в поэзии рабочих, 1925, с. 14]:

Нефть сегодня жирней и черней.

Тартальщики стиснули зубы.

Желонки кричат о разорванном дне

И плещутся нефтью грубо.

Пена бежит желтоватой каймой.

Заслонки в заржавленной пене

И видится взгляду по нефти густой

Знакомое имя: Ленин...

Данный текст, написанный непрофессиональным литератором, крайне интересен приписыванием нефти качества «революционности» (ср. с приводимыми ранее строками Городецкого: *И как нефть под песками, / накапливает желанье / встать под красное знамя / мирового восстанья*). В развернутом олицетворении нефть и вся атрибутика ее добычи «переживают» утрату вождя вместе с добытчиками, выражая накал чувств в интенсивности собственных полезных свойств (*жирней, черней, густой*), экспрессивности действий (*Желонки кричат и плещутся нефтью, пена бежит*) и состояний (*о разорванном дне, заслонки в заржавленной пене*). В искреннем порыве сопричастности нефть и инструменты нефтедобычи обретают высшее свойство человеческого выражения мысли – обретают дар речи, причем как устной (*Желонки кричат о разорванном дне*), так и письменной (*И видится взгляду по нефти густой / Знакомое имя: Ленин...*). Такая наивысшая степень поэтического антропоморфизма соседствует с революционным пантеизмом (имя вождя мистическим образом проявляется на нефтяной глади) и космогоническими иррациональными прозрениями (см. у Городецкого: *Таинственные заросли вышек; Земля... грохочет богатством в ночи; И прямо созвездиям в очи хохочет, собою горда*).

Так анималистический миф, свойственный концепции технического утопизма (нефть – пища для животного – машины), в уникальном средосплетении Бакинского текста, синтезировавшего

революционные эстетическо-философские искания, геологические мифологические рефлексии и космогонические интуиции, постепенно претворяется в творчестве мастеров поэтического слова в концепцию индустриального покорения новым человеком нефти как покорения мироздания.

Неповторимые грани данная концепция обретает в «бакинских стихах» двух вершинных поэтов пореволюционной поры – С. Есенина и В. Маяковского. У обоих стихотворцев наличествует вульгарно-материалистическое, сугубо идеологическое толкование нефти как источника экономической мощи и военной силы молодого Советского государства. Мы здесь имеем в виду «1 мая!» 1925 г. С. Есенина и «Баку» 1927 г. В. Маяковского.

П.И. Чагин вспоминает: «Одним из самых примечательных дней в бакинском периоде жизни Сергея Есенина был день 1 мая 1925 года. Первомай того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промышленных и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем – рабочие, народные гулянья... Он уже с полгода как жил в Баку. Часто выезжал на нефтепромыслы, в стихию которых, говоря его словами, мы его посвящали. Много беседовал с рабочими, которые знали и любили поэта» [Чагин, 1986, с. 162]. Впечатления от празднования поэт отразил в стихотворении, представляющем собой стилизацию под развернутый кавказский тост. Бокалы поднимаются отдельно в каждой четверостишии-тосте за *Совнарком, за рабочих, за крестьян*, но предваряет эти тосты общая установка: *Мы пили за здоровье нефти*. Кроме типичного по отношению к нефти тропеического переноса – олицетворения, в данной строке мы видим предписанный речевым этикетом обязательный компонент поздравительного тоста – пожелание здоровья. Содержание поздравительных эпидейктических высказываний «всегда связано с настоящим моментом, но при этом предполагается обсуждение предмета речи в будущем, с целью его позиционирования в социальном и нравственном опыте языковой личности. Эпидейктическая речь – «указывающая», обращенная к внеязыковой действительности, дает представление о нравственных ценностях» [Шаталова, 2009, с. 9]. Пожелание персонифицированной сырьевой субстанции здоровья, под которым подразумевается, видимо, ее количество и качество, а также доступность для добычи, не только возводит нефть в ранг высоких социальных, а главное – нравственных ценностей, но и предлагает ее в качестве залога и фундамента благополучного будущего рабочих и крестьян в обновленной Советской стране.

Средоточием военной и экономической мощи, символом мировой классовой борьбы и глобального геополитического противостояния выступает нефть в стихотворении В. Маяковского 1927 г. Первая часть произведения построена на контрасте внешне непривлекательного (с точки зрения и природного, и культурного ландшафта) пролетарского Баку (*На лужах и грязи, / берег покрывшей, / в труде копошится / Баку плоскокрыший*), единственное сомнительное достоинство которого – нефтяное изобилие (*Стой / и нефть таскай из песка – / тоска!*), и красот буржуазной картинки – *Сицилии, где сицилийки, финики, пальмы*. Однако Детердинг – английский нефтяной магнат, ведущий борьбу против советской власти, предпочитает красотам Сицилии нефтяной Баку: – *На кой они хрен мне, / финики эти?! / Нефти хочу! / Нефти!!!*

Вторая часть стихотворения посвящена ответу на вопрос: *Это что ж за такая за нефть?* Далее со свойственными поэтике Маяковского назидательно-дидактическом пафосом, иллюстративной наглядностью и доказательностью описываются преимущества нефтяного топлива в военно-морском деле: *те, / кто на нефти, / с эскадрой придут / к вражьему берегу / вдвое скорей; Уголь / чертит опасности имя... / Нефть – это значит: тих и бездымен*. Рисуется фантазмагорические картины будущих технических свершений: *танки попрут на бензине; аэрокрылья расставив врозь*. Однако постепенно от сугубо военно-технологических достоинств художник переходит к социально-политическим, обобщая: *Нефть – / это значит: / владыка нефти – / владелец морей / и держатель власти*.

Так впервые в русской поэзии утверждается тождество, под знаком которого пройдет вся новейшая история. Обрамляющие типичную для Маяковского короткую «рубленную» строфу «сильные» лексемы представляют символическое и ассоциативно-семантическое сопряжение *нефти* и *власти* через обыгрывание, в том числе с помощью паронимии (*владыка – владелец – власть*), различных степеней и обертонов семантики обладания властью. Все три слова восходят к глаголу *владеть* (ст.-слав. *власти*), но, как отмечает Л.П. Дронова, *владыка* отличается от *владельца* и стилистической, книжной, окраской, и усилением семантики «полноты власти тех, кто господствует, правит» [Дронова, 2003, с. 172]. *Держатель* же вообще указывает на семантически неполнозначный признак, требующий обязательного восполняющего генитива (*держатель власти*). Поэтому мы наблюдаем своеобразную «обратную градацию» – тот, кто владеет нефтью, обладает большими властными полномочиями, нежели тот, кто владеет морями и властью как таковой. При этом эти «три власти» различаются и качеством властвования: *владыка*, во-

первых, повелевает, исполняя собственную волю, во-вторых, власть его, как правило, обладает качеством верховной истинности, сакральности (ср. *Владыка небесный* как перифрастическое обозначение *Бога*). Таким образом, владыка нефти оказывается более полномочным и истинным, вернее, владычество над нефтью является подлинным и единственным условием политического и социального господства в мире.

Стимулируемая уникальной социокультурной ситуацией Баку 1920-х социальная теология нефти получает мощное развитие в других «бакинских произведениях» Есенина («Стансы») и Маяковского («Баку» 1923 г.). При всей демонстративной разнице субъективного эстетического восприятия Баку как локуса и топоса (для Есенина это почти желанная Персия, он пишет здесь свои блистательные «Персидские мотивы», создает ностальгическое «Прощай, Баку! Тебя я не увижу», для Маяковского же это город *песка, пожаров, плосковерхих крыш, где никто не селится для веселья*) нефть как основа новой религиозности, религиозности социального и материалистического толка, фигурирует в произведениях обоих художников:

У Маяковского:

*Жирное пятно в пиджаке мира.
Баку.
Резервуар грязи,
но к тебе
я тянусь
любовью
более –
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка – правоверного,
Иерусалим –
христиан
на богомолье.*

У Есенина:

*«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».*

Обращает на себя внимание факт употребления обоими поэтами сравнительных конструкций (*более чем; не лучше ли*), в которых «большой правдой» – при том, что в обоих контекстах и в помине нет воинствующего атеизма! – обладают нефтяные реалии, приобретающие качество сакральности. Так неприглядный нефтяной город, описываемый перифразами с эпитетами брезгливости и отвращения (*жирное пятно в пиджаке мира, резервуар грязи*), и хтоническая цветовая (*черных*) и символическая (*фонтаны нефти* бьют из-под земли) атрибутика нефтедобычи сравниваются с топикой и атрибутикой религиозной. В стихотворении А. Жарова «Город нефти» (1930 г.) синкретизм религии и нефтедобычи, возведение нефтедобычи в ранг новой религии материализуются с помощью чередования омонимов: *Божьим промыслом благословенным / Нефтяные снятся / Промысла...*

В случае Маяковского теологическое сравнение приобретет черты интимно-личностного откровения за счет употребления коллокации *тянусь любовью* (вне контекста она однозначно прочитывается в интимно-лирическом значении) и развернутого перечисления номинаций последователей различных мировых религий и священных паломнических мест (*дервиш – Тибет, правоверные – Мекка, христиане – Иерусалим*). У Есенина же на первый план выступает волнующий его во время написания стихотворения вопрос о достойных темах преломления поэтического дара: о чем должен писать поэт – о *мистических туманах* или о *крепкой и живой правде жизни*, воплощением которой служит нефть и ее добыча (*В стихию промыслов нас посвящает Чагин*).

Контрастны у двух поэтов и разрешения смыслового посыла религиозно-нефтяных сравнений. Маяковский продолжает аллегорическую «псевдолюбовную» линию в свойственной для него манере представления мира «проникнутым подавляющим эротизмом» [Большухин, 2009, с. 243], приписывая неутолимую любовную жажду по отношению к нефтяному городу машинам (*По тебе / машинами вздыхают / миллиарды / пориной и колес. Поцелуют и опять / целуют, не стихая, / маслом, нефтью, / тихо / и взасос*), цистернам (*...цепью сцепеневших тел / льнут / к Баку / покорно / даже змеи / извивающихся цистерн*).

Фетишизация и эротизация нефти, как и угля (см. об этом в параграфе 2.3), оказалась устойчивым культурным кодом советского поэтического дискурса. Приведем поочередно примеры из стихотворений под названием «Баку» М. Герасимова (1929 г.) и С. Обрадовича (1930 г.):

И сразу становлюсь я бодрым,

Все мускулы волнует дрожь,
 А надо мной
 Фонтаном гордым
 Струится маслянистый дождь.
 Сжимаются упрямо губы,
 И взоры острые горят:
 Подземные
 Скорей по тубам
 Хочу я выкачать моря.
 Чтоб крыльями зарю измерить
 И выше в небеса взлететь,
 Хочу,
 Чтобы из всех артерий,
 Как гейзер,
 Прорывалась нефть.

Впиваясь, над щедрой землю
 Чуть всхлипывают насосы,
 Как жадные губы ребенка
 Над материнской грудью.
 И жарче девичьих бедер
 Волнуется нефть, задыхаясь.

В данных описаниях экспрессивный накал физиологических, чувственных, телесных переживаний лирических героев столь высок, а их экстатическое желание обладать, сравниваемое с утолением физиологических инстинктивных потребностей, столь сильно и необузданно, что изображение нефти как объекта устремлений и субъекта тропеических трансформаций (*жарче девичьих бедер волнуется нефть*) шокирует читателя как нарушение табу и эстетической нормы.

Вернемся к «Баку» Маяковского. Финал стихотворения, несмотря на исключительно частотную для образа нефти метафору кровообращения (ср. у Есенина в «Балладе о двадцати шести» (1924 г.): *Нефть – как черная кровь земли*), исполнен пророческой социальной правдой: *Если в будущее / крепко верится – / это оттого, что до краев / изливается / столицам в сердце / черная / бакинская / густая кровь*. Благополучное будущее столиц, метафорически отождествляемых с сердцем, основывается на постоянном притоке в них бакинской высшего качества (*черной и густой*) нефти.

Есенин же изображает аллегория иного рода – своеобразный синкретизм индустриального пантеизма и космогонической антрополатрии:

Я полон дум об индустрийной мощи,

Я слышу голос человеческих сил.

Довольно с нас

Небесных всех светил –

Нам на земле

Устроить это проще.

Нефтяной переворот заставляет поверить в сверхчеловеческие возможности земного жизнестроения, отсюда мотивы богоборческого противостояния фундаментальным законам мироустройства, даже – небесным светилам (...*фонари прекрасней звезд в Баку*).

Как видим, социальная парадигма осмысления темы нефти в бакинском тексте развивается в сторону тех или иных форм новой религиозности, будь то революционный или технический неопантеизм или богоборческое утверждение абсолютной человеческой воли.

Несколько иное развитие приобрела нефтяная тема в контексте метафизического направления интерпретации. Мировидческими основами выступают здесь идеи натурфилософии, эстетическими – категории мифопоэтики, а референциальной областью – ландшафтно-географические, геологические, климатические и иные природные факторы.

«О нефти на Апшеронском полуострове упоминал еще Геродот. Можно вспомнить версию о том, что Баку... был центром зороастризма, а нынешняя Девичья башня – святилище семицветных огней» [Джуварлы, 2001, с. 385]. По этой причине приметы присутствия и добычи нефти на Апшероне – естественная прототипическая составляющая пейзажа, как хлебные поля в центральной России или тайга в Сибири. Составляющая, которая зачастую используется в качестве художественной детали, придающей достоверность и экзотический колорит описанию местности: *И гордо стоят нефтяные столпы / На Биби-Эйбуге* (В. Брюсов, «В Баку», 1916 г.); *Выходит нефть... из ноздреватой почвы Апшерона* (В. Луговской, цит. по: [Леонов, 2003, с. 33]).

Непосредственное, сродни живописному, импрессионистическое восприятие пейзажа и ландшафта, как отмечают исследователи, было присуще и В. Хлебникову: «взгляд поэта выхватывает из реального мира то, что важно ему сейчас, то, что вторит его настроениям. Малое, песчинка мироздания становится главным, основой для понимания сакрального смысла бытия» [Степаненко, 2011, с. 162]. Естественное

свойство нефти – горючесть, способность с легкостью превращаться в огонь – стало для мистически и эзотерически настроенного поэта главным эстетически отмеченным признаком Азербайджана и Баку: «Здесь море и долина Биби-Эйбата, похожая на рот, где дымится множество папирос» (Из бакинского письма В. Хлебникова художнику В.Д. Ермилову [Тартаковский, 1992]). Еще одно символическое упоминание бакинской огненной стихии обнаруживаем в «Досках судьбы»: *Чистые законы времени мною найдены..., когда я жил в Баку, в стране огня... Это было на родине первого знакомства людей с огнем и приручения его в домашнее животное. В стране огня – Азербейджане – огонь меняет свой исконный лик. Он не падает с неба диким божисцей, наводящим страх божеством, а кротким цветком выходит из земли, как бы прося и навязываясь приручить и сорвать его.* Конечно, парадоксальный метафорический образ нефтяного огня – кроткого цветка, жаждущего приручения человеком – совершенно уникальный, и объясняется он, по видимости, крайне нетривиальной «эволюцией художественного ориентализма Хлебникова» [Там же]. Однако типичные ассоциативные партнеры огня – иссушающая жара и зной – становятся главными климатическими характеристиками Баку в поэтическом дискурсе.

Вяч. Иванов, который «в бакинский период своей жизни, занятый научной работой и педагогической деятельностью, написал сравнительно мало стихотворений», так же, как С. Городецкий, не обошел вниманием Зых – «расположенный на берегу Каспийского моря известный пригород Баку, где в начале 1920-х годов интенсивно добывалась нефть» [Гаджиев, 2007, с. 39]. Однако, в отличие от Городецкого, у поэта-символиста преобладает не социальное, а натурфилософское видение данного места. В его восприятии пейзажа доминирует палящий и всеуничтожающий зной, в том числе, видимо, не только солнечный, но и подземный, нефтяной, иссушающий землю и лишающий ее даже той живой растительности, которая свойственна данной местности: *На Зыхе нет ни виноградной / В кистях лозы, ни инжирия: / Все выжег зной, все выпил жадный... / О Зых, возгорий плоских главы, / Твой остов высохшей змеи.*

Удивительно созвучны лирической тональности стихотворения Вяч. Иванова натурфилософские размышления Давида Бродского – поэта и переводчика, в том числе – с азербайджанского (см.: [Яворская, 2009]). Его «Баку» начинается как пейзажная панорамная зарисовка неприглядного и безжизненно-мертвенного края: *Каспийские воды, что заводь пруда – / Вдоль серых песков не увидишь прибоя / Тяжелым рассолом застыла вода, / И соль нарастает над мертвой водою.* Поэт рисует картину губительной, вызывающей

отвращение природы, несущей болезни и разрушение: *В зеленых лагунах клубятся пары; Под теплою гнилью, в бреду малярном / Толкутся и тонко поют комары.* Город взоры слепит белизной больной и пропитан чуждым духом восточного базара: *Там – фруктов и тканей восточный разгул. / В азартной толпе величавые персы.*

Вторая часть стихотворения как будто контрастирует с первой: в ней появляется динамика и представленный личным местоимением *мы* лирический герой, который описывает собственные физиологические ощущения: *В раскаленном просторе / Мы ехали молча. Першило в груди.* Казалось бы, традиционную антитезу предвещает и наречие *вдруг*, и перемещение визуального фокуса с унылой горизонтальной линией (*Суглинка бесплодного желтое море / И низкая черная мгла впереди*) на вертикаль (*И вдруг различили мы: частые вышки / Из тьмы подымались, подобно лесам*), несущую надежду на смену пейзажа. Однако поэт применяет прием обманутого ожидания: нефтяная атрибутика не служит украшением удручающего ландшафта, а гармонично вписывается в него, поэтому поэт вынужден продолжить свой безрадостный список:

*Обуглено солнце, сквозь сумрак неверный
Качаются трубы, и лужи жирны –
В тягучем дыму и гремучих цистернах
Лежали угрюмые Сура-Ханы.
И змеями труб извивались колена.
Их путь по бесплодным суглинкам далек...*

Однако разрешением природно-климатической беспросветности, ее оправданием, внутренней сутью и истинным предназначением оказывается скрытое в недрах нефтяное богатство: *Бурля и мотаясь с размаху, с разгону, / далеко расплескивал кляксы фонтан. / Бесплодный суглинок, сухой и соленый, Каким изобильем ты досыта пьян!* Воображение поэта потрясает этот парадоксальный контраст между отсутствием природной жизни в ее традиционном понимании, мертвенным бесплодием сухой и соленой почвы и агрессивной силой (*с размаху, с разгону*) фонтанирующей нефти. Финал представляет новое видение и пейзажа, и города, поскольку они теперь обретают новый смысл – отдавать изобилие своих недр ради благополучия иных земель и мест. В лексической структуре произведения появляются вкрапления слов положительной оценочности с акцентуацией на сильной выраженности свойства или признака: *изобильем, досыта, одолев, надежные, тяжеловесную:*

*Где зелень лагун и болотные сула,
Удушливо липкую гарь одолев,*

*Уводят к Батуму надежные русла
Ползущую тяжеловесную нефть.
И город, кипящий зеленою кровью,
В гниющих низинах, над солью сквозной,
Поет, как комар за ночным изголовьем,
У входа в персидский сияющий зной.*

Композиция и лексическая структура текста в результате оказываются кольцевыми: природные и урбанистические реалии, оцениваемые ранее как губительные и угрюмые, в финале стихотворения, исполняя свое «нефтяное» предназначение, преобразуются. Лексико-семантическая зеркальность начала и финала реализуется в практически дословном лексическом повторе: *в зеленых лагунах – зелень лагун*; в вариативных лексических повторах негативных номинаций жаркого климата (*пары, гарь, обуглено* и т.д.) и деструктивных природных явлений (*соль, гниль*), вплоть до повтора «энтомологической» пропозиции.

По сути, энтомологических образов в стихотворении три, все они связаны с кусающимися насекомыми и неприятным, представляющим для человека опасность свойством роения, скопления: *в бреду малярийном толкуются и тонко поют комары; пчелиным испуганным роем грохочет базарный кипящий прибой; город... поет, как комар над ночным изголовьем*. Если первые два образа призваны вызывать неприятные отталкивающие впечатления и символизируют в первом случае неизбежность, болезненность и отвращение, во втором – бессмысленность и хаотичность, то последний, будучи лексико-семантическим двойником первого, содержательно и аксиологически кардинально меняет полюс. Конечно, во втором случае референт метафоризируется посредством развернутого сравнения (*город, как комар*), однако рой реальных комаров превращается в одного комара, а *тонкое пение в бреду малярийном*, навязчивое, чреватое болью, страданиями и бессонницей (заметим – *в бреду*), оборачивается *пением над ночным изголовьем*, звуком, привычно сопровождающим спокойный сон. Семантику сна, грезы, лучшего иного усиливает последняя строка стихотворения, отсылающая к знаковой для русской поэтической традиции Персии – страны сказок и экзотики (см. об этом: [Алексеев, 2009]).

Так в стихотворении малоизвестного поэта воплотился и развился ключевой мотив метафизики нефти – трагический мотив ее противопоставленности естественной природе при абсолютной ценности для человеческой цивилизации. Нефти приписывается живительная сила, она не преобразует природу, но делает

существование природы исполненным предназначением служить человеку. С помощью нефти человек творит новую природу, не случайно в финале анализируемого стихотворения фигурирует не традиционно черная, а зеленая кровь как символ нефтяного города, вокруг которого вообще нет зелени или зелень гнилая и губительная, но нефть становится его зеленой жизненно необходимой кровью.

Нефть как вожденная субстанция, ради которой человек дерзает вмешиваться в естественный ход вещей, – этот тезис всегда корреспондирует с вечным вопросом о границах дозволенного вторжения человека в природу.

В 1917 г. В. Брюсов пишет стихотворение «Баку»; в нем поэт аллегорически представляет Каспий древним великаном, который в доисторические времена «занимал несравненно большие пространства, соединялся с Черным и Азовским морями, *омывал вековой Арарат*» [Амирханян, 1988], а теперь с высоты тысячелетий оценивает изменения, привнесенные в его жизнь человеком:

*Все здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знал на рассвете природы!*

*Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!*

*Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!*

*Все ненавистно теперь старику:
Все б затопить, истребить, обесславить, –
Нивы, селенья и этот Баку,
Что его прежние глуби буравит!*

Видевший истоки истории и культуры человечества в доисторических временах, искренне веривший в существование таинственной Атлантиды, убежденный, что «в глубинах человеческого сознания сохраняется генетическая прапамять прошлых воплощений, где человек видит разрушенные миры, неведомые цивилизации»

[Воронин, 2011], поэт придает героям и событиям собственного художественного мира поистине эпический масштаб.

Семантика нефти, имплицитно присутствующая в стихотворении, «растворена» в мифологической обращенности автора к древнему былому, к рассвету природы как истоку идеального миропорядка, дерзко нарушенного человеком. Воплощенный в образе героического природного гиганта Каспий не приемлет суетливой мелочности человеческой цивилизации: ср. *речки*, а не реки, *холмы*, а не горы (вспомним, что в первой части произведения фигурирует *вековой Арарат*), с которыми в один ряд однородных членов как нечто весьма незначительное включены *города и народы*. Нам представляется далеко не случайным появление в образном строе стихотворения, во-первых, косвенной отсылки к гипотезе органического происхождения нефти, согласно которой нефть появляется из останков доисторических растений и животных, подробно описанных автором: *лес из безмерных стволов; мастодонтов; ихтиозавров*, а во-вторых, образов вершинных в момент написания стихотворения (1917 г.) технических новаций – работающих на нефти водных и воздушных транспортных средств: *Режут валы на стальных скорлупах, / Прыгают ввысь на своих гидропланах!*

Экспрессивную ненависть представителя первозданной природы вызывает дерзость человека, позволившего себе не считаться с ее законами, *покинув свой прах*, покорять окружающее пространство, творить новую реальность, символом и средоточием которой выступает Баку – город, живущий за счет древнего Каспия (*Что его прежние глубы буравит!*). Интересно, что деструктивные по отношению к природному первопорядку человеческие действия, означенные глаголами несовершенного вида *режут*, *буравит* фокусируют семантику неокончательных, но многократных повреждений, в то время как гипотетические агрессивные чаяния *старика-Каспия* эпически глобальны и безапелляционны, что подчеркивается совершенным видом глаголов *затопить*, *истребить*, *обесславить*.

Финал стихотворения ярко передает мысль автора о вероломстве современной цивилизации с ее основанным на дерзко отобранной у природы нефти технологическим максимализмом, цивилизации, нарушающей вековые устои природного космоса.

Яркая иллюстрация парадоксального переплетения литературных и человеческих судеб поэтов при парадоксальной разности эстетических решений в их творчестве того или иного художественного концепта – ассоциативно-семантические и

мифопоэтические решения образа нефтяного Баку в поэзии В. Брюсова и лирике его ученицы и возлюбленной, незаурядной писательницы и переводчицы Аделины Адалис. «Особенно любила поэтесса столицу Азербайджана. Городу Баку она посвятила большие циклы стихотворений» [Хахам, 2007], написанных в 1930-х годах.

Если для дореволюционного Брюсова, судя по стихотворению «Баку», в отличие от Брюсова послереволюционного (см. предыдущий раздел), проект покорения природы пока представляется не только в оптимистических красках, но как проект противоборства человека и непокорной и бунтующей природы, обуздания и подчинения, то для Адалис, чему вполне вероятно гендерное объяснение, восприятие нефтяной миссии любимого города органично и гармонично. В ее одноименном стихотворении Баку – гордое творение великого *неунывающего* народа, героически возведшего *заветный город на скорлупе, над самым адом, над нефтью, серой и смолой*.

Нефть для поэтессы – средоточие духовной силы города, но для нас значимо, что Адалис говорит о подлинной семантике слова *нефть* (*Пусть для кого-нибудь другого / Нефть значит только нефть... А я – / Я вкладываю в это слово / Глубинный смысл бытия...*). В этом слове заключается суть физических и метафизических превращений, которую может постичь только посвященный, познавший истинную красоту нефти (*Кто понял радуги павлиньи / И перламутровую тушь*):

*Тот, превращения законы
Припоминая, видит след –
Свет жизни алый и зеленый
В останках первобытных лет!
Узорных папоротов чащи,
Луч, пролетевший по листку,
Рогатой птицы взгляд горящий
И тяжелых ящеров тоску,
Дым океанов, пламя суши,
Где в миллионах темных лет
Горячей нефтью стали души
Тех, чей давно потерян след,
Где под давлением могучим
В геологических пластах
Учились нам служить «горючим»
И страсть, и бешенство, и страх!*

Как видим, в органической гипотезе происхождения нефти поэтесса усматривает мудрые и предписанные природой мироздания при его зарождении в миллионах темных лет *превращения законы*. Как

и Брюсов, Адалис, пользуясь приемами визуальной изобразительности, наглядности, описывает доисторические натурфакты, также актуализируя семантику их громадности / глобальности и экзотичной первобытности, обращая взгляд читателя в прошлое и стимулируя его воображение: *Узорных папоротов чащи... / Рогатой птицы взгляд горящий / И тяжелых ящеров тоску, / Дым океанов, пламя суши...*

Изысканная, построенная на обыгрывании свистящих и шипящих согласных (з, ч, щ, ц, ж, с, ш) звукопись, окказиональное для русского языка усечение *папоротов* (ср. в украинском *папороть*), редуцирующее суффикс не только в ритмически-метрических целях, эпитеты, ярко реализующие коннотативные оттенки (*рогатой, горящий, тяжелых*), концентрация лексем семантики горения (*горящий, дым, пламя*) – все это максимально усиливает регулятивное воздействие в сторону эффективности наглядно-образного восприятия рисуемой вербально автором панорамной картины первобытности и *тех, чей давно потерян след.*

Сакральная мудрость и разумность природы заключается в ее устремленности из глубины тысячелетий к претворению доисторических тел и душ в нефть как сырье для существования современного человечества: *Горячей нефтью стали души.* Нефть представлена и как реальная субстанция, и, напомним, как слово, вместившее в себя души усопших миллионы лет назад, но своею жизнью и плотью теперь претворенные в нефть и горящие ради нового мира. Онтологический цикл и глубинный смысл витальности и бытия в том, что смерть в форме биологических останков претворяется в свет жизни (в контексте особенно знакова колористическая символика (*алый и зеленый*) и экспрессивный синтаксис) современного человечества: *Свет жизни алый и зеленый / В останках первобытных лет!* Ассоциативная сцепка с хлебниковским идеалистическим представлением о нефтяном огне, который *кротким цветком выходит из земли, как бы прося и навязываясь приручить и сорвать его*, здесь очевидна.

Так Аделина Адалис представляет нам, пожалуй, самую гуманистическую и утопическую трактовку нефти для современного человечества. Процесс образования нефти, добычи и применения ее людьми в собственных утилитарных целях трактуется как смысложизненность дикости, тоскующей по цивилизации (*ящеров тоску*), одухотворение мироздания, укрощение звероподобного и первобытного: *Учились нам служить «горючим» / И страсть, и бешенство, и страх!*

Эти императивы согласуются с созидательной теорией эволюционного пути развития мироздания, теорией, созвучной идеям русского космизма о предназначенности человека к «одухотворению» всей Вселенной, к ее морализации и рационализации, о радикальном преобразовании и регуляции природы в высоких гуманистических целях [Парфенова, 2001].

Для Адалис, интерпретировавшей социальную и естественную историю в русле утопического материализма и антрополатрии, человек предстает как венец творения, исток всего осмысленного, гуманного, полезного и целесообразного, как герой, построивший нефтяной индустриальный Баку, укротивший и упорядочивший мрачный хаос первобытных недр:

*Над укрощенной преисподней,
Над миром бури смоляной,
Стоит давно, стоит сегодня
Баку – жемчужный город мой.*

Гордый и сильный человек, покоривший своим творческим созидательным трудом построения города мечты (*жемчужный город*) саму преисподнюю (значим лексико-синтаксический повтор в начале и в конце стихотворения: *над самым адом, над укрощенной преисподней*), становится в результате высшим смыслом эволюционного тысячелетнего развития всей природы, а нефть – необходимым средством этого развития и миссионерским предназначением тех, кто претворился в нефть.

Поведем итоги относительно смыслового развертывания нефтяной тематики в Бакинском тексте первой половины XX в. Уникальная социокультурная ситуация русского фронта в пореволюционное и послереволюционное время вкупе с обусловленной нефтяным бумом стремительной индустриализацией стимулировали формирование и развитие такого уникального литературно-культурного феномена, как Бакинский текст. Фундаментальным цементирующим концептом данного текста выступает концепт *нефть*.

Два направления интерпретации образа нефти связаны с эстетическим осмыслением города как социального и природного ландшафта. Оба направления «в общем русле неомифологической устремленности символизма» [Даниелян, 2002, с. 51] и иных течений литературы Серебряного века и наследующей ей советской поэзии генерировали различные «нефтяные неомифы». Большинство этих мифов стимулированы, в числе прочего, эксцентричным, по классификации Ю.М. Лотмана [Лотман, 1996], характером бакинского

топоса и бакинского текста и свойственным ему противостоянием природы и культуры, естественного и индустриального, природы и цивилизации. Это противостояние – примета смысловой структуры произведений Бакинского текста, актуальная до сих пор: *Я, родом из города рыб, погибающих в нефти* – напишет в одноименном стихотворении родившаяся в Баку Инна Лиснянская в 2004 г. Здесь мы видим, как проблема природы и цивилизации преломилась в проблему экологическую, столь значимую для современного нефтяного контекста.

Из иных ведущих неомифологических мотивов, свойственных развитию темы нефти в бакинском тексте русской поэзии, выделим мотив персонификации нефти и отождествления ее с кровью социального самостояния и революции, мотив сакрализации нефти в ее противопоставленности традиционной религиозности, ницшеанский мотив демиургического пересотворения новым человеком мироздания и природы в форме покорения стихии нефти. Безусловно, все эти сценарии имеют множество вариативных аранжировок в творчестве различных художников.

Что же касается современного Бакинского текста, то он плодотворно живет в русской литературе, в частности – в прозе одного из ведущих российских писателей Александра Иличевского. Его романы «Нефть» (2004 г.) и, особенно, «Перс» (2010 г.) – полнокровное и в эстетическом, и в языковом смысле продолжение на новом этапе и Бакинского текста, и нефтяного. Известный литературовед и критик А.Н. Латынина высказалась по этому поводу так: «Много книг написано о том, как ищут нефть и ее добывают, как на ней богатеют, как из-за нее убивают. Но я не помню, чтобы кто-нибудь, кроме Иличевского, ставил вопрос о метафизике нефти. Сам он, правда, уступает приоритет Алексею Парщикову, которому благородно и посвящен роман. Тема нефти тревожит Иличевского давно, и, возможно, стоило бы тут вспомнить все, что раньше было им на эту тему написано, от романа «Нефть» до десятилетней давности эссе «Опыт геометрического прочтения: «Нефть» и «Долина Транзита» А. Парщикова». Но я боюсь увязнуть. «Метафизика нефти в романе Иличевского» – вообще-то тема специальной филологической работы» [Латынина, 2010]. Думается, что данная тема станет в недалеком будущем предметом многих глубоких научных изысканий и литературоведов, и лингвистов.

5.3. Концепт *нефть* в современном поэтическом тексте: подходы к исследованию

Как мы уже неоднократно отмечали, концепт *нефть* эволюционирует в настоящее время столь интенсивно, что, в геометрической прогрессии наращивая свой миромоделирующий потенциал и количественно (мы имеем в виду огромную плотность вербальной представленности концепта в медиадискурсивном формате), и качественно (через генерацию и детализацию смыслов), она все чаще подвергается глубокому эстетическому осмыслению и переживанию в художественной сфере.

В данной завершающей части работы мы попытаемся, не касаясь произведений т.н. больших жанровых форм (например, поэм А. Парщикова «Нефть» и «Долина транзита», вследствие глубины и сложности семантической структуры требующих отдельного пристального описания), по преимуществу на материале лирических и парапоэтических текстов продемонстрировать некоторые тенденции ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* как художественного вербально-ментального конструкта и формирующейся константы культуры (см. тексты, анализирующиеся в данном параграфе, в Приложении 2).

Закономерно, что современный поэтический дискурс следует, с одной стороны, основным тенденциям описанных выше эстетических рефлексий по поводу нефти, сложившихся в основном в литературе Серебряного века. С другой стороны, огромное влияние на эстетическое интонирование нефтяной тематики оказывает, что очевидно, ее медийная, социально актуализированная интерпретация.

С учетом этих пресуппозиционных установок при пилотном обзоре художественного слова о нефти достаточно четко вычлняются, соответственно, социальный и метафизический векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта в поэтическом дискурсе при априорной условности их межевой границы, заключающейся в общем для всех эстетических решений нефтяной топики неомифологизме.

Социальный вектор аккумулирует семантические и аксиологические импульсы прошлого и адаптирует их к реалиям настоящего. Один из таких ретроспективных импульсов – примитивизированная и лубочная вариация на тему нового сверхчеловека, с помощью собственных гигантских героических усилий и технического прогресса покоряющего сопротивление суровой природы, ярко иллюстрируемая, например, лозунгом В. Маяковского 1929 г. для журнала «Даешь»:

*Нефть
не добудешь
из воздуха и ветра.
Умей
сочетать
практику и разум.
Пролетарий,
даешь
земным недрам
новейшую технику
и социалистический энтузиазм.*

Отголоски данной традиции до сих пор звучат в славословных производственных гимнах героизму и мужеству труда в нефтяной отрасли: *Как нелегка первопроходцев доля! / Какой ценой достались газ и нефть! / Но одержимость, мужество и воля / Позволили им все преодолеть* (Чернобровкина Л. К 65-летию Ханты-Мансийского автономного округа. URL: <http://www.oilru.com/sp/20/859/>).

После периода индустриализации вплоть до конца 1990-х тематически сфокусированно о нефти из больших поэтов написал и спел только В.С. Высоцкий. Два написанных в 1972 г. и не слишком известных широкой публике произведения – песня «Тюменская нефть» и стихотворение «Революция в Тюмени» – входят в состав т.н. «профессиональных» песен Высоцкого, в которых лирическими героями становятся «люди, реализующие свой внутренний потенциал в «трудных» профессиональных призваниях, где в экстремальных положениях испытываются на прочность их личностные качества, межчеловеческие отношения. Это моряки, геологи, альпинисты, шахтеры, спортсмены» [Ничипоров, 2003, с. 73], а в нашем случае – нефтяники.

Предыстория создания песни «Тюменская нефть» – вдохновивший Высоцкого сюжет победы человеческой профессиональной веры, дерзости и упорства над косностью и боязливой осторожностью начальственных решений. Прототипом лирического героя и первым слушателем «Тюменской нефти» стал геолог Фарман Салманов, который открыл тюменскую нефть вопреки мнению ученых, записавших Сибирь в неперспективные регионы (См. об этом: Лаэртский А. Скважина лупит по всем правилам // Известия. 2004. 29 мая. URL: http://laertsky.com/sk/sk_111.htm): *И дали заключение в Академии: / В Тюмени с нефтью – полная труба!*

Декларативная иронично-сатирическая тональность позволяет автору посредством игры с различными – прямыми, метафорическими,

символическими, фразеологически связанными – значениями слова (как в приведенных выше строках – идиома *полная труба* в подтексте актуализирует образ нефтяной трубы) вплетать в на первый взгляд шуточно-несерьезное лирическое повествование символические смыслы нового социального мифа. Так, в анализируемых произведениях масштабно и объемно за счет использования метафорических номинаций сакральной и социальной власти (*Нет Бога нефти здесь – перекочую я: / Коль Бога нет – не будет короля!..*) героизируется образ человека-титана, поднимающего революционный мятеж против самой природы, которая сопротивляется людскому вероломству (*Но есть сопротивление пластов, / И есть, есть ломка старых представлений*).

Неоязыческие пантеистические образы жертвоприношения (*И что за революция – без жертв, / К тому же здесь еще – без человеческих?*), пускания крови (*Я счастлив, что, превысив полномочия, / Мы взяли риск – и вскрыли вены ей!; Земле мы кровь пускаем – ну и что ж, – / А это ей приносит облегченье*), ритуальных экстатических омовений и танцев (*И бил фонтан и рассыпался искрами, / При свете их я Бога увидал: / По пояс голый, он с двумя канистрами / Холодный душ из нефти принимал. // И ожила земля, и помню ночью я / На той земле танцующих людей...*) символизируют неомифологическое социальное богоборчество и антрополатрию, уравнивание покорившего природу человека с богом и ниспровержение старых тотемов: *В болото входит бур, как в масло нож. / Владыка тьмы, мы примем отреченье!; В нас вера есть, и не в одних богов!..*

Социальная и технологическая революция, символизируемая освобождаемой в целях благородного служения человечеству нефтью, воспринимается Высоцким как естественный ход вещей, победа нового над старым, освобождение ранее зажимаемого и сковываемого: *Болит кора Земли, и пульс возрос, / Боль нестерпима, силы на исходе, – / И нефть в утробе призывает – «SOS», / Вся исходя тоскою по свободе.*

Оптимистический социальный миф о нефти, жаждущей свободы в темнице недр (у Высоцкого – *в утробе*), и гордом человеке, героически дарующем эту свободу, оказался эстетически ущербным вследствие явно ощущаемого языковым и поэтическим чутьем современного читателя диссонанса данного мифа с реальной действительностью, ложности и неестественности его идеологического пафоса. И если у гениального Высоцкого данный миф «зашит» в смысловую структуру произведений пусть не первого порядка, но отражающих острые социофилософские и политические проблемы и поэтому актуальные и содержательно полноценные, то в

парапозитических текстах развертывание сюжета нефтяного освобождения выглядит до смешного абсурдно.

Так, например, любопытный образчик несуразного смешения разностилевых и разнокультурных элементов в любительской поэзии представляет собой «Легенда о нефти» режиссера и сценариста Ирины Барсуковой, опубликованная в журнале «Профессиональные праздники» (2008. Вып. 6 /73/). Легенда построена на вольной интерпретации огромного количества гетерогенных мифообразов: космогонических (*небо, земля, Луна, Солнце, Сияя мириадами светил*), шаманских (*И духов злых шаманы заклинали, / И в бубны били, били у костров*), библейских (*ангелы, трубный глас*), о подземном мире (*заветный клад, темная бездна, чертоги, подземные окна*), о плененной деве (*Нефтия, дева, красавица, принцесса*), о сверхчеловеке, покоряющем природу:

*И покоряется ему Природа-мать!
И открываются чертоги вековые,
И в муках извергается Земля,
И из глубин ее рождается Нефтия,
Свою безумную свободу обретя!*

Чтение данного произведения, кроме гедонистического релаксационного эффекта от развлекательно-юмористического воздействия смехом, который М.М. Бахтин называл очистительным, подтверждает нашу гипотезу о принципиальной неприложимости к нефтяной тематике жизнеутверждающей символики и метафорики.

Поэтому за внешним позитивным мироощущением в песнях Высоцкого, в том числе – о нефти, всегда стоит трагедия. Как отмечает И.Б. Ничипоров, «стихи-песни Высоцкого характеризуются напряженной, трагедийной, часто балладной сюжетной динамикой, острой конфликтностью, исповедальной пронзительностью, что отразило общую направленность эволюции авторской песни – от романтических истоков 1950-х гг. к последующему усилению трагедийного звучания и социальной остроты в творчестве бардов 1970 – 80-х гг.» [Ничипоров, 2008, с. 20]. Думается, что двойные, с одной стороны, шутливо-оптимистические, а с другой – воспевающие созидание через деструкцию, ниспровержение и разрушение, а следовательно, чреватые трагедией, смысловые пласты произведений Высоцкого знаменуют и предсказывают эсхатологический сюжет глобальной современной «нефтяной драмы».

Отголосок такого предсказания мы с удивлением обнаружили в поэме Е. Евтушенко 1985 г. «Фуку!» (слово, обозначающее на диалекте рабов, некогда вывезенных из Африки, табу на произнесение

имени, в частности, имени Колумба, который, как считают в Латинской Америке, принес на континент много несчастий, и, если произносить его имя, несчастья могут повториться). Сам поэт охарактеризовал ее как «коктейль жизни, состоящий из трагедий, любви, страданий, революций, войны и мира» [Ольбик, 2006], и одной из трагических страниц новейшей истории Венесуэлы автор представляет нефтяной бум:

*Странной, уродливой розой из камня
ты распустился на нефти,
Каракас,
а под отелями
и бардаками
спят конкистадоры в ржавых кирасах...
Внуки наставили нефтевышки,
мчат в лимузинах,
но ждет их расплата –
это пропарывает
покрышки
шпага Колумба,
торча из асфальта.*

Противоестественность и уродливость города, расцветшего на нефти (Ср.: *Нефтяной бум конца XX века вызвал беспрецедентный рост Каракаса – многие старые кварталы стали современными районами небоскребов, а узкие улочки превратились в типичные для стран региона «авениды» и «калье»* (Из электронного путеводителя. URL: <http://www.panam.ru/main/venezuela/10.html>)), по мрачной деструктивности весьма созвучна жестокой колонизаторской политике. Внуки конкистадоров, продолжая безжалостно эксплуатировать природные ресурсы завоеванных территорий (*Внуки наставили нефтевышки, / мчат в лимузинах*) неминуемо обречены на драматическую расплату, причем символическую месть и упадок несут строителям нефтевышек отнюдь не аборигены, а последствия неправедных поступков их предков (*шпага Колумба*).

Осознание тотальности и глобальности нефти как главной детерминанты жизни человечества также получает в новейшем искусстве, не только в поэзии, различные манифестации. При этом в большинстве случаев, при всей разности кодов и языков различных видов искусства, родов и жанров, символический смысл эстетического меседжа демонстративно нагляден, что говорит о сформированности и сформулированности транслируемой идеи.

Близкий метареализму поэт и прозаик Андрей Тавров в романе 2009 г. «Матрос на мачте» так выражает эту идеологическую и философскую позицию: *Мне иногда кажется, что мы бы взяли и все разом застрелились от тоски, если бы не нефть. Странно, все делают вид, что ими управляют какие-то понятия или этические принципы, а Церковь делает вид, что ей управляет любовь да Бог, а родители, что желание добра для детей, а на самом деле всей нашей необъятной страной и всеми ими в отдельности управляют перебродившие под землей останки органических существ, которые и жили-то такую прорву лет назад, что их считай что и нет, но нам не важно, что они там делали на земле тогда, а важно, что это теперь – нефть. Они говорят про любовь и справедливость, глобализацию и справедливость, про карьеру и мир, про свои принципы и этику, а мне нестерпимо за них всех стыдно, потому что на самом деле они говорят про нефть, которая движет ими всеми. Говорят, страна переживает взлет, ура правительству и президенту, всем стало жить богаче, верный курс, правильные идеи, а мне хочется плюнуть им в их бесстыжие глаза, потому что если бы не нефть, непонятно, о каком мудром правлении можно было бы сейчас говорить...*

А это отрывок из монолога сатирика Михаила Задорнова «Правда – в стихах»: *Во-первых... Почему песня о зайцах – про всех нас? Вдумайтесь в слова. «В темно-синем лесу, где трепещут осины...» – классный образ! Наша Россия! «Где с дубов-колдунов опадает листва...» – взгляните в наших лысеющих «слуг народа», которые только и делают, что колдуют над финансовыми схемами. «Косят зайцы траву...» – это мы, россияне... И «зайцы» не выходят на улицы, чтобы поставить перед дубами-колдунами вопрос ребром: «Если национальная идея страны – не любовь, а нефть, и эта нефть все время дорожает, и по телевизору нам каждый день с гордостью докладывают, как прибыло в бюджете, то где все это?» <...> Впору закричать: «Помоги мне, помоги мне! Сердце гибнет!» А помогать никто не будет, потому что всем уже «все равно»! А дальше? Вдумайтесь, «в огнедышащей лаве» – это же речь идет о нашей ... нефти! Причем, «в огнедышащей лаве любви» – о любви к чему? Видимо, к нефти.*

Оба фрагмента из кардинально различных по жанровой принадлежности текстов двух авторов, приверженных, по крайней мере, очень разным, если не противоположным, литературным методам, обнаруживают удивительную общность словесно-образной структуры. Это прямые вербальные репрезентанты концептов *Родина* (*нашей необъятной страной; Наша Россия!*), *власть* (*ура*

правительству и президенту; о каком мудром правлении; наших лысеющих «слуг народа», которые только и делают, что колдуют над финансовыми схемами), национальная идея как нравственный императив (что ими управляют какие-то понятия или этические принципы; правильные идеи). В обоих текстах оппозитивно противопоставлены «мы» (россияне) и «они» (представители власти), а главная вина последних видится в насильственной подмене истинных нравственных ценностей (любовь да Бог; желание добра для детей; любовь и справедливость, глобализация и справедливость, карьера и мир) деструктивной антиценностью и продуктом смерти в прямом и переносном смысле этого слова – нефтью (перебродившие под землей останки органических существ, которые и жили-то такую прорву лет назад, что их считай что и нет, но нам не важно, что они там делали на земле тогда, а важно, что это теперь – нефть; огнедышащая лава). Контекстуальная антонимия любовь – нефть обретает глобальное общечеловеческое высокое драматическое звучание, даже в сатирическом контексте.

Удивительные переключки лексико-семантических полей *нефть* и *литература* находим в высказываниях писателей разных «нефтяных» эпох. Так, имажинист Анатолий Мариенгоф во время постреволюционного нефтяного бума все-таки отдает нравственное и смысложизненное преимущество литературе: *Если бы меня спросили, что в жизни необходимей – хлеб, нефть, каменный уголь или литература, я бы, не колеблясь, ответил – литература. Это понимают еще немногие* (URL: <http://funeral-spb.ru/necropols/bogoslovskoe/marienhof/>). В то время как наш современник писатель Захар Прилепин говорит о том, что *на встрече с Владимиром Владимировичем Путиным решил не задавать вопрос о судьбах русской литературы, с которой мне более или менее все понятно. Я сказал, что у российского писателя душа болит за все, и помимо литературы меня интересует такая вещь, как нефть* (URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/816027-echo/>). Здесь уже нефть выступает как главное мерило жизни, то, что волнует и интересует более, чем хлеб духовный.

Подобные образные параллели мы можем наблюдать и в современной живописи, также по-новому переосмысляющей искания и находки авангардного искусства. Так, Андрей Молодкин – последователь революционного радикализма Малевича – «переосмысляет классический «Черный квадрат», наполняя его – и в фигуральном и в буквальном смысле этого слова – новым, актуальным сегодня содержанием. Его работы – прозрачные пластиковые сосуды,

в которые по трубам поступает зловещего черного цвета нефть. Вот он – символ новой эпохи, вот он – новый черный квадрат (см. рис. 5).

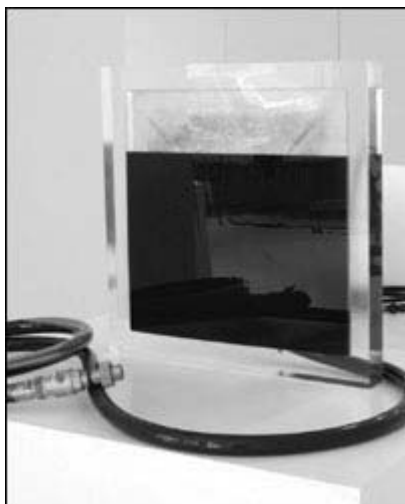

Рис. 5. Нефтяной «Черный квадрат» Андрея Молодкина – современное переосмысление иконы авангарда

«Я занимаюсь нефтью как главным языком, политическим языком, на котором говорит Россия, на котором говорит мир. Нынешняя икона», – поясняет Молодкин. «Такой низкий материал, как нефть, которого почти никто и в глаза-то не видел. Но все о ней говорят и постоянно помнят. Это такой виртуальный образ, Бог такой. Бог индустрии, или кровь ее. Кровь глобализации» [Кан, 2007].

Смысловая лексическая / семиотическая парадигма *Бог – нефть* приобретает в современном художественно-эстетическом дискурсе статус культурной универсалии. В начале постницшеанского XXI столетия место умершего Бога занимает нефть: «*Бог умер!*», – *нефть кричит, орет!* Данная строчка, содержащая прямую отсылку к известнейшей фразе Ницше, который в конце XIX в. говорил о духовном упадке европейской цивилизации, принадлежит перу рок-автора С.Е. Шилова (URL: http://lit.lib.ru/s/sergej_e_s/text_0070.shtml). Поэт, солидаризируясь в философских и эстетических интуициях со многими художниками, рисует картину глобальной катастрофы «пришествия нефти»:

*Там, где есть нефть,
Нефть всех съест.
Стерта неба весть –
Это цена за нефть!
Времени больше нет –
Это цена за нефть!
Зрения больше нет! –
Это цена за нефть!*

*Музыки больше нет!
 Есть только нефть!
 Нефть несет весть:
 Бога больше нет,
 Есть только нефть,
 Есть только нефть!
 <...>
 Крутят колеса в стране дураков,
 В рай...*

Данный не отличающийся большой художественной ценностью текст важен представленностью в нем ведущих элементов образного инвентаря нефтяного поэтического дискурса современности. Произведение изобилует вербально-семантическими признаками деструктивности, нивелирования и опустошения (например, в глагольных формах и модальных словах семантики исчезновения и аннигиляции: *съест, стерта, нет*, в многократных лексических повторах, нагнетающих негативную экспрессию: *Времени больше нет – Зрения больше нет! – Музыки больше нет! – Бога больше нет*), маркерами семантики глобальности и всеохватности (например, в перечислении исчезнувших ключевых символов высшей духовности: *времени, зрения, музыки, Бога*; в «рубленном» категоричном синтаксическом рисунке, состоящем из коротких констатирующих конструкций, построенных на антонимии экзистенциальных предикатов *есть – нет*, в усилителях наречного и иного типа: *только, больше, всех*), архетипической религиозной символикой (*неба весть; Бога больше нет; в рай*). Троекратный повтор поэтической трансформы узуальной медийной коллокации *цена на нефть – цена за нефть* прочитывается метафорически за счет лексико-синтаксического параллелизма как *расплата за грехи*, а завершающее текст «обстоятельство места» осмысливается в тропеически-ироническом, абсолютно обратном смысле – *в ад*.

Итак, нефть предстает как новый сакральный символ антимира зловещего черного цвета, и уже не человек, покоряющий природу, отбирая у нее нефть, является теперь вочеловеченным богом, но сама нефть становится инфернальным божеством. Восприятие нефти как жидкости ада мы обнаруживаем также в поэзии Серебряного века в поэме А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду» (1912 г.): *И в нефти корчившийся шулер / Спросил у черта: – Плохо, брат?*

Нефтяной ад 2000-х теряет свою игровую условность и предстает в ужасающей милитаристской, экологической и апокалипсической реальности. Катастрофизм, крайне

пессимистические раздумья и интуиции о будущем человечества как доминанта мироощущения и стилистической тональности объединяет большинство лирических вариантов развития нефтяной тематики нашего времени.

Исполнена предчувствием неизбежной катастрофы нефтяная атрибутика в поэзии А. Таврова: «Образов нефти и нефтяных танкеров в стихах у Таврова много. Но как более точно передать ощущение надвигающейся громады, пред которой отступает любой человеческий разум» [Черных, 2010]. Например: *Когда вокруг миры и танкеры, убийства / и джипы, и в горах идет война, и голосит /на сцене тенор мировой, а нефть пылает* («Складка»); *...или танкер и в танке орел?... У сынка черной крови по горло, как нефти по край ... то нефть, то жерло* («Рыбы»). Насыщенность вербальной ткани текстов лексикой семантических сфер войны, социальных и экологических бедствий, угроз и катаклизмов (*танкеры, танк, война, нефть пылает, крови по горло, жерло*) фокусирует и катализирует символику нефти как причины и источника этих катастроф. А образ пылающей нефти действительно становится универсальным культурным знаком «апокалипсиса сегодня» (ср. с описываемыми в начале главы инициальными включениями лексемы *нефть* в русскую поэтическую парадигму, где способность нефти к горению трактовалась в контексте любовных переживаний) – например, в известной песне Б. Гребенщикова «Поколение дворников и сторожей» о трагической разобщенности и бессилии рефлексирующего сознания перед лицом движущегося к неминуемой гибели мироздания, *когда горящая нефть хлещет с этажа на этаж*.

Выдающийся поэт нашего времени Инна Лиснянская, родившаяся в Баку, мысль о разрушительной миссии нефти подчеркивает традиционным вербальным партнерством *нефть – кровь – смерть*: *Кровь запятнала реки, а нефть — моря* («На каждый день творенья ушли века»); *Теперь там – Боже мой! – / Теперь там – Боже правый! / След нефти за кормой, / А на песке – кровавый* (Об армянском погроме в Баку 1990 г. – «А как он был любим»). Экологическая и военная катастрофы переживаются поэтом в единой нефтяной символике, где нефть – однозначный знак разрушения и смерти. Так, в стихотворении 2005 г. «Оглохнув от тишины, ослепнув от света» автор, без вычурного пафоса и с долей светлой иронии размышляя на склоне лет о подлинном смысле бытия в его неотменимой амбивалентности (*Судьба о двух головах сложилась вальсом*), на чаши весов как уравновешивающие друг друга даже на уровне рифмы манифестации жизни и смерти кладет *спрос на слово, поправшее смерть, и цену биржевую на нефть*. Цена на нефть, таким

образом, приобретает статус антисакрального антислова, профанной псевдожизни, не попирающей, а подтверждающей диктат смерти.

Цена на нефть в качестве интегрального индикатора тотального неблагополучия эпохи обыгрывается уже в трагикомическом ключе в одном из написанных Дмитрием Быковым опусов проекта «Гражданин поэт» «Тряслися грозно Пиренеи». Данная стилизация была создана по поводу сделанного в марте 2011 г. Алексеем Кудриным, тогда министром финансов, заявления о том, что нефть в связи с событиями на Ближнем и Дальнем Востоке может подорожать до 200 долларов. Рефреном шуточного стихотворения становится фраза *нефть подорожает*, определяющая неприглядный безнравственный облик современной социополитической ситуации: *Что снова нефть подорожает, / А значит – будет все как есть: / Бесчестье, лезть, и мечь, и жечь*. По законам политической сатиры доводя до абсурда последствия безудержного роста стоимости нефти, обусловленного в буквальном смысле кровью и несчастьями народов и стран, автор категорически констатирует эсхатологический финал «обезлюдения» планеты: *Но Боже правый! В Судный день / Как сильно нефть подорожает! / Увы, не сыщется людей, / Чтобы воспользоваться ей*.

Апокалипсические модуляции темы нефти осмысляются и в такой футурологической перспективе, как истощение, конец нефти как невозобновляемого сырьевого источника. Большое количество научно-популярной и нонфикшн литературы как отечественных, так и зарубежных авторов посвящено этой глобальной проблеме: Остальский А. Нефть: Чудовище и Сокровище (СПб., 2009); Стариков Н.В. Шерше ля нефть (СПб., 2010); Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть (М., 2011); Симонов К.В. Русская нефть: последний передел (М., 2005); Лоран Э. Нефть: ложь, тайны, махинации (М., 2008); Кунстлер Дж. Что нас ждет, когда закончится нефть, изменится климат и разразятся другие катастрофы века (СПб., 2011) и мн. др.

Ученые, философы, политики, публицисты пытаются популярно объяснить, почему человечество впало в тотальную зависимость от нефти: *На самом деле ничто не сравнится с нефтью по энергоемкости, универсальности, транспортабельности или простоте хранения. Добавьте сюда ее дешевизну и некогда избыток... Дешевое, универсальное, в избытке. Нефть привела людей к тому, что они смогли начать изменять мир. Она находилась прямо у нас под ногами. Мы использовали ее так интенсивно, как будто завтра не наступит и незачем экономить. Но скоро ее не будет. Вот что особенного в этой нефти* (Кунстлер Дж. Что нас ждет, когда закончится нефть...) – либо живописуют фантастические картины

ужасающей гуманитарной деградации: *Мы – нефтяная цивилизация. Когда закончится нефть, начнется голод, каннибализм. Я убью толстую соседку и буду вытапливать из нее жир для освещения. И это не шутка. У меня есть ружье* (Никонов А. Когда закончится нефть... // Огонек. 2002. № 38).

Мифологема конца (конца вещей, конца истории, конца света) всегда актуализируется «в переломные, кризисные эпохи, чреватые утратой целостности, ломкой основных мировоззренческих универсалий, времена разрушительности и вседозволенности» [Большакова, 2010, с. 8]. В основе ее ассоциативно-смыслового развертывания – семантика эмоционального концепта *страх*, который в русской лингвокультуре, по данным исследователей, в отличие, например, от немецкой, культивирующей «позитивное отношение к страху», «не является «популярной» эмоцией» [Бутенко, 2006, с. 20].

Русской лингвокультуре присуща семантика «ожидания чего-либо плохого», сакрализация концепта *страх* посредством «перевыражения одних концептов через другие», например, в творчестве Н. Бердяева: *страх – Бог – грех – тоска – смерть – богооставленность*, а «в русской мифологии и фольклоре концептуализация понятия *страх* осуществляется посредством реализации следующих нозем: «природные силы, стихии», «смерть», «болезнь», «зло, злые силы» (мифологические чудовища, вражеские захватчики), «нечистая сила» (враждебные, злые духи)» [Там же].

Абсолютное зло как итог конца нефти, конец нефти как конец жизни, как тотальная смерть человека и мира – эти интенции продолжают быть частотными мотивами рок-творчества:

эта очередь никогда не закончится, если однажды все не умрут

*когда я был маленьким, мне говорили, что есть за что умереть
сегодня я взрослый, меня тошнит каждый день от участия в этой
игре*

*когда мне говорят кого-то любить, я начинаю ненавидеть вдвойне
я не знаю, кто придет нас убивать, когда закончится нефть*

(Максим Демах. URL: http://vk.com/topic-31094955_25510118).

Как видим, вербально-образная триада *любовь – смерть – нефть*, в которой нефть, несущая смерть, является заместительным антиподом любви, средоточием ненависти и убийцей, становится в рок-поэзии, альтернативной и оппозиционной по своему творческому кредо, двигателем мощнейшего экспрессивного протеста героя: *меня тошнит каждый день от участия в этой игре*.

Особенно ярко этот протест прозвучал в песне классика русского социального рока Ю. Шевчука «Когда закончится нефть». По ритмической структуре и стилистической тональности это лирическая, почти пасторальная, миниатюра, по сюжетному строю – шуточная утопия и одновременно пародия на эту утопию. Почти все произведение представляет собой перечисление благотворных признаков и деталей архетипического мотива возвращения в *рай золотого века*: *ты вернешься ко мне весной; Мы посадим леса и устроим рай в шалаше; настанет век золотой; И мы вновь научимся любить; И все русалки и феи / будут молиться за нас.*

Думается, примитивная и клишированная образность произведения далеко не случайна и обусловлена коммуникативным замыслом автора показать посредством травестирования и пародирования нарисованной им же идиллии всю иллюзорность и призрачность надежды на возвращение мира без нефти.

Что касается метафизического вектора ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* в отечественном художественном дискурсе, то, как мы уже говорили, речь должна идти прежде всего о произведениях таких выдающихся современных писателей, как А. Парщиков (поэмы «Нефть» и «Долина транзита»), В. Пелевин («Македонская критика французской мысли» и др.), А. Иличевский (романы «Нефть», «Перс», эссе «Опыт геометрического прочтения: «Нефть» и «Долина Транзита» А. Парщикова»). Именно в этих произведениях концепт *нефть* перестает быть медиаконцептом и обретает все признаки концепта художественного, а именно – полноценные эстетические приращения, уже не столь однозначно детерминированные его медийной, социально маркированной природой.

Безусловно, нефть как художественный концепт – тема отдельного серьезного научного исследования и одна из очевидных перспектив нашей работы. Однако, в частности – из патриотических соображений, обозначим некоторые грани метафизики нефти в современном поэтическом дискурсе на примере анализа стихотворения «Нефть» (2008 г.) незаурядной томской поэтессы, автора и исполнителя Натальи Нелюбовой.

Отметим, что источником философско-эстетического осмысления нефтяной темы в метафизической поэтической парадигме служит геологический (к слову, по образованию Н. Нелюбова – геолог) сюжет происхождения жидких углеводородов из останков доисторических растений и существ. Поэтому залегание нефти в глубоких пластах земной породы метафорически представляется неким состоянием первобытного бессознательного сна под толщами

времен, которые сдавили нефтяные вместилища: *Где-то в центре земли, / в маленьких тесных кроватках спит нефть.*

Лирико-философский сюжет стихотворения Н. Нелюбовой – вечное противостояние и взаимопереплетение полярных и разноприродных начал: *белого и черного, реки и нефти, ночи и солнца, голубя белого и ворона черного, жизни и смерти: Белая-белая-белая, белая река. / Черная-черная-черная, черная нефть.* И еще – неизбежность их встречи и движения навстречу друг другу: *Я никогда не бывал там, / где под землей светят ходы, / где черные люди идут через лес. / Я никогда не бывал здесь, где солнце.*

Но именно жизнь (ее символы – *белая река, белый голубь, дерево, костер, свет, мед, золотая нить* и др.) по причине потребности в тепле (*холода, не хватает тепла*) нуждается в нефти, которую нужно вытянуть (*Будто бы их затягивает ночь*), разбудить и привести (*иди ее разбуди и приведи...*). Заслуживает внимания факт регулярной повторяемости в мифопоэтических трактовках образа нефти ее отнюдь не зооморфного (что, напомним, качество зооморфизма было свойственно «нефтяному контексту» поэзии Серебряного века), а антропоморфного представления: нефть выступает скрытой в глубинах недр плененной девой (мы уже упоминали этот мифообраз в анализе «Легенды о нефти», см. также в поэме А. Парщикова «Нефть»: *Ты ли выманил девушку-нефть из склепа в сады Гесперид белым наливом?*). Черная дева-нефть пробуждается, идет на зов белого, тем самым служа жизни: *Будто в книгах моих написано «жить».*

Таким образом, нефть превращается в символ сложности и неоднозначности мироустройства, амбивалентности бытийных законов жизни и смерти, а также величия и непостижимости высшего замысла.

Выводы

С целью проследить формирование концепта *нефть* как художественной универсалии мы рассмотрели его воплощение в русском поэтическом дискурсе от первых эпизодических включений анализируемого образа в лексическую структуру лирического текста до произведений 2010-х гг.

До периода становления в статусе художественного концепта в 1990-х образ нефти претерпел значительную дискурсивную эволюцию. От упрощенной эксплуатации физических свойств нефти в компаративных тропеистических структурах в любовной лирике поэтов-романтиков XIX в. данный концепт расширил и углубил свою

семантику вплоть до философски осложненной метафизики нефти в поэзии современных метареалистов.

В лирике конца XIX в., Серебряного века, пореволюционной и послереволюционной поры, а также в Бакинском тексте русской литературы этого же периода были заложены основные векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* в художественном тексте: одический и драматический.

По мере мифологизации поэтического образа посредством аллюзий и мотивов как традиционной, так и неомифологии (пантеизма, христианства, машинного утопизма, космогонии и геологии, технолатрии, анимализма, ницшеанского антропоцентризма, революционного очищения, покорения природы, строительства коммунизма и т.д.) одический вектор трансформировался в героико-патетический и в настоящее время деградировал: он воспринимается по преимуществу в этикетно-эпидейктическом либо в травестийно-ироническом ключе.

В то же время драматический вектор эстетизации образа нефти через насыщение семантикой крови, насилия, войны, социальных и экологических катаклизмов, экономического неравенства, катастрофы, противоестественности, абсолютной зависимости, безнравственности и безнадёжности все более приобретает эсхатологический, апокалипсический характер. Таков обобщенный итог интерпретации темы как в социально ориентированной, так и в философско-метафизической, как в реалистической и модернистской, так и в постмодернистской литературе.

Таким образом, от косвенного и периферийного поэтического образа *нефть* в художественном дискурсе эволюционировала в результате медийной актуализации в семантически и эстетически полноценный художественный концепт. Будучи глобальным символом современной эпохи, *нефть* в настоящее время приобрела все основные характеристики ключевой константы современной культуры.

Заключение

Достигнутые в процессе работы над данным исследованием научные результаты можно в целях формирования адекватной логики их итогового обобщения условно дифференцировать на три взаимосвязанных аспектирующих фокуса: теоретический, интерпретационно-исследовательский и методологический.

Теоретические результаты

Что касается теоретических положений, то предлагаемый нами дискурсивно-стилистический анализ эволюции когнитивных универсалий в текстовом континууме потребовал обновления теоретических презумпций, касающихся проблемы соотношения понятий функционального стиля и дискурса. Опираясь на богатую и разнообразную интерпретативную историю данных понятий в отечественной и зарубежной лингвистике, мы обосновываем эвристическую плодотворность их объединения в рамках общего дискурсивно-стилистического анализа с учетом признания разноприродности стоящих за стилем и дискурсом представлений о языково-речевой системности: классической и диссипативной соответственно.

Характеризуясь и стилистической, и дискурсивной маркированностью, текст коррелирует с одной определенной позицией в единой стилистической классификации, но одновременно может соотноситься с неограниченным количеством дискурсивных классификаций. В результате текст определенного стиля может принадлежать разным дискурсам, а тексты одного дискурса иметь разную стилистическую принадлежность.

Как вербально-ментальные феномены особого рода медиаконцепты зарождаются в отечественной медийной дискурсивной среде 1990-х гг. в период смены (с публицистического на медийный) конструктивно-стилевого вектора стиля текстов СМИ – публицистического стиля, который все чаще в научной литературе называется массмедийным.

Тот факт, что концепт *медиа* становится полноправным членом концептуального и терминологического аппарата современной лингвистики, свидетельствует о признании научным сообществом очень значительных трансформаций стилистического облика медиатекстов, стимулированных утверждением конструктивно-стилевого вектора медийности. В ряду таких важных трансформаций назовем приоритет диалогичности и полилогичности над

монологичностью, полиидеологичности над моноидеологичностью, значительное расширение тематического и оценочного спектра медиа, поливариативность уровня авторской представленности и схем чередования стандарта и экспрессии в текстах СМИ, усиление подвижности и динамичности интерпретационного контента.

В связи с этим медиаконцепты как лингвокогнитивные доминанты публичного «языка эпохи и об эпохе» требуют для своего адекватного описания нового подхода, отличного от разработанного в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике анализа констант культуры.

Стабильные в семантико-аксиологическом отношении, не склонные к значительному дискурсивному варьированию и глубоко укоренные в культурно-языковой традиции константы культуры плодотворно изучаются в рамках статического описательно-каталогизаторского подхода. В то же время мобильные и лабильные в своем семантико-дискурсивном и аксиологическом поведении медиаконцепты, как и дискурсивно-стилистически маркированные текстовые концепты в принципе (научные, художественные, юридические и т.д.), нуждаются в динамическом когнитивно-стилистическом подходе к анализу их эволюционного развития в дискурсивной матрице коммуникации.

Динамический подход предполагает анализ дискурсивно-стилистической эволюции текстового концепта, во-первых, с позиций генерации и генерализации стимулированных концептом новых оценок и смыслов, семантических приращений и нюансов, нелимитируемой дискурсивной вариативности, а во вторых, – с позиции семантико-аксиологической экзистенции концепта на «стреле времени».

Вследствие этого ключевыми характеристиками, позволяющими релевантно описать дискурсивно-стилистическую эволюцию концепта, признаются жизненный цикл и миромоделирующий потенциал.

Жизненный цикл предполагает стадийное развитие медиаконцепта от фазы его зарождения в медийной дискурсивной среде до фазы затухания либо культурной стабилизации и превращения в концепт культуры.

Миромоделирующий потенциал подразумевает способность концепта посредством вариативных семантико-аксиологических модуляций обогащать коллективную картину мира современника, формируя ее постоянно видоизменяющийся актуальный фрагмент.

Особую роль в дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта играют его аккумулирующие «память слова» и «память

понятия» прототипы – вербальный и культурный. В стадии зарождения концепт активно эксплуатирует информационные импульсы, транслируемые его ментальным и вербальным прообразами. В зависимости от объективных экстрадискурсивных факторов – существующих в объективной исторической реальности политических, экономических, социокультурных обстоятельств – медиаконцепты могут иметь стабильный (актуальный во все времена) или «плавающий» (актуализирующийся время от времени) культурный прототип. При этом способность к культурной стабилизации обнаруживают концепты обоих типов.

Кроме прототипического фактора, в ряду интрадискурсивных – связанных с функционированием концепта в эксплицирующем его текстовом пространстве – факторов дискурсивно-стилистической эволюции концепта выделяются: фантомность семантики имени концепта, сила концептуального напряжения, количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания, способность миграции в немедийные дискурсивные сферы (в особенности – в эстетическую), наличие региональных и субкультурных вариантов.

Универсальным законом дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта является закон семантико-аксиологического маятника, обуславливающий длительность жизненного цикла и силу миромоделирующего потенциала медиаконцепта количеством вариативных векторов его ассоциативно-смыслового развертывания и сформированных им разнополярных точек пикового концептуального напряжения, накалом аксиологической конфликтности внутри интерпретационного поля концепта, способностью инкорпорироваться в немедийные дискурсы, приобретая новые (научные, философские, эстетические) смысловые и оценочные модуляции.

Интерпретационно-исследовательские результаты

В работе с неодинаковой степенью полноты представлено и описано пять медиаконцептов: *кризис*, *гламур*, *нано*, *гласность*, *нефть*. Все они находятся на разных стадиях жизненного цикла и обладают разным миромоделирующим потенциалом.

Концепт *кризис* в настоящее время находится в нестабильной стадии на грани затухания, но, не утратив пока дискурсивной актуальности, он может, по причине объективной социальной актуализации снова нарастив свой миромоделирующий потенциал, вернуться в стадию развития и роста. Концепт *гласность*, будучи «потухшим» концептом, находится на периферии медийного тезауруса

современности.

Концепты *нано* и *гламур* находятся в стадии интенсивного развития, однако первый из них пока не обнаруживает заслуживающих внимания философских или эстетических наслоений и, вполне возможно, станет в недалеком будущем одним из семантических кластеров концепта *инновации* (его описание – одна из ближайших перспектив нашей работы).

Концепт *гламур*, напротив, являясь в настоящий момент пульсирующим источником разнообразных мировидческих и эстетических рефлексий, демонстрирует тенденцию к инкультурации и стабилизации. Возможной причиной закрепления в культуре этого концепта с «плавающим» прототипом стал значительный интерпретационно-информационный заряд, транслируемый его вербальным (заимствование из французского с крайне затемненной внутренней формой и неоднозначным фантомным значением) и культурным прообразами. Аллюзии и ассоциации, связанные с субкультурами щегольства в карамзинскую эпоху и стилиг – в хрущевскую, делают более устойчивыми прогностические контуры семантики и аксиологии нового медиаконцепта, становятся дискурсивными опорами его философско-аналитической и эстетической рецепции.

Наиболее полно, объемно и детализированно представлен в работе глобальный символ нашей эпохи – медиаконцепт *нефть*. Это медиаконцепт со стабильным культурным прототипом, локализирующим семантику сырьевого источника экономического процветания общества. Нами рассмотрены два культурных предшественника нефти – это концепт *золото*, прочно укорененный в информационном тезаурусе человечества и приобретший разнообразные лингвокультурные и идиостилевые варианты дискурсивного развития, например – в американской лингвокультуре, и концепт *уголь*, до сих пор являющийся актуальной медийной доминантой в угледобывающих регионах.

Как показало исследование, экономико-сырьевые медиаконцепты со стабильным культурным прототипом активно инкорпорируются в структуру ключевых национальных идеологических мифов, обретающих идиоматическую проекцию в языке (*американская мечта, нефтяная игла*).

Вследствие более глубокой культурной укорененности, непрерывности интерпретационной истории, одновременности нарративной жизни и ассоциативной сопряженности прототипических и актуальных вербализаторов (ср.: *золото, уголь, нефть*), медиаконцепты со стабильным культурным прототипом, в отличие от

медиаконцетов с «плавающим» культурным прототипом, как правило, демонстрируют более сложную и неоднозначную как содержательную, так и аксиологическую структуру.

В настоящее время, находясь в стадии эволюционной зрелости и культурной стабилизации, концепт *нефть* демонстрирует сложившуюся семантическую структуру, включающую в себя два магистральных вектора ассоциативно-смыслового развертывания полярной аксиологической валентности (вектор нефтяной аддикции и вектор идеализации), которые, в свою очередь, имеют неограниченное множество трансформативных субверсий.

Крайне важными для дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта *нефть* по социальным и экономическим причинам оказываются его региональные варианты. На примере нефтедобывающего региона – Томской области – мы рассмотрели специфику реализации анализируемого концепта в городском медиадискурсе, в прессе сельской местности, ставшей нефтедобывающей, и в прессе, а также языковом коллективном сознании жителей города нефтяников Стрежевого.

Как локально маркированный, концепт *нефть* в томском медиадискурсе 2000-х гг., будучи имиджевой константой региона, отличается от своей реализации в мейнстриме центральных СМИ выраженной гипертрофированностью семантико-аксиологических реакций – от подчеркнутой и навязчивой лозунговой позитивности до крайне скептических прогнозов на будущее региона – «сырьевого придатка».

Будучи одной из значимых констант регионального самосознания и региональной культуры, медиаконцепт *нефть* включается в разнообразные ассоциативно-смысловые взаимосвязи с иными актуальными как для общенациональной, так и для локальной медиасферы концептуальными доминантами (*нефть – богатство; нефть – власть; нефтедобывающий регион – живущий на доходы от нефти центр; нефть – футбол*).

Так, в дискурсе газеты Парабельского района Томской области «Нарымский вестник» отчетливо проявлено манипулятивное воздействие концепта *нефть* на семантику и аксиологию основного нравственного императива русской крестьянской лингвокультуры – концепта *труд*: аксиология трудности и интенсивности усилий замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости, а ценность этического долга – ценностями моды и социального престижа.

В итоге «маятниковый эффект» дискурсивной эволюции концепта на сельской территории, ставшей нефтедобывающей,

достигается не внутрискурсивной, а междискурсивной конфликтностью, что убедительно доказывает сопоставление медийных репрезентаций концепта с семантикой высказываний местных диалектоносителей. Категорично навязываемая прессой искусственная пропаганда социальной полезности нефти вступает в противоречие с традиционными нравственными ценностями сельских жителей.

В моногороде, градообразующим началом которого является нефть, наблюдается отчетливый «нефтецентризм» коллективной концептосферы. Результаты лингвистических экспериментов показывают, что в прессе и в региональном сознании жителей Стрежевого аксиологический профиль концепта *нефть* оказывается сугубо комплиментарным, гипертрофированно позитивным, некорректно смещенным. В то же время результаты социолингвистического опроса свидетельствуют о нравственно-этической фрустрации стрежевчан по поводу нефти, об их категорическом отказе оценивать нефть в координатах нравственности и безнравственности, добра и зла, любви и ненависти.

Главными показателями процесса культурной стабилизации концепта *нефть* служат его многочисленные манифестации в текстах немедийных дискурсов: публицистического, паралитературного, художественного и др.

Стимулировав появление эстетически маркированного прецедентного текста (строки из культовой песни рок-поэта Е. Летова *Вечность пахнет нефтью*), данный концепт приобрел значительные дополнительные содержательные потенции в различных дискурсивных средах, в том числе – в интернет-дискурсе. Будучи интерактивным и крайне мобильным коммуникативным пространством, сетевой дискурс весьма способствовал приобретению концептом *нефть* в составе прецедентного феномена новых интерпретативных сценариев от пассивной дословной повторяемости до включения в эндемичные паралитературные интернет-жанры фанфикшн.

В русском поэтическом дискурсе образ нефти также претерпевает масштабную дискурсивно-стилистическую эволюцию от вторичного эстетически блеклого образа в поэзии пушкинской поры до полноценного художественного концепта в современной литературе разных направлений: реализма, модернизма, постмодернизма, метареализма и др. По нашему мнению, современная манифестация художественного концепта *нефть* – это результат эволюционного взаимодействия информационно-интерпретационных импульсов предшествующей традиции эстетического воплощения

нефтяной тематики и активной дискурсивной миграции одноименного медиаконцепта в дискурсы публицистической, научно-популярной, философско-эссеистической, массовой и элитарной художественной литературы.

Пройдя своеобразный всплеск востребованности в поэзии Серебряного века, пореволюционной и послереволюционной поры, а также став интегративной категорией Бакинского текста русской культуры, концепт *нефть* обнаружил тенденцию к аккумуляции в своем интерпретационном поле гетерогенных (пантеистических, христианских, технолатрических, космогонических и т.д.) мифологических образов и символов. При этом в поэтических реализациях образа нефти в лирике первой половины XX в. отчетливо прослеживаются контуры ассоциативно-смыслового развертывания концепта в современном художественном дискурсе, такие как неопантеизм, эсхатологизм или технический утопизм.

Однако поэтический дискурс 2000-х гг., по преимуществу основывающийся на постмодернистской мировидческой платформе, все более склоняется к трагедийным толкованиям нефтяного сюжета от негативных предчувствий «конца нефти» до эскалации семантики крови, насилия, войны, вселенского зла и глобальных экологических катаклизмов.

Таким образом, *нефть* как концепт культуры в его медийной и художественной ипостасях демонстрирует сегодня объемную полифоничность семантической аранжировки, а также отчетливо реализует тенденцию к этической амбивалентности и чрезвычайному релятивизму, свойственную современной постмодернистской культуре.

Методологические результаты

Заявленный в работе динамический подход к анализу дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцептов последовательно соблюдался в ходе исследования, что позволяет обобщить использованные методы, приемы, процедуры и технологии в методику анализа медиаконцепта, которая впоследствии будет, безусловно, корректироваться и уточняться.

Методика динамического когнитивно-стилистического анализа медиаконцепта включает комплекс разноплановых исследовательских процедур и носит поэтапный характер. Целью комплексного анализа того или иного медиаконцепта является выявление его миромоделирующих возможностей посредством описания

дискурсивно-стилистической эволюции концепта в текстах СМИ и иных дискурсивных формаций.

Необходимо отметить, что на предварительном этапе работы и всех последующих этапах крайне востребованы и актуальны методы корпусной и компьютерной лингвистики (см. о них во введении), позволяющие, во-первых, создавать релевантные для конкретного исследования корпусы текстов, а во-вторых, получать достоверные данные о частотности репрезентантов концепта в том или ином текстовом массиве, об их типичных контекстуальных партнерах и коллокациях, о преобладающих аксиологических модусах и т.д.

Основных этапов методики комплексного анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта нами выделяется как минимум шесть. Для удобства презентации представим их в виде таблицы (см. табл. 10).

Таблица 10

**Методика анализа
дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта**

№	Название этапа анализа	Исследовательские процедуры	Результаты
1.	Становление в качестве ключевого слова текущего момента*	Анализ частотности имени концепта и его прямых репрезентантов, их деривационной, метафорической и текстогенной активности	Регистрация факта «рождения» концепта, предварительный прогноз его семантико-аксиологического развертывания в медиадискурсе
2.	Прототипы концепта	Анализ вербального и культурного прототипов концепта, если они имеются	Определение типа прототипической актуализации концепта (концепты со стабильным и «плавающим» культурным прототипом), определение степени фантомности семантики вербального прообраза, выявление основных интерпретационно-информативных

			импульсов, транслируемых концепту его предшественниками
3.	Концепт в зеркале рефлексии медиарайтеров	Анализ уровня рефлексивной активности концепта по шкале от метаязыковой дефиниции и метаязыкового комментария до метаязыковой интерпретации и парапрофессиональной рефлексии, анализ направлений ассоциативно-смыслового развертывания концепта в медиадискурсе	Определение стадии интенсивного развития концепта, описание ключевых векторов ассоциативно-смыслового развертывания и ведущих аксиологических модальностей концепта, выявление зон концептуального напряжения и «сгустков проблемности»
4.	Концепт в составе прецедентных текстов	Анализ функционирования концепта в составе прецедента по шкале от пассивной повторяемости к активной сначала первого, а затем второго порядка, исследование концепта в «прецедентной» функции в различных дискурсивных модификациях	Регистрация стадии дискурсивной стабилизации концепта, вероятный прогноз его культурной стабилизации, описание процесса насыщения интерпретационного поля концепта новыми социальными, философскими и эстетическими семантическими признаками
5.	Региональные, этнокультурные и субкультурные версии концепта	Анализ концепта как регионально / этнически / субкультурно маркированного в аутентичных дискурсивных средах	Выявление и описание семантико-аксиологических вариаций дискурсивно-стилистической эволюции концепта, обогащающих его миромоделирующие возможности

6.	Концепт в немедийных дискурсивных форматах	Анализ междискурсивных миграций концепта (преимущественно в публицистический, философский, научно-популярный, художественный дискурсы)	Регистрация факта культурной стабилизации концепта и перехода его в статус концепта культуры, выявление и описание его новых философских, социокультурных, эстетических смысловых модуляций и аксиологических обертонов
----	--	--	---

* Термин Т.В. Шмелевой

Поскольку медиаконцепты представляются нам динамическими, текучими и нестабильными вербально-ментальными сущностями дискурсивно-стилистической природы, далеко не все из них можно проанализировать, стройно и логично проведя по всем этапам и процедурам данной методики. Многие концепты «затухают» еще на стадии становления или начального роста (ср. концепт *дефолт*), так и не развившись в полноценные медиаконцепты. Некоторые существуют как ключевые слова текущего момента, но прогноз на их дальнейшее развитие делать затруднительно (ср. буквально в последний месяц 2011 г. появившееся и активно эксплуатируемое в настоящий момент медийное значение слова *карусель* – определенная технология фальсификаций на выборах).

Многие медиаконцепты развиваются лишь до стадии дискурсивной стабилизации, становясь когнитивными доминантами медиадискурса, но не вторгаясь при этом во владения иных дискурсивных формаций и не приобретая дополнительных культурных и эстетических смысловых приращений. В то же время такие полноценные медиаконцепты (ср. *кризис*, *нано*) обнаруживают значительной силы эффект семантико-аксиологического маятника, большую рефлексивную активность и вполне могут включаться в состав прецедентных текстов по преимуществу нехудожественного происхождения, а также приобретать актуальные региональные и иные субварианты.

Лишь некоторые медиаконцепты мы можем назвать медиаконцептами «полного цикла» (ср. концепты *гламур* и *нефть*). Эти когнитивные доминанты, как правило, обнаруживают информативно и социоаксиологически перспективные вербальный

и / или культурный прототипы, интенсивно развивают свои интерпретативные конфликтогенные возможности в медиасреде, активно варьируют в региональных и субкультурных коммуникативных инфосферах, становятся так или иначе востребованными иными дискурсами вплоть до художественного и, в конце концов, становятся концептами культуры – своеобразными точками отсчета в системе мировидческих и эстетических координат современности.

Безусловно, каждый медиаконцепт, особенно медиаконцепт «полного цикла» дискурсивного развития, достоин отдельного монографического исследования. В усовершенствовании и детализации нуждается методика комплексного анализа дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта. Кроме того, актуальная задача теоретического характера – комплексное осмысление статуса массмедийного стиля, претерпевшего смену конструктивно-стилевого вектора с публицистического на медийный и требующего системного и последовательного описания произошедших в нем кардинальных трансформаций.

Литература

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
2. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 224 с.
3. Алексеев П.В. «Петробагдад» на «башне» Вяч. Иванова // Самиздат. 2009. URL: http://zhurnal.lib.ru/a/alekseew_p_w/petrobagdad.shtml
4. Алексеева М.С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена. 2003. 96 с.
6. Алтайский текст в русской культуре: материалы IV межрегион. (с междунар. участием) науч. конф. / под ред. Т.Г.Черняевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 241 с.
7. Амирханян М.Д. Русская художественная литература и геноцид армян. Ереван: Айастан, 1988. 266 с. URL: <http://www.genocide.ru/lib/amirkhanyan/ru-fiction/1.htm>
8. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 48 с.
9. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 107 с.
10. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 392 с.
11. Антонян К.В. «Глагольные» категории прилагательного в современном китайском языке (прилагательное в сочетании с глагольными модификаторами) // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 10 – 14.
12. Аристов А.Ю. Интерпретация лингвокультурного фона в произведениях англоязычных авторов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2008. 16 с.
13. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 106 – 113.
14. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке: сб. статей. М., 2000. С. 7 – 19.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
16. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 267 – 279.
17. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Худож. лит., 1966. 824 с.
18. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998. 41 с.
19. Бакинский феномен // Лехаим. 2007. № 7. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/183/mamedov.htm>

20. Басалаева И.П. Понятие *фронтир* в современном сибиреведении // Языки и фольклор народов Сибири. 2011. № 2. URL: http://www.sivir.ru/frontier_in_siberia_science/
21. Басова Л.В. Концепт «труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
22. Белоусова А.И. Ономастический концепт «Россия» в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011. 24 с.
23. Белошاپкова Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 40 с.
24. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции: ст. по обществ. и религ. психологии. СПб., 1910. 304 с.
25. Берестов В.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Вагриус, 1998. URL: <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/berestov/univers.htm>
26. Бешукова Ф.Б. Медиадискурс постмодернистского литературного пространства. Майкоп: Изд-во Адыг. ун-та, 2008. 280 с.
27. Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 96 – 129.
28. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Межвуз. сб. научн. тр. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 25 – 36.
29. Болдырев Н.Н. Прототипическая семантика как метод лингвистического анализа // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. С. 11 – 14.
30. Болотнов А.В. О некоторых текстовых направлениях ассоциирования, отражающих концепт *хаос* в лирике М. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 2. С. 85 – 91.
31. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле текста и слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000. С. 9 – 22.
32. Болотнова Н.С., Васильева А.А. Коммуникативная стилистика текста: Библиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. 188 с.
33. Болотнова Н.С. Задачи и основные направления коммуникативной стилистики художественного текста // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 1998а. Вып. 6. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). С. 6 – 8.
34. Болотнова Н.С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: материалы VII Всерос. науч.-практ. семинара (27 апр. 2004 г.). Томск, 2004а. С. 7 – 19.
35. Болотнова Н.С. Когнитивные исследования в коммуникативной стилистике текста: основные этапы и результаты // Русская речевая культура и текст: материалы VII Междунар. науч. конф. (16 – 18 мая 2012 г.). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. С. 181 – 192.
36. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.

37. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука. 2003. С. 157 – 162.
38. Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки. 1992. № 4. С. 75 – 87.
39. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. 212 с.
40. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 2 (66). С. 74 – 79.
41. Болотнова Н.С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (11 – 12 окт. 2001 г.). Томск, 2001. С. 16 – 28.
42. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. Вып. VII. Opole, 1998б. С. 179 – 188.
43. Болотнова Н.С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3 (105). С. 34 – 40.
44. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко. СПб., 1998в. С. 242 – 247.
45. Болотнова Н.С. Поэтический текст как форма репрезентации гиперконцепта // Язык и общество в синхронии и диахронии: тр. и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой (Саратов, нояб. 2005 г.). Саратов, 2005а. С. 346 – 352.
46. Болотнова Н.С. Смысловой код и коммуникативная стратегия текста (к методике анализа текста нонсенса) // Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз. и лит. ин-та яз. коммуникации Том. политехн. ун-та. Томск, 2004б. С. 227 – 231.
47. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 631 с.
48. Болотнова Н.С. Художественный концепт как объект филологического исследования // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Пермь, 2005б. С. 50 – 57.
49. Болотнова Н.С., Васильева А.А. Коммуникативная стилистика текста: Библиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. 188 с.
50. Большакова А.Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (Астрахань, 19 – 24 апр. 2010 г.). Астрахань, 2010. С. 5 – 14.
51. Большухин Л.Ю. Путь к счастью в творчестве В.В. Маяковского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 242 – 248.

52. Бриченкова Е.С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 23 с.
53. Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2010/n1/index.shtml>
54. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001. 283 с.
55. Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 22 с.
56. Бычков В.В. Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 47 – 57.
57. В.И. Ленин в поэзии рабочих: сборник литературно-художественных материалов для рабочих клубов. Л.: Изд-во книж. сектора ГУБОНО, 1925. 108 с.
58. Вайль П. Будет нефть // Российская газета. 2008. № 4596. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/22/neft.html>
59. Варбот Ж.Ж. *Хорохориться и хороший* // Русская речь. 1980. № 1. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_137
60. Вартанова Н.Г. Структурно-семантические и функциональные особенности жанра рекламного интервью в русских и французских СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 21 с.
61. Варфоломеев А.П. Психосемантика слова и лингвостатистика текста: метод. рекомендации к спецкурсу. Калининград, 2000. 37 с.
62. Вацуро В.Э. Карамзин возвращается // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 33 – 39.
63. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
64. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
65. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: Толк, 1994. 1138 с. URL: <http://wordhist.narod.ru>
66. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Государственное изд-во худ. лит., 1959. 652с.
67. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
68. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Изд-во худ. лит., 1961. 613 с.
69. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство АН СССР, 1963. 256 с.
70. Виноградова В.В. Мифопоэтика кризисной антропологии в малой прозе русских декадентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 21 с.
71. Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
72. Воейкова А.А. Ценностные концепты русских и американских рекламных текстов и их анализ методом семантического дифференциала // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 35 (173). С. 27 – 31.

73. Вольнец Т.Н. Поэтика слов категории состояния // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып. 5. Гродно, 2005. С. 211 – 226.
74. Воркачев С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (1): Любовь-милость // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2005а. Т. 64. № 4. С. 46–55.
75. Воркачев С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (2): Любовь-жалость // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2006. Т. 65. № 2. С. 33–40.
76. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5 – 12.
77. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005б. № 4. С. 76 – 83.
78. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 66. 2007. № 2. С. 13 – 22.
79. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.
80. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79 – 95.
81. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 5. С. 64 – 74. URL: <http://oleshkov.info-tag.ru>
82. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
83. Ворожбитова А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 21 – 42.
84. Ворожцова О.А., Зайцева А.Б. Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского гос. ун-та. 2006. № 45. С. 222 – 229.
85. Воронин А.А. Брюсов: посев Атлантиды. Некоторые атлантологические комментарии к жизни и творчеству поэта // Брюсовские чтения 2010. Ереван: Лингва, 2011. URL: <http://lah.ru/text/voronin/brusov.htm>
86. Гаджиев А.Д. Азербайджан в творчестве профессора бакинского университета поэта-символиста В.И. Иванова // Вестник Бакинского государственного университета. 2007. № 2. С. 35 – 40.
87. Гаджиев А.Д. Баку в русской литературе // «Если ты Баку не видел...»: сб. стихотворений рус. поэтов XIX – XX столетий, посвящ. Баку. Баку, 2005. URL: <http://yazikilitra.narod.ru/qila.htm>
88. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.
89. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М.: Высш. шк., 1993. 272 с. URL: http://philologos.narod.ru/mlgaspar/gasp_rverse.htm#1000
90. Гачма Е.В. Концепт «хлеб / bread» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Ломоносов: материалы XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и

- молодых ученых (Москва, 8 – 11 апр. 2008 г.). М., 2008. URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/11_3.pdf
91. Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Lingüistica* 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. СПб.: Тригон, 1999. С. 146 – 154.
 92. Горбаневский М.В. Отзыв официального оппонента о диссертации Рынкович Ю.С. // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2011. № 3. С. 132 – 145.
 93. Горбунцов Д. «Милый Солнцеверт» // *Нефть России*. 2003. № 10. URL: <http://www.oilru.com/nr/122/2244/>
 94. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958 – 2000-е годы. М.: Языки славян. культуры, 2006. 816 с.
 95. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
 96. Григорьев В.П. Самовитое слово и его словарное представление // *Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз.* М.: Наука, 1994. Т. 53. № 4. С. 69 – 74.
 97. Гридина Т.А. Имена собственные как база языковой игры // *Русский язык в школе*. 1996. № 3. С. 51 – 55.
 98. Гримберг Ф. Кавказский текст русской культуры // *Континент*. 2000. № 104. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/104/gr8.html>
 99. Гриценко Л.М. Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации: автореф. дис. канд. ... филол. наук. Томск, 2010. 23 с.
 100. Гриценко Л.М. Языковая игра как способ реализации прецедентного текста в чат-коммуникации // *Вестн. Томского гос. ун-та*. 2009. № 318. С. 14 – 17.
 101. Грузберг Л. Концепт, или Отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? // *Филолог*. 2002. № 1. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_1_31
 102. Груздева Е.А. Специфика организации текста в путевых очерках Марка Твена // *Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Том 19 (58)*. 2006. С. 305 – 309.
 103. Губайдуллина А.Н. Поэзия Егора Летова: сибирский вариант неоавангарда // *Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: сб.* Иркутск: Оттиск, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_3.html
 104. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 152 с.
 105. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
 106. Гусева Е.И. Критерии терминологичности и корреляция «термин – слово общего языка» // *Вестн. Донецкого ун-та*. 2008. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 13 – 20.
 107. Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 289 с.
 108. Гусейнов Г.Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. 2008. URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>
 109. Гуслякова Н.В. Функционально-прагматический анализ заголовочных комплексов газетного дискурса в переходный период (на материале

- русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 28 с.
110. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 115 – 122.
 111. Д. Пучков (Гоблин) о СССР! (2010). URL: <http://www.italia.ru.it/forums/2010/08/24/d-puchkov-goblin-o-sssr-ochen-interesno>.
 112. Давыдов Д. Панк-памятник // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/lit27.html>
 113. Дайс Е., Сид И. Переизбыток писем на воде: Крым в истории русской литературы // Нева. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/3/ku17.html>
 114. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: ЭКСМО, 2004. 736 с.
 115. Даниелян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван: Лингва, 2002. 176 с.
 116. Даренский В. Феномен современной техники в контексте библейской картины мира: онтологические и этические аспекты // Ответственность религии и науки в современном мире. М.: ББИ, 2010. С. 149 –158.
 117. Дариева Ц. Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променада истории // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/d9.html>
 118. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35 – 47.
 119. Дергачева Е.А. Техногенность и ее идейное содержание // Вестн. Брянского технического ун-та. 2009. № 2 (22). С. 167–173.
 120. Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 18 (156). С. 63 – 69.
 121. Джуварлы Т. Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей // Азербайджан и Россия: общества и государства: сб. публ. Музея и обществ. центра им. Андрея Сахарова. Вып. 4. 2001. С. 379 – 434.
 122. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М: Астрель, 2003. 1578 с.
 123. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС Эдиториал, 2005. 288 с.
 124. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
 125. Долгин А.Б. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. М.: АСТ, 2010. 256 с.
 126. Долгин А.Б. Экономика символического обмена. М.: Инфра-М, 2006. 632 с.
 127. Дронова Л.П. Языковые контакты и проблема реконструкции концептов // Вестн.Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 172 – 176.
 128. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004а. URL: http://www.psujournal.narod.ru/lib/dial_.htm
 129. Дускаева Л.Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте

- речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004б. 112 с.
130. Дускаева Л.Р. Оценка мнений о действительности в публицистике // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2004в. С. 234 – 247.
131. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 664 – 675.
132. Егорова О.С., Кириллова О.А. Языковая репрезентация концепта «свобода» в медиадискурсе (на материале прецедентных феноменов) // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 154 – 158.
133. Ельникова О.Е. Публицистичность литературы Киевской Руси: тексты, авторы, аудитория: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 22 с.
134. Еремин А.Л. Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: Сов. Кубань, 2005. 356 с.
135. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа: Рус. яз., 2000. 1233 с.
136. Желтухина М.Р. Функции масс-медиального дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. Орел: ОГИИК: Каргуш, 2007. С. 191 – 201.
137. Загидуллина М. Международная конференция «Пищевой код в славянских культурах» (Москва, 2 – 4 декабря 2008 г.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/za34.html>
138. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 1999. 382 с.
139. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75 – 89.
140. Заславский Д. Два Форда (Предисловие к русскому изданию) // Форд Г. Сегодня и завтра. Л., 1927. С. 2 – 13.
141. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2003. 783 с.
142. Зинковская Л.С. Репрезентация концепта хлеб в народно-разговорной речи XIX – XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 259 с.
143. Иванова Т.В. Содержательный потенциал актуальных концептов в современном американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 21 с.
144. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
145. Ильина О.В. Речевое воплощение стереотипных представлений о богатых и бедных в современных газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
146. Исакова А.А. Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 43 с.
147. Иссерс О.С. Интердискурсивность и интеркодировость в новых коммуникативных практиках русского языка // Русский язык:

- исторические судьбы и современность: сб. тр. IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, МГУ, 20 – 23 марта 2010 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 119 – 120.
148. История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена: учеб. пособие / отв. ред. С.И. Кормилов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 480 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook046/01/about.htm>
149. Кабаченко Е.Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 21 с.
150. Казнова Н.Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 23 с.
151. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 58 – 66.
152. Калиткина Г.В. Стереотипы социального времени в традиционной культуре // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4 – 5. Красноярск, 2003. С. 102 – 110.
153. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высш. шк., 1990. 151 с.
154. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 97 – 106.
155. Каминский П.П. Публицистика В.Г. Распутина: мировоззрение и проблематика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 22 с.
156. Кан А. «Левой! Левой! Левой!» // Русская служба Би-би-си. 2007. 01 ноября. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_7066000/7066839.stm
157. Карабичевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М.: НЦ ЭНАС, 2008. 320 с. URL: <http://noskoff.lib.ru/akara010.html>
158. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185 – 197. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>
159. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5 – 20.
160. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5 – 19.
161. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
162. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
163. Карасик В.И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 9 – 13.
164. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: «Наука», 1987. 264 с.
165. Карицкая Л.Ю. Экспрессивные лексические ресурсы современной газетной публицистики (на материале газет Мурманского региона 2001 – 2008 гг): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 23 с.
166. Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. 288 с.

167. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
168. Квятковский А.П. Ода // Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. С. 178 – 179. URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-1783.htm>
169. Кегеян С.Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 29 с.
170. Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. Орел: ОГПИК, 2008. С. 6 – 11. URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrikaa/files/Media_discourse@Orel_2008.pdf
171. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Акад. проект, 2005а. 448 с.
172. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Акад. проект, 2005б. 400 с.
173. Кириллова Н.Б. От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8
174. Кислая Л.Н. Редакционная политика районной прессы (на примере газет Новосибирской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
175. Клушина Н.И. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности // Мир русского слова. Дайджест. 2010. № 2. С. 6.
176. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 244 с.
177. Ковалева Е.А. Элементы «железнодорожного дискурса» в поэзии серебряного века: лексический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 21 с.
178. Кожемякин Е.А. «Дискурсивный поворот» современных социально-гуманитарных исследований // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. Вып. 2. URL: <http://gsen.pi.sfedu.ru/articles2008/issue2/2-2a.pdf>
179. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (73). С.13 – 21.
180. Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика // Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 189 – 201.
181. Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль: сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9 – 33.
182. Кожина М.Н. Экстралингвистические (внелингвистические) стилеобразующие факторы функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 624 – 627.
183. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

184. Кожин В.В. Примечания // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 463 – 528.
185. Козлов Е.В. Развлекательный нарратив в паралитературе: культурный статус и дискурсивные практики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. URL: http://www.ceninauku.ru/page_14290.htm
186. Козлович А. Восход и заход публициста: цикл лекций. Минск, 2010. URL: <http://kamunikat.org/halounaja.html?pubid=13511>
187. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 58 – 66.
188. Колтышева С.Я. Метафорическое моделирование образа шоу-бизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
189. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 331 с.
190. Коновалова Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 25 с.
191. Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского // Ладинский А. Собрание стихотворений / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Рус. путь, 2008. URL: <http://www.rp-net.ru/store/element.php>
192. Костикова О.Ф. Лингвостилистическая специфика русской публицистики начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
193. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
194. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 266 с.
195. Костюченкова Н.В. Проявление метафоричности в лексическом и семантическом пространствах языка // Вестн. ЦМО МГУ. Русистика. 2009. № 1. С. 12 – 14.
196. Кошель М., Кукулин И. Все ерунда, кроме // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/lit27.html>
197. Кошечкин С.П. Весенней гулкой ранью... Этюды-раздумья о С. Есенине. М., 1984. 224 с.
198. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена. 2001. 495 с.
199. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
200. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
201. Крейндель В.М. Нефть и макроэкономика: связь все еще плохо изучена. 2009. URL: http://www.ifs.ru/upload/ifsmacro_040609.pdf
202. Кронгауз М.А. Девальвация смысла. 2006. URL: <http://il.rsuh.ru/docsllsh/Krongauz2006-2.pdf>
203. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. 232 с.
204. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический

- энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 612 – 616.
205. Крымский текст в русской культуре: материалы междунар. науч. конф. (4 – 6 сентября 2006 г.). СПб., 2008. 250 с.
206. Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>
207. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
208. Крючкова Н.В. Концепт – Референция – Коммуникация. Саратов, 2009. 391 с.
209. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. М., 1997. 245 с.
210. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 34 – 37.
211. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004. 560 с.
212. Куданкина О.А. Актуализация концепта *Германия* в российской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2005. 23 с.
213. Кузнецов В.Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 38 – 45.
214. Кузьмин А.М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Медиаскоп. 2011. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/765>
215. Кузьмина Н.А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации: межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посв. 80-летию проф. Н.С. Валгиной. М., 2007. С. 192 – 193.
216. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: ЛИБРОКОМ, 2009. 228 с.
217. Куликова Н.А. Одорический код в художественном тексте: лингвоэвocationsное исследование (на материале художественной прозы А.П. Чехова): автореф. дис. канд. ... филол. наук. Барнаул, 2010. 17 с.
218. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 35 – 40.
219. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
220. Купцова И.А. Ценностно-смысловое взаимодействие русской провинциальной и массовой культуры. 2009. URL: <http://regionsar.ru/node/439?page=0,2>
221. Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/39.htm>
222. Лазуткина Е.М. Публицистический стиль: новые черты. М.: ЭЛПИС, 2008. 79 с.

223. Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // *Cahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV. P. 401 – 412.
224. Латынина А.Н. Судьба пророка в XXI веке: О романе Александра Иличевского «Перс» // *Новый мир*. 2010. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/10/la13.html
225. Лахманн Р. «Истерический дискурс» Достоевского // *Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. М., 2006*. С. 148 – 168.
226. Лежнев А. «Левое искусство» и его социальный смысл // *Лежнев А. О литературе: статьи. М.: Сов. писатель, 1987*. URL: http://scepsis.ru/library/id_3052.html
227. Лекманов О. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М.: Intrada. 2006. 124 с.
228. Леонов М.Г. Поэзия Кавказских гор // *Природа*. 2003. № 7. С. 25 – 35.
229. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград, 2007. 400 с.
230. Лисицкая Л.Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2010. 42 с.
231. Лисюткина Л. Самиздат и агитпроп. Гласность перед вызовом свободного рынка // *Общественные науки и современность*. 1993. № 4. С. 101 – 113.
232. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997*. С. 280 – 287.
233. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
234. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992*. С. 200 – 202.
235. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lotm_karam/06.php
236. Лукашевич Н.В. Моделирование отношения часть–целое в лингвистическом ресурсе для информационно-поисковых приложений. 2007. URL: http://www.cir.ru/docs/ips/publications/2007_IT_thes.doc
237. Лурье В.М. Смерть и самоубийство как фундаментальные концепции русской рок-культуры. 2001. URL: www.russ.ru/culture/20010529.html
238. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 39 с.
239. Лутовинова О.В. Прецедентные феномены виртуального дискурса // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 2. С. 131 – 136.
240. Лысакова И.П. Язык газеты и типология прессы: социологическое исследование. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 256 с.
241. Лысова Л.Д. Сочетаемость прилагательных *трудный, сложный, тяжелый* с существительными, обозначающими ребенка, и существительными, обозначающими взрослого человека // *Материалы докл. XVI Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых*

- «Ломоносов». 2009. URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/russian/lexis/lysova.pdf
242. Люсый А.П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М.: Рус. импульс, 2007. 240 с.
243. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
244. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
245. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
246. Макогоненко Г.П., Серман И.З. Новиков // История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1941 – 1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. С. 123 – 151.
247. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 32 – 40.
248. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 46 с.
249. Марущак А.В. Отечественная публицистика периода «оттепели» (1953–1964 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 26 с.
250. Маслова А.Н. Особенности функционирования местных СМИ моногородов // Корпоративная культура: от теории к практике: сб. науч. тр. Ульяновск, 2009. С. 37 – 40.
251. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 208 с.
252. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. 272 с.
253. Медиадискурс и проблемы медиаобразования: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 27 – 29 сент. 2010 г.). Омск, 2011. 384 с.
254. Мелехова Н.А. Исповедальное телевизионное интервью как речевой жанр масс-медиаального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 23 с.
255. Мировая художественная культура. XX век. Литература / Ю.В. Манн, В.А. Зайцев, О.В. Стукалова, Е.П. Олесина. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
256. Миронова Н.К. Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль – к проблеме определения понятия // Медиаскоп. 2011. Вып. 1. URL: <http://mediascope.ru>
257. Мирутенко К.С. Эволюция типов щеголя и щеголихи в комедийных жанрах русской драматургии и театра второй половины XVIII – начала XIX вв.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2007. 22 с.
258. Михайлов А.П. Моделирование концепта «власть» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 233 с.
259. Мишланова С.Л. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с. // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Пермь, 2004. С. 365 – 377.

260. Молчанова Н.А. «Сонеты солнца, меда и луны»: проблемы творческой эволюции К.Д. Бальмонта // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 230 – 237.
261. Моргун Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 20 с.
262. Музрукова Т.Г., Нечаева И.В. Популярный словарь иностранных слов: около 5000 слов / под ред. И.В. Нечаевой. М.: Азбуковник, 2000. 496 с. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=231>
263. Муравьева Н.В. Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.
264. Нахимова Е.А. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2 (36). С. 152 – 156.
265. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>
266. Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>
267. Немец Г.Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2010. Вып. 3. С. 96 – 101.
268. Никитин О.В. [Рецензия] // Русский язык за рубежом. 2004. № 4. С. 95 – 97. Рец. на кн.: Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
269. Ничипоров И.Б. Авторская песня 1950 – 1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008. 54 с.
270. Ничипоров И.Б. Песенно-поэтическая антропология. Люди трудных профессий в изображении Ю. Визбора и В. Высоцкого // Развитие личности. 2003. № 2. С. 71 – 82.
271. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.; М.: Харвест: АСТ, 2001. 976 с.
272. Новичкова Т.А. Сор и золото в фольклоре // Полярность в культуре / сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. СПб., 1996. С. 121 – 156.
273. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 943 с.
274. Олешко В.Ф. Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2007. 276 с.
275. Ольбик А. Ностальгические хроники (сборник интервью). М.: Авваллон, 2006. 364 с. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=81112&p=1>
276. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 6 (69). С. 79 – 84.
277. Орлова О.В. К проблеме изучения медиаконцептов в современной лингвоконцептологии // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сб. науч. ст. Вып. 10. Красноярск, 2010. С. 93 – 97.
278. Орлова О.В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестн. Томского гос. ун-та. 2009. № 326. С. 34 – 38.

279. Орлова О.В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта *язык* в лирике И. Бродского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 25 с.
280. Орлова О.В. Моделирование ассоциативно-смыслового поля «язык» в узусе и лирике И. Бродского // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: материалы VII Всерос. науч.-практ. семинара (27 апр. 2004 г.). Томск, 2004. С. 110 – 116.
281. Орлова О.В. Проблемы диалогического взаимодействия в современном медиaprостранстве // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 368 – 389.
282. Орлова О.В. Специфика реализации принципа чередования стандарта и экспрессии в современном рекламном тексте // Текст и языковая личность: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26 – 27 окт. 2007 г.). Томск, 2007. С. 320 – 325.
283. Орлова О.В. Художественный и рекламный текст: принципы регулятивности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 5 (56). С. 129 – 133.
284. Осипова Н.В. Вятский провинциальный текст в культурном контексте // Бинобль. 2002. № 16. URL: <http://binokl-vyatka.narod.ru/B16/osip.htm>
285. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
286. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
287. Панова Л.Г. Велимир Хлебников в работе над «чужими» сюжетами: «Заклятие смехом» и «Мирсконца» // Метаморфозы русской литературы: сб. памяти Миливое Йовановича. Белград, 2010. С. 221 – 239.
288. Парфенова А.И. Влияние философии космизма на русскую культуру конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2001. 168 с.
289. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
290. Петровский М. Сравнение // Литературная энциклопедия: слов. лит. терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 860 – 862. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-8601.htm>
291. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
292. Пименова М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 52 – 60.
293. Пищальникова В.А. Доминантная эстетизированная эмоция как суггестивный компонент художественного текста // Изв. Алтайского гос. ун-та. 1997. № 2. С. 12 – 16.
294. Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул: Изд-во Алт. техн. ун-та, 1999. 173 с.
295. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
296. Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке: Когнитивный аспект исследования. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 1999. 110 с.

297. Позднякова Е.М. Таксономическая категоризация глагола и концепт «активное начало» в категории имени деятеля // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 239 – 257.
298. Пономарева О.Б. Метафора и символ как два вида семантической деривации // Язык и литература. 2002. Вып. 16. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No16/text08.htm>
299. Попов Е.А. Динамика жизненных форм русского авангарда начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2003. 185 с.
300. Попова Е.А. «Авось» в русском сознании. 2001. URL: <http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2001/Popova.htm>
301. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
302. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 191 с.
303. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
304. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8 – 69.
305. Прасолова К.А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж. К. Ролинг): дис. канд... филол. наук. Калининград, 2009. 258 с.
306. Прибылова О.В. Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 193 с.
307. Приходько А.Н. Когнитивно-коммуникативная типология дискурсов // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. 2009. Вип. 1. URL: www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vknlul/2009_1/3.pdf
308. Проничева О.Ю. Языковые средства воздействия на массовую аудиторию: на материале текстов агитационной листовки: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 220 с.
309. Прохоров Е.П. Искусство публицистики. М.: Сов. писатель, 1984. 140 с.
310. Прохоров Е.П. Современная советская публицистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 107 с.
311. Радионцева Е.С. Творческий потенциал современной районной газеты: автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 19 с.
312. Ракитина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 46 с.
313. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/rassb01/index.htm>
314. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15 – 97.
315. Риндисбахер Х. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/hans.html>
316. Рогачева Н.А. Русская лирика рубежа XIX – XX веков: поэтика запаха: автореф. дис. докт... филол. наук. Екатеринбург, 2011. 48 с.

317. Рогачева Н.Б. Речежанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация: материалы Всерос. науч. шк. для молодежи (25 авг. – 8 окт. 2009 г.). Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 97 – 100.
318. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003а. 42 с.
319. Рогозина И.В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. URL: <http://psycholing.narod.ru/monograf/rogozina-psy-hrest.htm>
320. Роднянская И. Дней минувших анекдоты? // Арион. 2008. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2008/4/to28.html>.
321. Романовский И.И. Масс медиа. Словарь терминов и понятий. М.: Изд-во Союза журналистов России, 2004. 480 с.
322. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
323. Русская мифология: энцикл. М.; СПб.: Эксмо: Мидгард, 2007. URL: <http://lib.rus.ec/b/183510/read>
324. Рут М.Э. Антропонимы: размышление о семантике // Изв. Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. С. 59 – 64.
325. Рыжков М.С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 25 с.
326. Рынкович Ю.С. Трансформация языка молодежной прессы в эпоху общественных реформ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 21 с.
327. Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 270 с.
328. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия: основные проблемы и понятия. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008. С. 7 – 40.
329. Селищев А.М. Язык революционной эпохи // Русская речь. 1991. № 1. С. 86 – 102.
330. Серкин В.П. Семантические дифференциалы // Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 80 – 95.
331. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/>
332. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2010. 234 с.
333. Сидорова Е.Г. Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2007. № 6. С. 40 – 46.
334. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 98 – 123. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7silantev.htm>
335. Симоненко М.А. Реализация перцептивного признака «форма» в дискурсе архитектора // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 2(8). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008-13.pdf>

336. Симония Н. Нефть в мировой политике // Международные процессы. 2005. № 3(9). URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/001.htm>
337. Синячкин В.П. Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 22 с.
338. Сказочная энциклопедия / под общ. ред. Н. Будур. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 607 с.
339. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004, 340 с.
340. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
341. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2002. 383 с.
342. Созина Е. К. Мотив перверсных пиров в русской поэзии 1830 – 1870-х годов // Архетипические структуры художественного сознания. Вып. 3. Екатеринбург, 2002. С. 121 – 129.
343. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа-текст» // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. №2. С. 7 – 15.
344. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 312 – 315.
345. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Наука, 2003. 250 с.
346. Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. Вып. 4. М., 1998. С. 5 – 33.
347. Сорос Дж. Роль Америки в мире // Вестник Европы. 2003. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/soros.html>
348. Степаненко К.А. Проблемы смеха и смерти в лирике Велимира Хлебникова: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 173 с.
349. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 34 – 72.
350. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997а. 824 с.
351. Степанов Ю.С. Слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997б. С. 288 – 305.
352. Стернин И.А. Значение и концепт: сходства и различия // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М.: ИРЯ РАН, 2006, С. 485 – 495.
353. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Москва; Воронеж, 2002. С. 44 – 51.
354. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ. 2001. С. 58 – 65.
355. Стернин И.А. Структура концепта // Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж, 2008. С. 172 – 184.
356. Субботина И.К. Языковая и литературная личность А. Гайдара в лингвориторических параметрах советского художественно-идеологического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик,

2011. 23 с.
357. Сулименко Н.Е. Словарь как вторичный текст и проблемы взаимодействия научных парадигм в современной лингвистике // Дискретность и континуальность в языке и тексте: материалы Междунар. конф. «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» (Новосибирск, 15 – 16 окт. 2009 г.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 268 – 274.
358. Султанов К. «Кавказский текст» Л. Толстого в онтологическом измерении // Лев Толстой и мировая литература: материалы IV Междунар. науч. конф. (Ясная Поляна, 22 – 25 авг. 2007 г.). Ясная Поляна, 2007. С. 5 – 26.
359. Султанов Ч. Нашествие. Кн. 1. Баку, 2004. 596 с.
360. Супоницкая И.М. «Фронтир» и «золотая лихорадка»: Американский Запад в произведениях Ф. Брет Гарта и Марка Твена // История. 2004. № 48. URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-frontier/2.html>
361. Суворцов Ю. О публицистике и публицистичности // Знамя. 1986. № 4. С. 208 – 224.
362. Тарасова И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Самар. гос. ун-та. Сер.: Языкознание. 2004. № 1 (31). С. 163 – 169.
363. Тарасова. И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 280 с.
364. Тартаковский П.И. Поэзия Хлебникова и Восток. 1917 – 1922 годы. Ташкент: Фан, 1992. 306 с. URL: http://ka2.ru/nauka/tar_1917_3.html
365. Тимченко Е.Б. Признаки живого существа концептов кровь и blood (на материале произведений русских и британских авторов) // Вестн. Томского гос. ун-та. Язык и культура. 2009. № 3 (7). С. 69 – 81.
366. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 47 с.
367. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935 – 1940.
368. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259 – 367.
369. Топоров В.Н. Поэт // Мифы народов мира: энцикл. М., 1980. Т. 2. С. 327 – 328.
370. Трушкова И.Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX вв.: система жизнеобеспечения: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 471 с.
371. Тряпицына Е.В. Категория точности художественного текста: дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 170 с. URL: <http://31f.ru/dissertation/page,10,236-dissertaciya-kategoriya-tochnosti-xudozhestvennogo-teksta.html>
372. Туленков Д.А. Спортивная публицистика и спортивная журналистика: особенности специализированного направления // Журналистика. Молодые исследователи: межвуз. сб. науч. работ студентов и аспирантов. СПб., 2004. Вып. 3. С. 173 – 180.

373. Тулупова К.В. Медиадискурс как объект исследования // Журналистика: Взаимодействие науки и практики: материалы междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3 – 7 окт. 2007 г.). Ростов-на-Дону, 2007. С. 190 –193.
374. Тулупова К.В. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 195 с.
375. Урбан А. «Открылась бездна, звезд полна...» // Кибернетический Пегас: антол. Л., 1989. URL: <http://poezosfera.ru/?p=2318>
376. Ускова О.А. Становление метаязыка бизнеса в русском языковом пространстве: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 38 с.
377. Ушаков Б.Ю. О символах в средствах массовой коммуникации // Филологические науки. 2009. № 1. С. 94 – 100.
378. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку XIX – начала XX веков. Л.: Стройиздат, 1978. 216 с.
379. Федоров А.В. Краткий словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. 2008. URL: media-pedagogics.ru/files/fedorov.doc
380. Федоров А.В. Медиаобразование, медиаграмотность, медиакритика и медиакультура // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 134 –138.
381. Федоров А.В. Развитие критического мышления в медиаобразовании: основные понятия // Инновации в образовании. 2007. № 4. С. 30 – 47.
382. Федоров А.В. Специфика медиаобразования студентов педагогических вузов // Педагогика. 2004. № 4. С.43 – 51.
383. Федоров А.В., Новикова А.А. Основные теоретические концепции медиаобразования // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 1. С. 149 –158.
384. Федорова Л.Ю. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа: автореф. дис. канд. ... социол. наук. Ростов-на-Дону, 2008, 24 с.
385. Фейлер Л. Марина Цветаева: Пер. с англ. Ростов–на–Дону: Феникс, 1998. 416 с.
386. Филатова А. Ладинский Антонин Петрович // Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа. Русская литература. М.: Ин-ут рус. цивилизации, 2004. 1104 с. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4581&abc=1>
387. Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (На материале малой прозы 60 – 80-х годов XX века): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 199 с.
388. Фролов Н.К., Моргун Н.Л. Научные стили речи в компьютерном дискурсе // Мир ПК. 2004. № 4. URL: <http://frgf.utmn.ru/Nol7/textlO.htm>
389. Хахам Д. Последняя любовь Брюсова, или Неизвестный роман Аделины Адалис. 2007. URL: <http://sites.google.com/site/davidkhakhamssite/>
390. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ: РГГУ, 2010. URL: <http://www.peremeny.ru/book/rd/160>
391. Цао Ю. Эволюция газетно-публицистического стиля на рубеже XX – XXI вв. (Лексический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 183 с.

392. Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «Профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 177 – 192.
393. Чагин П.И. Сергей Есенин в Баку // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 160 – 164.
394. Чельшева И.В. Медиакультура и медиареальность в жизни современного общества потребления // Философия права. 2010. № 4. С. 63 – 66.
395. Чельшева И.В. Медиареальность как новый тип социокультурного пространства // Инновации в образовании. 2011. № 11. С. 93 – 106.
396. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: КСП+, 1999. 416 с.
397. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985 – 2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 37 с.
398. Чернобров А.А. Специфика религиозного дискурса в лингвистике // Образование и культура России в изменяющемся мире. Новосибирск, 2007. С. 94 – 98.
399. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004, 20 с.
400. Черных Н. Незаконченная пентаграмма: Андрей Тавров. Часослов Ахашвероша. М.: Русский Гулливер, 2010. 148 с. // Сообщество «Полутона». 2010. 26 мая. URL: www.polutona.ru
401. Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 178 с.
402. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 293 с.
403. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. 2011. № 3. С. 86 – 95.
404. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стиль. Коммуникации в экономике. СПб., 2003. С. 23 – 42.
405. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
406. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб., 2007. С. 7 – 26.
407. Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы: учеб. слов.-справ. СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. 167 с.
408. Чечетка В.И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира: На материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 235 с.
409. Чокою А.М. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте (на материале метафоры и прецедентных языковых единиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
410. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
411. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Дискурсивное направление в зарубежной

- медиалингвистике // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45. Вып. 20. С. 167 – 175.
412. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.html>
413. Чуковский К.И. Живой как жизнь. О русском языке. М.: Молодая гвардия, 1962. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/1/ep7.html
414. Чупин Г.Н. Цитация в проповеди как жанре религиозного дискурса // Уч. записки гуманитарного факультета Пермского гос. техн. ун-та. 2002. Вып. 5. С. 93 – 98.
415. Шаова О.А. Метафорическая репрезентация образа России в дискурсе масс-медиа Франции // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. Т.14. С. 107 – 118.
416. Шаповалова Н.Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 19 с.
417. Шаталова С.В. «Большие формы» эпидейктических высказываний // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 143 – 146.
418. Шаталова С.В. Эпидейктические жанры речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 24 с.
419. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография М.: Гнозис, 2008. 416 с.
420. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
421. Шелестюк Е. В. Семантический дифференциал как способ выявления внушающего воздействия текстов // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты: материалы Междунар. шк.-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2009. С. 329 – 333.
422. Шестухина И.Ю. Эвиденциальный ресурс художественного текста (на примере рассказа В. Астафьева «Жизнь прожить») // Филология и человек. 2008. № 4. С. 181 – 188.
423. Шкапенко П.В. Специфика реализации прагмалингвистических принципов в интернет-дискурсе: автореф. дис. канд. ... филол. наук. М., 2008. 29 с.
424. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
425. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33 – 41.
426. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 63 – 67.
427. Шуман Г., Корнинг Э. Коллективное знание об общественно значимых событиях // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_3.html
428. Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов *свобода*, *власть* и *вызов* в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 27 с.

429. Щитова О.Г. Тюркизмы русских среднеобских говоров в аспекте проблемы сибирского фронта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3. С. 20 – 26.
430. Щукина И.Н. Текстовые методики исследования религиозного дискурса (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла, проповедей протоиерея Димитрия Смирнова) // Медиаскоп. 2011. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/776>
431. Эпштейн М. Эдипов комплекс советской цивилизации // Новый мир. 2006. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/1/ep7.html
432. Яворская А. «Не тот» Бродский // «Дерибасовская – Ришельевская»: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. 2009. Вып. 39. С. 228 – 235.
433. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. URL: eartist.narod.ru/text12/01.htm
434. Яковлева Е.А., Емельянова А.М. Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г.Уфы) // Вестник Башкирского университета. 2006. № 3. С. 84 – 87.
435. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 1 (22). С. 109 – 114.
436. Янковский О. Игры доброй воли // Rolling Stone. 2009. № 55. URL: <http://www.rollingstone.ru/articles/7362>
437. Яцуга Т.Е. К особенностям лексической репрезентации концептуальной структуры «молчание – слово» в поэтических текстах З. Гиппиус // Поэтическая картина мира: слово в концепт в лирике серебряного века: материалы VII Всерос. науч.-практ. семинара (27 апр. 2004 г.). Томск, 2004. С. 51 – 59.
438. Cortes Filimon Orozco. The american dream: disillusionment in selected works of Ana Castillo, Judith Ortiz Cofer, and Virgil Suarez. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts. Puerto Rico, 2008. URL: <http://grad.uprm.edu/tesis/orozcocortes.pdf>